Сергей Белов

ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ

Посвящается 30-летию Московской Олимпиады

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые публикуемая полная автобиография легендарного баскетболиста и тренера Сергея Белова - одного из главных авторов олимпийского триумфа 1972 года, человека, которому страна 30 лет назад доверила зажигать огонь московской Олимпиады, под чьим руководством сборная России добивалась наивысших достижений в своей новейшей истории. Один из лучших снайперов мирового баскетбола, член Залов славы ФИБА и NBA, сегодня Сергей Белов передает свой опыт молодым спортсменам в качестве спортивного директора Ассоциации студенческого баскетбола и почетного президента школьной лиги «КЭС-баскет». Книга написана живым ярким языком и рассчитана не только на специалистов, но и на самый широкий круг читателей.

ВПЕРВЫЕ: поминутный комментарий знаменитого мюнхенского финала СССР — США

-
- ПРЕДИСЛОВИЕ
- БИОГРАФИЯ
- КРАТКИЙ СЛОВАРЬ
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21

- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42

Посвящается 30-летию московской Олимпиады

Литературная запись — Александр Коновалов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сергей Белов — легенда отечественного и мирового спорта.

Как много и как мало говорят эти слова. 20 очков в знаменитом мюнхенском финале 1972 года, четыре олимпиады, четыре мировых и семь европейских чемпионатов. Первым из неамериканцев включен в Зал славы NBA. Главный снайпер легендарной советской «Красной Машины» с его не менее легендарным броском в прыжке… Нет, недаром 30 лет назад страна доверила ему великую честь зажечь в чаше главной арены московских «Лужников» огонь XXII летних Олимпийских игр.

Но, как бы ни были значимы спортивные достижения Белова, простое перечисление не раскрывает полностью их подлинного значения. Оно состоит в демонстрации возможностей человеческого духа, абсолютной преданности своему делу, безупречного соблюдения профессиональной этики. В достижении выдающихся успехов исключительно собственными усердием и целеустремленностью.

В этой книге вы найдете много неожиданных, порой шокирующих откровений. Но ключом к ее пониманию являются, на мой взгляд, слова, как-то сказанные Беловым совершенно буднично, без героики, мимоходом: «Баскетбольная площадка с детства была для меня единственным местом, где я был сам собой. Я проживал там всю свою жизнь, я переживал там комедии и трагедии. Это был мой мир, в котором я хотел состояться».

Я счастлив тем, что благодаря деятельности Ассоциации студенческого баскетбола и проекту pro100basket этот мир сегодня приоткрывается молодым спортсменам, заинтересованным специалистам, а с выходом этой книги — и всем нам. Сергей Белов передает свой опыт, делится своим мастерством и своим пониманием жизни. Делает это — как и все, что он когда-либо делал, — качественно, спокойно, с ироничной и слегка снисходительной усмешкой. Он явно знает о баскетболе и о жизни значительно больше, чем многие другие. Он готов посмеяться и над самим собой, но по-прежнему не терпит фальши, непорядочности, безалаберности и непрофессионализма.

Я искренне надеюсь на то, что впервые опубликованная полная автобиография С. Белова увлечет каждого, кто возьмет ее в руки. Поверьте, удивительная судьба этого человека, его феноменальные достижения в одном из самых динамичных и ярких видов спорта стоят того. Многое из рассказанного автором — о его боевых товарищах и великих тренерах, о жесточайших

битвах на баскетбольных площадках и закулисных сторонах советского спорта высших достижений, поминутный комментарий знаменитого мюнхенского противостояния и иное — является абсолютно уникальным материалом, ранее никогда не попадавшим в печать. Книга выходит в свет благодаря поддержке ОАО «Газпромбанк».

Добро пожаловать в мир Сергея Белова — мир запредельных скоростей, жесткой и честной мужской борьбы, высочайшей концентрации и безупречного профессионализма. Мяч в игре!

Президент Ассоциации студенческого баскетбола

Александр Коновалов

БИОГРАФИЯ

Белов Сергей Александрович. Олимпийский чемпион. Трехкратный бронзовый призер Олимпийских игр. Двукратный чемпион мира. Серебряный и бронзовый призер чемпионатов мира. Четырехкратный чемпион Европы. Двукратный серебряный и бронзовый призер чемпионатов Европы. Чемпион Всемирной универсиады. Двукратный обладатель Кубка европейских чемпионов. Одиннадцатикратный чемпион СССР. Заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР. Заслуженный работник физической культуры РФ. Член Залов славы ФИБА и NBA.

1944 — родился в с. Нащеково Томской области.

1956 — начал заниматься баскетболом в г. Томске.

1961 — победа в турнире 12 городов, приглашение в юношескую сборную РСФСР, участие в турнире Спартакиады школьников СССР в Баку — второе место.

1962 — поступление в Московский лесотехнический институт.

1962-1964 — выступления за команду института и сборную Московской области.

1964 — переход в команду «Уралмаш» (Свердловск).

1965-1966 — первый сезон в высшей лиге чемпионата СССР (девятое место), приглашение в молодежную сборную СССР.

1966 — приглашение в национальную сборную СССР.

1967 — чемпионат мира в Монтевидео, Уругвай — первое место, чемпионат Европы в Тампере, Финляндия — первое место (включен в символическую первую пятерку чемпионата).

1968 — Олимпийские игры в Мехико, Мексика — третье место,

переход в команду ЦСКА.

1969 — чемпионат СССР — первое место, Кубок европейских чемпионов — первое место, чемпионат Европы в Неаполе, Италия — первое место (включен в символическую пятерку лучших игроков чемпионата).

1970 — чемпионат СССР — первое место, Кубок европейских чемпионов — второе место, чемпионат мира в Любляне, Югославия — третье место (признан лучшим игроком чемпионата, награжден «Кубком Славы»), Всемирная универсиада в Турине, Италия — первое место.

1971 — чемпионат СССР — первое место, Кубок европейских

чемпионов — первое место, чемпионат Европы в Эссене, Германия — первое место, в играх ЦСКА за рубежом исполнял обязанности играющего тренера.

1972 — чемпионат СССР — первое место, Олимпийские игры в Мюнхене, Германия — первое место (признан лучшим игроком олимпийского турнира).

1973 — чемпионат СССР — первое место, Кубок европейских чемпионов — второе место, чемпионат Европы в Барселоне, Испания — третье место.

1974 — чемпионат СССР — первое место, чемпионат мира в Сан- Хуане, Пуэрто-Рико — первое место.

1975 — чемпионат СССР — второе место, чемпионат Европы в Белграде, Югославия — второе место.

1976 — чемпионат СССР — первое место, Олимпийские игры в Монреале, Канада — третье место.

1977 — чемпионат СССР — первое место, чемпионат Европы в Льеже, Бельгия — второе место.

1978 — чемпионат СССР — первое место, чемпионат мира в Маниле, Филиппины — второе место.

1979 — чемпионат СССР, первое место, чемпионат Европы в Турине, Италия — первое место (признан лучшим игроком чемпионата).

1980 — чемпионат СССР — первое место, Олимпийские игры в Москве — третье место (включен в символическую пятерку лучших игроков олимпийского турнира), во время церемонии открытия Игр зажигал огонь Олимпиады, окончание карьеры игрока.

1981-1982 — главный тренер команды ЦСКА, чемпионат СССР — первое место, Кубок СССР — первое место.

1982-1987 — директор СДЮШОР ЦСКА по игровым видам спорта.

1988-1990 — главный тренер команды ЦСКА.

1989 — чемпионат СССР — третье место.

1990 — чемпионат СССР — первое место.

1990-1993 — главный тренер команды «Кассино», Италия.

1992 — первым из отечественных игроков избран в Зал славы NBA.

1994 — назначен главным тренером сборной России, чемпионат мира в Торонто, Канада — второе место.

1995 — чемпионат Европы в Афинах, Греция — седьмое место.

1995- 1997 — президент Российской федерации баскетбола.

1997 — чемпионат Европы в Барселоне, Испания — третье место.

1998 — чемпионат мира в Афинах, Греция — второе место.

1999 — чемпионат Европы в Париже, Франция — шестое место, назначен главным тренером команды «Урал-Грейт» (Пермь).

2000 — чемпионат России — второе место.

2001 — чемпионат России — первое место.

2002 — чемпионат России — первое место.

2003 — Кубок России — первое место.

2007 — избран в Зал славы ФИБА, возглавил Ассоциацию студенческого баскетбола России в качестве спортивного директора.

2009 — главный тренер студенческой сборной России, Всемирная универсиада в Белграде, Сербия — второе место.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ

Баскетбол — спортивная игра с мячом, изобретенная в XIX в. американцем Джеймсом Нейсмитом, преподавателем колледжа в Спрингфилде, Массачусетс. Представляет собой противостояние двух команд из 12 игроков. Одновременно на площадке в каждой команде — по 5 игроков, количество замен не ограничено. Цель игры — набрать большее, чем у соперника, количество очков, начисляемых за точное попадание мяча в кольцо, закрепленное на высоте 3 м 5 см от паркета. Перемещение с мячом по площадке допускается только с ведением мяча, т. е. с его отскоком от паркета. Международная федерация баскетбола (ФИБА) создана в 1932 г.

Бросок — техническое действие игрока с целью поразить кольцо соперника. За успешный бросок с игры начисляется 2 очка. По действующим правилам за успешный дальний бросок начисляется 3 очка.

Блокирование броска (блок-шот, «горшок») — накрытие или касание мяча, вылетающего в момент броска из рук соперника, рукой обороняющегося игрока, препятствующее попаданию мяча в кольцо. Если касание имеет место после того, как мяч прошел высшую точку траектории полета или коснулся щита, бросок считается успешным, за него начисляется 2 очка.

Дальний бросок — с расстояния более 6 м.

Бросок сверху (слэм-данк) — эффектное вколачивание мяча в кольцо соперника сверху. Как правило, доступно только высокорослым игрокам или игрокам с очень хорошим прыжком.

Средний бросок — с расстояния 3-4 м.

Штрафной бросок — беспрепятственно выполняется с расстояния от кольца. За успешный бросок начисляется 1 очко.

Верх — центральная линия площадки. Движение вверх — перемещение к центру от кольца соперника.

Защита — тактически организованные действия играющей команды по обороне своего кольца от атаки соперника, основа игры в баскетбол.

Зонная защита (зона) — тактическая модель защитного построения, при которой каждый игрок обороняющейся команды отвечает за определенный участок площадки и контролирует в его пределах действия любого из соперников. При подобном построении «большие» игроки играют «внизу», а «маленькие» — на периметре.

Персональная защита (персоналка) — тактическая модель защитного построения, при которой каждый игрок

обороняющейся команды отвечает за конкретного игрока команды соперника, контролируя его действия по всей площадке. Как при зонной, так и при персональной защите практикуется подстраховка — помощь партнеру, открывшему «свой» участок площадки или упустившему «своего» игрока.

Прессинг — тактическая модель игры в защите, состоящая в агрессивном давлении по всей площадке на любого из игроков команды соперника с целью вынудить их совершить ошибку и потерять владение мячом. Наиболее распространенные варианты — прессинг на всей площадке или на 3/4 площадки. Возможен вариант зонного прессинга, когда обороняющийся игрок прессингует любого из соперников, оказавшегося на вверенном ему участке площадки. Прессинг требует исключительных физических затрат, поэтому применяется, как правило, только в концовках или в иные ответственные моменты игры.

Игровое время — «чистое», т. е. прерываемое в момент остановки игры (включая пробитие штрафных бросков) время матча, составляющее 40 минут. По действующим правилам, разделяется на 4 четверти с большим перерывом между второй и третьей и двумя малыми перерывами между другими четвертями. Ранее — на 2 тайма по 20 минут каждый с одним большим перерывом. В профессиональном американском баскетболе игровое время составляет 48 минут.

Игровые позиции на площадке

Первый номер — разыгрывающий (плеймейкер). Игрок, который вводит мяч в игру, начинает игровые комбинации, снабжает передачами партнеров по команде.

Второй номер — атакующий защитник. Игрок, участвующий в быстром развитии игровых комбинаций и атакующий кольцо соперника, как правило, дальними бросками.

Третий номер — легкий форвард. Игрок, атакующий кольцо соперника быстрыми скоростными проходами, дальними и средними бросками.

Четвертый номер — тяжелый (мощный) форвард. Игрок, осуществляющий силовое давление на соперника, атакующий кольцо, как правило, средними бросками и из-под щита.

Пятый номер — центровой. Наиболее высокорослый игрок, главными задачами которого являются блокирование бросков соперника и борьба за подбор. Атакует кольцо, как правило, бросками из трехсекундной зоны и из-под щита после подбора.

Первый и второй номера номинально называются «маленькими» игроками, третий, четвертый и пятый — «большими». Динамичный характер игры в баскетбол

предполагает постоянные перемещения игроков по всей площадке и их способность выполнять любые функции. Преобладание на площадке скоростных игроков с выполнением функций центрового четвертым или даже третьим номером называется легким составом. Преобладание мощных высокорослых игроков — тяжелым составом.

Концовка — последние 2-3 минуты игры при равенстве в счете или незначительном разрыве. Характеризуется высочайшим накалом борьбы, изобилием тактических вариантов, частыми остановками игры — тактическими фолами и тайм-аутами.

Низ — лицевая линия площадки. Движение вниз — перемещение в сторону кольца соперника.

Овертайм — дополнительное игровое время — 5 минут, назначаемое в случае ничейного счета в матче (ничьих в баскетболе не бывает). Дополнительные 5-минутки назначаются до тех пор, пока какая-либо из них не выявит победителя.

Перехват — техническое действие игрока, прерывание передачи соперника с завладением мячом и сменой направления атаки или, по крайней мере, с приостановлением развития атаки соперника.

Периметр — часть площадки вне пределов трехсекундной зоны.

Подбор — завладение мячом, отскочившим от щита после неудачного броска соперника — с прерыванием развития его атаки, или партнера — с продолжением своей.

Пробежка — совершение лишнего (сверх двух допускаемых) шага с мячом в руках без ведения или иной технический брак при ведении — пронос мяча (движение с мячом в руках без ведения), прыжок с мячом (прыжок на месте с мячом в руках с последующим приземлением без броска или передачи) или двойное ведение (продолжение ведения мяча после того, как игрок взял его обеими руками).

Трехсекундная зона — часть площадки под кольцом, находиться в которой игрок команды соперника может не более 3 секунд. В случае нарушения этого правила следует остановка игры и передача владения мячом обороняющейся команде.

Фол — нарушение правил игры в баскетбол в контакте с соперником. Наказывается передачей владения мячом команде соперника. Если фол в защите имеет место в момент атаки кольца либо после превышения командой лимита набранных фолов, — наказывается двумя штрафными бросками. Если, несмотря на зафиксированный в момент атаки кольца фол, бросок успешен («забить с фолом»), за него начисляется 2 очка, а атаковавшему

кольцо игроку предоставляется право на дополнительный штрафной бросок (правило 2+1).

Фол в защите — не соответствующие правилам действия обороняющегося игрока. Наиболее часто — контакт с рукой соперника, выполняющего бросок, или блокировка его перемещений. Блокировка фиксируется в случае, когда обороняющийся игрок находится в движении и его ноги не находятся в статичном положении на паркете.

Фол в нападении — не соответствующие правилам действия атакующего игрока. Наиболее часто — контакт с обороняющимся соперником, который успел принять статичное положение («подставился» под фол).

Тактический фол — умышленное нарушение правил обороняющейся командой в целях прервать атаку соперника и получить владение мячом, пусть даже ценой пробития штрафных бросков. Применяется, как правило, в концовке игры.

Технический фол — особо грубое или недисциплинированное поведение игрока на площадке. Наиболее часто назначается за умышленную грубость в игре, споры с арбитрами и неэтичное поведение. Наказывается двумя штрафными бросками с сохранением владения мячом (ранее — тремя штрафными бросками).

Подставиться под фол — спровоцировать контакт с соперником, который может быть оценен арбитрами как нарушение им правил игры в баскетбол.

Тайм-аут — минутный перерыв в игре, который дважды в течение одного тайма имеет право попросить тренер играющей команды. Используется для внесения срочных корректировок в тактику действий команды. Также может иметь целью дать своим игрокам отдохнуть или сбить атакующий напор команды соперника. Тайм-аут, как и замена игрока, возможен исключительно по согласованию с судейским столиком и в момент остановки игрового времени.

Глава 1
У РЕШАЮЩЕЙ ЧЕРТЫ

Мюнхен

1972 год. Мюнхен, Германия. Здесь сейчас далеко за полночь, уже наступило 10 сентября. Несмотря на поздний час, в городе, на его олимпийских объектах царит оживление. В разных странах мира к экранам телевизоров и к радиоприемникам прильнули миллионы болельщиков, ведь это — главное событие программы XX Олимпийских игр — финальный матч баскетбольного турнира. И с особым напряжением следят за ним болельщики в двух странах — далеко на Востоке, на бескрайних просторах Советского Союза, и еще дальше на Западе, за Атлантикой, в Соединенных Штатах Америки. Именно эти страны в пятый раз в своей олимпийской истории сошлись в решающем противостоянии за звание победителя Олимпиады.

Финальная игра подходит к концу. Напряжение в ней достигло кульминации. На протяжении всего игрового времени со стартовых минут сборная СССР уверенно контролировала ход матча, ведя в счете 6-7, а порой и 10 очков. Однако теперь все иначе. Американцы уже почти 10 минут постоянно прессингуют, заставляя нас ошибаться. Ошибаются и они, им тяжело. Только что Майк Бэнтам, темнокожий мощный форвард, сфолил на мне под нашим щитом, и судья назначил в кольцо американцев два штрафных броска. И теперь я, Сергей Белов, стою на линии штрафных на половине американцев, пытаясь справиться с тяжелым дыханием и привести в порядок нервы, ожидая окончания тайм-аута США и разрешения судьи на бросок.

На табло горят надписи: СССР — США. 48:46.

До конца игрового времени — 55 секунд.

В Москве сейчас глухая ночь, в моем родном Томске — и вовсе уже утро. Игра началась около полуночи по местному времени. Столь позднее начало игры — в интересах американских телезрителей и телевизионных компаний. Тем не менее едва ли найдется сейчас в Союзе, от Дальнего Востока до Калининграда, город, село или деревня, где не знают об этой решающей — не на жизнь, а на смерть — битве с американцами за баскетбольный трон.

Мюнхенский «Баскетболхалле» похож на кипящий котел.

Страсти здесь накалены до предела. Если по ходу игры поддержка публики примерно поровну разделялась в отношении нас и наших соперников, то сейчас, когда достигла апогея погоня, устроенная американцами примерно с середины второго тайма, кажется, что весь стадион, вся Германия, весь мир поддерживают их. Каждое удачное действие соперника сопровождается ревом трибун.

История

Ажиотаж вокруг матча не случаен. Команда США начиная с 1936 года в восьмой раз участвует в баскетбольном турнире Олимпиады. Ее результат — семь золотых олимпийских вершин. Более того, заокеанские спортсмены не проиграли ни одного (!) матча, на их счету 63 победы в 63 играх. Феноменальный результат.

Сборная СССР начала выступать на олимпийских баскетбольных турнирах с 1952 года, когда Советский Союз дебютировал на олимпиадах в столице Финляндии Хельсинки. Этот дебют был отмечен целым рядом блестящих достижений советских спортсменов в разных спортивных дисциплинах. Фактически наша страна произвела революцию в мировом спорте, сразу же заявив о себе как о мощной олимпийской державе, способной на равных конкурировать с сильнейшими мировыми школами, а в целом ряде видов спорта сама стала законодательницей мод на долгие годы.

Баскетбол в этом смысле оказался в двойственном положении. С одной стороны, сборная СССР была значительно сильнее практически всех мировых национальных команд. Югославия выросла до мирового лидера только к концу 60-х, команды Италии и Испании, хотя и практиковали профессиональный баскетбол в национальных чемпионатах, на уровне сборных не годились Советскому Союзу в соперники. Сборная Бразилии демонстрировала яркую и сильную игру от случая к случаю. С другой стороны, в мире сохранилось безоговорочное доминирование американцев. При этом на чемпионаты мира США не гнушались направлять заурядные, а порой откровенно слабые команды, представлявшие университеты, клубы и т. д. В Америке с ее апломбом чемпионатом мира именовалось национальное первенство — чемпионат NBA[1]. Однако на универсиады и олимпиады всегда

присылались пускай не национальные сборные из сильнейших профессионалов, но, по крайней мере, лучшие студенты. Большинство из них, следует отметить, вскоре после олимпийских стартов становились лидерами в американском профессиональном баскетболе. С этими американскими командами у сборной СССР на равных соперничать не получалось.

В итоге на всех олимпиадах с 1952 по 1964 год советская сборная как всегда легко доходила до финала, где неизменно по всем статьям проигрывала американцам. В дебютном 1952 году СССР обыграл в полуфинале Францию 56:49, а в финале уступил США 25:36. В 1956-м история повторилась — победа в полуфинале над Францией и разгромное поражение в -34 очка от команды США во главе с легендарным Биллом Расселом[2]. Важно отметить, что на Олимпиаде в Мельбурне в сборных США впервые появились афроамериканцы, что в целом ряде видов спорта — в баскетболе в особенности — усилило потенциал заокеанских команд на порядок.

В 1960-м в Риме опять последовало поражение от американцев в полуфинальном турнире, победы в финальной стадии над бразильцами и итальянцами принесли вновь только второе место. В 1964-м в Токио впервые у нашей команды был шанс побиться за победу с менее мощной, чем четыре года назад, сборной США. Однако в финальной игре, первая половина которой закончилась почти на равных, советские баскетболисты все-таки уступили 59:73.

В 1968-м в Мехико сборная СССР впервые не вышла в финал баскетбольного турнира. Как и со многими другими спортсменами, злую шутку с нами сыграло высокогорье. Не подготовившись должным образом к играм в таких условиях, в полуфинале мы — впервые в принципиальном матче — потерпели досаднейшее поражение с разрывом в одно очко от югославов, которым в скором времени предстояло стать нашими постоянными и злыми соперниками. Уверенная победа в игре за бронзу стала для нас слабым утешением. В финале американцы легко разобрались с Югославией, завоевав свое седьмое подряд золото.

Осечка в Мехико была для меня в особенности неприятной, потому что это была моя первая Олимпиада. Разумеется, я был далек от фатализма и трезво понимал, что сыграл на Олимпиаде в свою полную силу, ничуть не хуже других, и не являюсь виновником поражения. Но где-то в подсознании все равно свербила мысль: первые Игры, в которых мне доверили выходить на площадку в красной майке сборной СССР, закончились для

команды худшим в ее олимпийской истории результатом. Это давало мне дополнительную мотивацию в Мюнхене.

Политика

Иных аспектов мотивации было хоть отбавляй. Разумеется, мы страстно желали победить на Олимпиаде, прервав гегемонию американцев. Но особый оттенок придавали противостоянию политические отношения СССР и США. Хотя не за горами была «разрядка», отношения двух стран были очень далеки от идеальных, еще был довольно свеж в памяти и Карибский кризис. Обе политические машины на полную мощь использовали аппарат пропаганды. Все американское клеймилось позором в СССР, заокеанские «друзья» отвечали взаимностью, поливая грязью все происходящее в Союзе.

Советские люди привыкли соперничать с Америкой во всех областях, и спорт, пожалуй, был наиболее успешной ареной этого соперничества. Фоном спортивных баталий для идеологов всегда была конкуренция диаметрально противоположных политических систем, в каждой победе советского спортсмена над американским стремились найти подтверждение преимуществ социализма, аналогичные выводы из своих побед делали американцы.

Мюнхенская Олимпиада была первой, в ход которой активно, страшно и непоправимо вмешалась политика. Кровавый и безобразный эпизод расстрела израильских спортсменов террористической группировкой «Черный сентябрь» наложил ужасный отпечаток на атмосферу олимпийского фестиваля. Ожидалось даже прекращение соревновательной программы, что было бы страшным разочарованием для олимпийцев. Несмотря на возобновление стартов, настроение у всех было подавленным. Никогда больше олимпиады не будут такими, как прежде. Атмосфера беззаботного праздника и всеобщего спортивного братства навсегда ушла в прошлое, а не за горами был и «гениальный» обмен любезностями между США и СССР на олимпиадах 1980-го и 1984-го, угробивший карьеры сотен спортсменов международного уровня.

Отголосок террористического акта незримо присутствовал и в финале баскетбольного турнира. Хотя прямо об этом и не говорилось, традиционный союз США и Израиля и давняя дружба нашего правительства с палестинцами настраивали на уровне

подсознания западных болельщиков в пользу Америки и против СССР. Напряжение вокруг игры было крайне высоким.

Игра СССР — США, как и матчевая встреча между этими странами в любом виде спорта, носила в ту пору оттенок противостояния двух систем подготовки спортсменов. Официальная советская версия выглядела так: в СССР спорт — исключительно любительский, успехи советских спортсменов — результат неустанной заботы партии и правительства о массовом спорте и спорте высших достижений. В США все насквозь пропитано духом наживы, доступ к элитным видам спорта имеют только белые богачи, несчастные негры нещадно эксплуатируются спортивными функционерами и рекламными компаниями.

Пропаганда в США не давала спуску: СССР — страшная машина по промышленной подготовке спортсменов-автоматов, все успехи которых обусловлены идеологической накачкой, тотальным употреблением допинга и нечестными приемами борьбы. Американские любители-студенты на олимпиадах вынуждены неравно соперничать с этими чудовищами, но все равно побеждают их регулярно. Наилучшим образом эту картинку представляет киношедевр «Рокки-4», где американский рубаха-парень бьется с белокурым монстром Иваном Драгой.

Как это часто бывает, истина не тяготела ни к одному из полярных мнений. Разумеется, спорт высших достижений в СССР был сугубо профессиональным, но и в США олимпийские команды по наиболее престижным видам спорта, хотя и были составлены в основном из студентов, готовились к стартам вполне профессионально. Массовый спорт был прекрасно, хотя и по-разному, организован в обеих странах. Наконец, жесткими, порой жестокими приемами борьбы не пренебрегал никто, когда речь шла о первенстве на высоком уровне, а Олимпийские игры со всей очевидностью были уровнем высочайшим.

Америка

Что касается баскетбола, то здесь положение дел было особым. Первенство США в этом виде спорта, в отличие от любого другого, было, действительно, объективным и подавляющим. Основой этого служили два фактора.

Первый — великолепно организованная система подготовки игроков. Будучи за океаном одним из популярнейших видов спорта, баскетбол является еще и спортом университетским. Это означает, что десятки университетов и колледжей в США

культивируют баскетбол, создавая отличные, профессиональные условия для роста спортивного мастерства. Бесплатное обучение, предоставляемое членам университетских команд, является великолепным стимулом к системным занятиям баскетболом для тысяч абитуриентов. Соответственно, прекрасно развит массовый баскетбол на низшем уровне — школьном. Ежегодно на драфт NBA, сильнейшей профессиональной лиги мира, попадают десятки выпускников колледжей и университетов. Таким образом, олимпийские сборные США, составленные из лучших студентов, по силе были близки к сильнейшим профессиональным командам.

Впервые попав в Штаты в 1969-м, я был поражен высочайшим, даже по сравнению с Западной Европой, уровнем жизни в стране, но еще больше — потрясающими дворцами спорта, массовым охватом миллионов людей физической культурой и прекрасно организованными спортивными занятиями.

Второй фактор — расовый. Баскетбол в США — это спорт черных. Это колоссальный социальный лифт для темнокожих ребят, которые в жизни ничем, кроме баскетбола, не занимались и не собираются заниматься. Зато мяч и кольцо в их жизни присутствуют с 3-летнего возраста по 10 часов ежедневно. Эти парни воспитываются на асфальтовых площадках, являющихся школой выживания баскетбольных гладиаторов. Мне довелось однажды видеть соревнования по уличному баскетболу (5 на 5 на два кольца) в Гарлеме. Это было такое месилово, что страшно вспомнить. Игроки, прошедшие такое, готовы впоследствии к любым передрягам.

Кроме того, пусть меня не посчитают расистом, функциональные возможности черных игроков на порядок выше, чем белых. Гибкость, прыгучесть, эластичность и мощь мышц у темнокожих атлетов изначально выше, и развиваются они в процессе тренировки лучше. Это важное замечание, потому что наряду с функциональным превосходством над белыми (знаменитая присказка американских черных баскетболистов — «White people cannot jump[3]»), неграм часто свойственна пассивность в развитии этих способностей. Иными словами, если умный белый баскетболист будет усердно тренироваться, он может функционально догнать неумного черного, который тренируется мало и плохо. Но умного черного баскетболиста, который тренируется много и правильно, белому не догнать никогда.

Не случайно разрыв в классе между США и остальным миром вырос на порядок с 1956 года, когда за океаном была отменена

политика апартеида и черные атлеты стали включаться в олимпийские сборные. С 1936-го по 1952-й американцы брали выучкой, волей к победе, слаженной и самоотверженной игрой. С 1956-го их преимущество стало подавляющим за счет атлетизма и мощи игроков, агрессии и давления на площадке.

Чтобы закончить с расовой тематикой, напомню: вплоть до 1976 года олимпийские сборные США по баскетболу принципиально комплектовались с использованием политкорректной арифметики: 6 белых и 6 черных. Не знаю, как там у них с межрасовой толерантностью, но, как бы ее ни интерпретировала официальная пропаганда, за площадкой мне доводилось наблюдать вполне серьезные и подчас жестокие драки между белыми и черными американскими игроками. Впрочем, эти противоречия не мешали команде США всегда быть абсолютным монолитом на площадке.

Тем, что они есть, американских баскетбольных звезд прошлого и настоящего сделали также системные тренировки. Ничего сверхъестественного — великолепные врожденные данные, плюс прекрасная организация тренировочного процесса, плюс мотивация спортсменов. Стиль игры американцев — индивидуальное мастерство, атлетизм, жесткая борьба под щитами — вырастает из этого.

Позднее, когда я пристальнее изучил систему подготовки баскетболистов в США, мне особенно понравилось в ней то, чего мне так не хватало в СССР, — акцент на развитие индивидуальных качеств. Индивидуальное мастерство, способность взять игру на себя в США не просто поощряются. В отличие от европейской ставки на коллективные действия, за океаном индивидуализм, интегрированный в общее дело, — это основа игрового спорта; это жизненная философия целой страны. Много позднее, уже в 80-е, вернувшись из США, Александр Яковлевич Гомельский поделился со мной откровением: «А ведь Джордан играет в той манере, в которой играл ты...»

Что могу засвидетельствовать сам — это высокомерный настрой американских команд любого уровня, с которыми мне приходилось играть, начиная с 1967 года. В своем сознании и в представлении американской нации, сформированных пропагандой и реальными достижениями, они были безоговорочно лучшими, никто не смел даже посягать на их первенство. Помню, не раз ловил себя на мысли, стоя рядом с заокеанским баскетболистом перед выходом на площадку, — его взгляд направлен в твою сторону, но он тебя не видит, смотрит сквозь тебя, как сквозь пустое место.

Однажды чернокожий американец, рассмотрев на ком-то из

наших игроков грубо пришитый к майке фетровый номер (наша форма по качеству, конечно, на поколение уступала американской), не стесняясь никого, просто начал ржать и показывать пальцем на это чудо текстильной промышленности. Хотел бы ошибаться, но думаю, что большинство баскетболистов США всегда относились к нам высокомерно и с предубеждением, если не сказать хуже.

Вести себя так — прерогатива победителя, и американцы на полную катушку использовали это право. Спорить с этим было бесполезно, нужно было просто побить их. Хотя бы однажды. Но в самом главном для них соревновании — в финале Олимпиады. Победы над откровенно слабыми командами, приезжавшими на чемпионаты мира, которые в их представлении таковыми не являлись, были не в счет. Ставка в олимпийском финале была высока — помимо всего прочего, это была возможность поколебать самоуверенность американцев, что произвело бы революцию в мировом баскетболе. И впервые эта возможность была близка к реальности.

Олимпиада

На протяжении четырех лет олимпийского цикла мы мечтали победить США. Вопреки официальной версии о нашем любительском статусе, мы понимали, что мы настоящие профессиональные спортсмены, для которых спорт высоких достижений, защита чести страны — дело жизни. Мы были великолепно сыграны, в нашей команде был, выражаясь штампом спортивной прессы тех времен, сплав молодости и опыта.

В 1971-м наша сборная проводила турне по США, встречаясь с командами университетов и колледжей. После очередной игры один опытный американский тренер предупредил своих коллег, ответственных за подготовку олимпийской сборной: «Будьте осторожны, русские в этот раз могут выиграть».

Тем не менее нам предстояло сражаться с мощным, опасным, агрессивным соперником. Как это всегда бывало и в прошлых олимпийских циклах, в сборной США присутствовали лауреаты All stars NCAA[4] того года — Эд Ратлеф и Том Макмиллен. Финальная игра показала, что они были не лучшими в своей команде. Последующие рассказы американцев о том, что в Мюнхен приехала молодая и не сыгранная команда, были вздором. Это была одна из сильнейших сборных США, которые я когда-либо видел.

Честно признаюсь, большинство команд США, с которыми мне приходилось иметь дело, особенно в первые годы моих выступлений за сборную, при первом взгляде на них вызывали ужас. Мощные, атлетичные, прыгучие (неоднократно собственными глазами видел, как афроамериканец в прыжке достает верхний край щита), индивидуально сильные, уверенные в себе — они производили впечатление непобедимых команд. «Боже, что делать, нам никогда не справиться с ними», — проносилась в моей голове предательская мысль.

Постепенно присматриваясь, я стал замечать слабые стороны в игре американцев. Как ни парадоксально, одной из них, если не важнейшей, была та самая их уверенность в своем превосходстве. Американцы так привыкли побеждать и так редко оказывались в положении догоняющих (за всю историю олимпиад даже первые таймы они проигрывали соперникам считанное число раз), что просто не имели навыка менять тактику по ходу игры. Некоторая негибкость, шаблонность в действиях тренеров также давали шансы на победу. Наконец, и в чисто игровом плане в американских командах по ходу турниров обнаруживались слабые места.

Что-то похожее имело место и в Мюнхене. Первые две игры США, которые они провели в своей группе, повергли нас в уныние. Отличительной чертой этой версии американской команды была безупречная игра в защите. В первых таймах тех двух встреч американцы позволили своим соперникам набрать по. 12 очков.

Однако одна из следующих игр США — против быстрой и раскрепощенной сборной Бразилии — оказалась совсем другой. Бразильцы явно не боялись грозного соперника, играли легко, творчески и в итоге чуть не нанесли американцам первое в их олимпийской истории поражение. Только мастерство и выдержка Дага Коллинза, будущего героя финального матча Олимпиады, позволили его команде избежать позора. Посмотрев эту игру, мы с Модестасом Паулаускасом переглянулись. «Наши», — уверенно сказал я про американцев. Но это еще предстояло доказать.

Советская сборная двигалась к финалу спокойно, хотя и не без проблем. В отборочной группе мы обыграли всех соперников и заняли первое место, хотя игра с Пуэрто-Рико была очень сложной. Еще более тяжелым суждено было стать противостоянию в полуфинале с Кубой, проходившем после перерыва, вызванного терактом.

Кубинский баскетбол, добившийся благодаря советской помощи в короткие сроки феноменального прогресса, в Мюнхене оказался на небывалой высоте — команда опередила в своей

группе сильные сборные Бразилии, Испании, Чехословакии, заняла второе место вслед за ненавистными Острову свободы США и вышла в полуфинал. Игру против кубинцев мы выиграли с колоссальным трудом — 67:61, проигрывая после первой половины встречи 35:36.

США в полуфинале легко разгромили итальянцев — 68:38.

Тяжелые игры с уступающими нам в классе соперниками не были проблемой как таковой (все-таки, как говорят англичане, самое красивое в игре — счет). Хуже, что они были следствием не совсем ровного состава и соответственно накопившейся к концу турнира усталости лидеров. К сожалению, перед самым отъездом на Игры мы потеряли своего основного центрового Владимира Андреева, который здорово помог бы нам здесь.

Во-вторых — и это, думаю, главное, — наметились проблемы в психологии. Над нами слишком довлели результат, цена победы. По мере приближения к финальной игре — а в том, что мы выйдем в финал, никто не сомневался — психологическое напряжение росло. Думаю, что в сознании большинства игроков, особенно игроков стартовой пятерки, на которых лежал наибольший груз ответственности, предстоящая встреча с США выглядела тяжелой и опасной перспективой. И думаю, что не ошибусь, если произнесу эти слова: несмотря на страстное желание выиграть и осознание собственной силы, у большинства игроков, тренеров и функционеров команды не было веры в то, что мы способны победить США.

Мы настраивались на решающее тяжелое противостояние с американцами. Но то, что нам предстояло пережить, не могло привидеться даже в самом страшном сне.

Игра

Напряжение в финальной игре было такое, что оно напоминало мне невероятно и непосильно высокую ноту, взятую трубачом, которая может в любой момент оборваться. Лидируя на протяжении всей встречи, сборная СССР тянула эту ноту — гораздо дольше, чем этого реалистично было ожидать. Но срыва избежать не удалось.

Уже с первых минут игры стало ясно, что противостояние будет смертельным. Эти же минуты показали, что игра будет нервной и что наши первые впечатления о великолепной защите США не были обманчивыми — счет был открыт только на пятой

минуте встречи. Сашка Белов реализовал один штрафной бросок.

В стартовые минуты важную роль сыграл бенефис Зураба Саканделидзе. Уверенно пробитые штрафные, немедленный перехват и забитый с игры мяч — и счет на табло 5:0 в нашу пользу.

Затем настала моя очередь. При счете 9:5 и начавшемся агрессивном отпоре американцев пять подряд моих точных бросков с дальней дистанции позволили установить комфортное преимущество, которое мы в целом сохраняли почти до самого конца игры. Думаю, они стали нокдауном для американцев и отсрочили их решающую погоню. 19:11. Тем не менее соперник и не думал сдаваться, и к концу тайма вновь подсократил разрыв — 26:21.

Отличительной чертой классной команды всегда было умение удерживать комфортную разницу в счете. Баскетбол — не футбол, отстоять свое кольцо «сухим» здесь невозможно. Однако важно умение сделать рывок и задел в счете, а потом просто как минимум поддерживать его, отвечая на очки соперника своими результативными атаками. Это называется «победа на классе». С учетом тогдашних международных правил баскетбола, согласно которым в последние три минуты встречи все фолы начинали пробиваться, особенно важно было войти с комфортным преимуществом в последний трехминутный отрезок — для классной команды это было практически гарантией победы.

Все это не могло не вертеться в наших головах, когда мы выходили на вторую половину встречи. Однако разве работают обычные правила в матче такого накала и с таким соперником?

В нашей команде стал выходить Модестас Паулаускас — несгибаемый литовец, бессменный третий номер, двигатель советской «Красной Машины» на протяжении последних пяти лет ее существования. У американцев прочно занял место на площадке злой гений нашей команды — Даг Коллинз — техничный, быстрый и умный белый игрок.

Нервное напряжение растет. В середине второго тайма оно вырывается из-под контроля: яростная борьба за мяч Михаила Коркия с темнокожим центровым американцем Дуайтом Джонсом мгновенно перерастает в драку. Оба игрока удалены до конца матча, назначается спорный мяч. На линию встает наш центр Александр Белов и. после прыжка за мячом наносит сокрушительный удар локтем своему оппоненту Джиму Бреверу. Случайный игровой эпизод?.. Несколько минут американец лежит на полу. Все это не способствует спаду напряжения и накала. Американская скамейка запасных устраивает страшный скандал. Трибуны неистовствуют.

За десять минут до конца матча точные броски со средней дистанции Алжана Жармухамедова и с дальней — мой вновь позволяют нам установить комфортное преимущество — 38:28. Могло показаться, что игра сделана. Но вот тут-то и начался настоящий ад.

Погоня

Американцы начинают применять прессинг по всей площадке и уже не прекращают этого делать до последних секунд. Просто невероятно, сколько у них здоровья, мастерства и страсти к победе, и нам еще говорят, что это безобидные любители! Наши игроки начинают ошибаться, сказывается страшное напряжение оставшихся позади минут игры. Жармухамедов два раза мажет с линии штрафных. 44:40. К сожалению, вношу свою лепту и я — при ведении попадаю мячом себе в ногу, мяч летит в аут. Немедленная атака американцев, и — счет 44:42 за 3 минуты 40 секунд до конца.

Снова прессинг соперника. Неизбежные фолы, которые мы катастрофически продолжаем мазать. Ноль из двух — Сакандеелидзе, один из двух — Паулаускас. Несколько секунд спустя Модя исправляется и со свойственной ему невозмутимостью забивает два из двух — 47:42, плюс пять за 2.32 до конца. Господи, когда же это закончится?..

Поняв, что дело плохо, американцы плюнули на тренерские схемы и заиграли по-настоящему свободно и быстро. Такое ощущение, что сдержать их невозможно. Снова ошибка — Ваня Едешко получает фол в нападении. Я выхожу на площадку после замены, чтобы пробыть на ней уже до конца этого кошмара. Проклятый Коллинз забивает два из двух. До конца 1.50.

Фолят на Сакандеелидзе, он встает на линию штрафных, готовясь пробить их как последние в своей жизни. Есть первое попадание! Зураб скачет с поднятыми руками, радуясь, как футболист, забивший гол в финале мирового первенства. Такова цена всего одного очка в баскетбольном финале Олимпиады. Второй бросок Зураб мажет.

Концовка

За 55 секунд до конца игрового времени при счете 48:46 в нашу пользу темнокожий мощный форвард США Майк Бэнтам фолит на мне в нападении, и я отправляюсь пробивать штрафные на половину соперника. Американцы немедленно берут тайм-аут. Пока идет отведенное на него время, я стою на линии штрафных под их кольцом. После тайм-аута продолжается какое-то выяснение отношений, протирают паркет, происходит что-то еще. Все это время я стою на линии штрафных, у решающей черты олимпийского финала, а может быть и всей моей жизни.

Течение времени вдруг останавливается. Пропадает ощущение пространства. Ревущие трибуны и беснующаяся американская скамейка исчезают. Я, Сергей Белов, 28 лет, офицер Советской Армии, сибиряк с петербургскими корнями. Какое все это имеет значение сейчас, когда я оказался в этой точке мироздания, за которой — либо слава, либо небытие?

За моими плечами — 16 лет занятий баскетболом, выращенная с детства страсть к победе и олимпийская мечта, тысячи часов тренировок, миллионы бросков, сотни игр, в которых я сжигал миллиарды нервных клеток. Позади — три выигранных чемпионата Европы и один чемпионат мира, победы над самыми разными соперниками. Позади — неудачный олимпийский дебют в Мехико. Позади — тяжелейший олимпийский цикл и восемь очень разных, но выигранных игр в Мюнхене, которые привели нас сюда, в этот кипящий, как котел, зал «Баскетболхалле», где разыгрывается золото Олимпиады, и у моей страны впервые есть реальный шанс это золото выиграть. Есть или был?..

За моими плечами — 19 очков, добытых для моей команды в этом олимпийском финале. Большинство из них набраны дальними бросками, которые, как кинжал, ранили хваленых напыщенных американцев и уже почти добили их. Бросками, убийственная точность которых обеспечена литрами пота, пролитого на тренировках, сотнями километров кроссов, тоннами железа, поднятого в зале штанги, пока я — один из немногих — закачивал ноги для своего знаменитого броска в прыжке.

В 1968-м на Олимпиаде в Мексике я был, несмотря на наличие выигранных годом ранее титулов чемпиона мира и чемпиона Европы, все-таки новичком сборной. За прошедшие четыре года, которые я провел от первого до последнего дня в советском суперклубе ЦСКА и сборной Союза, я стал четырехкратным чемпионом СССР, двукратным обладателем Кубка европейских чемпионов, победителем Всемирной универсиады, еще дважды вместе с товарищами по сборной стал

чемпионом Европы, выиграл бронзовые медали и звание лучшего игрока на чемпионате мира 1970 года. Я стал не просто неотъемлемым звеном знаменитой «Красной Машины», а одним из ее важнейших элементов.

Тренеры сборной, как бы им ни было сложно иметь дело с моим неуступчивым характером и манерой игры, стали полностью доверять мне. При всей не простоте моих отношений с Александром Яковлевичем Гомельским, основным и незаменимым игроком сборной я стал под его руководством. Смена тренерского штаба сборной после поражения на чемпионате мира 1970 года не изменила ситуацию — постоянным игроком старта я остался и с приходом Владимира Кондрашина.

Я накопил опыт психологической устойчивости в стрессовых ситуациях. Не раз и не два, а постоянно я брал на себя ответственность в решающие минуты концовок тяжелых игр. Я научился бросать штрафные без промаха, как автомат. На тренировках я забивал 80 штрафных бросков из 80. В экстремальных игровых ситуациях у меня было умение оставаться самим собой и сохранять стабильность броска. Меня нельзя напугать давлением и агрессивной игрой. Мне четыре раза ломали нос в борьбе под щитами.

Я привык бороться за свое место на площадке, за свое право на решающий бросок. Я прошел школу свердловского «Уралмаша», ЦСКА и национальной сборной, когда более опытные игроки и тренеры пытались это право оспаривать. В «Уралмаше» «старики» гоняли меня первые полгода, как щенка, — во втором сезоне они стали моими верными соратниками и «подносчиками снарядов». На первой моей тренировке в национальной сборной Модестас Паулаускас умышленно засветил мне мячом в лицо, — в скором времени и на долгие годы он стал моим лучшим другом в сборной. А сколько мне пришлось доказывать тренерам, что моя «индивидуалистичная» манера игры, столь противоречащая канонам советского спорта, приносит команде суперрезультаты! К счастью, я всегда доказывал это не словами, а 20-30-ю очками за игру, которые я методично набирал раз за разом.

Мое мастерство полностью отшлифовалось, я обрел полную психологическую уверенность в себе. Сформировался мой фирменный стиль — взрывная игра с резкими сменами темпа и направления движения, а главное — знаменитый бросок в прыжке. Избавляясь от опеки соперников, чтобы выйти на прыжок с последующим броском в кольцо, я освоил собственную манеру игры: после движения «вниз», что на баскетбольном языке означает «по направлению к кольцу соперника», я вдруг резко

останавливался и шел «вверх», обретая свободное пространство с выходом на атакующую позицию. Раз за разом оттачивая это движение «вверх» на тренировках и применяя его в играх, я добыл сотни очков и десятки побед для своих команд.

Я очень хорошо подготовился к Олимпиаде в Мюнхене. У меня есть опыт, собственный стиль, здоровая спортивная наглость, отменная физическая форма.

Всему этому будет грош цена в случае нашего проигрыша. Никто не вспомнит о спортсмене Белове, который набрал сколько-то там очков в финале мюнхенской Олимпиады, который русские опять «слили» американцам, и выиграл несколько других соревнований, на которые сильнейшие американские команды не приезжают. В какой- то степени этот финал — тест всего моего предыдущего жизненного пути и во многом предопределение пути будущего. Поэтому гораздо важнее не то, что позади, а то, что впереди у меня.

А впереди у меня — два штрафных броска и 55 самых страшных, самых важных, решающих секунд этой кошмарной игры, победа в которой уже была у нас в кармане. Впереди в случае поражения — долгие годы трагических воспоминаний об этой упущенной возможности и новые, еще более тяжелые тренировки в надежде все-таки покорить олимпийскую вершину. Когда меня после спрашивали, что бы я сделал, если бы после допущенных мной в финале ошибок команда проиграла, я всегда твердо отвечал: «На следующий день пошел бы в зал тренироваться». В случае победы — триумф, равного которому нет в спорте и нет в жизни. Триумф, который изменит жизнь двенадцати игроков и их тренера навсегда.

Но пока что мне просто нужно дважды попасть в кольцо с линии штрафных. Сколько раз я делал это в самых разных играх, в разных ситуациях. Нет, без ложной скромности, я действительно умею бросать штрафные. Не раз их хладнокровное и безупречное исполнение приносили моим командам победы на последних секундах матчей. Правда, в самом важном матче моей жизни — в олимпийском финале в Мюнхене — я уже умудрился один раз промазать штрафной — в самом начале второго тайма. Это не должно повториться. Я не думал об этом, перед исполнением штрафных вообще ни о чем нельзя думать — верный шанс, что промажешь. Я просто был уверен, что забью два из двух. Подсознательно я уже был в игровой ситуации после начала отсчета времени.

Наконец, пауза в игре завершилась. Команды вернулись на площадку, и судья передал мне мяч для исполнения штрафных бросков. В случае их стопроцентной реализации наше

преимущество составит 4 очка за 55 секунд до конца, значит, у нас будет последняя атака и минимум «+2». Это хорошие шансы на победу, которую мы заслужили.

Привычным, доведенным до автоматизма движением я бросаю мяч в кольцо.

Я промахиваюсь.

Бог наказал меня за самоуверенность. Мой промах не был срывом, потерей концентрации, отказом от борьбы, ведь через пару секунд я уверенно забил второй штрафной, что сохранило нам шансы на борьбу и победу. Видимо, просто было суждено, чтобы мы пережили все последовавшее.

Ждать оставалось недолго. Чудовищно точный бросок Форбса, отчаянная неразбериха под щитом соперника, дикий по своей нелепости пас в никуда Сашки Белова, перехват и отрыв Коллинза, фол Сакандеидзе. Ликование американцев, невероятное напряжение с запуском и перезапуском последних трех секунд. Золотой пас Вани Едешко и золотой бросок Сашки. Скандал, устроенный американской командой, напряженная ночь ожидания переигровки. Великолепный по своему драматизму финал, завершившийся свержением с трона его многолетнего обладателя.

В этом матче — вся моя жизнь. Думаю, что также и жизнь других игроков советской сборной, впервые в ее истории ставших олимпийскими чемпионами. Впрочем, все это настолько важно для меня, что я попробую рассказать обо всем подробнее и с самого начала.

Глава 2
ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД.

Сибирь

Россия — уникальная страна. Уже Москвы и Санкт-Петербурга хватило бы с лихвой для величия и славы могучей и самобытной державы. Но ведь это далеко не все, хотя нашим столичным жителям порой и кажется, что жизнь ограничивается третьим транспортным кольцом! За его пределами — центральная полоса, воспетая Некрасовым и Паустовским, потрясающий Русский Север, плодородные воронежские черноземы, Кубань и Ставрополье с их особенным жизненным укладом. На восток — великая Волга, прибрежные просторы которой переходят в оренбургские степи и предгорья Урала, а затем и сам он — седой уральский хребет, разделяющий материк на Европу и Азию, природная кладовая и царство знаменитых русских мастеровых.

Но самое необыкновенное начинается дальше, за уральскими горами. Сибирь! Вот главное достояние и главная надежда России. Необъятные просторы, потрясающие своими метафизическими, иррациональными масштабами. Гигантские, до конца еще даже не осознанные запасы полезных ископаемых. Уникальный по своему богатству и многообразию природный мир, тайга, напоминающая безбрежный синий океан. Могучие реки, неторопливо несущие огромные запасы чистейшей воды в Ледовитый океан, озеро Байкал — одно из величайших сокровищ и одна из главных загадок нашей планеты.

И, наконец, главное достояние Сибири — ее люди. Те, кто осваивали эти бескрайние просторы, утверждали здесь христианскую цивилизацию. Те, кто создали здесь неповторимый мир, основу благосостояния и процветания России. Те, кто в страшных испытаниях твердостью духа, физической закалкой, жизнестойкостью и профессиональными навыками защищали свою страну, спасая ее порой на грани гибели.

Мне повезло родиться в этой стране, быть причастным к ее великой культуре и истории. И еще больше мне повезло родиться и вырасти на сибирской земле, хотя корни у меня совсем не сибирские.

Родители

Мои отец и мать — Александр Александрович и Валерия Ипполитовна — коренные петербуржцы. Отец родился в 1906-м, мать — в 1909-м. Оба они очень рано потеряли родителей, а затем собрали на свою долю все катаклизмы XX века. Тем не менее они устояли перед ударами судьбы. Перенесенные с детства невзгоды научили их дорожить мирным небом, скромным, но гарантированным достатком, человеческими отношениями. Главное — они всегда сохраняли исключительную ответственность за свое достойное поведение. Нечестность, хамство, безалаберность были для них недопустимыми. Это отношение они постарались передать нам, детям.

Вероятно, эти жизненные принципы в какой-то степени были обусловлены их происхождением. Семьи, из которых они происходили, принадлежали если не к элите, то, по крайней мере, к высшему слою дореволюционного российского общества. Дед по линии отца был дворянином, владел поместьем в Асташково Тверской области. Его жена, Мария Эрнстовна, была чистокровной обрусевшей немкой. Дед умер в 1916-м, бабушка пережила войну и блокаду, и мне даже доводилось бывать у нее в гостях в послевоенные годы.

Дед по линии матери имел и вовсе выдающуюся репутацию — он был оперным певцом. Его супруга вела домашнее хозяйство. Оба они скоропостижно умерли один за другим, когда маме было всего два года. Растила и воспитывала ее сначала бабка, а затем — сестра матери, Екатерина Павловна, тетя Катя, которой впоследствии суждено было стать нашей пожизненной спутницей и близким членом семьи.

Взрослеть родителям пришлось уже при власти большевиков. Тяжело так говорить, но ранняя смерть родителей, возможно, в какой- то степени облегчила их судьбу при новом строе: «социально чуждые» родственники в 20-30-е годы, скорее всего, подверглись бы репрессиям, что не могло не сказаться и на будущем детей.

Достаточно заметить, что даже при умершем в 1916 году отце-помещике у моего отца были некоторые проблемы при поступлении в институт. Мандатная комиссия задумалась: отчего это он умер именно за год до Великой Октябрьской революции, ни раньше, ни позже? Не приветствовал советскую власть, скорое наступление которой предчувствовал? Что-то замышлял?.. Можно не сомневаться, что при живом родителе перспектива высшего образования была бы для отца несбыточной.

И отец, и мать стали дипломированными специалистами. Отец окончил Ленинградскую лесотехническую академию, получив специальность инженера лесного хозяйства. Мать была выпускницей педагогического факультета Ленинградского госуниверситета, по специальности также биологом.

Отец работал в перспективной тогда лесной отрасли. Экспорт леса и сейчас является видной статьей дохода в нашей стране, а в Российской империи и в первые десятилетия советской власти, пока еще не вышла на новые рубежи добыча нефти, а о природном газе и вовсе было мало что известно, он вообще закрывал под 80% доходов бюджета. Отцу приходилось часто выезжать в командировки и экспедиции. В одной из таких экспедиций, аж на Дальнем Востоке, его и застало начало войны.

Мать до эвакуации работала не по педагогической, а по научной линии. Она была перспективным работником, ей всегда были присущи активность, умение развивать и отстаивать свою точку зрения. Позднее, в эвакуации, ей, думаю, тяжело было забыть о своих научных амбициях и осваивать практическую сторону своей профессии — быть «обычным» педагогом.

До войны и эвакуации родители жили вместе с матерью отца в двух комнатах большой коммунальной квартиры на улице Рубинштейна. Это была одна из дореволюционных, так называемых «генеральских» квартир — с двумя входами, парадным и черным, 14-15 комнатами, длиннющим коридором, двумя кухнями, несколькими уборными, подсобными помещениями и т. д. В советское время такие квартиры стали разделять на две и заселять туда по дюжине семей, но даже в усеченном виде они были такими большими, что в них легко было заблудиться.

После эвакуации родители не вернулись в Ленинград, хотя очень любили родной город. «Официальной версией» причин невозврата были сложности в организации приглашения от родственников (после войны власти регулировали миграционные потоки в Москву и Ленинград, и даже коренным ленинградцам для возвращения в родные места требовалось соблюсти определенные формальности). Я думаю, что более веской причиной могли быть не вполне идеальные отношения матери со свекровью — довольно типичная, впрочем, история.

К началу войны их жизнь была вполне успешной и респектабельной: у них были любимая и интересная работа, кусок хлеба и крыша над головой. Мои родители были довольно осторожными людьми, в политику не лезли, ни с кем не ссорились, чем минимизировали опасность репрессий. Виды на будущее были самыми благополучными. Но главное достояние,

которым мои родители уже обладали к 1941 году, — это их маленькие дети: сын Александр и две младшие дочери-погодки.

Все это разрушила война.

Блокада

Когда на страну обрушилось это страшное бедствие, родители оказались на разных концах нашей необъятной территории: отец, как я уже сказал, был на Дальнем Востоке в экспедиции, мама оставалась с семьей в Ленинграде. На фронт отца сразу не мобилизовали и с Дальнего Востока направили под Томск на переподготовку, вероятно, посчитав его специальность дефицитной в тылу: лес наряду с нефтью был тогда стратегическим сырьем, и в условиях войны заготавливать его нужно было много. Учебная площадка находилась километрах в ста от областного центра, в поселке Асино.

Первая — самая тяжелая — блокадная зима принесла в нашу семью страшную трагедию: две мои маленькие сестренки эту зиму не пережили. Печаль о них мать сохраняла до конца своих дней.

Выжившим — матери с теткой, брату Саше и домработнице Маше Гребневой — пришлось хлебнуть горя. Как и другие ленинградцы, они страдали от голода, лютых холодов, бомбежек и артобстрелов, от неопределенности своего будущего. Они бумажными полосками крест- накрест заклеивали оконные стекла и заполняли одеялами пространство между рамами — одновременно защищаясь от осколков и от холодов.

Мой брат Александр родился за 4 года до войны. Период между 4 и 5 годами, когда ребенок уже многое понимает и эти впечатления способны серьезно повлиять на формирующийся характер человека, он провел в блокадном Ленинграде. Думаю, ужасы блокадной зимы повлияли на будущее брата. Он хорошо запомнил страшный грохот разрывов бомб и снарядов, от которых малыш в ужасе пытался спрятаться под кровать. Довольно долго в эвакуации и даже после войны он прятал еду «про запас». Он навсегда остался несколько меланхоличным и погруженным в себя. На его лице редко можно увидеть улыбку. Такую цену заплатили дети блокадного поколения за чьи-то непомерные политические амбиции и неспособность урегулировать конфликты за столом дипломатических переговоров.

Я преклоняюсь перед подвигом моего народа в Великой

Отечественной войне, со дня победы в которой прошло уже 65 лет. Эта война была страшным испытанием и потребовала колоссальной мобилизации всего материального и духовного потенциала нашей страны, нанесла этому потенциалу ни с чем не сравнимый урон. Моя семья знает это не понаслышке.

Война стала трагедией и многих других народов, включая немецкий. Такое никогда не должно повториться, и как спортсмен я всегда выступал за то, чтобы страны выясняли, кто из них сильнее и лучше, исключительно на спортивных аренах и исключительно в честной борьбе.

Эвакуация

Можно только предполагать, что испытывал отец, оказавшись оторванным от семьи, запертой в страшной ледяной цитадели, а сам пребывая в относительных безопасности и благополучии. Он написал матери десятки писем, призывая ее при первой же возможности эвакуироваться из города. Долгое время это было затруднительно, к тому же мать не была до конца уверена, что это нужно делать. Наконец, она договорилась об отправке семьи в Сибирь.

Мать со старшим братом и домработницей эвакуировались из блокадного Ленинграда зимой 1942-го по знаменитой Дороге жизни — автомагистрали, проложенной прямо по льду Ладожского озера, по которой под обстрелами и бомбежками на грузовиках из осажденного города вывозили его жителей. Дорога в Томск по железной дороге заняла около месяца. Постоянные пересадки, добыча по случаю кипятка и продуктов по карточкам, длительные остановки — навстречу из Сибири на фронт шел нескончаемый поток грузов для нужд воюющей армии, тысяч и тысяч мобилизованных бойцов, которым предстояло внести перелом в страшную войну...

Наконец, семья оказалась в Томске. Однако это был еще не конечный пункт назначения. Отца к тому времени направили работать директором предприятия «Химлесхоз», добывающего в областных лесах ценное сырье — живицу, смолу и деготь. Так что от Томска еще около 50 км пришлось добираться на телеге до маленького поселка Леспромхоз, стоящего прямо на берегу Оби. В 1946-м жители поселка переименовали его в «Победу».

Отцу выделили для проживания семьи небольшой деревенский дом. Целыми днями он был занят на работе, и мать

взяла заботу о быте на свои плечи. В этих непростых условиях ей помог ее активный деятельный характер. Первым и решительным ее поступком стала немедленная продажа привезенных из Ленинграда нехитрых украшений и вообще всего лишнего скарба с последующей покупкой на вырученные деньги коровы. Этой корове суждено было стать нашей кормилицей на годы. Продали ее только после переезда в райцентр Мельниково, когда уровень жизни стал достаточно стабильным.

Я хорошо помню свои первые жизненные впечатления: мама доит корову, а я стою рядом с краюхой хлеба и поллитровой кружкой наготове. Это ожидание стало ежедневным ритуалом. Хлеб и молоко, здоровая деревенская еда легли в основу моей будущей физической закалки. В ту же пору они просто дали всей семье возможность выжить.

Впрочем, значение эвакуации в моей судьбе, возможно, еще более значимо. Не исключено, что не будь ее, мне вообще не суждено было бы родиться. Пережитые ужасы блокады и стрессы на пути в Сибирь вызвали сильнейший сбой в организме матери, и возможность зачать меня появилась лишь спустя много месяцев после воссоединения семьи. Если бы мать осталась в Ленинграде, потрясения и лишения войны были бы столь сильны, что могли уже не позволить родителям иметь детей, даже если бы блокада и фронт оставили их в живых.

Сибиряк поневоле

Вскоре после приезда семьи из Ленинграда отца перевели на работу в районный центр Мельниково (второе название — Шегарка). Отца поселили в полутора километрах от работы, в небольшом селе Нащеково. Выделили жилье — обычный деревенский пятистенок. В райцентр отец каждое утро ходил пешком. В одной половине дома размещалась школа, где мать стала работать учительницей. Позднее она стала выполнять еще и роль завуча.

Условия жизни были хотя и лучше, чем в блокадном Ленинграде, но все же не сахарными. Например, в школе дети писали в самодельных тетрадях, сшитых из газетных листов, — прямо поверх блеклого типографского текста. Электричества в поселке, разумеется, не было, учились при тусклом свете керосиновых ламп, а то и при лучине. Нет нужды говорить, что учила мать ребят всех возрастов в одном и том же классном

помещении.

Село Нащеково возникло в 1831 году. Говорят, что своим названием — изначально «Однощеково» — оно обязано прозвищу какого-то из местных жителей, лицо которого было изуродовано медведем во время охоты. Село окружено просторными пахотными угодьями и заливными пойменными лугами. Это создавало хорошие условия для ведения сельского хозяйства. Вторым основным занятием жителей этих мест исстари был лесной промысел. Грибы, ягоды, кедровые орехи были существенным подспорьем крестьянам. Будучи, как и все сибиряки, хорошими охотниками, нащекинцы часто добывали дичь, а если повезет — и лося. К этому промыслу активно подключился и мой отец.

Именно в селе Нащеково Шегарского района Томской области 23 января 1944 года суждено было появиться на свет будущему Олимпийскому чемпиону Сергею Белову. Таким образом, сибиряком я стал в известной степени случайно, и виной этому — война. Впрочем, я никогда не жалел о подобном начале жизненного пути, считаю себя сибиряком и благодарен судьбе за возможность воспринять уникальные природные, а главное — духовные богатства этого края. Мое сибирское происхождение и крепкая связь с российской глубинкой мне по-особому дороги, именно они сделали меня тем, кто я есть.

Война

Я родился, когда отец был на войне. В начале 1944-го его мобилизовали и отправили на фронт. В этот момент мать была на последнем месяце беременности. Можно только догадываться, что происходило в душах родителей, расставшихся в такой момент друг с другом. С одной стороны, в войне уже произошел перелом, все надеялись на скорую победу; по крайней мере, можно было верить в безопасность и относительное благополучие остававшихся в Сибири семьи и младенца, который должен был вот-вот родиться. С другой — фронт есть фронт, и как же тяжело было бы погибнуть в конце войны, так и не увидев долгожданного ребенка!..

С отъездом отца на фронт жизнь матери стала еще тяжелее. Теперь все хозяйство было уже полностью на ней. Женщинам приходилось тянуть и трудовую вахту в тылу, и уход за детьми, и пропитание всей семьи, и отопление домов, и все прочие бытовые

заботы. При этом мать не переставала преподавать в школе. Это ей, кстати, существенно помогло — не было таких проблем с приобретением дров. Здание школы, в котором мы жили, обеспечивалось топливом и истопником.

Сводить концы с концами помогало офицерское жалованье отца, которое он переводил домой. Однако «прикорма» в виде лесной дичи и прочих даров леса не стало — охотиться было некому, да и добывать грибы и ягоды с грудным младенцем на руках непросто. Безусловно, эти годы были для матери очень тяжелыми, но она сумела все вытерпеть. Уверен, сил ей придавала ответственность за ту затеплившуюся крохотную жизнь, которую она только что подарила.

Суждено было вынести тяготы последних месяцев боевых действий и отцу. Что он пережил за это время, я никогда не узнаю — отец никому не рассказывал о войне. Видимо, как всякий интроверт, он не любил выносить на обсуждение потрясшие его страшные впечатления.

После Победы он еще некоторое время проходил службу на территории оккупированной Германии. Только в 1947-м отец вернулся в Нащеково после демобилизации. В качестве трофеев он привез себе аккордеон, а нам с братом Сашей — по настоящему кожаному футбольному мячу.

Отец стал работать в райисполкоме, курируя лесное хозяйство. Вскоре семья переехала в райцентр Мельниково. Жили мы скромно, «на зарплату». Дополнительной статьей семейного бюджета была только охотничий промысел отца. Родители работали целыми днями. Но это уже имело совсем другое значение — впереди была мирная жизнь.

Отец

Должен сказать, что появление отца после возвращения с фронта для меня оказалось известным испытанием. Первые три года своей жизни (а именно в этом возрасте, как сейчас доказали ученые, закладывается очень многое для будущего характера и мировоззрения человека) я не знал отца и практически не имел о нем никакого представления. Он был для меня абстракцией.

Наоборот, полнейшей реальностью, заполняющей все мое сознание, была мать. Я привык, что именно мне она уделяет почти все свое не занятое работой время (старший брат уже не нуждался в такой опеке). И вот появляется какой-то незнакомый

дядька, который занимает место в моем доме и, главное, начинает наравне со мной претендовать на внимание и время матери! Кому это понравится? Разумеется, поначалу я насупился.

Уже очень скоро отец заполучил и мою любовь, и мое глубокое уважение. Однако на протяжении всей жизни между нами все равно сохранялась какая-то отдаленность, о чем я сейчас очень жалею. Видимо, эта информация, усваиваемая маленьким человеком, пусть даже неосознанно, в возрасте 2-3 лет, и вправду имеет принципиальное значение, и я навсегда остался «маминым сыном». Во всяком случае, у старшего брата Саши было с отцом, как мне кажется, больше духовной близости.

Мой отец был по-настоящему интеллигентным человеком (я никогда не слышал от него ни одного матерного слова). Его авторитет в семье был абсолютен. Общественная репутация моих родителей и всей нашей семьи тоже была высокой. Отцу были присущи внутренняя культура, дисциплина и безупречная манера отношения к окружающим людям. Наряду с педантичностью и аккуратностью, эти свойства характера могли достаться ему от матери — чистокровной немки. После травмы почек, полученной на охоте, отец практически не употреблял алкоголь, никогда не курил, — отсутствие этих привычек передалось и нам, его сыновьям.

Отец был цельной самодостаточной личностью с твердыми взглядами и убеждениями. Например, в партию он вступил только после долгих уговоров матери, чтобы пополнять впоследствии семейный бюджет персональной пенсией.

У отца было три увлечения — охота, спорт и фотография. Благодаря его аккуратности все когда-либо сделанные им фото были тщательно собраны в альбомы и подписаны, так что с детских лет история семьи и моей собственной жизни с младых ногтей была у меня перед глазами. Позднее с такой же педантичностью отец собирал вырезки из газет и журналов с заметками о моих выступлениях за ЦСКА и сборную СССР. Эти подборки сохранились и помогают мне сейчас писать эту книгу — многие результаты игр и их оценки в спортивной прессе уже стерлись в памяти. Фигура отца, его прямой и добрый взгляд возникают у меня в памяти, когда я перебираю аккуратно разложенные по годам вырезки, подписанные его почерком.

Охотником он был страстным. В этом увлечении реализовались многие черты его характера — и любовь к природе и созданному Богом мирозданию, и чувство ответственности за семью (охота не была просто баловством, ежегодно убитый отцом по лицензии лось обеспечивал значительную часть нашего семейного рациона), и желание сохранять свой собственный,

никому не доступный внутренний мир, который открывался ему наедине с лесом.

Мать мудро поощряла его любовь к охоте, вероятно, понимая, что у мужчины должна быть «отдушина» от семьи и что ломка мужского характера в одном обязательно выйдет боком в каком-то другом, скорее всего, менее безобидном увлечении. Даже регулярные приобретения во время командировок в большие города новых ружей и охотничьих принадлежностей она сносила терпеливо. Благодаря увлечению отца у нас, сколько я себя помню, всегда был «собачий дом» — четвероногие помощницы отца привносили в жилище теплую атмосферу человечности и дружелюбия.

Отец стремился привить нам, своим сыновьям, увлечение природой, охотой и рыбной ловлей. В отношении старшего сына он в этом преуспел. Что касается меня, то я увлекался только одной стороной — я любил лес, воду, прекрасный и гармоничный мир природы. Я с удовольствием помогал отцу выслеживать зверя, но стрелять в живых существ я не хотел. Сохранив любовь к живой природе, охотником я так и не стал. Впрочем, снайперские навыки мне было суждено развить иным образом.

Третьим увлечением отца и единственным, которое я унаследовал (зато более чем прочно!), был спорт. Отец много и охотно рассказывал о довоенной спортивной жизни в СССР и в Ленинграде. Сам он до войны был неплохим спортсменом, чемпионом Ленинграда по лыжным гонкам. Звание мастера спорта ему помешала получить война. Кроме того, он был заядлым футбольным болельщиком.

Личным другом отца был сам Николай Соколов, знаменитый «вратарь республики», так же, как и отец, окончивший ЛТА и всю свою послеспортивную жизнь отработавший в лесном хозяйстве. Благодаря рассказам отца о футбольных звездах довоенных лет — Соколове, «Пеке» Дементьеве, Бутусове — я с младых ногтей впитывал в себя интерес к спортивным состязаниям, желание развиваться физически, соревноваться и быть первым.

Трофейный ниппельный мяч, подаренный мне отцом при возвращении с войны, стал моим первым другом и неизменным спутником: в дошкольные годы, сколько себя помню, мой день начинался с короткого завтрака из куска хлеба и стакана молока и — немедленно с мячом под мышкой во двор, дожидаться друзей-товарищей по футбольным баталиям, в которых мы проводили дни напролет.

Мать

Мать в первые годы моей жизни была для меня всем. Думаю, тривиальные слова «я ей обязан жизнью» в моем случае по-особенному правдивы и справедливы. В тяжелейших условиях она подняла меня на ноги, при том, что и старший брат был совсем маленьким. Она привила нам культуру уважительного отношения к женщине — матери, супруге. Для меня много значило то, что она всегда полностью мне доверяла. Кстати, именно обстановка дружелюбия и доверия, к которой я привык в семье, была тем, чего мне более всего не хватало в первые годы моей самостоятельной жизни, особенно в Москве.

Что значила для меня в детстве мать, может показать такая история. В 4-летнем возрасте я перенес первое жизненное потрясение. Летом 1948-го, в разгар сенокоса, меня схватил приступ аппендицита. На перекладных, на попутках, на санитарном «кукурузнике» родители доставили меня в Томск в больницу. Никогда не отрываясь от матери, да еще оказавшись в такой стрессовой ситуации, я устроил в больнице страшный скандал, не желая куда-либо идти с медсестрой.

Тогда сестра достала из кармана халата красивое румяное яблоко и ласково говорит: «Яблочко хочешь?» Яблоневых садов в Шегарском районе не было, и яблоко было мне в диковинку. Купившись на это предложение, я оставил маму и. вскоре оказался на операционном столе, а в семье долго ходил анекдот о том, как я мать променял на яблоко. Может показаться удивительным, но эти шутки я долгое время принимал всерьез, по-настоящему переживая из-за своего «предательства».

Семья

Брат Александр родился в 1937-м и вышел еще из той, довоенной эпохи нашей семьи. Он знал и помнил очень многое из того, что было совсем неведомо мне: маленькие сестры, Ленинград, блокадная зима, и это, конечно, нас существенно разделяло. Имела значение и разница в возрасте. Кроме того, от отца Саша унаследовал страстную любовь к охоте, а вот к спорту всегда был равнодушен, возможно, и в этом проявилось его блокадное детство.

Отношения между нами были хорошими, но без особой близости. Я с самого раннего детства рос самодостаточным, кроме клюшки и мяча мне ничего не было нужно. Сверстники и

приятели требовались мне лишь в качестве партнеров для спортивных баталий. Если же их не было поблизости, я умел прекрасно обходиться и без них, занимаясь с мячом или клюшкой в одиночестве. Брат спортом не увлекался, в футбол-хоккей со мной не играл — о чем с таким человеком вообще можно было говорить?..

Саша целенаправленно пошел учиться в медицинский институт и по его окончании опять-таки осознанно стал судебно-медицинским экспертом. Работает в этой должности до сих пор, хотя работа эта — явно не сахар, даже от скупых его рассказов волосы дыбом вставали. В этой работе ему довелось проявить и «беловский» непреклонный характер — когда в смутные 90-е на него пару раз попытались «наехать» и организовать за мзду или через угрозы ложное экспертное заключение, — попытки завершились ничем. Никогда за всю свою многолетнюю карьеру брат не сделал ни одного «заказного» заключения.

Еще одним членом нашей не очень большой, но дружной семьи была тетя Катя — тетка матери, жившая с родителями еще в Ленинграде, поехавшая потом вслед за матерью и братом в эвакуацию. Она была осколком еще дореволюционного Петербурга, окончила гимназию и в совершенстве знала три иностранных языка. В силу возраста не работая и всегда находясь дома, помогая матери вести хозяйство, она, сколько я помню свои школьные годы, всегда была «внутренним контролем» моего образовательного процесса, проверяла домашние задания и контрольные.

Она также была большим подспорьем для меня в моих занятиях спортом, поскольку питаться я привык только дома и ежедневно забегал перед тренировкой или игрой перекусить. Из-за нехватки времени важно было, чтобы еда была всегда наготове, и благодаря тете Кате, безвылазно сидевшей дома, это было гарантировано.

.Оглядываясь назад, я понимаю, что для меня главное в моих родителях — это их огромная любовь друг к другу и к нам, детям, благодаря которой они сумели создать в семье атмосферу внимания и доброты. Особенно ценным это становится, когда подумаешь, в какое страшное время они жили. В лишениях они научились ценить друг друга и человеческие отношения, а не меркантильные ценности. Обстановка в семье всегда была очень спокойной; если между родителями и происходили какие-то трения, они никогда не касались детей.

В Томске у отца с его профессией и любовью к природе был простор и для развития карьеры, и для увлечения охотой. Его ценили как специалиста, он быстро рос по служебной линии. Тем

не менее родители в душе остались истинными ленинградцами, город оставался их душой и святыней. В семье царил культ Ленинграда, рассказы родителей о родном городе, его культуре были постоянными и сформировали у нас, детей, заочную любовь к Северной Пальмире. Позже я воочию убедился в том, что это действительно один из красивейших городов мира.

Крайне важными всегда были для меня поддержка и доверие родителей. Они спокойно принимали мою увлеченность спортом, психологически поддерживали меня, радовались моим успехам. Непростым решением для них наверняка было благословление моего отъезда по окончании школы в Москву. Хотя обстановка в больших городах была тогда и гораздо спокойнее, чем сейчас, отпустить за тридевять земель вчерашнего школьника, да еще с которым ты ни на один день из его жизни никогда не расставался, было нелегко. Родители почувствовали, насколько продолжение спортивной карьеры важно для меня, и поддержали, за что я им очень благодарен.

С родителями, пока они были живы, у меня всегда оставались теплые отношения. После моего отъезда из родного дома по окончании школы, как выяснилось, навсегда, мы продолжали общаться по телефону, переписывались. В Томск я наезжал раз в 2-3 года. Пока родители были мобильны, они сами нередко приезжали либо в Москву, либо в Ленинград, где у них оставались родственники. В наших отношениях я всегда видел и сохранял что-то святое, благодарность к ним всегда была основным.

Как я уже сказал, с раннего детства в силу жизненных причин я был ближе к матери и о некоторой отстраненности от отца жалею до сих пор. Однако и к маме я мог бы относиться более чутко и внимательно. Единственное оправдание, которое у меня было всегда, — это мое увлечение игрой. Кроме баскетбола ничего по-настоящему значимого для меня в жизни не существовало. Только потом ты начинаешь жалеть об упущенных возможностях, не проявленных вовремя чувствах. Увы, особенно ясно и невыносимо, но уже непоправимо ты понимаешь это на могилах близких.

Отец умер в ноябре 1973-го, успев порадоваться моему олимпийскому триумфу. Матери не стало в 1988-м, также в ноябре. Я безмерно благодарен моим родителям. Думаю, во многом все, чего я достиг, обусловлено тем, что они заложили в меня в детстве. Для себя я очень рано на примере родителей решил, что своим детям, в особенности сыну, я постараюсь привить в общении с ними качества, которым меня учили родители.

После войны

Возвращаясь в послевоенное время, в 1950-м отец получил должность в Томском облисполкоме, и наша семья переехала в город. Жить стали в выделенной комнате в трехэтажном кирпичном доме в центре города. Поблизости находилась школа № 9, в которую в 1951-м я отправился познавать большую жизнь.

Следующим местом работы отца стал Томский обком партии, где он продолжал работать в сфере лесного хозяйства. Место жительства также поменялось — мы переехали в самое дорогое для меня в Томске место, деревянный дом на три квартиры на проспекте Ленина, напротив госуниверситета, с глухим забором и маленьким двориком. Этот дворик на годы стал для меня излюбленным местом времяпровождения, здесь я оттачивал удары по футбольному мячу и вратарскую технику (если моим спарринг-партнером бывал брат Александр), здесь отец порой устраивал стрельбы по мишени из «мелкашки». К сожалению, этот дом в Томске снесли, хотя неподалеку от него сохранены в качестве образчиков архитектуры куда более уродливые и ветхие сооружения.

Школа

С переездом на пр. Ленина мы с братом перешли в другую школу, «восьмерку», с которой и связаны в основном мои школьные воспоминания и впечатления. Меня привлекали предметы гуманитарного цикла, а в особенности — рисование. При этом книгочеем я не был. Хорошие книги читать было интересно, но и болезненно-запойного чтения в своем детстве не припоминаю. Уже сейчас, по прошествии долгого времени, думаю, что и это было промыслительным, и это тоже приучало меня жить своим умом, рассчитывать на собственные силы и опыт.

Что касается точных наук, то в них я никогда даже не пытался толком вникнуть. В то же время у учителей я был на хорошем счету, сорви-головой быть никогда не стремился. К учителям я относился с уважением, в том числе, видимо, потому,

что родители с детства привили мне уважение ко всякой профессиональной деятельности других людей. Хотя, конечно, бывали и легкие эксцессы: помню, в старших классах я пару раз «по-взрослому» пошутил с молодой учительницей, пришедшей к нам преподавать, а она оказалась бывшей ученицей матери, и уже вскоре я имел с мамой не вполне приятный разговор.

Я был, как и все, пионером, а затем комсомольцем, но без особого энтузиазма. В пионеры вступал еще с какой-то охотой, учил наизусть тексты устава пионерской организации, но при вступлении в комсомол уже преобладала формалистика. Меня выручало умение рисовать — на протяжении семи лет я был ответственным за выпуск стенгазеты, что освобождало меня от другой общественной нагрузки.

Впоследствии этой нагрузки избежать не удалось, и на протяжении многих лет я был комсоргом сборной СССР. Впрочем, этот статус никаких дополнительных полномочий мне не предоставлял. На тренировке по делу я и так мог навтыкать любому, без комсомольской мотивации. К своей миссии я относился просто — в сборной было положено иметь капитана и комсорга, и я не спорил.

Закадычных школьных друзей, тем более сохранившихся на всю жизнь, у меня не было, видимо, сказывался индивидуализм характера. В целом школа не вызывала у меня ни горячей любви, ни ненависти, лишь под конец стала надоедать ее общая атмосфера.

На старт!

Что меня по-настоящему увлекало, так это спортивная жизнь. В школе она буквально кипела, учитель физкультуры был центральной фигурой. В занятия физкультурой и затем спортом малыши вовлекались с первого класса. Нужно отметить, что основу для этого готовил дворовый спорт — лыжи, коньки, русский хоккей (увлечение «канадским» на дворовом уровне только начиналось), футбол — захватывали ребят целиком и полностью. В школе работали секции по различным видам спорта.

Сам я с третьего класса стал заниматься акробатикой, а с четвертого — легкой атлетикой. Я рос не слишком крупным, но очень выносливым и жилистым. Природные данные естественным образом развились во мне за счет постоянного — с раннего

детства — пребывания на свежем воздухе с непрерывной двигательной игровой активностью. Играли свою роль хорошая сибирская экология и здоровая пища (до переезда в Москву и начала моих странствий по служебным комнатам и гостиницам я вообще не признавал общепит, ел только дома).

В то же время феноменально подходящими для того или иного вида спорта — а для баскетбола и подавно — мои физические данные назвать никогда было нельзя. Как-то за одно лето я вытянулся сразу на десять сантиметров, опередив всех своих сверстников, но потом постепенно опять «подровнялся» с остальными. 190 см для баскетболиста — это более чем заурядный рост. Всех своих успехов я добился исключительно за счет напряженной работы на тренировках, высокой игровой техники, а в том, что касается функциональной подготовки, — постоянной работы с отягощениями и развитого благодаря этому незаурядного прыжка с двух ног.

В секции легкой атлетики моим тренером был известный томский спортивный педагог Василий Семенович Удут. Тренировались 2-3 раза в неделю, без жесткой специализации («моими» дисциплинами в основном были бег на 100 и 200 метров, прыжки в длину и высоту). Я выступал за сборную школы по всем популярным видам спорта (а в 1-2-м классах еще и в соревнованиях по шахматам). Помню, лыжные кроссы мы бегали и в тридцатиградусный мороз. Другими параллельными увлечениями стали футбол, где я выступал в качестве вратаря, и только позднее — баскетбол.

Я считаю большой удачей, что спортивные занятия начал не напрямую с баскетбола, а получил в качестве базовой подготовки разностороннюю специализацию, навыки акробата и легкоатлета. Не раз впоследствии я добрым словом вспоминал лыжи, давшие мне выносливость, легкую атлетику, развившую скорость, акробатику, прививщую культуру и пластику движений. Уверен, что даже те виды спорта, которые требуют ранней специализации и особо глубокого освоения техники — фигурное катание, хоккей, плавание, — детям поначалу стоит совмещать с другими видами. Если необходимости в ранней специализации нет, такое разнообразие тем более полезно.

Достаточно рано я стал относиться к занятиям спортом очень серьезно. Меня не нужно было уговаривать пораньше лечь спать — я знал, что в 22.00 я должен быть в постели, потому что в 6 утра независимо от погодных условий я должен выйти на пробежку и зарядку. Я старался использовать любые свободные полчаса и провести их в спортзале или на стадионе, готов был тренироваться индивидуально и дополнительно с утра до вечера.

И самое главное — я страстно хотел научиться на каждой тренировке чему-то новому, развить свои возможности еще и еще.

Нужно сказать, что общая атмосфера для этого была вполне подходящей. В Советском Союзе был культ здорового тела, развития возможностей человека. Физическая культура и спорт были, по сути, единственным общедоступным вариантом организованного досуга, особенно в сибирской провинции. Впечатляли успехи советских спортсменов на международных аренах — начиная с 1952 года, когда наша олимпийская сборная произвела фурор своим дебютом на Играх в Хельсинки, мы уверенно заняли место в числе ведущих спортивных держав.

Особенно сильны были наши игровики. Футбольная сборная выиграла олимпийский турнир в Мельбурне, уверенно выступала в кубках (впоследствии — чемпионатах) Европы. Баскетболисты доминировали в Старом Свете, тем более что основными соперниками были тогда в основном страны социалистического лагеря, но пока безоговорочно уступали американцам.

Пример наших спортсменов воодушевлял, и я с удовольствием проводил время и на беговых дорожках, и в прыжковом секторе, и на лыжне, и в футбольных воротах. Рад я был и возможности погонять оранжевый мяч, хотя условия для этого — маленький полуподвальный школьный зал, в котором можно было играть только неполными составами, — были неказистыми. Однажды весной 1956-го (я учился в пятом классе) в этом самом школьном зале появился спортивного вида темноволосый человек, который выступил в качестве судьи на школьных соревнованиях. После окончания матча, в котором я принимал участие, он подошел ко мне, назвался Георгием Иосифовичем и предложил заняться баскетболом всерьез.

В качестве баскетболиста я себя никогда не представлял. Футбол и легкая атлетика привлекали меня гораздо больше. Чтобы не обижать нового знакомого, я сказал, что приду к нему в секцию, но честно предупредил, что бросать тренировки по уже полюбившимся видам спорта тоже не собираюсь. Георгия Реша это вполне устроило.

Все это выглядело как еще одна хорошая возможность в свое удовольствие позаниматься спортом.

Глава 3
НАЧАЛО

Первые шаги

Будучи выпускником той же «восьмерки», в которой я учился, и недавно открытого в Томском пединституте факультета физвоспитания, Реш относился к своей работе творчески и инициативно. Начал он, как и положено, с самого начала — с селекции. Реш ходил по школам в поисках талантливых ребят и уговаривал их заниматься баскетболом.

Пришел он и в родную школу помочь судить какие-то соревнования. Там-то, в маленьком полуподвальном школьном зале, при игре три на три, он меня и заприметил.

Предложение заниматься баскетболом у Реша я принял сразу, хотя и предупредил его, что тренировки по другим видам спорта бросать не собираюсь. Так я стал регулярно посещать занятия у Реша, поначалу тренируясь со сверстниками. Новый вызов быстро захватил меня. Из бочкового обруча я смастерил в своем любимом дворике баскетбольное кольцо и стал тренировать бросок. Вскоре импровизированное кольцо из проволоки появилось и в десятиметровом коридоре квартиры. Я втягивался в волшебный мир баскетбола все больше и больше.

В немалой степени это было заслугой Георгия Реша. Вспоминая годы общения с ним, я понимаю, что он был просто очень хорошим, честным, порядочным мужиком, искренне увлеченным своей работой. К сожалению, тенденции в современном образовании не способствуют преуспеванию таких, как он. Может быть, поэтому и олимпийских побед у нас стало меньше?

Регулярно заниматься в его баскетбольной секции я начал с 5-го класса. Первые годы ушли на отработку базовых навыков приема и ведения мяча, дриблинга, паса, броска, азов персональной и зонной защиты, игры без мяча, элементарных комбинаций.

С 14 лет, все больше втягиваясь в баскетбол, я стал тренироваться со студентами в командах, которые готовил Реш. Я стал следовать за Решем повсюду, где он работал, став его любимцем и надеждой. До 1960-го Реш тренировал команду Томского инженерно-строительного института, и я постоянно

участвовал в этих тренировках. Позднее я вслед за Решем перешел в команду томского «Политеха», за которую в 10-м и 11-м классах уже выступал в соревнованиях.

Реш

Каждый спортсмен, добившийся определенных достижений, особым образом отмечает своего первого тренера. Я в этом смысле не исключение. Георгий Иосифович Реш — вот человек, которому я в значительной степени обязан всем, чего добился. Именно он присмотрел меня на тех памятных школьных соревнованиях по баскетболу, увлек своим невероятным энтузиазмом, покорил не менее потрясающей деликатностью в общении со спортсменами, даже молодыми.

Замечательных качеств у Реша было немало, но я выделил бы два, которые наиболее дороги мне. Первое — это его исключительный энтузиазм. Всю свою жизнь Георгий Иосифович посвятил любительскому спорту, отысканию, формированию и сопровождению до определенного уровня баскетбольных талантов. Сам он как баскетболист значительных успехов не добился, выступал на уровне сборной пединститута, в котором учился, и по его окончании, как раньше это часто бывало, немедленно начал тренерскую карьеру.

Думаю, он рано осознал свое предназначение и служил ему всю жизнь, успев очень многое сделать. Целые дни напролет он проводил в зале и на стадионе, самоотверженно занимаясь с молодыми спортсменами. Много лет Реш проработал в Томском политехническом институте. Подготовленные им команды неоднократно выигрывали первенство области, побеждали и на первенстве СССР среди технических вузов.

Возможно, я наиболее известный его ученик, но, следует отметить, не единственный, доросший до баскетбола высших достижений. Юрий Павлов — выдающийся игрок знаменитого кондрашинского ленинградского «Спартака», чемпион мира 1974 года в составе сборной СССР — также прошел школу Георгия Иосифовича. Посвятив себя спорту и окружавшим его людям, Реш оставил о себе исключительно добрые воспоминания у сотен соприкасавшихся с ним людей. Его многочисленные ученики приходят на его могилу (Реш умер в 2006-м), неизменно вспоминая наставника благодарным словом.

Второе качество моего детского тренера — исключительно

деликатное, добросердечное и доверительное отношение к подопечным. Именно его доверие, такт, уважение (именно уважение!) к собственному мнению и выбору спортсмена, к его личности были самым благоприятным фоном для начала моих занятий баскетболом. Не уверен, что при моем характере я задержался бы в баскетбольном зале, если бы тренер с места в карьер начал орать на меня и постоянно требовать отдать пас старшему.

Баскетбол по остаточному принципу

В 16 лет я стоял перед серьезной дилеммой — какой вид спорта выбрать для по-настоящему серьезных занятий. Передо мной, как перед витязем на распутье, были три дороги, каждая из которых казалась по-своему привлекательной.

Во-первых, меня приглашали в местную футбольную команду класса «Б» (в нем играли так называемые «коллективы физкультуры», а на деле — полупрофессионалы), но меня не устраивало место в воротах, мне больше нравилось забивать. К тому же меня не сумели обеспечить бутсами 45-го размера, и футбол как вариант продолжения спортивной карьеры отпал первым.

Во-вторых, у меня были неплохие результаты и отличные перспективы в легкой атлетике. Я выступал за сборную области и, кажется, даже установил областной рекорд в прыжках в высоту (если не ошибаюсь, 176 см). Предстояли отборочные зональные соревнования. Накануне моего основного вида — высоты — тренеры попросили меня выступить в не слишком освоенном мной барьерном беге.

Опрометчиво согласившись, во время забега я сильно травмировал пятку и на следующий день выступал в прыжках слабее, чем мог. В итоге проиграл соревнования по попыткам и не прошел отбор. Юношеский максимализм и разочарование сделали свое дело — легкая атлетика последовала за футболом, хотя за сборную школы в легкоатлетических соревнованиях я выступал, уже не тренируясь регулярно в прыжковом секторе.

Вид спорта, в котором мне суждено было стать одним из лучших в его истории, был выбран мной «по остаточному принципу».

Если все-таки проанализировать причины моего выбора в пользу баскетбола, думаю, что решающую роль сыграли

динамичность и импульсивность этой игры. В дворовых играх каждый пацан больше всего жаждет забить гол, отличиться. В игре ты постоянно общаешься с товарищами, находишься в коллективной среде. В этом для ребенка преимущество спортивных игр над циклическими видами спорта, где он в гораздо большей степени изолирован от товарищей, ориентирован на рутинную работу, борьбу с секундомером.

Что касается выбора между футболом и баскетболом, то последний больше отвечал моему характеру и той же жажде отличиться. Что ни говори, максимум 2-3 гола за игру сильно отличаются в худшую сторону от 6-8 десятков очков в баскетбольном матче. Кроме того, как вы помните, в футбольной команде меня поставили в ворота, где возможности забивать были, мягко говоря, ограничены. В баскетболе ситуация на площадке меняется за десятые доли секунды, игровое время здесь более насыщено, и мне при моей неуемной жажде забивать это подходило больше.

Начало движения

Сделав окончательный выбор в пользу баскетбола, я направил в него всю энергию моей тяги к спорту. Все, что с детства было доминантой моей жизни, — футбол и хоккей во дворе, любые виды двигательной активности, затем занятия в школьных секциях, наконец, обрело явно выраженное и организованное направление.

Страстное желание тренироваться, выступать в соревнованиях, постоянно совершенствоваться и стать лучшим было прежним и по мере появления первых успехов возрастало, но теперь я знал, на чем должны сосредоточиться мои усилия. Рядом со мной был человек, готовый мне помочь в спортивном становлении, которому я доверял и с которым мне было комфортно.

Заставлять тренироваться меня было не нужно, я сам стремился любые свободные полчаса использовать для тренировки. Что касается игр, то, как только я более или менее созрел для них, я стал выступать за все команды, которые тренировал Реш, благо заявочный процесс был тогда не слишком строгим. Только когда я стал что-то из себя представлять и примелькался, заявляться за разные команды стало несколько сложнее.

Первый успех пришел в первый же сезон выступлений за команду Политехнического института — мы стали победителями первенства области среди мужских команд, опередив извечного соперника «Политеха» — пединститут, команда которого была фактически профессиональной.

В сезоне 1960-го мне довелось выступить в Ульяновске в составе юношеской сборной Томска, которую поручили готовить Решу, в первенстве РСФСР. Команду составили в основном студенты 1-2-го курсов томских вузов и единственный школьник — я. В финальной игре нас засудили, и мы остались на втором месте, хотя и такое наше выступление произвело фурор.

Мое участие в этом турнире было сопряжено с анекдотическими обстоятельствами. Дело в том, что в силу возраста меня не допустили до участия, поскольку турнир был рассчитан на старших юношей, а мне было только 16 лет. Тогда руководство сборной приняло прямое рабоче-крестьянское решение — меня стали выпускать на площадку под фамилией Лукьянов вместо одного из наших ребят, прошедших мандатную комиссию.

В январе 1961-го пришел первый серьезный успех и в своей возрастной группе. Сборная Томской области выиграла турнир 12 российских городов в Челябинске. За 8 дней нам пришлось сыграть 8 игр — сначала в группе, а затем в финальной шестерке. Мы обыграли сильные команды Куйбышева[5], Татарской АССР, Ростова — действующих чемпионов РСФСР, Ярославля. В каждом матче я приносил команде около 30 очков, став в итоге самым результативным игроком турнира, и был признан его лучшим игроком.

После этих соревнований меня пригласили в юношескую сборную РСФСР. Это дополнительно стимулировало рост мастерства.

На баскетбольной площадке мне тогда хотелось только одного — забивать, забивать, забивать. Делиться мячом мне, действительно, хотелось не всегда. Поначалу четырех товарищей на площадке для меня просто не существовало. В моем сознании были только мяч и кольцо. Впрочем, даже тогда эта целеустремленность не была эгоистичной. Больше всего я жаждал победы для своей команды, просто в своем стремлении поразить кольцо соперника видел кратчайший путь к этой цели. В какой-то из игр, правда, на нестандартной площадке, я набрал 99 очков.

Позднее, когда я уже «наелся» баскетболом, желание самому решить исход матча стало исключительно прагматичным, профессиональным. Если команда выигрывала, я готов был по двадцать минут простаивать вообще без мяча. Но при этом я был

постоянно внутренне готов взять игру на себя в критический момент. Жизнь показала мою правоту в подобной устремленности.

Доверие

Я неоднократно говорил, что считаю доверие Реша по отношению ко мне важнейшим фактором моего спортивного роста. Например, какую-то из томских зим я «убил» исключительно на отработку только-только входившего тогда в употребление броска в прыжке. Видимо, интуитивно я чувствовал, что время общепринятого броска «со стояка» безвозвратно уходит, и мне захотелось освоить новую технику.

Никаких пособий, не говоря о видеоматериалах, в нашем распоряжении тогда не было. Помню, как мы с приятелем не один десяток раз обошли томские кинотеатры с одной лишь целью — еще раз посмотреть демонстрировавшийся перед каким-либо фильмом киножурнал, одним из сюжетов которого был репортаж о группе баскетбольных акробатов «Harlem Globetrotters»[6].

В итоге техническую новинку мне приходилось осваивать методом проб и ошибок. Поначалу я был способен бросить мяч с прыжка не более чем на 2-3 метра. Упрямство характера заставляло меня часами отрабатывать этот злополучный бросок, «забив» на все остальные элементы тренировочной программы. И что же Реш? Вместо того чтобы давить на меня, загонять в свои тренерские схемы, добиваться результата в каких-то проходных играх, он терпеливо и мягко поощрял мое рвение, по мере сил подсказывая и корректируя мои тренировки.

Бросок в прыжке, отшлифованный мной впоследствии до безупречности и положенный на основу беспрецедентной по меркам тогдашнего советского баскетбола функциональной подготовки, стал важнейшим элементом моего игрового стиля, важнейшей предпосылкой моего движения вверх, к вершинам мирового баскетбола.

Это доверие сформировало во мне столь необходимую для игрока и в особенности снайпера уверенность в себе. Позднее, уже когда я стал основным игроком в составе команд, которые готовил Реш, он нередко в решающие моменты игр инструктировал моих партнеров фразой, ставшей знаменитой: «Дайте мяч Серому, он знает, что с ним делать!»

Основы прогресса

Мой быстрый прогресс в баскетболе вырос не на пустом месте. Об одной составляющей успеха — страстном желании совершенствоваться в игре и, главное, выигрывать — я уже сказал. Другой составляющей была неплохая функциональная подготовка. Несмотря на не совсем атлетичное с первого взгляда телосложение, я был довольно жилистым, выносливым и взрывным. Кроме того, прекрасную базу для баскетбола дали занятия легкой атлетикой. Во-первых, оттуда — динамика и взрыв в прыжке, ставшие впоследствии отличительной чертой моего игрового почерка. Во-вторых, и это очень важно, умение тренироваться индивидуально и готовность нести индивидуальную ответственность во время соревнований. Я много раз говорил, что если бы в игровых видах спорта у всех была такая же персональная заряженность на результат и способность выжать из себя все, на что способен, прогресс был бы колоссальным.

Бедой многих игровиков является формирующаяся с детства подсознательная надежда на партнера по команде, некая задняя мысль: «если у меня не получится, сыграет кто-то другой». В итоге в решающих, экстремальных ситуациях люди стремятся не обеспечить результат, а любой ценой избавиться от мяча. Думаю, что во многом благодаря занятиям индивидуальным видом спорта я на всю жизнь приобрел умение рассчитывать, если потребуется, только на свои силы и отсутствие боязни брать игру на себя.

Важная предпосылка моего спортивного роста была в том, что я всегда тренировался со старшими. Я постоянно был в состоянии жесткой конкуренции, мне нужно было доказывать, что я не хуже, и постоянно было к чему стремиться. Вообще, главное впечатление от начального периода моих занятий спортом — эта всеобщая увлеченность, доброжелательное и душевное отношение друг к другу, отсутствие закулисных игр.

Дворовый спорт как двигатель прогресса

В качестве другой предпосылки моих будущих успехов не могу не назвать дворовый спорт, который был великим двигателем спортивного прогресса. Не секрет, что практически

все великие игроки — футболисты, баскетболисты, хоккеисты — выросли именно из дворовых команд, служивших основой и для всесоюзных детских соревнований «Золотая шайба», «Кожаный мяч», «Оранжевый мяч». Помню, как я еще в 51-м году, подвязав резинками чулки и взяв под мышку трофейный футбольный мяч, привезенный отцом из Германии, спозаранку выходил во двор и поджидал, когда начнут подтягиваться друзья-товарищи по футбольным баталиям, чтобы провести с ними в этих баталиях целый день.

Самое главное — дворовый спорт не был заорганизован и перегружен методиками. Его двигателем была тяга мальчишек к самовыражению. Умение «водиться», брать игру на себя, поразить всех своим мастерством — вот что, а отнюдь не технико-тактические показатели или данные «плюс — минус» позволяло стать «звездой» двора. Дворовый спорт, таким образом, в первую очередь развивал индивидуальные качества детей, развивал их самобытность.

То, что сейчас стало меньше самобытных игроков, в значительной степени связано именно с фактической смертью дворового спорта. Дети с самого раннего возраста попадают в руки профессиональных тренеров, которые готовят их часто по шаблону, «задавливают» командной игрой и настроенностью на результаты, а радость от игры, свобода самовыражения, самосовершенствования пропадают.

Я уже не говорю про современные специфические факторы отбора молодых спортсменов в составы команд, такие как размер благотворительного взноса, сделанного родителями, их способность оплатить выезд на сборы или соревнования. Все это ставит подготовку игрока с ног на голову, да еще и подрывает веру молодых ребят в спортивную и человеческую справедливость.

Мне повезло — в мое время государство находило пусть небольшие, но стабильно выделяемые средства на поддержку спортивных талантов. Тренировались мы в непрезентабельных условиях, но интенсивно. В течение учебного года тренировки проходили ежедневно, выходные обычно были игровыми днями. Когда я стал тренироваться со студентами, занятия иногда начинались только в 22.30, заканчивались за полночь, а в 7 утра уже нужно было подниматься в школу.

Что касается летнего периода, то он в те времена изобиловал соревнованиями самых разных уровней. Тренировочных сборов как таковых не было (что, возможно, опять-таки к лучшему, потому что мы не отрывались от дома и родителей, жили на привычном домашнем питании), но мы все лето были заняты.

Тренировочные и соревновательные нагрузки были очень высокими.

Деревянные щиты и мяч со шнуровкой

Общая радость от возможности тренироваться и играть, которая меня захватила с самого начала, сегодня может показаться удивительной, потому что собственно материальные условия для тренировок и игр во времена моей юности были на грани фантастики. Форму нам выдавали лишь изредка, да и то лишь трусы и майки. Особая проблема была с обувью — кеды 45-го размера в магазинах отсутствовали как явление. Спортивные трусы мать шила мне собственноручно (благо, материала на них уходило немного, — это сейчас в почете баскетбольные трусы по щиколотку, а тогда мода была противоположной: особым шиком считались максимально короткие трусы). В 10-м классе тренер впервые «пробил» мне шерстяной спортивный костюм, и это сделало меня абсолютно счастливым человеком.

Любой спортивный инвентарь был дефицитом. Когда мы были детьми, то покупали вскладчину вчетвером дугу от лошадиной упряжи, из которой после распила вдоль и пополам получались четыре хоккейные клюшки. Настоящую клюшку отец привез мне из Ленинграда в 60-м, и в тот же день на стадионе ее у меня отняли гопники.

Отец помог вернуть клюшку через пару дней — увы, уже полностью разбитой. Такие же гопники как-то раз чуть не отобрали у меня лыжи. Убегая от них, я установил, думаю, мировой рекорд в дисциплине «бег в темноте по сугробам с лыжами через плечо».

Игры проходили в основном на открытых площадках с грунтовым, реже деревянным покрытием, с деревянными щитами. Летом при температуре +30 такие площадки становились похожими на раскаленные сковороды. Зато, как я шучу теперь, бегали быстрее.

Когда я начинал, в употреблении были кожаные мячи со шнуровкой и резиновой камерой с соском. Чуть позднее появились венгерские ниппельные мячи «Artex». Впрочем, при всей своей «продвинутости» они имели в наших условиях существенный недостаток — на грунтовых площадках мячи быстро протирались, и если мяч со шнуровкой можно было подлатать, демонтировав камеру, то ниппельный приходилось

чинить с тяжелыми усилиями при помощи дратвы и обувной иглы.

Купить мяч было абсолютно невозможно. Чтобы было понятно, какой уникальной ценностью был настоящий баскетбольный мяч, покаюсь вам в своем давнем и, слава Богу, в целом не свойственном мне грехе. Тем более, что сроки давности уже вышли. Когда мне было

14 лет, я украл на спортивной площадке баскетбольный мяч. Во время каких-то занятий перебросил через забор, а затем подобрал и унес домой. С учетом моего семейного воспитания, это был невероятный, экстраординарный поступок. Дома я спрятал мяч на чердак, чтобы. не доставать его оттуда два года. Мне казалось, что весь мир знает о моем отвратительном поступке. Надеюсь, своим вкладом в отечественный баскетбол я хотя бы отчасти искупил свою давнюю вину.

Не баловали нас и усиленным питанием. Только в старших классах и только накануне соревнований нам стали выдавать талоны на питание из расчета 2 руб. 60 коп. в день, которые мы, как правило, обналичивали в столовых по приемлемому курсу. Благо, что домашний рацион в послевоенной Сибири был достаточно качественным. Расстояния между школой и спортивными залами позволяли заходить домой на обед, тетя Катя всегда была дома и готова была меня накормить. До первой поездки на соревнования в 14-летнем возрасте я вообще никогда не питался где-либо, кроме дома.

Впоследствии, когда из дома пришлось уехать, выручала сметана с сахаром, на сборы и соревнования я всегда возил с собой неизменный атрибут советского командированного — кипятильник, брал чай, сахар, орехи, мед. Вообще к перееданию я никогда не был склонен, в поездках товарищи по команде стремились оказаться со мной за одним столом, чтобы перехватить не съеденную мной порцию.

Вот, в целом, описание материальных условий для занятий спортом в СССР на детском и юношеском уровнях. Излишне, наверное, говорить, что никаких денег нам не платили никогда, первую зарплату де-факто профессионального игрока я стал получать только в свердловском «Уралмаше».

Окончание школы

В школьные годы у меня была одна страсть, одно желание —

играть в баскетбол. Телевидение тогда не было доступным (наверное, к счастью), спортивные издания можно было по пальцам пересчитать, поэтому свой интерес к спорту я реализовывал только в упорных тренировках и в игре. Никто, включая тренера, не ставил передо мной конкретной цели — стать профессионалом; у меня не было корыстной мотивации. Я просто знал, что хочу стать большим игроком.

До 9-го класса я был отличником. Хорошие оценки в школе я зарабатывал отчасти ради матери-учительницы, для которой мои успехи в школе были делом профессиональной чести. Однако в 9-м классе я честно сказал ей, что пахать за пятерки в школе ради ее амбиций я больше не буду.

Школу я окончил в 18 лет, на год позже, чем мог бы. Дело в том, что мои старшие классы пришлись на период очередного эксперимента в народном образовании, и моя школа стала «производственной». Это означало, что по вторникам и четвергам вместо учебы мы должны были работать на заводе, за счет чего появлялся дополнительный

11- й класс. Ничего не имею против производства, но эксперимент этот был бездарно организован и пользы никакой не принес — на заводе мы просто никому не были нужны. Мы быстро раскусили, что достаточно прийти к началу смены, отметиться у мастера и через ту же проходную — обратно по своим делам.

Вместо производственного обучения у нас были, таким образом, два дополнительных выходных, которые я проводил, разумеется, в спортзале или на стадионе. Это еще больше расхолодило меня по отношению к учебе.

В ту пору профессионализм в советском спорте не принято было широко обсуждать, но все, кто начинал заниматься спортом, и я в том числе, понимали, что высокие достижения не совместимы с какими- либо иными занятиями. Понятно, что и я не в состоянии был совмещать с чем-либо ежедневные двух-трехразовые тренировки, которые стали для меня реальностью с тех пор, как я в 66-м впервые попал в сборную Союза, и вплоть до окончания карьеры игрока.

При этом я не был дебилом, какими часто изображают спортсменов, и думаю, что мог бы получить хорошее образование и состояться в какой-либо профессии. В школе мне нравилось рисование, и, скорее всего, если бы не спорт, я поступил бы в строительный институт и стал бы архитектором.

Делая выбор в пользу большого спорта, я не тешил себя иллюзиями и понимал, что о продолжении серьезной учебы, куда бы я ни поступил, речь не пойдет. Поэтому, получив приглашение

от Московского лесотехнического института о поступлении, я имел целью в основном продолжение спортивной карьеры. Забегая вперед, скажу, что отучившись в нем два года и попав в «Уралмаш», я провел несколько лет в Свердловском УПИ и затем в Свердловском педагогическом институте, а окончил в итоге «Малаховку»[7]. Вся моя студенческая эпопея заняла около 15 лет, и качество своего высшего образования, обычное для всех больших спортсменов моего поколения, я не переоцениваю.

Мои родители, следует отдать им должное, отнеслись с пониманием к моему выбору в пользу большого спорта. Впрочем, мое желание играть на высоком уровне было во мне настолько сильным, что перехлестывало чьи бы то ни было иные мнения. Даже мнение тренера Георгия Реша не было для меня довлеющим, тем более, что наши взаимоотношения всегда были исключительно деликатными.

Я просто не реагировал на чужие мнения. Баскетбольная площадка с детства была для меня единственным местом, где я был сам собой. Я проживал там всю свою жизнь, я переживал там комедии и трагедии. Это был мой мир, в котором я хотел состояться.

Перед расставанием

В старших классах у меня уже были некоторые успехи в спорте. В 1961-м после выигрыша матча 12 городов я выступал в составе сборной РСФСР на Спартакиаде школьников в Баку. Именно там меня и высмотрели селекционеры «Лестеха».

В сезоне 1962-го я вновь в составе сборной Томска принимал участие в турнире 12 городов. На этот раз наше выступление оказалось не блестящим, в первую очередь из-за причин организационного характера. Состав команды был сформирован наспех, Реша на тренерском мостике не было.

Феноменальной была даже наша дорога в Череповец, где проходили игры: из-за неудачно организованной логистики нам пришлось последние 4 часа пути до Вологды проделать на открытой платформе товарняка (!), после бессонной ночи ехать в Череповец на электричке, чтобы прибыть к месту назначения. за 20 минут до начала своей первой игры. Кстати, тот первый матч мы на характере выиграли у Краснодара, мои шесть подряд очков со штрафных на последних секундах внесли решающий перелом в игру.

Вторую игру — у Татарской АССР, мы снова выиграли, и снова залогом победы стали очки, набранные мной в концовке со штрафных. К сожалению, три следующих матча — с Московской областью, Челябинском и Куйбышевом — мы проиграли. Лишь в последнем туре мы «хлопнули дверью», обыграв шедшую без поражений сборную Ярославля, что стоило ей упущенного первого места. Второй год подряд я стал самым результативным игроком турнира с 232 очками в 7 матчах, а также был признан самым техничным игроком.

Я комфортно чувствовал себя в Томске в командах, которые тренировал Георгий Реш, и я испытывал к нему чувство безмерной благодарности. Первые успехи были многообещающими, хотя и не такими уж масштабными. И тем не менее я интуитивно начал ощущать, что в томском баскетболе мне уже совсем скоро станет тесновато.

Малая родина

Я безмерно благодарен своей малой родине — городу Томску — за все, что этот город дал мне и моей семье. В особенности — за старт в виде спорта, ставшем моей судьбой на всю жизнь. Я считаю, что физическая и психологическая закалка, которую я приобрел в Сибири, сыграла исключительно позитивную роль в моей последующей карьере баскетболиста.

Сибиряки — суровый, не склонный к излишним сантиментам народ. Тем более удивительным и трогательным кажется мне их отношение к достигнутым мной успехам в спорте. Томичи никогда не пренебрегали возможностью подчеркнуть свою гордость моим происхождением из нашего города и, когда бы я ни возвращался туда, всегда встречали меня с искренними теплотой и радостью. Уверен, что когда я вместе со своими товарищами по сборной бился из последних сил в смертельном противостоянии с американцами в финале мюнхенской Олимпиады, именно томичи были моими самыми преданными и яростными болельщиками.

Моя принадлежность к городу Томску послужила основанием для одного уникального явления. С 1971 года (т. е. еще со времен до нашего мюнхенского триумфа) в Томске ежегодно проводится детский баскетбольный турнир — Кубок Сергея Белова. Длительность истории этого соревнования не имеет аналогов в отечественном, а возможно, и в мировом спорте.

Соревнования неизменно привлекают множество участников и проводятся областными властями на самом высоком уровне. Их проводили без сбоев даже в лихие 90-е, когда средств не хватало и на гораздо более важные мероприятия.

Я с удовольствием, когда позволяют обстоятельства, посещаю этот турнир своего имени. Для меня его проведение — огромная честь, и то, что мои успехи вот уже почти 40 лет становятся ориентиром и примером для десятков и сотен молодых спортсменов, — это и есть, возможно, мое главное достижение в жизни.

В Москву

С 15 лет я знал, что единственная команда, в которой я хочу и буду играть, — это ЦСКА. Причем значение для меня имели не материальные условия (о том, что в ЦСКА они лучше, чем в других командах, я только догадывался), а сила и авторитет этого суперклуба. Однако путь туда оказался долгим и непростым.

В Москву как таковую я не особенно стремился. Однако с учетом моей нацеленности на ЦСКА предложение о продолжении баскетбольной карьеры в «Лестехе» показалось мне подходящим. Вуз, в который мне предложили поступить после окончания школы, несмотря на название — Московский лесотехнический институт, — базировался в Московской области (платформа «Строитель») и имел неплохую баскетбольную команду, игроки которой входили в состав молодежной сборной РСФСР (напомню, что Москва и Ленинград выступали тогда по традиции самостоятельными сборными). Я рассчитывал, что, оказавшись в орбите московского баскетбола, быстро сумею обратить на себя внимание тренеров ведущих команд.

Должен признаться, что тяга к баскетбольному Олимпу на этот раз оказалась не единственным аргументом для принятия решения о переезде в столицу. Свою роль здесь сыграла опять-таки бакинская Спартакиада школьников. Именно там я познакомился с девушкой по имени Наталья, приезжавшей в столицу Азербайджана соревноваться в составе одной из московских сборных. За нашим знакомством последовал период романтической переписки, и москвичка прочно заняла место в моем юном сердце. Возможность перебраться поближе к объекту своих чувств также повлияла на принятие мною решения.

В то же время вопрос был не таким уж однозначным,

поскольку мой отец был, в принципе, против этой перспективы. Решающую роль сыграло доверие ко мне со стороны матери. На семейном совете по поводу моего предстоящего переезда в Москву по окончании школы она сказала сакраментальную фразу: «Я ему верю, пусть едет».

Возможно, я уехал бы и без родительского разрешения, но наличие такового, бесконфликтное продолжение спортивной карьеры, конечно, были важны.

Дополнительным аргументом в пользу выбора учебного заведения стало то, что там работала подруга матери, под «присмотр» которой меня можно было отпустить из провинции. Так осенью 1962-го я оказался в столице.

Глава 4
УРАЛЬСКИЙ ТРАМПЛИН

Столица

В мои 18 лет Москва поразила меня ритмом жизни, к которому я долгое время не мог привыкнуть (правда, когда привык, этого ритма стало уже не хватать, и Свердловск после Москвы показался захолустьем). Я жил в ближнем Подмосковье и в столицу наезжал 2-3 раза в неделю, благо проезд был недорогим — 20 копеек на электричке и

5 копеек на метро. В Москве я ранее неоднократно бывал с матерью, которая меня провела по всем основным музеям и достопримечательностям, поэтому, честно скажу, после переезда в музеи уже не ходил. В Большом театре был несколько раз, но театралом не стал.

Зато увлечение спортом нашло в большом городе благодатную среду. С удовольствием посещал футбольные матчи в «Лужниках», ходил на хоккей. Болел в основном за футбольный «Спартак», поскольку жил в паре остановок от «Тарасовки» и не раз приезжал на знаменитую спартаковскую базу посмотреть, как тренируются футболисты. Футбольные, хоккейные, баскетбольные игры собирали тогда огромное количество зрителей (например, на матчах «Спартак» — киевское «Динамо» стабильно было по 100 тысяч, в 63-м году за игрой баскетбольных ЦСКА и «Реала» наблюдали 14 тысяч), билеты на игры продавали с «нагрузкой». Бешеный ажиотаж вызывали легкоатлетические матчи СССР — США.

Обстановка на стадионах была удивительно доброжелательная, отсутствовали какие-либо признаки агрессии, хотя на трибунах разрешалось пиво в стеклянных бутылках (а других тогда и не было). Спорт удивительно объединял людей. Я сам могу засвидетельствовать потрясающее чувство единения с согражданами, которое испытал, находясь в 63-м на стадионе в момент установления Брумелем[8] мирового достижения в прыжках в высоту.

В «Лужниках» была прекрасно организована спортивно-

досуговая инфраструктура, там можно было провести целый день одному, с компанией или семьей. Вокруг главного стадиона были размещены многочисленные спортивные площадки, доступные для всех желающих, в выходные дни организовывалась выездная торговля.

60-е

В целом обстановка, общечеловеческая атмосфера тех лет была очень доброжелательной. Мои воспоминания о 50-х годах включают в себя некоторые тревожные моменты: помню, как после сталинской послевоенной амнистии сибиряки крепче запирали ставни и засовы, держали наготове ружья — опасались уголовников. Помню сталинские снижения цен. О 60-х впечатления, конечно, более светлые.

Отношения людей друг к другу были человечными, добрыми. Хотя без хулиганов и драк дело, конечно, не обходилось. Например, перед Новым 1963 годом подгулявшая компания на улице пробила мне голову грифом от гитары. Серьезная преступность если и была, то в глаза не бросалась. Не было национальной неприязни. Кавказцы хотя и выделялись — как правило, богатством, иногда развязным поведением, — но ненависти или вражды не вызывали.

Еще Москва бросалась в глаза более высоким, по сравнению с провинцией, уровнем жизни. Как сейчас перед глазами — зима, улица Горького и девушки-москвички в норковых шубках и на «шпильках». Особняком по тем временам были владельцы 21-х «Волг» — с учетом отсутствия тогда «Жигулей» эти чудо-машины выглядели на улицах Москвы как сейчас, пожалуй, «Ламборджини» и «Бентли».

Что касается девушек, то знакомство с ними занимало тогда немало времени и усилий. Флирт, направленный на то, чтобы склонить даму сердца к близости и затем выскочить из этой ситуации без штампа в паспорте, был целым искусством. Поэтому подруги в ту пору присутствовали в моей жизни эпизодически — знакомства отнимали слишком много времени, что в мой ритм жизни не вписывалось.

Кстати, романтическая составляющая моего переезда в столицу неожиданно дала сбой. Как это нередко бывает, оказавшись рядом, мы с Натальей несколько разочаровались друг в друге и на некоторое время прекратили общение. Впрочем,

забегая вперед, скажу, что в

1966- м мы все-таки поженились.

В то же время вполне благополучной ту эпоху тоже не назовешь. Если в 1962-м в столовых еще давался бесплатный хлеб, то следующий год уже запомнился пустыми полками магазинов. Политика Хрущева была в народе в целом непопулярной, было ясно, что она ведет к обнищанию людей. Смену Хрущева после «славного десятилетия»[9] помню, но без деталей — увлечение спортом безоговорочно преобладало над интересом к политике.

Первые неудачи

Если говорить собственно о моей спортивной карьере в столице, то два года, проведенные в «Лестехе», стали для меня после безоблачной юности в Томске суровой школой жизни. Меня зачислили на новый и весьма престижный факультет электроники и счетно-решающей техники, но учебе я внимания почти не уделял. Жить стал в общежитии, впервые оторвавшись от семьи.

Я тренировался и играл за команду вуза (который, хотя и базировался в Московской области, участвовал в первенстве Москвы), а также за молодежную и взрослую сборные Московской области. Играл неплохо, забивал, как правило, по 20-30 очков за игру. Несмотря на это, «старики» институтской команды встретили меня в штыки. Впечатления от тренера команды после моего первого наставника Реша, который был мне почти как отец, были разочаровывающими.

Ко всему прочему тренер сборной Московской области Г. Т. Никитин (в прошлом — тренер олимпийской сборной СССР на Олимпиаде в Мельбурне) почему-то невзлюбил меня и сформировал обо мне точку зрения — «ничего из него не получится, слюнтяй». Возможно, свою роль сыграли мои неказистые физические данные — атлетом я тогда не выглядел, хотя внутренняя сила, выносливость, закалка были уже тогда.

Самое главное, как я теперь понимаю, — я не был готов выступать в Москве психологически. Как я быстро понял, Москва любит готовых героев, в нее надо въезжать на белом коне или жестко отвоевывать свое место под солнцем. К такой жесткой борьбе я и не был готов.

В команды мастеров в ту пору, как правило, попадали в возрасте около 20 лет (правда, в ЦСКА, случалось, после

зачисления людей еще «вымачивали» по 5-6 лет в запасе). У особо одаренных в этом возрасте уже были и международные достижения. Например, Толя Поливода в 67-м стал чемпионом мира в 21 год. Поэтому отсутствие приглашений в московские клубы по прошествии двух лет в «Лестехе» вызывало у меня известное напряжение.

Это была пора преодоления первых настоящих трудностей и соблазнов (помню, что через год пребывания в Москве «утратил девственность» — научился пить водку, которую раньше не пробовал). Главным было не сломаться, потому что на фоне этого напряжения, отсутствия ко мне серьезного интереса, туманности пути в большой баскетбол стали появляться и предательские мысли о завершении занятий спортом.

Сейчас я благодарен судьбе за тот период жизни, который оказался крайне тяжелым, но неоценимо полезным. Если бы я его не прошел, то не узнал бы много важного, не приобрел бы необходимую закалку, не выработал бы умения переоценивать свою жизнь. Главное, что я понял уже позднее, — этот период научил меня вниманию к Божьему промыслу, который нужно уметь с достоинством принять.

Выручали меня, как всегда и до, и после, тренировки и игры. Несмотря на уныние, я продолжал жить баскетболом, тренироваться и бороться за свою мечту.

Переход в «Уралмаш»

В 1964 году в Подольске проходили совместные сборы молодежной и взрослой команд РСФСР. После него сборные провели товарищеские игры с Польшей в Череповце и Свердловске. Базовой командой для взрослой сборной РСФСР был тогда свердловский «Уралмаш», 14-кратный чемпион России.

На заключительном ужине после игр в Свердловске ко мне подошел основной игрок «Уралмаша» Александр Кандель — легенда российского, да, пожалуй, и советского баскетбола тех лет — и, поговорив о том, о сем, предложил позвонить да потом и переехать к ним в Свердловск. Если, конечно, меня не держит слишком сильно «Лестех». О нет, меня там совсем ничто не держало!

Предложение Канделя — суперигрока — было для меня лестным, но всерьез я его сразу не воспринял. А вот когда вскоре по возвращении в родной институт мне потребовалось получить

какие-то справки для зачетов в Спорткомитете РСФСР и со мной на тему перехода в «Уралмаш» заговорил Константин Иванович Травин — государственный тренер России по баскетболу и отец легендарного игрока ЦСКА и сборной Александра Травина, — я принял решение.

Поездка в Свердловск не была «смотринами» в полном смысле. Меня там и так знали как облупленного, а я сколько-нибудь значимых условий переезда выдвигать не собирался. Так что, ознакомившись с условиями быта, я вернулся в общежитие за своими нехитрыми пожитками и, даже не удосужившись забрать документы из института, летом 1964-го перебрался из Московской области в Свердловск.

Старт во взрослом баскетболе

Свердловский «Уралмаш» в ту пору чередовал выступления в высшей и первой лигах союзного чемпионата, т. е. был 10-12-й командой в СССР. Приехав в Свердловск, я сразу попал в переходный турнир, который закончился для команды неудачно, и она выбыла в первую лигу. Считаю, что это было мне во благо, так как у меня была возможность для адаптации к взрослому, «мужскому» баскетболу.

В «Уралмаше» я нашел прекрасный «полигон» для доводки моих баскетбольных навыков и функциональной подготовки. Тренировал команду замечательный тренер Юрий Георгиевич Густылев, который чем-то напоминал мне первого тренера своей человечностью и деликатностью. Постоянно тренируясь, я добился быстрого прогресса. Осенью 64-го я в стартовую пятерку команды не попал, но уже летом 65-го был одним из ключевых игроков основного состава.

Несмотря на то что предложение о переходе в «Уралмаш» я получил от «самого» Канделя, нельзя сказать, что в команде меня приняли с распростертыми объятиями. Во взрослом мужском баскетболе царили свои неписаные законы и правила, в провинциальной команде они имели свою специфику.

Например, железно чтимое правило состояло в том, что, находясь на площадке, во время любой атаки любой игрок всегда отдавал пас в центр Канделю для решающего броска. На этой нехитрой схеме много лет был построен весь атакующий потенциал команды. Александр Ефимович реализовывал отданные ему передачи с высокой эффективностью. Но я,

разумеется, видел свою роль на площадке принципиально иначе. И поначалу «отгребал» от ветеранов за свою игровую философию по полной.

Усугублялось это тем, что я, будучи хорошо тренированным и жилистым, по-прежнему не обладал богатырским телосложением. Однажды во время игры в Тбилиси один из ветеранов «Уралмаша» Толя Еремеев — за 190 см, косая сажень в плечах, перворазрядник по боксу в супертяжелом весе, — недовольный моей игрой, во время минутного перерыва просто схватил меня рукой за горло, приподнял над лавкой и об эту же лавку меня шваркнул.

Одновременно я впервые столкнулся с настоящей мужской борьбой на площадке. Если раньше я блистал на юношеском уровне и моего мастерства было достаточно, чтобы уходить от любой опеки и занимать позицию для точного броска, то здесь все было гораздо сложнее. В свой первый сезон «по мужикам» я опытным путем познал, что такое борьба за мяч под щитами, для чего баскетболисту нужны локти, что происходит на поле, пока арбитр смотрит в другую сторону, и многое другое.

Опытные матерые игроки, годами выступавшие в командах первой лиги, не были корифеями в баскетболе, но его теневую сторону освоили досконально. Эта сторона нашего вида спорта особенно процветала в связи с отсутствием телевизионных трансляций. Сейчас в это трудно поверить, но тогда в момент пробития второго штрафного броска, пока все, включая судей, следят за мячом, вполне в порядке вещей были откровенные удары локтем в солнечное сплетение игроку команды соперника, ожидающему отскока.

Умение преодолевать жесткую оборону и удары локтями, быть всегда предельно собранным и готовым к любой агрессии соперника, приобретенное мной в том первом сезоне, очень пригодилось мне впоследствии. Игра в «Уралмаше» стала для меня настоящей школой жизни в большом баскетболе. По заданию тренера я осваивал «персоналку», весь сезон костьми ложился в защите. Лишился нескольких зубов и перенес пару переломов носа. Но это меня не остановило. Я не разлюбил баскетбол и по-прежнему стремился забивать.

Постепенно отношение ветеранов команды ко мне стало меняться. Я добился уважения к себе. В первую очередь, за счет того, что я продемонстрировал несгибаемый характер, а главное — пахал, как одержимый, и в играх, и на тренировках.

Отношение к тренировкам, игровое амплуа

Тренироваться я любил. Пяти тренировок в неделю в команде «Лестеха» и даже двух тренировок в день на сборах мне не хватало. В «Уралмаше» тренировались один раз в день, лишь за 10 дней до очередного тура (в чемпионате СССР тогда играли турами по 5 игр в течение 6 дней) переходили на двухразовые тренировки. Эта нагрузка тоже была для меня недостаточной, и — благо жил я прямо на стадионе — я стал тренироваться индивидуально практически с утра до вечера. Утром — занятия на стадионе, где я использовал свой легкоатлетический бэкграунд. Днем — в зале с мячом или со штангой.

Тренеры по другим видам спорта, работавшие на стадионе, понаблюдав все это, деликатно задали вопрос руководству баскетбольной команды — «что за сумасшедшего вы привезли, он тренируется постоянно?» Впрочем, оценки других меня по-прежнему не волновали.

Помимо горячего желания вырасти до уровня ЦСКА и сборной страны, я уже тогда стал понимать, наверное, пока интуитивно, что стать по-настоящему большим мастером в профессиональном баскетболе позволят только сверхнагрузки на тренировках, включая функциональную подготовку.

Именно тогда я, вопреки господствовавшим подходам к тренировке баскетболистов, начал приседать с большими весами (до 140 кг), закачивая ноги, что впоследствии обеспечило мою долгую карьеру игрока. Главным в тренировке для меня было узнать и усвоить что-то новое, когда этого не происходило, я был разочарован.

Как это ни странно, такое разочарование постигло меня, когда я впервые был приглашен в сборную СССР. Помню, вернувшись, я сказал товарищам, что больше в сборную не поеду — так не понравилось. Тренировки у Гомельского показались неинтересными, не соответствовали моему пониманию, видению игры. Оно к тому времени уже начало складываться. Уже тогда я начал использовать резкие остановки, рывки, смены направления, бросок с двух ног, — все, что позднее позволило мне стать суперигроком.

В тот период окончательно определилось мое игровое амплуа. В детском спорте я начинал как 1-2-й номер. За одно лето вырос сразу на 10 сантиметров и в одночасье превратился в центрового. Потом, ближе к юношескому возрасту, когда сверстники догнали и перегнали меня в росте, стал 3-м. Благодаря таким перемещениям с позиции на позицию позднее в ЦСКА и сборной я, играя в основном атакующего защитника, мог в случае необходимости сыграть и легкого форварда. Благодарить

за это я должен был школу первого тренера, готовившего игроков не по схемам, а разнообразно. Кстати, у Модестаса Паулаускаса позднее переход с 3-го на 2-го происходил более болезненно.

Благодаря тому, что я рано стал уделять особое внимание физической подготовке, травм у меня было мало. Первую травму я получил в возрасте около 17 лет, еще играя в Томске, из-за перенапряжения, после того как сыграл в один день две игры, а наутро третью. Позднее, уже в ЦСКА, однажды сломал в игре руку. В 1974-м у меня были серьезные проблемы с коленями, но и с ними я справился без оперативного вмешательства (о советской спортивной медицине тех лет я особо расскажу позднее). Вот, пожалуй, и все травмы, ну, не считая семи переломов носа, но это уже из другой области. Баскетбол — игра суровая, и локтями в ней бьют жестоко, часто исподтишка (в последнем особенно преуспевали братья-югославы).

Кстати, может быть кому-то мое наблюдение покажется интересным: в мое время у игроков практически не было травм коленных суставов и связок. Я считаю, что так было из-за отсутствия практики тейпования. Я во время карьеры игрока надевал тонкий носок, поверх него обматывал голеностоп эластичным бинтом, сверху еще один носок — и вперед. Сейчас голеностоп баскетболиста намертво зафиксирован тейпом, высокие подошвы кроссовок постоянно создают колебания голени, которые переходят напрямую в колени и гробят мениски и крестообразные.

Впервые в элите

По результатам сезона 1964/65 года «Уралмаш» вернулся в высшую лигу. Впервые я оказался в элитном дивизионе советского баскетбола, в котором мне предстояло задержаться на 15 лет.

В сезоне 1965/66 года у нас была неплохая команда. Я уже прочно входил в стартовую пятерку, нередко проводя на площадке по 40 минут за игру. Равноценных старту игроков на скамейке не было, поэтому мы береглись от перебора фолов, зная, что должны доиграть матч впятером. Получение необязательных фолов приравнивалось к предательству.

С такими грандами, как ЦСКА и киевский «Строитель», нам бороться было нереально. Тяжело было играть с каунасским «Жальгирисом», тбилисским «Динамо». Ленинградский «Спартак»

тогда только начинал набирать силу. С ним и с остальными командами — такими как ВЭФ, «Калев», рижский и киевский СКА, вильнюсская «Статиба», тбилисский ГПИ, — мы сражались, в принципе, на равных.

Главное, мы никогда заранее не смирялись с вероятным поражением от более сильной команды, и когда тренеры предлагали нам поберечь силы в матчах с фаворитами для того, чтобы потом дать бой равным по силе командам, мы возмущались и бились насмерть. В итоге мы не раз уступали по 1 очку ЦСКА, а потом проигрывали своим конкурентам за места в середине и в низах таблицы. В последнем туре, помню, мы обыграли ленинградский «Спартак», лишив его тем самым бронзовых медалей, а сами заняли в турнирной таблице девятое место из 12 участников. Безоговорочным чемпионом стал ЦСКА, за ним расположились киевский «Строитель» и рижский ВЭФ.

В результаты команды я вносил немалую лепту, забивал по 2030 очков за игру, а игры в турах, напоминаю, происходили каждый день в течение недели. В 1965-м на Спартакиаде профсоюзов мы в «Лужниках» «отчесали» киевский «Строитель», после чего я получил от киевлян первое для меня официальное предложение о переходе в один из советских суперклубов. Это предложение я проигнорировал. Для меня, как я уже говорил, существовал только ЦСКА.

Получилось так, что этот первый сезон в высшей лиге, проведенный за «Уралмаш», оказался для меня фактически и последним, хотя в команде я оставался до конца 1968-го. Дело в том, что в конце 1965-го я получил первое приглашение в сборную СССР и впоследствии стал привлекаться в нее на регулярной основе. В сезоне 1966/67 года чемпионат СССР не проводился из-за летней Спартакиады народов СССР, а в так называемом «всесоюзном зимнем турнире» я играл за сборную, которая выступала в нем, готовясь к предстоящим чемпионатам мира и Европы.

Предолимпийский сезон 1967/68 года на всесоюзной арене также оказался экспериментальным. В национальном чемпионате сборная СССР выступала наравне с клубными командами, вне конкурса. Стоит отметить, что в отличие от сегодняшней ситуации, когда тренеры сборных команд должны выклянчивать игроков у профессиональных клубов, тогда тренер национальной команды был всесилен. Весь внутренний календарь целиком и полностью формировался под его нужды и запросы.

В итоге в том чемпионате преуспели тбилисские динамовцы. Второе место занял киевский СКА, а выступавший без «сборников» ЦСКА, обескровленный, остался только третьим.

«Уралмаш» занял 11-е место.

Материальные условия в «Уралмаше»

Материальные условия, которые мне предложил «Уралмаш», были небогатыми. Меня поселили в комнатке при стадионе (поначалу мы там обитали втроем, потом я постепенно «пережил» своих соседей, улучшивших свои жилищные условия раньше меня, и остался единственным жильцом). Позднее я получил от завода квартиру, в которой до отъезда из Свердловска проживал с молодой женой.

Трудоустроили меня в спортивном клубе завода с зарплатой в 80 рублей. Эта сумма и была моим единственным основным доходом вплоть до перехода в ЦСКА.

Чтобы дать полное представление о «профессионализме» в советском баскетболе тех лет, приведу лишь два небольших примера. Первый — в качестве основной премии от свердловских властей за победу на чемпионате мира в 67-м году фигурировало право вне очереди приобрести — за свои деньги! — холодильник отечественного производства. Второй — до сих пор вызывающая у меня слезы история.

Вскоре после того, как я обосновался в Свердловске, тренер как-то отозвал меня и потихоньку велел оформить вклад в сберкассе («положи туда ну рублей десять»), на который завод помимо моей зарплаты будет ежемесячно перечислять еще по 80 рублей. Помню, как я наскреб последний червонец и открыл, наивный, этот вклад, после чего уехал на сборы и игры месяца на три. Уверенный в том, что за время моего отсутствия на сберкнижке накопилось больше двух сотен, я вынашивал планы приобретения по возвращении в Свердловск прекрасного магнитофона «Днепр».

Увы, на вкладе по-прежнему мирно покоились те самые десять рублей, оставленные мной до отъезда. Разочарованию моему не было предела. Я немедленно снял проклятый червонец со сберкнижки и. как распорядился им в тот же вечер, вы, думаю, догадываетесь.

По сути, единственной неотъемлемой привилегией для профессионального спортсмена в СССР, после того как он выходил на определенный уровень мастерства, была гарантированная возможность круглый год находиться на тренировочных сборах, проводимых по какой-либо линии, —

национальных сборных, клубных команд, профсоюзов и т. д. Это означало не так уж мало, как я понимаю это сейчас, в современных условиях, — возможность бесплатно питаться и тренироваться.

Восприятие профессионального спорта

Несмотря на то что по поводу материального благополучия спортсменов в СССР в обывательском сознании встречалось искаженное и неприязненное мнение, в целом спортсмены высокого уровня, особенно в игровых видах, были народными любимцами. Успех на международной арене поднимал популярность. Думаю, что спортивные звезды тех лет были ярче, а уж горели они тогда точно ярче на общем «усредненном» фоне.

Дело в том, что по-настоящему ярких впечатлений в жизни нашего народа было тогда немного. Телевидение было в ограниченном доступе, а такого изобилия спортивных каналов, как сегодня, не было и подавно. Лучшие спортсмены, лучшие спортивные команды были легендами. Порой эти легенды обрастали и откровенными небылицами (наподобие «правдивых» историй о том, что у бразильцев на воротах стоит обученная обезьяна, или о забинтованной ноге — «левою ногой ломает штанги, правой бить ему запрещено»). Я думаю, что в спорте люди находили некую мечту, сказку. Если хотите, как-то дореализовывали себя в дополнение к окружающим их серым будням.

Сегодня отношение к звездам иное — к ним привыкли. В чем-то плохую службу сыграло обилие информации — взгляд болельщика, пресыщенный десятками спутниковых каналов, «замыливается», привыкает к шедеврам спортивного мастерства, перестает воспринимать игру должным образом. Пропадает ощущение восторга, тайны, детской радости. Сегодня можно купить майку с фамилией и номером любой звезды, ребята стараются подражать своим героям прической, одеждой, манерой поведения.

В самом по себе подражании нет ничего плохого, плохо то, что теперь мало стараются подражать звездам по сути, т. е. перенять их мастерство, характер, силу духа. В конечном счете, должно быть желание перенять лучшее от своего героя, а затем и превзойти его. Не просто преклоняться перед Джорданом, а отчистить его — вот что казалось бы мне достойной мечтой.

Кроме того, преклоняясь перед зарубежными звездами, не стоит забывать и о своих, как былых, так и нынешних. Мы по-прежнему великая спортивная страна, и к героям спорта сегодняшнего дня, как и к игрокам моего поколения, я отношусь с огромным уважением.

Кандель и старый «Уралмаш»

Возможность вплотную соприкоснуться с такими мастерами, перенять от них все лучшее, чего они достигли, стала еще одним безусловным плюсом моего пребывания в свердловском клубе. Только ради одного этого стоило бы бросить ненавистный «Лестех».

Одним из подлинных профессионалов, мастеров баскетбола был лидер «Уралмаша» Александр Ефимович Кандель — уникальный человек, легенда. К моменту моего появления в Свердловске ему было около тридцати. При росте 195 см он обладал такой физической мощью и неординарностью игры, что легко играл основного центра в «Уралмаше», был 15-кратным чемпионом РСФСР, одним из самых результативных игроков в советском баскетболе, забивая по 30-40 очков за игру. В 1961-м Кандель в составе сборной СССР стал чемпионом Европы.

Основной чертой его фирменного игрового стиля был знаменитый «крюк», которым он мог бросать с обеих рук и отовсюду — со штрафной, с «усов», с 5-6 метров. Накрыть его «крюк» не удавалось практически никому. Отчасти этот феноменальный бросок был выработан им не от хорошей жизни: относительно невысокий для центрового рост не позволял ему на равных биться с «большими» под кольцом, эффективно бросать он мог, только отойдя от опеки на некоторую дистанцию.

Это был уникальный человек и в жизни. Еврей по национальности, Кандель в детстве играл на скрипке и с детства же сохранил необъяснимый страх по отношению к отцу. Чудовищная физическая сила, огромные плечи и бицепсы не вязались с этими чертами личности. Кандель долго не был женат и жил один в выделенной ему заводом двухкомнатной квартире, обстановкой которой были телевизор, две кровати с продавленными панцирными сетками и две двухпудовые гири. Спал он всегда с открытым окном под тонкой простыней даже при «-40» за бортом и своей физической мощью напоминал кряжистый дуб. Еще у Канделя были 21-я «Волга» (как у ветерана и основного

игрока «Уралмаша») и. известное увлечение, с которыми и связано одно из моих наиболее ярких жизненных воспоминаний.

Дело в том, что помимо слаженной, упорной игры, дружного коллектива «Уралмаш» тех лет имел также и другую славу, негативную. Как пили в этой команде, я никогда в своей жизни больше не видел. Это были не люди, просто былинные богатыри какие-то! В их обиходе рюмок не было, вот что я могу о них сказать. При тренере они пили коньяк под видом чая.

Впервые я столкнулся с этой дружиной как раз на тех играх в Череповце, незадолго до памятного предложения о переходе в «Уралмаш». Около 10 утра после игры я по какой-то надобности заглянул в один из номеров гостиницы, где жили свердловчане, и с порога двери увидел такую картину: накрытая поляна (в 10 утра!), и уралмашевцы во главе с Канделем, чинно и строго сидящие вдоль нее, готовые начать.

Я попытался немедленно исчезнуть, но не тут-то было. «Э, ты куда? — настиг меня голос Канделя, — а ну, иди к нам. Будешь?» Тогда надо мной еще довлели авторитеты старших товарищей, и отказаться я не сумел — быстро заглотил стакан и выскочил из номера. Не исключено, что этот утренний «декохт» сыграл свою позитивную роль в последовавшем приглашении Александра Ефимовича.

Уже став игроком свердловской команды, я увидел весь трагизм алкогольной зависимости не только игроков, но и подавляющей части мужского населения города. Перед проходной машиностроительного гиганта была площадь, по окружности которой веером располагались распивочные и магазины, где из конусообразных колб, в которых тогда обычно продавали фруктовые соки, наливали портвейн. Они-то и принимали на себя первый удар завершившей трудовую вахту смены, далее городские кварталы с другими заведениями поглощали в себя все менее трезвых по мере удаления от площади работяг.

Однажды, пробираясь через эти трущобы и проходя череду частных гаражей, из одного из них я неожиданно услышал сдавленный крик: «Серега! Давай сюда!» В автомобильной яме под 21-й «Волгой» сидел Александр Ефимович Кандель с двумя мрачного вида людьми и гнал самогон. Приготовленный напиток разбавлялся малиновым вареньем и немедленно выпивался.

Пожалуй, это было самое тяжелое приключение в моей жизни. После чудовищного провала в памяти я очнулся на следующее утро в собственной кровати. Все мои вещи и кости, как ни странно, были целы, и только отвратительный запах самогона с малиновым вареньем пропитал меня, как казалось, насквозь. От ощущения этого запаха я не мог избавиться с месяц,

а когда намного позднее впервые попробовал виски, немедленно снова вспомнил вкус самогона и невзлюбил шотландский напиток навсегда и лютой ненавистью.

Забавно, что при могучем телосложении и еще более могучем характере Кандель, как я уже упоминал, до трепета боялся своего отца. Однажды Александр Ефимович экстренно вызвал меня к себе домой и в нескрываемом смятении объявил: «Отец завтра приезжает. помоги бутылки вынести из квартиры». Полночи мы с Канделем выносили на помойку пустые бутылки из полностью заставленной ими кухни.

Поразительно, как фактический алкоголизм сочетался у этих игроков с бешеным здоровьем, профессиональным отношением к играм, невероятной волей к победе и спортивным мастерством. «Уралмаш» имел славу не только сильно пьющей, но, главное — сильной духом команды, в которой играли свободолюбивые, непреклонные, в хорошем смысле «безбашенные» люди, способные обыграть кого угодно и не разменивавшиеся на ерунду.

В команде были и другие монстры — например, уже упомянутый мной Толя Еремеев; Вячеслав Новиков, чемпион Европы, как и Кандель; Николай Маркадеев; Лев Решетников — игрок сборной СССР, впоследствии закончивший белой горячкой. Вспоминаю, как выходили эти старые мастера на тренировку — расслабленно, вразвалочку, первый десяток бросков — все мимо кольца. Не теряя ни на йоту спокойствия и достоинства, небрежно бросали тренеру: «щас, щас пойдет». И, действительно, шло.

Практически все эти игроки, обладая мощным потенциалом, прошли через соблазн предложений от других клубов, в основном столичных. Все они сохранили верность своей команде. Думаю, что важным мотивом для них был при этом подлинный, а не показушный патриотизм по отношению к родному городу, заводу, команде. Сплоченность коллектива, общая ответственность за результат, ощущение себя неотъемлемой и незаменимой частью командной игры, — все это создавало неповторимую атмосферу, ради которой, возможно, стоило пожертвовать отдельными предложениями. Впрочем, я с самого начала понимал, что это не мой путь. Мои амбиции простирались значительно дальше, и «Уралмаш» я рассматривал как этап игрового роста.

Как я уже говорил, поначалу я немало натерпелся от «стариков» свердловской команды, особенно в первые полгода. Если ты не отдавал в игре пас кому-то из этих мастеров, находившемуся в атакующей позиции, твоей немедленной участью было одно — скамейка. Но. я молчаливо играл по своим правилам: бешено тренировался, а главное, когда предоставлялась возможность, забивал, забивал, забивал. В итоге

через год моего пребывания в команде меня зауважали. Я нигде не прогнулся, не сломался, никого никогда не сдал, но и под дудку «стариков» не стал плясать, в том числе не разделил их увлечение спиртным. Кроме мяча и кольца для меня ничего не существовало. Чудо- богатыри поняли, что «чморить» меня бесполезно, к тому же моя игра все больше и больше становилась определяющим фактором успеха команды.

Прощание с «Уралмашем»

В адрес команды «Уралмаш» я хочу сказать слова искренней благодарности. Воспоминания о ней у меня самые теплые. В команде не было непорядочности, нечестности, нездоровой конкуренции. Период жизни, проведенный мной в Свердловске, помог мне встать на ноги, снова обрести уверенность в себе, вырасти до больших результатов в спорте. С особыми уважением и теплотой я вспоминаю Александра Ефимовича Канделя и Юрия Георгиевича Густылева. Обоих уже нет в живых. Кандель, закончив играть, женился поздним браком и работал тренером «Уралмаша» и сборной РСФСР. Он умер в 2005-м. Густылев ушел еще в 1973-м, в неполные 50 лет. Нервные клетки, обильно растраченные во время матчей, как известно, не восстанавливаются.

Можно сказать, что в «Уралмаше» я привел в порядок, систематизировал то, что уже умел раньше, и вышел на новый виток спортивной карьеры. Именно в играх за свердловскую команду меня заметили тренеры сборной СССР, в составе которой я, оставаясь игроком «Урал- маша», покорил первые мировые вершины — стал чемпионом мира в 67-м и бронзовым призером Олимпиады в Мехико (об этом — в следующей главе).

В 2009-м суперфинал Ассоциации студенческого баскетбола, в которой я занимаю пост спортивного директора, проходил в Верхней Пышме, пригороде Екатеринбурга. В паузе между играми я посетил свой старый уралмашевский стадион, который нашел полностью разрушенным. Это потрясло меня. Я понимал и раньше, что упадок спортивных клубов предприятий — это большая трагедия, но здесь я увидел уничтоженным то, что было частью моей жизни, что стало в какой-то степени трамплином для моего взлета.

Я ушел из «Уралмаша» после Олимпиады 1968 года. После того, как я прочно вошел в состав сборной СССР, вокруг пошли

разговоры о моем скором переходе в ЦСКА или «Динамо». Но разговоры эти возникали на пустом месте — с тренером свердловской команды у меня была негласная договоренность о том, что, собравшись уходить, я предупрежу его по меньшей мере за год. Так я и поступил, когда почувствовал, что по уровню игры готов к решению больших задач и для этого нужен переход в ЦСКА. Отыграв последний сезон, я оставил «Уралмаш» честно, спокойно, без взаимных обид и претензий.

Период становления и поисков заканчивался. Передо мной открылись по-настоящему большие вершины мирового баскетбола. Я собирался их покорить.

Глава 5
«КРАСНАЯ МАШИНА»

Русские идут

Начиная с 50-х годов, на протяжении многих лет сборные СССР по игровым видам спорта, в особенности по баскетболу и хоккею с шайбой, доминировали на мировых аренах. Сделанная в Советском Союзе ставка на фактический профессионализм спортсменов, огромные тренировочные объемы, готовность положить на алтарь победы сборных любую жертву — интересы национальных чемпионатов, клубов, не говоря уже об отдельных игроках, — создали уникальные условия. Члены сборных на протяжении многих лет играли друг с другом, добиваясь фантастических слаженности и взаимопонимания. Основой игрового стиля служила мощнейшая функциональная подготовка. В баскетболе и хоккее только сильнейшие команды Нового Света — из США и Канады — оставались для русских серьезными соперниками. Преимущество над всеми остальными странами было безоговорочным и подавляющим.

Любая советская сборная при любых обстоятельствах была нацелена только на победу. Если другие страны могли позволить себе роскошь «обкатать» экспериментальную команду или пропустить тот или иной турнир, то в СССР политическое руководство всегда настраивало спортивных функционеров и тренеров исключительно на наивысший результат. Советская сборная, советский спортсмен не имели права проигрывать. Они представляли самую счастливую страну с самым лучшим из возможных государственным и экономическим устройством.

Официальная идеология сформировала и моральный облик атлета, выступающего на международной арене. Советский спортсмен должен был быть честен и справедлив, сдержан в проявлении эмоций, не имел права ввязываться в драки и грубо нарушать правила игры. Он всегда обязан был помнить о том, какая великая честь и какая великая ответственность возложены на него.

Раз за разом суровые неулыбчивые парни в красном

выходили на спортивные арены в соревнованиях самого разного уровня и, демонстрируя феноменальную слаженность доведенных до автоматизма действий, физическую мощь силовой станции, невероятную психологическую устойчивость, безжалостно размазывали, словно асфальтовым катком, одного соперника за другим. После очередной победы они с такими же суровыми лицами выслушивали на пьедестале величественный гимн «Союз нерушимый» и. отправлялись готовиться к следующим стартам.

Так сложился легендарный образ непобедимой «Красной Машины» — сборной команды СССР.

За парадной витриной советского спортивного официоза скрывались чудовищные объемы тренировочных и соревновательных нагрузок, безжалостное отношение к спортсменам, их деформированная годами сидения на спортивных сборах психика. Искалеченные судьбы, разрушенные семьи, выброшенные на свалку жизни сотен талантливых спортсменов, «не прошедших» спортивную закалку в сборных или выжатых, как лимон, многолетними выступлениями. Мегатонны поднятого в залах штанги железа и декалитры выпитой спортсменами водки. Все, кто приближались к сиянию славы национальных сборных команд, знали, чего будет стоить эта слава. Но никто и никогда, имея шанс стать элементом «Красной Машины», не пренебрег этой возможностью. Не всем удалось реализовать свой шанс, многие, ухватив удачу, потом ее не удержали, но все, кто видел себя в спорте, стремились к этой великой цели. Потому что только в этом был смысл само-преодоления, самореализации, смысл подвига спортсмена.

Сбывшееся предсказание

В конце 1963-го, еще выступая за «Лестех», я, наблюдая за «Красной Машиной» с трибуны, сказал находившемуся рядом приятелю: «Через два года я тоже буду в сборной». Такое заявление в тех условиях должно было выглядеть более чем самонадеянным и утопическим. Однако мое предсказание сбылось.

В мае 1965-го в Москве проходил чемпионат Европы. Для молодежной сборной, в состав которой я тогда входил, будучи игроком свердловского «Уралмаша», были устроены в те же сроки учебно-тренировочные сборы, чтобы мы могли посмотреть игры и подтянуться к баскетбольной элите. В сборной уже играли ребята

моего поколения — Палаускас и Сакандeлидзе, оба 1945-го года рождения. У меня перед глазами был их пример. Видя их в деле, я понимал, что, в принципе, готов не хуже и близок к уровню сборной.

Летом того года я удачно выступил на турнире Спартакиады профсоюзов в Москве. Вероятно, меня заметили, и я оказался на сборе резерва национальной команды, проходившем в Леселидзе, в 11 км от Адлера. Сбор произвел на меня удручающее впечатление. Безумные нагрузки — постоянный бег втупую по гаревым дорожкам стадиона, нечастый выход с мячом на деревянный помост в дырах, на котором невозможно было играть (в распоряжении резерва сборной Союза даже игрового зала не было), жесткая градация на новичков и «ветеранов», — усваивались мною тяжело.

Пусть это не выглядит рисовкой, мне действительно не приглянулась атмосфера в коллективе, коробило грубое отношение к «молодым» со стороны тренеров и ветеранов команды, не показалась интересной тренировочная программа. Как я уже говорил, при всем моем уважении к успехам других, мне всегда хотелось играть по-своему и готовиться к такой моей игре соответственно, развивая свои лучшие качества. В «Уралмаше» я привык к индивидуальным тренировкам, которые по объему и интенсивности превышали тренировочную программу, которую я проходил вместе с командой.

Сыграло свою роль и то, что я, судя по всему, не произвел впечатления на руководство национальной команды. По итогам того сбора Гомельский отбирал двух «молодых» для участия в заграничном турне «основы». Как я узнал позднее, это было в стиле Александра Яковлевича — постоянно стимулировать игроков внутренней конкуренцией, борьбой за лучшие места и его доверие. Итогом всех этих впечатлений и стало то самое заявление партнерам по «Уралмашу» — «в сборную больше не поеду».

Тем не менее в октябре-ноябре того же года я был приглашен в состав второй сборной страны для участия в учебно-тренировочном сборе и поездки на игры в Китай. В декабре я оказался уже в составе национальной команды, хотя и в экспериментальном его варианте, на играх в Италии. Так или иначе, это было мое первое полноценное участие в программе подготовки основной команды страны под руководством А. Я. Гомельского.

Первые испытания

В 1966-м в программе международных соревнований ФИБА произошел сбой, и чемпионат мира, который должен был состояться в том сезоне, был перенесен на следующий год. В связи с этим в календаре сборной отсутствовали серьезные соревнования, команда готовилась по программе учебно-тренировочных сборов, участвовала в товарищеских турнирах. Возможно, и в этом, как и в случае с вылетом «Уралмаша» в первую лигу, мне улыбнулась удача, и я имел время на адаптацию в новых для меня условиях.

Тем более, что эта адаптация была непростой. Отношение ко мне тренеров сборной поначалу было, мягко говоря, сдержанным. Позднее

Гомельский говорил мне, что в начале нашего сотрудничества он вообще не предполагал во мне большого игрока.

Оказавшись на время за рамками сборной, я не сидел без дела и продолжал тренироваться на сборах, организуемых профсоюзами. Осенью я вновь был включен в сборную страны для участия в «зимнем всесоюзном турнире» (это был последний раз, когда в год Спартакиады народов СССР союзный чемпионат не проводился, и команды «разминались» в соревновании рангом ниже). Разумеется, команда заняла первое место. В ходе этого соревнования в декабре 1966-го я был признан лучшим защитником одного из туров, проводившегося в Каунасе, что стало первым признанием моих индивидуальных успехов на национальном уровне.

В октябре я выезжал вместе со сборной на товарищеские игры за океан — в Мексику и на Кубу.

По итогам сезона я возглавил пятерку лучших защитников в составе списка 25 лучших баскетболистов СССР, традиционно составленного президиумом федерации баскетбола. На второй позиции оказался Александр Травин, далее — Сакандeлидзе и Селихов.

Место в составе сборной СССР для меня не было гарантированным (тем более, что я выступал за клубную команду, не входившую в число грандов отечественного баскетбола), но я готов был биться за него. Школа «Уралмаша», успешно пройденная мной, мне пригодилась и пошла впрок. Я готов был отстаивать свое право на место в составе ставшим привычным для меня способом — упорнейшими тренировками, оттачиванием индивидуального мастерства и, главное, хорошей результативной игрой.

Меньше всего я собирался доказывать свою правоту словами.

Должен признать один факт — до 30 лет я вообще очень мало разговаривал с кем бы то ни было. Я считаю это достижением, хотя многие обижались.

Мнение специалиста

В целом в течение 1966 года я заявил о себе как нестандартный самобытный игрок. Важное значение имел для меня отзыв знаменитого югославского специалиста Ранко Жеравицы, которое он высказал дома после возвращения из СССР после товарищеских игр сборной РСФСР и сборной Белграда в Иваново и Ленинграде в январе 1966-го. Игры были достаточно заурядными и не должны были бы запечатлеться у меня в памяти, если бы не два обстоятельства. Первое — команда Белграда была, как выяснилось позднее, фактическим прототипом знаменитой сборной Югославии, выигравшей чемпионат мира у себя дома в Любляне в 1970-м. Второе — в тех играх на меня сошло какое-то озарение, и я играл в них, как не играл никогда.

В итоге, как мне рассказали позднее, югославы, вернувшись на родину, поделились впечатлениями о «появившемся молодом русском, уже сейчас готовом играть в NBA». Жалею, что об этом отзыве мне стало известно слишком поздно. Тогда, в период моего закрепления в элите советского баскетбола, мнение авторитетнейшего специалиста добавило бы мне уверенности в том, что я на правильном пути.

1967-й

В сезоне 1967-го я не стал ведущим игроком в сборной, но почувствовал определенную уверенность. Сезон выдался очень насыщенным и напряженным. Как я уже говорил, первым соревнованием для сборной стал двухтуровый «Всесоюзный турнир». Справедливости ради надо сказать, что формат этих соревнований, которые рассматривались как подготовительные перед основным внутринациональным стартом сезона — Спартакиадой народов СССР, — был лоялен и к другим командам, позволяя экспериментировать с составами и наигрывать их под Спартакиаду. Например, от Украины

выступали не «Строитель» и СКА в их привычном виде, а своеобразные сборные профсоюзов и армии; под наименованием тбилисского «Динамо» выступала фактически вся сборная Грузии.

В заявку сборной СССР, выступавшей в турнире, были включены 14 человек: защитники Травин и Селихов из ЦСКА, Саканделидзе (тбилисское «Динамо»), Крикун («Калев») и Белов из «Уралмаша»; форварды Вольнов и Липсо (ЦСКА), Паулаускас и Венсбергас («Жальгирис»), Томсон («Калев»), Болошев («Динамо», Волгоград); центровые Андреев (ЦСКА), Поливода (киевский «Строитель») и Иванов (ленинградский «Спартак»).

В апреле сборная провела два товарищеских матча в Лахти против сборной Финляндии. В первом мы выиграли 88:63, я принес команде 18 очков. Второй матч, в котором я вышел в старте (вместе с Селиховым, Паулаускасом, Липсо и Поливодой), завершился разгромом соперника 91:39. Без проблем для нас завершились и товарищеские игры в мае против сильной сборной Чехословакии.

В апреле же проходили баскетбольные турниры республиканских спартакиад. Победителем Спартакиады РСФСР в Казани стала сборная Свердловской области, за которую под руководством Густы- лева выступал в основном весь «Уралмаш». Победа досталась нам в упорной борьбе, по разнице забитых и пропущенных мячей при равенстве очков с соперниками. Я был признан лучшим защитником турнира.

Несмотря на еще нестабильное положение в элитной группе баскетболистов СССР, я был включен Гомельским в состав сборной, отправлявшейся на чемпионат мира в Уругвай. Вероятно, Александр Яковлевич все-таки начал разглядывать во мне какие-то признаки будущего мастера и решил дать мне почувствовать вкус Большой Игры.

Команда чемпионов

Команда, собранная Гомельским, была «сплавом молодости и опыта». Ведущие роли в ней играли опытные, проверенные игроки. Самым опытным в команде и ее капитаном был Геннадий Вольнов (28 лет, 201 см) — чемпион Европы 1959, 1961, 1963, 1965 годов, бронзовый призер чемпионата мира 1963-го, серебряный призер олимпиад в Риме и в Токио. Двукратным чемпионом Европы, бронзовым призером чемпионата мира и серебряным призером Олимпиады был Александр Травин (30 лет,

187 см). Серебряным медалистом Токио, двукратным чемпионом Европы был также Яак Липсо (27 лет, 200 см).

В то же время в сборной оказалось 9 новичков мирового первенства. Группа игроков еще не успела проявить себя на мировой арене, но уже с успехом выступала на соревнованиях рангом ниже. Чемпионами Европы 1964-го среди юниоров и чемпионами Европы 1965-го среди взрослых успели стать Зураб Саканделидзе (22 года, 186 см) и Модестас Паулаускас (22 года, 194 см). Юниорское первенство Европы вместе с ними выиграл Анатолий Поливода (20 лет, 202 см).

Большая группа игроков, половина состава команды — армейцы Рудольф Нестеров (22 года, 204 см), Юрий Селихов (24 года, 185 см) и Владимир Андреев (20 лет, 216 см), Прийт Томсон из «Калева» и Геннадий Чечура из киевского СКА, равно как и Сергей Белов, опыта выступлений за национальную сборную в официальных турнирах не имели.

Ветераны сборной были по-настоящему уникальными людьми. Геннадий Вольнов — это целая эпоха в отечественном баскетболе. Он был, пожалуй, первым универсальным игроком, способным сыграть на разных позициях, имевшим хорошее ведение, отличный дальний бросок, уверенный слэм. Его слабостью была некоторая мягкость в игре, он прекрасно играл против Бразилии, Югославии и порой тушевался, встречая жесткое силовое сопротивление.

Не менее легендарным человеком в сборной был Александр Травин. По сути, он произвел в советском баскетболе революцию. До него основными функциями защитника на площадке были только вывод мяча из зоны и первый пас. Благодаря Травину с его великолепным броском позиция второго номера стала восприниматься как грозная атакующая единица. В значительной степени я пошел по проторенному им пути, состоявшись на площадке в первую очередь как снайпер.

К ветеранам Травину и Вольнову я всегда испытывал глубочайшее уважение.

Молодые игроки Саканделидзе и Паулаускас быстро влились в состав «Красной Машины» и стали ее важными составляющими. Во многом это было обусловлено их неуступчивыми характерами настоящих победителей. Тбилисец Саканделидзе и в игре, и в жизни полностью оправдывал свое прозвище «князь», демонстрируя как некоторое высокомерие по отношению к окружающим, так и подлинные аристократизм и яркость на площадке.

Модестасу Паулаускасу его истинно бойцовский характер, желание всегда и во всем быть первым позволили быстро стать

основным третьим номером в сборной и тащить ее в качестве локомотива вплоть до 1972-го. Он великолепно боролся за мяч, и если бы в его времена действовало правило «2+1», он, безусловно, был бы лучшим снайпером, так как всегда умел забивать с фолами буквально висевших на нем соперников.

Как уникальный игрок вошел в историю советского баскетбола центровой ЦСКА и сборной Владимир Андреев. Впервые я увидел его 16-летним на соревнованиях в Москве в 1963-м — при росте

216 см Володя весил 58 кг! Не то, что полноценно играть, он до центра площадки доходил с трудом, я не преувеличиваю. В его судьбе роковую роль чуть не сыграл идиотский совет какого-то горе-врача, который диагностировал у него в детстве патологию позвоночника, якобы способную при любом неосторожном движении привести к перелому. В результате парень до 15 лет вообще не двигался, лежал на диване и деградировал до крайней степени атрофии мышц и общей дистрофии.

К счастью, ему вовремя встретились хорошие спортивные специалисты, которые сумели рассмотреть в этом чуде природы нормального, здорового и очень одаренного человека. Откормив Володю за короткое время и обучив азам баскетбола в Алма-Ате, они дали ему, при столь уникальных физических данных, гарантированную путевку в большой спорт. Уже по итогам сезона 1966-го Андреев был включен на четвертой позиции в пятерку лучших центровых страны по списку президиума федерации.

Выступая в «зимнем всесоюзном турнире» сезона 1966/67 года за сборную СССР, Андреев еще не очень хорошо вписывался в состав, не успевал за скоростными действиями команды. Однако в состав сборной, отправившейся в Монтевидео на чемпионат мира, Андреев был включен и разделил с командой ее первый мировой триумф, вполне удачно выходя на замену основному центру Поливоде, в особенности на последних минутах решающего матча с югославами.

Уругвай

Мировое первенство проходило в мае-июне 1967-го в Монтевидео. Веселым было начало нашего турне. По решению организаторов, квалификационный турнир перед финальной стадией уругвайского чемпионата должен был для нас пройти, в Аргентине, в городке Байя-Бланка. Однако попасть туда мы не

смогли — аргентинское правительство потребовало для оформления въездных виз прохождения нашей делегацией процедуры дактилоскопирования.

Это показалось нашим руководителям неприемлемым, и они потребовали переноса места проведения турнира. Удивительно, но авторитет СССР был так высок, что нашему руководству пошли навстречу и провели квалификационные игры в Монтевидео. Наша команда легко обыграла сборные Перу и Японии и досрочно вышла в финальную часть чемпионата. В последнем матче квалификации мы разгромили Аргентину, перевалив «гроссмейстерский» рубеж в 100 набранных за игру очков.

Дальше начались игры основной сетки группового турнира. «Красная Машина» последовательно прошлась по сборным Польши, Бразилии и Аргентины. Наступала пора решающих игр.

Первой из них стала встреча с самым главным соперником — США. Игра шла очко в очко и за две минуты до конца при счете 48:48 ознаменовалась грандиозным скандалом, устроенным американцами после отмены судьей назначенных им было штрафных бросков в кольцо СССР. Тренер увел американскую команду с площадки и отказывался возобновлять матч в течение 20 минут, пока злополучные штрафные не были назначены вновь. Судья встречи дал в этот момент слабину, явно пойдя на поводу у американцев.

Наши тренеры попытались устроить ответный демарш, но без особого успеха. В концовке нервной игры были качели до последней секунды, когда американцы одновременно с сиреной занесли мяч в наше кольцо и победили 59:58.

После досадного поражения команда смогла собраться и победила хозяев чемпионата. Это создало уникальную ситуацию перед последним игровым днем турнира. Дело в том, что сборная Югославии, выступавшая неровно, одержала сенсационную победу над США 73:72, но проиграла Уругваю 57:58, чем сохранила для нас шансы на победу. Для этого нам нужно было в последнем туре обыгрывать югославов и надеяться на поражение Штатов от Бразилии.

Невероятно, но так все и произошло. Сначала сборная СССР уверенно победила братьев по социалистическому блоку. В старте вышли Сакандилидзе, Селихов, Вольнов, Томсон и Поливода. Их подменяли Липсо и Паулаускас. Первая половина прошла в упорной борьбе и закончилась со счетом 33:26 в нашу пользу. Ничего еще не было ясно. Во второй половине пошла такая битва, что с площадки один за другим стали уходить с пятью фолами наши лидеры — сперва Вольнов, за ним Поливода. В этот момент прекрасно проявил себя Володя Андреев. Выйдя на замену, он

сыграл очень полезно и набрал последние очки для СССР в этом матче. 71:59.

После этого судьба еще раз улыбнулась русским — победители двух последних мировых первенств бразильцы уверенно обыграли США 80:71. В результате советская команда впервые в своей истории заняла первое место, места со второго по четвертое заняли соответственно югославы, бразильцы и американцы. Модестас Паулаускас, набравший в играх чемпионата 126 очков, был признан самым полезным игроком турнира, Анатолий Поливода — лучшим центровым.

Недовольный триумфатор

Не могу сказать, что этот турнир мне запомнился собственной хорошей игрой. Игрового времени я получал мало. Дело в том, что направлением тренерской тактики Гомельского тогда был некий аналог хоккейного варианта — пятерки в основном выходили на площадку в строго фиксированном составе, парами защитников и тройками нападающих. В частности, мы с Травиным образовывали вторую пару в защите.

Во всех играх до чемпионата мира «звенья» получали одинаковое игровое время, однако, когда дело дошло до ответственных матчей, он стал доверять только паре Селихов — Саканделидзе, давая нам с Травиным лишь по паре минут в концовках таймов, да и то лишь если победа команды была уже несомненной. Понятно, что в таких условиях проявить себя было непросто, к тому же в Уругвае мы имели дело с бичом для снайперов — супержесткими кольцами. Кроме того, сыграл свою роль синдром первого крупного соревнования.

Одним словом, это была не моя игра, хотя команде в меру сил и оказанного мне доверия я помог, а главное, выиграл вместе с ребятами чемпионат мира. Для первого же значимого старта в составе сборной это было более чем блестящим результатом. Не случайно на банкете в честь сборной Александр Яковлевич мимоходом, ожидая услышать слова восторга и благодарности, бросил мне: «Ну как, доволен?» Чтобы услышать поразительный по наглости ответ: «А чем?»

Конечно, я сразу же смягчил ситуацию, добавив, что доволен результатом команды, тем, что помог ребятам победить, но только не собственной игрой и не собственным вкладом в победу. Думаю, что эта дерзкая реакция не осталась бесследной, во

всяком случае, она добавила свою лепту к «теплым» отношениям, которые уже тогда начали складываться у меня с А. Я. Гомельским.

Маятник Гомельского

Звание заслуженного мастера спорта, полагавшееся мне после победы на чемпионате мира, мне не присвоили, в отличие даже от тех, кто был в составе команды, но практически не вставал со скамейки.

Позднее, во время какого-то коммерческого турне, Гомельский сказал мне, что обошел меня этим званием для моей же пользы, чтобы я не зазнался и не остановился в развитии. Не знаю, может быть, существовала какая-то разнарядка на присвоение званий, не стану врать. Отмечу только, что неприятный осадок от того эпизода у меня остался. Тем более, что присвоение звания мастера спорта за выигрыш в одни ворота европейского первенства того же года, на котором я был включен в символическую пятерку лучших игроков чемпионата, видимо, в версии Гомельского, по-прежнему могло мне навредить. Почетное звание мне присвоили только в 1969-м после второй победы на чемпионате Европы.

В июле прошли игры баскетбольного турнира Спартакиады народов СССР. Я выступал за сборную РСФСР. Команда была сформирована на базе «Уралмаша». Для Александра Канделя это была четвертая Спартакиада, он был в числе нескольких участников соревнований, которые играли во всех баскетбольных турнирах главного соревнования в СССР. На предварительном этапе мы обыграли сборные Азербайджана, Армении, Киргизии, а также главного конкурента — сильную команду Ленинграда 82:80, отодвинув ленинградцев со второго места в таблице (после Украины) и получив право на продолжение борьбы в главном финальном турнире за 1-6-е место.

В нем наш путь оказался менее успешен (я в самом начале розыгрыша получил травму голеностопа и в большинстве игр участия не принимал). Проиграв все матчи, сборная России заняла 6-е место, что тем не менее было расценено нашим спортивным руководством как успех. Этот турнир был знаменателен тем, что стал первым крупным соревнованием в составе сборной Латвии для знаменитой Ульяны Семеновой, лишь годом раньше взявшей в руки мяч, а также тем, что в

составе команды Узбекистана раскрылся Алжан Жармухамедов, в том же году прочно вошедший в состав «Красной Машины».

После этого настало время для очередного качка маятника в отношении ко мне А. Я. Гомельского. После Спартакиады он вызвал меня к себе и сообщил, что недоволен моей игрой и в состав сборной СССР, которой предстояло участие в Играх Всемирной универсиады в Корее, он меня не включит.

Не хочу опять показаться циником, но временное отлучение от сборной снова пошло мне на пользу (кстати, Универсиада в том году вообще не состоялась). Я отправился восвояси в Свердловск, чтобы получить право на покупку вожделенного призового холодильника, но главное — чтобы вновь спокойно тренироваться вволю по индивидуальной программе.

Европейский успех

Так или иначе, к осеннему чемпионату Европы, к началу которого Гомельский все-таки вернул меня в состав сборной, я подошел в великолепной форме. Все, что накапливалось во мне долгие годы, реализовалось на том турнире. Это был прорыв. Я уже закалился и готов был ко всему в борьбе как на площадке, так и за ее пределами. Благодаря сложившейся благоприятной турнирной коньюктуре, я получал много игрового времени.

Дело в том, что главный конкурент — югославская команда — выступал в обновленном экспериментальном составе, который наигрывался под будущий чемпионат мира в Любляне 1970 года. «Юги» спокойно заняли девятое место, никто их за это не репрессировал, что было бы немыслимо в применении к советской сборной, всегда ориентированной только на победы. Кроме югославов, серьезных соперников у нас не было.

В составе сборной СССР к чемпионам мира Вольнову, Паулаускасу, Сакандeлидзе, Селихову, Поливоде, Липсо, Томсону, Андрееву и Белову присоединились Крикун, Тыну Лепметс и — впервые — Алжан Жармухамедов. Мы уверенно побеждали наших соперников: сборные

Израиля, ГДР, Венгрии, Франции, Греции, Италии, Болгарии. В полуфинале последовал разгром сборной Польши 108:68. В финале мы обыграли Чехословакию 89:77. Я набрал в том матче 12 очков, Геннадий Вольнов, добывая свое пятое европейское золото, — 23.

Борьба за признание

Тем не менее мое подспудное противостояние с Москвой по-прежнему продолжалось. Спортивная пресса, в основном сосредоточенная в столице, меня не жаловала. Отец, который всегда был моим самым преданным болельщиком, педантично ведущим отчеты обо всех моих выступлениях и штудирующим все, что писалось в СССР о баскетболе, долго недоумевал, почему об игроке, забивающем по 20-30 очков за игру, в отчетах не пишут вообще ничего. Не исключено, что отчасти такое отношение «московской мафии» было обусловлено моим статусом игрока из провинции, который, при всех своих способностях, по определению не может быть сравним с московскими грандами. Впрочем, и после переезда в Москву от прессы мне регулярно доставалось.

«Мясорубка», через которую я, благодаря Александру Яковлевичу, прошел, закрепляясь в сборной, наверное, пошла на пользу закалке моего характера. Но творчески я, безусловно, потерял. Это было совершенно типичным, не привлекшим чьего-либо внимания проявлением глубинного и трагичного конфликта советского спорта, его ориентированности на выживание спортсменов в ущерб индивидуальному творческому подходу. Главным принципом подготовки спортсменов высокого уровня в СССР всегда было преодоление тренировочных объемов, несовместимых с жизнью человека.

Ко всему прочему, помимо этих запредельных объемов я всегда вынужден был делать ежедневно на одну тренировку больше, чтобы не забыть, а лучше — развить индивидуальные качества, которые общими тренировками не столько развивались, сколько глушились и забивались.

Подготовка к новой высоте

В сезоне 1967/68 года я уже стабильно входил состав сборной Союза, и мое участие в предстоящей Олимпиаде в Мехико сомнений не вызывало. Подготовка к олимпийскому турниру продолжалась около 3 месяцев. Руководители советского спорта попытались, как сумели, создать условия для олимпийских сборных, которым впервые в истории олимпиад предстояло выступать в тяжелейших условиях высокогорья. В

частности, в том олимпийском цикле было начато строительство многопрофильной учебно-тренировочной базы в Цакхадзоре, в Армении.

Маленький городок, главной достопримечательностью которого было то, что в нем родился Армен Джигарханян, стал центром олимпийской подготовки, поскольку располагался на высоте около полутора тысяч метров над уровнем моря. Тренировка в межсезонье в горах, где организм спортсмена в условиях недостатка кислорода мобилизуется и после спуска на равнину способен работать с большей интенсивностью, сейчас прочно вошла в арсенал тренерских методик.

Однако для подготовки к Мехико Цакхадзора оказалось недостаточно, ведь высота, на которой проходили старты Олимпиады, почти в два раза превышала армянское среднегорье. В октябре 1966-го нам довелось побывать в Мексике на товарищеских играх, и уже тогда стало ясно, что на Олимпиаде всех ожидает что-то ужасное. Элементарный подъем на три ступеньки вверх по лестнице немедленно вызывал одышку. Уже по итогам этих впечатлений было ясно, что играть нужно будет короткими отрезками, перемежая их паузами для восстановления... Увы, специальных методик подготовки и адаптации к высокогорью мы фактически не получили.

Как готовиться к этому кошмару, никто, включая научные бригады, толком не знал (я уже не говорю о том, что за долгую карьеру игрока я редко встречал представителей спортивной науки, для которых целью их деятельности было что-то большее, чем только написание диссертаций на основе наблюдений за спортсменами). Мои воспоминания о подготовке к Олимпиаде сводятся к тому, как мы месили строительную грязь на недостроенной базе в Цакхадзоре, добираясь до игрового зала, самого дальнего от гостиницы в ряду спортивных комплексов.

В заявочный список олимпийской сборной СССР вошли: В. Андреев, С. Белов, Г. Вольнов, В. Капранов, С. Коваленко, А. Крикун, Я. Липсо, М. Паулаускас, А. Поливода, З. Саканделидзе, Ю. Селихов, П. Томсон. Как и ранее, возглавляли команду А. Я. Гомельский и Ю. В. Озеров.

Праздник и кошмар Олимпиады

Впечатления от обстановки, в которую я окунулся во время своей первой Олимпиады, у меня были самые светлые. Несмотря

на казарменные условия размещения в олимпийской деревне, обстановка была радостной и дружественной, были ощущение огромной олимпийской семьи, непередаваемая атмосфера. Это была пора довольно легкомысленного и безответственного отношения к мерам безопасности на олимпийских объектах. Олимпийская деревня производила впечатление бурлящего котла. Зайти в нее посторонним в условиях отсутствия сколько-нибудь серьезного фейс-контроля было элементарно, стоило лишь набросить на плечи какую-нибудь спортивную куртку. Поэтому будни деревни периодически дополнительно оживлялись отловом мексиканских проституток.

Что касается спортивной составляющей, то высокогорье в Мексике действительно оказалось кошмаром для олимпийцев. Особенно досталось представителям циклических видов — бегунам, гребцам, велосипедистам, этих людей после финиша буквально приносили на носилках. В олимпийской деревне мы жили поблизости от медицинского корпуса и видели это своими глазами. В то же время разряженный воздух гор способствовал установлению ряда уникальных достижений — знаменитых прыжков Бимона[10] и Санеева[11]. Однако это были счастливые исключения.

В целом же в Мексике побеждали спортсмены, прекрасно развитые функционально, а главное, целенаправленно готовившиеся к высокогорью по специальным методикам. Без систематической подготовки играть было очень тяжело. Моя манера игры — взрывная, с ускорениями, высокими прыжками — пострадала от высокогорья в особенности. Тем не менее я постоянно выходил в старте, в злополучной полуфинальной игре был объективно лучшим в команде. Однако полной уверенности в своих силах, 100-процентной готовности побеждать у меня не было.

Проигрывать в полуфинале югославам мы, конечно, были не должны. Команда СССР была достаточно сильной. В своей группе мы победили сборные Бразилии, Мексики, Болгарии, Кубы, Южной Кореи и Марокко. Однако в матче с «югами» коса нашла на камень. После первой половины мы проигрывали 27:31, не смогли исправить положение и после перерыва и в итоге проиграли одно очко 62:63, пропустив на последней минуте в свое кольцо бросок с игры и штрафной. Во втором полуфинале США обыграли Бразилию 75:63; столь же уверенно американцы разобрались затем в финале с югославами 65:50. Победа в матче за третье место над Бразилией 70:53 стала для нас слабым утешением.

Нужно сказать, что Гомельскому достаточно часто не везло

именно в полуфинальных играх крупных турниров. Мне кажется, игроков сжигало его страстное желание любой ценой выиграть Олимпиаду.

Итоги нашего выступления в Мексике были неоднозначными. С одной стороны, сборная СССР впервые опустилась в олимпийской классификации ниже второго места. С другой — положение дел в мировом баскетболе стало меняться. В Европе кроме Советского Союза появилась еще одна баскетбольная супердержава, ставшая на будущее нашим злейшим и опаснейшим конкурентом, — Югославия (о «теплых» взаимоотношениях с братской Югославией я подробно расскажу позднее). Команды Испании, Италии, Чехословакии и Польши также все громче заявляли о себе. В Новом Свете, помимо США, опасными конкурентами стали Бразилия, Куба и Пуэрто-Рико.

В этих условиях бронза Олимпиады могла выглядеть неплохим результатом; сейчас такое выступление наверняка было бы признано блестящим. Но тогда была иная ситуация, и наши бронзовые медали не расценивались как успех. Особенно обидным в этой ситуации было то, что сборная США, наш главный соперник, по подбору игроков (в том числе с учетом их последующей карьеры) была нам тогда вполне по силам.

Так для меня закончилась моя первая Олимпиада, об атмосфере которой у меня остались прекрасные воспоминания, но без удовлетворенности добытым результатом. Такими стали мои первые два сезона в легендарной сборной СССР, в которой мне предстояло не только освоиться, но и в самом скором времени захватить лидерские позиции.

Глава 6
ЭРА ЦСКА

Исполнение мечты

Еще до победного и очень удачного для меня чемпионата Европы 1967 года, летом на сборе в Кудепсте произошло знаменательное для меня событие. Один из ветеранов ЦСКА и сборной СССР Геннадий Вольнов озвучил мне предложение о переходе в ЦСКА.

Я уже говорил, что играть в ЦСКА, лучшем клубе страны, с детства было моей мечтой и единственным приемлемым для меня вариантом моего баскетбольного будущего. Любые иные возможности я без раздумий отвергал. Как я уже говорил, именно так произошло и двумя годами ранее, когда меня звал к себе киевский «Строитель».

После того, как я закрепился в сборной страны, стал чемпионом мира и Европы, вокруг моей персоны неизбежно пошли разговоры о скором переезде в Москву, в ЦСКА или «Динамо». Сам я также чувствовал, что такая перспектива должна быть не за горами. Поэтому предложение Вольнова, с одной стороны, было ожидаемым, но с другой — от этого не менее престижным и приятным. Я ощутил еще большую уверенность в том, что все происходит правильно, что я на верном пути и что мои адские усилия в спортзале и на стадионе не проходят даром.

Тем не менее на предложение Геннадия я тогда ответил сдержанно, сказав, что готов рассматривать этот вариант только после Олимпиады 1968 года, а до тех пор связан обещанием играть за «Уралмаш». Только выполнив обязательства перед свердловчанами, я воплотил в жизнь свою мечту детства и надел майку игрока ЦСКА.

В обновленном ЦСКА

В моем представлении ЦСКА всегда был суперклубом, образцом безупречной организации в спорте, высочайшего профессионализма и преданности делу, в том числе в части

спортивного братства его игроков и тренеров. Все это на поверку оказалось в целом справедливым, но... с некоторыми оговорками.

Мой переход состоялся в непростой для команды период. Летом 1968-го многолетнего главного тренера армейцев Евгения Николаевича Алексеева сменил на его посту Арменак Алачачян — в недавнем прошлом игрок ЦСКА и сборной Союза, восьмикратный чемпион СССР и четырехкратный — Европы, серебряный призер Токио. Алексеев делал ставку на ветеранов команды, его тренерское кредо зиждилось на союзе со «старой гвардией». Новому «главному» необходимо было самоутверждаться, в том числе решая проблему взаимоотношений с ветеранами, вместе с которыми он совсем недавно выходил на площадку.

Эту проблему Арменак стал решать наиболее простым и распространенным в таких случаях способом — начал выживать стариков, заменяя их новичками команды, а также армейцами, которые при прежнем руководстве прочно сидели на банке. К их числу относились, в частности, получившие при Алачачяне место в старте Капранов и Кульков. По сути, новый тренер сколачивал некую «коалицию» против ветеранов.

Вступить в нее он недвусмысленно предложил и мне, но сразу получил резкий отпор. Я сказал, что мне все равно, под чьим руководством и с кем мне играть и тренироваться, ни с кем и тем более ни против кого я «союзничать» не стану. Моя позиция спровоцировала определенный конфликт с «членами коалиции», но в игре он всерьез никогда не проявлялся, равно как не отразился на моих позициях в команде — место в старте ЦСКА я получил сразу и навсегда.

Что действительно на всю жизнь оставило у меня неприятный осадок, так это история с Александром Травиным. В контексте своей политики по отношению к ветеранам Арменак убрал его из состава и сгноил в рекордно короткие сроки, а я, получилось, пришел в команду на его место. Алачачян просто вообще перестал замечать Травина, на тренировках не включал ни в первую, ни во вторую пятерки. Тот походил-походил в клуб с месяц, да сам и ушел. Его последующая карьера в ЦСКА была по тогдашним понятиям вполне успешной — долгое время он был тренером баскетболистов ГСВГ[12], участвовавших в «Вооруженках» — чемпионатах Вооруженных Сил.

Несмотря на то что к этой травле я не был причастен, я чувствовал себя неловко по отношению к Александру, которого глубоко уважал. К сожалению, этот прекрасный игрок, который мог бы принести еще массу пользы ЦСКА и сборной, оказался жертвой не только тренерских амбиций, но и общего идиотского

подхода, преобладавшего в советском спорте: как только игроку «стукало» тридцать, вокруг него немедленно начинали ходить разговоры о завершении карьеры.

Возможно, занятия спортом на высоком уровне после 30 лет не вписывались в официальную догму «любительского» спорта в СССР, но скольких же искалеченных судеб стоила такая стратегия! Сейчас во многих видах спорта, даже в циклических, где физическая мощь и выносливость особенно важны, сильнейшие спортсмены выступают чуть ли не до 40 лет, что же говорить об игровых видах, где в сравнении с «физикой» особенно неоценимое значение имеют опыт и психологическая устойчивость!

«А мне с вами — нет»

В первое время моего пребывания в ЦСКА наиболее тесные взаимоотношения у меня были с другим ветераном — Геннадием Вольновым. В значительной степени он был для меня образцом, своеобразным «дядькой», за что я навсегда сохраню благодарность. Тем более, что обстановка в команде была не из лучших. Игроки разбились на группировки, главной из которых была собранная Арменаком коалиция «попутчиков», в основном из баночников с 8-летним стажем. Способы, которыми главный тренер собирал «коалицию», были различными. Помимо прочего он использовал и свои незаурядные задатки бизнесмена. Некоторые игроки за счет его финансовой поддержки жили в ту пору весьма неплохо.

«Основными» в этой группе были разыгрывающий Александр Кульков и легкий форвард Вадим Капранов. С ними у меня отношения как-то сразу не сложились. К сожалению, напряженность на какой-то момент выплеснулась и на площадку. Это произошло после того, как Капранов попытался «застолбить» за собой «каноническую территорию» на площадке. Как-то раз, после того, как я в игре прошел в левый край, формально являющийся позицией третьего номера, он вполне серьезно заявил мне: «Левый край — мой, ходить сюда не надо».

Удивившись (все-таки баскетбол — это не настольный хоккей) и разозлившись, я ответил: «Значит, твой — левый? Ну, тогда мой — правый». И после этого передач от меня «властелин левого края» долго не получал.

В конце сезона после победных игр с ленинградским

«Спартаком», принесших команде титул чемпиона СССР (для меня — первый из одиннадцати), Капранов и Кульков подошли ко мне с поздравлениями: «Серега, с тобой приятно играть». «А мне с вами — нет!» — было моим кратким и честным ответом.

Высокомерный Белов

Конечно, до маразма это «деление краев» не доходило; в игре интересы команды всегда преобладали над личными амбициями. Но именно тогда, вероятно, стал формироваться стереотип о моем «непростом характере». Нужно признать, я и вправду годами не общался с партнерами по клубу — приезжал на базу, тренировался, играл, ограничиваясь кивком в раздевалке в качестве приветствия или прощания. На самом деле я просто не захотел «разборок» и дрязг и, как это делал не раз и раньше, ушел в себя, получив за это штамп — «высоко мерный».

Это определение всегда казалось мне странным. Ладно, я с вами не пью, не играю в карты и не хожу по девкам — значит, я высокомерен? Действительно, я мог отказать в интервью журналисту, бывал нелюбезен. Однажды я отказался от ранее обещанного интервью «самой» Нине Ереминой, которая была тогда основным баскетбольным комментатором, и она надолго обиделась. Но это было после неудачной игры, и я сожалею об этом. Как спортсменка высокого уровня в прошлом, неужели она не могла меня понять?

По натуре я волк-одиночка. Еще с детства я чувствовал себя комфортно только наедине с собой. Сталкиваясь с первыми детскими «подставами» товарищей, я предпочитал не выяснять с ними отношения, не прогнозировать их поступки на будущее а просто. оставаться одному. Так мне было комфортнее. Я способен был часами в одиночку стучать мячом во дворе. Позднее это реализовалось в очень полезную для спортсмена привычку и способность тренироваться индивидуально, не под присмотром тренера или товарищей по команде.

Во время пребывания в «Лестехе» жизнь по-настоящему открыла мне глаза на межличностные взаимоотношения. Ничего, кроме желания и готовности усилить новую команду, принести ей пользу, при этом развиваясь самому, в моих намерениях по приезде в Москву не было, однако с распростертыми объятиями меня никто не принял. «Получив по ушам» в новом коллективе, я в первый раз по-настоящему замкнулся в себе. Приятелей в

баскетбольной среде у меня не появилось, а за пределами баскетбола у меня было слишком мало времени. В ЦСКА, став одним из лидеров, я тоже не приобрел ни с кем товарищеских отношений.

Мои молчание и отстраненность были выражением протеста против несправедливости, непорядочности, с которыми я сталкивался. Думаю, это была достаточно безобидная форма протеста, изобилием которых советские спортсмены похвастаться не могли. Собственно, и пьянки игроков, помимо функции снятия чудовищных стрессов, возникали в основном как протест, демонстрация несогласия с линией «партии и правительства». Как выстраивать отношения с окружающими — личное дело каждого, и я тоже оставляю за собой такое право. Все, что могу еще раз сказать, штамп о моем высокомерии и презрении по отношению к окружающим — глупость.

Наука побеждать

Впрочем, на каком-то этапе меня перестало волновать мнение окружающих о моей персоне. Поэтому неудачное «вхождение» в коллектив армейской команды меня нисколько не разочаровало. После «Лестеха», после «Уралмаша» и особенно после сборной Гомельского эти «проблемы» показались мне семечками. Я знал, что пришел в ЦСКА не дружить, тем более с кем-то против кого-то, а становиться суперигроком, добиваться супер результатов.

В ЦСКА я быстро понял, что это сверхпрофессиональная команда, в которой личные взаимоотношения между игроками не имеют значения. Мы никогда не дружили семьями, сама команда не была «семьей», но это не мешало нам быть монолитом на игровой площадке. Команда была заряжена на наивысшие результаты, в ЦСКА приходили, чтобы становиться лучшими. Если ты не был готов быть лучшим и ежедневно на тренировках и в играх доказывать эту готовность, команда тебя отторгала. Ни комсомольские собрания, ни общие пьянки и приключения, ни наличие обстановки «команды-семьи», как это бывало в некоторых других клубах, эту проблему в ЦСКА не решали. В отличие от всех прочих команд, в ЦСКА всегда была доминанта цели и результата.

Обстановки «семьи» в команде и вправду не было, в любви мы друг другу не признавались, наоборот, случались и трения. Но

все это немедленно забывалось на площадке. Мы тренировались и играли по- мужски, работали всерьез, без показухи. Сам факт твоего поступления в ЦСКА как бы по определению значил, что ты сформировавшийся суперпрофессионал, знающий, в чем твоя цель, без лишних эмоций и воздыханий решительно идущий к победе, к самым высоким результатам. Мы были запрограммированы на победу. Обстановка в команде была чемпионская.

Кстати, несмотря на существовавшую дистанцию, наличие возрастной субординации и уважения, дедовщины в команде не было.

В ЦСКА и сборную страны попадали только сильные духом, амбициозные люди. Личные амбиции, которые следовало доказывать в игре, были и у меня самого. Считаю, что моей сильной стороной было то, что я все делал молча и не выяснял отношение ко мне товарищей по команде, а тем более соперников. В то же время, отвечая на традиционные упреки в индивидуализме, могу сказать совершенно честно — успехи команды всегда были для меня на первом месте. Если для победы команды оказывались достаточными 2 моих очка, я готов был забить 2, если нужно было 50, я расшибся бы в лепешку, чтобы забить 50.

Личная статистика в баскетболе для меня вообще понятие неоднозначное. Меня выводит из себя манера современных игроков немедленно по окончании очередной четверти требовать свежий протокол, чтобы углубиться в изучение собственных игровых показателей. Пока идет игра, основные цифры для любого игрока на табло, а не в протоколе напротив твоей фамилии.

Не все выдерживали такую жизненную философию. Например, прекрасный игрок Александр Сальников, блиставший в Краснодаре и в Украине, перейдя в ЦСКА в сезоне 1974/75 года, не выдержал этого конвейера и вернулся домой, где снова стал играть на высоком уровне.

Позднее у меня установились хорошие отношения с молодыми армейцами, приходившими в команду, — Лопатовым, Мелешкиным, Гусевым, — да и то потому, что у нас были общие содержательные интересы: мы вместе дополнительно тренировались, качались, бросали, шлифовали свое мастерство. Многим «ветеранам» команды это было уже не нужно.

Когда в конце 70-х в ЦСКА пришло новое поколение молодых игроков — Еремин, Мышкин и другие, — особо тесного общения с ними уже не было. Наверное, сказывалась разница в возрасте, а впрочем, после ухода из баскетбола Модестаса Паулаускаса я

вообще «закрыл тему» приятельских отношений с кем-либо.

Судьба человека

Алачачян тренировал ЦСКА с 1968 по 1970 год, когда неудачным стартом в союзном чемпионате он дал Александру Яковлевичу шанс занять место главного тренера. После этого в команде наступила эпоха Александра Гомельского.

В 1973-м Арменак, будучи репатриантом (и по этой причине, кстати, долгое время бывший невыездным из СССР), эмигрировал в Канаду. Проживавший там достаточно мощный клан его родственников, по приглашению которых он, собственно, и уезжал из страны, принципиально не стал ему помогать обустраиваться на новом месте. Бывший многолетний лидер советского баскетбола прошел через все традиционные стадии эмигрантского пути — работу в такси, на бензоколонке, в пиццерии и т. д. Вспоминал ли Арменак в эти непростые моменты, как он вычеркивал из своей жизни заслуженных ветеранов? Я в этом не уверен.

Забавно, что как минимум одну службу отечественному баскетболу Алачачяну еще суждено было сыграть. В 1975-м игры Межконтинентального кубка проводились с разъездами, и домашние игры мы проводили в Ленинграде. Приезжавшая к нам в гости сборная Канады, похоже, обиделась, что из Москвы в Ленинград их отправили не самолетом, а поездом, и подготовила нам ответный «теплый» прием.

Прилетев в 4 утра местного времени в Торонто, мы обнаружили абсолютно пустой аэропорт. Никто нас не встречал, никакой информации о дальнейших наших действиях не было. По летному полю свистел холодный североамериканский ветер.

Померзнув некоторое время, мы поняли, что спасение утопающих — дело рук их самих. Из всех пришедших на ум вариантов этого спасения наиболее перспективным, как ни странно, оказался — позвонить Алачачяну. Удивительно, но у кого-то нашелся его телефон, и Арменак действительно откликнулся, приехал, организовал автобус и помог добраться до отеля! Кстати, канадские официальные лица даже не подумали извиниться — списали все на ошибку какого-то клерка, и дело с концом.

Финансовые, административные, организационные возможности ЦСКА в советское время обросли легендами. Однако в том, что касается «стартовых позиций» в сравнении с другими клубами, то такого уж колоссального отрыва в благополучии у ЦСКА не было. Если взять тот же призыв молодых спортсменов на военную службу, то равными возможностями обладало как минимум еще одно спортобщество — «Динамо». Тем не менее такими же успехами и всенародной любовью динамовцы похвастаться никогда не могли. Команды, базировавшиеся в национальных республиках СССР — в Прибалтике, Грузии, Украине, — были избалованы вниманием партийной и исполнительной власти порой не меньше, а больше, чем армейцы.

Другое дело, что ЦСКА ко времени моего в нем появления уже давно стал общесоюзным международным брэндом, слишком многое было поставлено в государственной политике на международные успехи армейских спортсменов. При всей убогости условий для тренировок и игр в СССР по сравнению с современными возможностями организация тренировочного и соревновательного процесса была в ЦСКА, пожалуй, лучшей в Союзе. Раздолбаев в ЦСКА было гораздо меньше, чем в других клубах, организация была значительно лучше, что и обусловливало многолетние успехи спортобщества на национальном и международном уровне.

В то же время в армейском спорте, как и во всем совке в целом, было много дурости и фальши. На административных должностях было много людей, далеких от спорта. Позднее, став на несколько лет «невыездным» и работая в спортшколе ЦСКА, я хлебнул армейской специфики в достаточной мере. Слушал на учебных сборах с 9 до 18 часов лекции о тактике в танковых атаках, участвовал в трагикомических клоунадах под названием «строевой смотр» (их можно было бы смело запускать в сатирический журнал «Фитиль») и ночных дежурствах с пистолетом на боку.

Я ни в коем случае не являюсь сторонником системы «мертвых душ» и фальсификаций, за счет которых долгие годы существовал армейский и динамовский спорт. Разумеется, числящийся на военной или иной специальной должности спортсмен, которому платят зарплату из оборонного бюджета и за которого вынуждены выполнять его обязанности другие люди, — это ненормальная ситуация. Впрочем, система «подвесок» на не имеющие отношения к спорту должности, будь то должности в

армии, милиции, на заводе или в парламенте, вообще контрпродуктивна.

С другой стороны, я, разумеется, принципиально против уничтожения армейского спорта и общества ЦСКА как таковых, о вероятности чего заговорили некоторое время назад. Демонстративная ликвидация наиболее прославленного отечественного спортивного общества была бы, мягко говоря, неверным шагом, при всем благородстве задачи оптимизации ведомственных бюджетов.

На мой взгляд, ведомственный спорт, развиваемый обществами ЦСКА и «Динамо», востребован, по крайней мере, по трем основаниям.

Во-первых, для обеспечения необходимой физической подготовки непосредственно в войсках и спецслужбах. Когда эта задача будет рассматриваться в наших силовых ведомствах как один из приоритетов (а иначе и быть не должно), актуальными станут и собственное спортивное общество, и — в качестве инструкторов физподготовки — закончившие выступления на высоком уровне армейские спортсмены.

Во-вторых, для организации массовой допризывной подготовки. Именно с использованием сети армейских и динамовских спортклубов, культивирующих наряду с прикладными видами и единоборствами также и иные спортивные дисциплины, развивающие физические возможности молодежи и дающие психологическую закалку, можно и нужно популяризовать службу в армии и милиции, готовить молодежь к ее прохождению.

Наконец, успехи армейских и динамовских спортсменов на уровне спорта высших достижений очень выгодны силовым ведомствам в имиджевом аспекте. Другое дело, что выступать на высоком уровне и занимать специальную должность спортсмен может только до тех пор, пока эти занятия совместимы. Как только он становится профессионалом, его зарплата должна обеспечиваться спонсорскими или бюджетными средствами, целенаправленно выделяемыми на спорт высших достижений. Но при этом он может оставаться членом армейского или динамовского клуба, не нанося урона бюджету ведомства, а лишь подчеркивая свою корпоративную принадлежность спортивному коллективу.

Только тренировка

Игровое преимущество ЦСКА моей эпохи над другими командами основывалось на том, что мы всегда тренировались больше остальных. В течение предсезонной подготовки и самого сезона (что составляло, по сути, круглый календарный год) мы осваивали чудовищные объемы нагрузок. Правильнее сказать, что весь советский спорт высшего уровня (а именно таким и был уровень ЦСКА) был построен на выполнении тренировочных объемов, несовместимых с жизнью.

Тренировки в ЦСКА были чем-то особенным, по накалу они порой были сравнимы с иными играми на чемпионате мира — сопли и кровь летели на них во все стороны. Дополнительный ажиотаж добавлялся методикой Александра Яковлевича Гомельского: он считал, что конфликт в команде идет ей на пользу. Поэтому он постоянно «натравливал» молодых на «стариков», сборников на несборников, подпитывал личные трения между игроками, стимулируя дополнительные эмоции на площадке в каждой игре и каждой тренировке.

«Стариков», даже на излете их карьеры, в команде воспитывали порой похлеще молодых. Думаю, в целом это было неправильно и не способствовало здоровому моральному климату в ЦСКА.

Благодаря подбору игроков у нас был более ровный состав — в большинстве других команд между первой и второй пятерками была пропасть, как когда-то в «Уралмаше». ЦСКА в отличие от них практически всегда имел две равные по силе пятерки. Часто игру у армейцев начинал второй состав, первые 10 минут игры на площадке были прессинг, месилово, выматывавшие соперников. Потом выходили «сборники» и добивали конкурентов.

Сезон открывался, как правило, в октябре. Предсезонка начиналась примерно за месяц. Через три дня после окончания чемпионата СССР начиналась 3-3,5-месячная тренировочная и соревновательная программа сборной, по окончании которой не позднее чем через неделю начинался новый сезон. За эту неделю следовало успеть решить какие-то домашние дела, сдать по возможности «хвосты» в институтах, в которых мы «учились», залечить травмы. В таком режиме я прожил ни много ни мало 12 лет!

Игроки ЦСКА, не входившие в сборную Союза, жили несколько по другому графику. Когда они не были заняты в национальном чемпионате, они путешествовали по миру, прославляя армейский клуб в товарищеских играх и коммерческих поездках. Пока мы, «сборники», вкалывали где-нибудь в Кудепсте, до нас долетали трогательные сведения о

пребывании родного ЦСКА в Италии, Сирии или еще где-нибудь не в самом худшем месте на планете.

«Архангельское» forever

Это может показаться странным, но собственной спортивной базы у баскетбольного ЦСКА не было. В основном мы размещались на базе в Архангельском, заселяясь туда по окончании футбольного сезона и деля ее с хоккеистами. Иногда перед играми жили в гостинице Министерства обороны на площади Коммуны. На базе мы света белого не видели из-за тренировок, проходивших 3 раза в день и в полной мере лежавших в контексте традиционного для СССР экстенсивного подхода с упором на объемы и супернагрузки. С базы уезжали на игры. После игрового дня нам, как правило, давался выходной с последующей явкой в тренировочный лагерь.

У баскетболистов был перед глазами еще более ужасный пример. Игроков хоккейного ЦСКА увозили на автобусе на базу сразу после игры, чтобы они не потерялись в городе, а пили полуофициально прямо на базе. Должен сказать, что несмотря на напряженный и в целом однообразный ритм жизни, баскетболисты ЦСКА нарушениями режима не злоупотребляли. Хотя они и имели место эпизодически, на результат они не влияли, скандалов на этой почве в команде также не было.

Домашние игры мы проводили в старом игровом зале ЦСКА на 1000 зрительских мест, позднее стали играть в армейском зале для соревнований по тяжелой атлетике, там мест для зрителей было чуть более 1000. Изредка играли в старом Ледовом дворце. По сравнению с прежними временами, когда ЦСКА проводил матчи на открытом воздухе в «Лужниках», зрительская аудитория даже при полных трибунах была незначительной.

Болельщики у нас были спокойные, уверенные в нашем успехе, поэтому домашние игры ЦСКА обычно проходили скучновато, при академической тишине в зале. Иное дело — матчи на выезде. К счастью, таких было больше, поскольку календарь национального чемпионата постоянно кроили под нужды сборной, и часто игры проходили по туровой системе за пределами столицы.

«Тебе массаж вреден»

Мерами восстановления после сверхнагрузок нас особенно не баловали. Системной реабилитации не было, основным ее методом была сауна. Смешно сейчас вспомнить, временами нас всей командой вывозили в «Сандуны», причем в наш кровный выходной, который мы с радостью провели бы с семьями. Но уклониться от явки было нельзя.

Другим традиционным средством восстановления был массаж, но к массажу я всегда относился прохладно. Помню, еще до перехода в ЦСКА, на упоминавшемся мной раньше сборе в Леселидзе в 1965-м я впервые в жизни обратился к массажисту. Им оказался легендарный Георгий Авсеенко, человек с внешностью киногероя, много лет работавший с хоккейной сборной. Он был известен также тем, что имел брата — генерал-полковника, которого значительно опережал уровнем жизни.

Авсеенко профессионально осмотрел мои худые, забитые нагрузками ноги, после чего произнес сакраментальную фразу: «*Серега. Тебе массаж вреден*». В дальнейшем я и вправду редко пользовался услугами массажистов (среди которых, кстати, очень мало было настоящих профессионалов), как правило, лишь после особо тяжелых нагрузок, а после 30 лет перестал массироваться вовсе.

Fair play

Были в наше время и хорошие стороны «непрофессионализма» в советском спорте. С наиболее одиозными явлениями спорта современного — допингом, ангажированным судейством и договорняками — мы не сталкивались. О фармакологических стимуляторах в конце 60-х только ходили слухи. Сам я никогда ими не пользовался и достоверными сведениями о ком-либо другом, кто мог «колоться» или глотать «бомбы», не располагаю.

Судейство в национальном чемпионате было приемлемым. Конечно, идеальным оно не бывало никогда, но откровенных «убийств», какие сейчас случаются сплошь и рядом, мне наблюдать не доводилось. Другое дело — на международной арене, о чем я расскажу позднее.

Не было в мое время и договорных игр. Конечно, врать не буду, в концовке чемпионата, когда у ЦСКА уже не было турнирной мотивации, а другие команды бились за «призы»,

могла иметь место просьба друга по сборной Моди Паулаускаса «не свирепствовать» в игре. На такую просьбу я мог среагировать так: «Ладно, я забью не 40, а 10, но остальное — ваше дело» — и получить «откат» в виде ящика шампанского. Однако «сливов» игр, да еще из корыстной заинтересованности, не бывало. Во всяком случае, с участием ЦСКА — точно не было.

Социальный пакет

Личные материальные условия для игроков были в армейском клубе в целом лучше, чем в других командах. Однако говорить о «длинном рубле» в ЦСКА можно было с известной долей условности. Конечно, по сравнению с рядовыми инженерами и работягами в СССР армейцы зарабатывали неплохо, особенно если учесть, что круглый год мы находились на полном обеспечении, путешествуя со сборов на игры и обратно и не имея нужды тратиться на еду. Но, во-первых, эти доходы выглядят смехотворно по сравнению с зарплатами игроков вторых-третьих лиг в современном российском игровом профессиональном спорте. Во-вторых, более или менее приличным содержанием обеспечивались только игроки с самыми высокими игровыми показателями.

Для того чтобы находиться на офицерской должности или получать стипендию Спорткомитета, а не прозябать на 80-рублевой ставке клубного «инструктора по спорту», нужно было входить в основной состав команды, год за годом становящейся лучшей в национальном чемпионате. Кстати, «дополнительные доходы», связанные с заграничными поездками, были доступны опять-таки только чемпионам и серебряным медалистам чемпионата СССР, выступавшим соответственно в Кубке европейских чемпионов и Кубке обладателей кубков (впоследствии — Кубок Корача).

«Потолком» офицерского звания игрока в баскетбольном ЦСКА был капитан (в футболе и хоккее — майор). Первые два года в ЦСКА я получал стипендию Спорткомитета, выделявшуюся пяти лучшим игрокам национальной сборной (250 рублей), потому что она была выше полагавшихся мне офицерских выплат. Только получив звание старшего лейтенанта, я «перешел» на армейское довольствие, складывавшееся из оклада в 220 рублей и различных дополнительных выплат, в общей сложности около 350.

Один раз в год мне как офицеру Советской Армии полагался

отдых в санатории Министерства обороны. Впрочем, после включения в сборную СССР отпуска у меня не было на протяжении 10 лет. К слову сказать, втянувшись в этот режим, в своем первом отпуске в черноморском санатории я выдержал неделю — попил портвейна с какими- то хмырями, да вскоре и сбежал в Москву.

В то же время, в сравнении с другими обществами, ряд возможностей у ЦСКА с его прямым отношением к монстру Министерства обороны был несравненно выше. Например, уже через год пребывания в ЦСКА я получил квартиру в Москве, что, конечно, было предметом мечтаний миллионов советских людей.

Основным материальным стимулом в армейском спорте была возможность получить военную пенсию, далеко не самую низкую в Союзе. Числясь в период своей спортивной карьеры на офицерских должностях, игроки накапливали военный стаж, а после окончания активных занятий спортом, как правило, становились тренерами или администраторами в той же системе ЦСКА.

Это было неким аналогом японской системы «пожизненного найма» и по сути пресекало любые возможности перехода армейских спортсменов в динамовское, а тем более в профсоюзные общества. Перемещения между клубами практиковались лишь внутри системы армейского спорта — из элитной команды ЦСКА в армейские клубы Киева, Риги, Алма-Аты и т. д. и в обратном направлении.

Впрочем, верность армейскому клубу была обусловлена не только меркантильными соображениями, но и искренней гордостью его достижениями, настоящим, а не поддельным спортивным патриотизмом.

ЦСКА — любовь и ненависть миллионов

Империя ЦСКА в советском спорте была уникальным явлением. В наибольшей степени ее особенности проявляли себя во всенародно любимых видах спорта — хоккее и футболе. Ажиотаж вокруг хоккейного и футбольного ЦСКА был таким, что часто вполне заурядные вопросы повседневного существования команд становились предметом разбирательства на уровне руководства страны. Комплектование этих команд часто происходило под давлением, тем более, что у функционеров ЦСКА на крайний случай всегда в рукаве был припрятан козырь в

виде призыва в Вооруженные Силы несговорчивого кандидата в команду.

Могу утверждать, что в баскетбольном ЦСКА такого ажиотажа не было, и кандидаты в команду всегда приходили в нее добровольно. «Срочников», т. е. игроков, призванных на двухлетнюю службу и формально являющихся солдатами, в баскетбольной команде не было. Основными стимулами притока баскетболистов в ЦСКА были лучшие, чем в других клубах, материальные условия, высокий уровень гарантий членства в сборной и общая высокопрофессиональная обстановка, царившая в клубе.

Отношение к команде в СССР было в высшей степени своеобразным. С одной стороны, это были всеобщая любовь и гордость за советский спорт, олицетворением которого был ЦСКА, горячая поддержка в международных соревнованиях национальных сборных, составленных на базе ЦСКА, понимание того, что успехи армейцев напрямую являются залогом успехов и сборной СССР.

С другой стороны, людям претило, что ЦСКА обладает уникальными возможностями для комплектования, которые использует достаточно безжалостно, вырывая самых лучших игроков из региональных коллективов, разрушая наигранные сочетания и связи, а главное — надежды, которые питали местные болельщики в связи с появлением на небосклоне этих новых звезд. Само за себя говорит прозвище «кони», появившееся, возможно, из-за предыстории армейской базы в Архангельском (там когда-то размещались конюшни), а закрепившееся в связи с традициями комплектования футбольного и особенно тихоновского[13] ЦСКА.

После того как очередное молодое дарование на второй-третий сезон своих выступлений по мастерам обнаруживалось в составе ЦСКА (а нередко — просто застревало в запасе у армейцев), провинциальный болельщик смачно сплевывал, нецензурно выражался и ставил диагноз: «Опять *коням* продался.» Что впоследствии не мешало этому болельщику яростно поддерживать и превозносить того самого игрока в составе национальной сборной, после того как его мастерство именно за счет пребывания в ЦСКА вырастало на порядок.

Наоборот, если хоть изредка появлялся игрок, который отвергал посулы армейских селекционеров и, даже будучи призванным под знамена ЦСКА на период исполнения священного долга перед Родиной, оттрубив два года, возвращался домой — это рассматривалось как подвиг, героизм, обрастало легендами и байками. Такой игрок становился на долгие годы

кумиром местных болельщиков, обладающим индульгенцией от всевозможных прегрешений.

Иногда за таким отказом (как, я уверен, в случае с А. Беловым) действительно стояли верность родному городу, клубу, договоренностям с людьми, которые в тебя поверили. Все это мне очень понятно и близко, я сам, как рассказывал раньше, именно в таком ключе расставался с «Уралмашем». Но всегда ли мотивация была исключительно такой благородной? Не скрывались ли за демонстрацией локального патриотизма и презрения к «конюшне» нерешительность, неготовность штурмовать настоящие вершины в спорте, удовлетворенность тем, что есть?

То, что только ЦСКА в те времена открывал широкую дорогу к по-настоящему серьезным результатам в спорте, для меня по-прежнему не вызывает сомнений. Были истинные герои, беззаветно и на высочайшем уровне отстаивавшие на протяжении многих лет цвета родного клуба, а порой и пробивавшиеся в состав национальных сборных. Но есть и масса примеров отказавшихся от карьеры в Москве «патриотов», подзаплывших жирком, обросших подаренными местными властями квартирами, гаражами и машинами. Их основным уделом в дальнейшем оставалось вспоминать под бутылку в ресторане, как их в молодости звали в ЦСКА и как они могли бы «дать», если бы не верность родному клубу.

Впрочем, справедливости ради нужно признать, что случались и откровенно хамские варианты «наезда» на региональных игроков, мобилизации в ряды Вооруженных Сил, использование административного ресурса. В большей степени это было характерно для футбола и хоккея, где цена успеха в национальном чемпионате и на международной арене была более высока, чем в баскетболе. Да и грешили этим не только в ЦСКА, но и в других армейских и динамовских командах.

Тем не менее в сознании рядового болельщика все эти примеры сливались воедино и отражались на отношении к баскетбольному ЦСКА в равной степени. На международной арене все страстно ждали от нас победы, а внутри страны — столь же страстно желали нам поражений. В какой-то степени это могло подогреваться вполне понятным желанием болельщиков наблюдать интригу в чемпионате СССР, а не вписывать заранее в пустые строчки турнирной таблицы ЦСКА, «Динамо» и т. д.

Поэтому появление в каком-либо регионе страны талантливой, самобытной и хорошо организованной команды, сподоблявшейся хотя бы на пару сезонов бросить перчатку ЦСКА, вызывало всеобщий восторг и заинтересованное внимание. За выступлениями такой команды начинали следить, интерес к ее

заочному и очному противостоянию с армейцами постоянно подогревался. Давид, смело сражающийся с Голиафом, всегда вызывает симпатию и поддержку.

Противостояние

В городах, где были собственные команды мастеров, соперничавшие с нами в национальном чемпионате, всенародная любовь к ЦСКА оборачивалась ненавистью; ее неизменной спутницей всегда была не менее всенародная ревность к нашим успехам, поэтому болели против ЦСКА во всей стране по-особому. К этому мы привыкли и даже не могли без этого обходиться, это давало особый драйв. К тому же это вырабатывало очень полезную для игрока привычку играть при недружественной публике.

Особенно негативное отношение к ЦСКА было в Прибалтике, что было обусловлено общим антисоветским настроем (а ЦСКА был главным олицетворением советского официоза), а также недавней утратой лидирующих позиций в отечественном баскетболе, ранее принадлежавших в основном латышским командам.

Еще хуже ситуации случались нередко в Тбилиси. В Грузии была тогда сильная баскетбольная школа; команды «Динамо» и ГПИ были в числе лидеров чемпионата (кстати, «экспериментальный» чемпионат в 1968-м выиграли именно динамовцы Тбилиси). Местные болельщики бешено поддерживали своих, нередко переходя границы приемлемого в спорте поведения.

Порой эта поддержка и вовсе принимала дикие, уродливые формы. Помню 10-тысячный зал в Тбилиси, скандирующий на протяжении 40 минут: «Судья — п...»; помню стаканы, бутылки, а однажды — металлическую конфорку от газовой плиты, которыми швыряли с трибун в игроков ЦСКА. Случалось, автобус нашей команды забрасывали камнями, были случаи поджога троллейбусов после игр.

Впрочем, такое «сопровождение» матчей вызывало в нас злость и особый настрой на игры с прибалтами и грузинами. Тому же «Динамо» за 12 лет мы проиграли всего один раз. Кстати, после этого проигрыша какой-то грузинский болельщик, искренне недоумевая, спросил меня: «Серега, вы что, игру продали?..» В каждой игре проклиная нас и превознося собственные команды,

болельщики подсознательно были непоколебимо уверены, что обыграть нас невозможно.

Принципиальные отношения у ЦСКА складывались потом и с другими командами. С начала 1970-х началась эра знаменитого противостояния с ленинградским «Спартаком», в 80-е на роль основного соперника пришел каунасский «Жальгирис». Однако в этом соперничестве никогда не было признаков бойни, нечестной игры. Была жесткая, но честная мужская борьба.

Особенности национального характера

Не знаю, уместны ли мои рассуждения, но мне кажется, что причины столь своеобразного отношения к ЦСКА нужно искать глубже. Одной из них является традиционная для нашего народа неприязнь к чужому успеху, в особенности не случайному, а обеспеченному системной работой и выстраданному ценой большого труда и самоограничений.

В нашем народном сознании всегда превалировал образ Емели, на которого успех сваливается внезапно и без каких-либо предварительных трудов. Когда очередной такой Емеля появляется на горизонте, его бурно поддерживают, хвалят и превозносят. до тех пор, пока его успехи не становятся слишком уж стабильными и он сам не переходит в разряд ненавидимых авторитетов. Наоборот, когда чей-то успех в спорте, в бизнесе, в политике внезапно рушится, это вызывает неизменное злорадство обывателей, удовлетворение от того, что и эта птица высокого полета в итоге все равно ляпнулась во всеобщее дерьмо. «Бей длинных, они красиво падают.»

Впрочем, и это все еще упрощенное восприятие. Все еще глубже и сложнее. Думаю, что в нашем народе всегда были и сохраняются некое иррациональное стремление к справедливости, параметры которой одному ему ведомы, и тотальная неприязнь к государственной власти и ко всем ее проявлениям. Такими проявлениями у нас почему-то считаются и следование методикам, системность и последовательность в работе, уклонение от всеми любимого раздолбайства… ЦСКА, скорее всего, в мои времена ассоциировался в народном сознании именно с советской властью, был своего рода апофеозом ее присутствия в спортивной сфере.

Успехи ЦСКА напрямую связывались с административным ресурсом, с давлением государственной системы на человека. И,

при всех восторгах собственно спортивными достижениями армейцев, это вызывало неизбежное отторжение. Команде, которая вступала в противоборство с ЦСКА, народное сознание немедленно и без вариантов отдавало свои симпатии, подспудно оценивая это и как вызов системе, хотя, возможно, эти команды и сами были рады пользоваться теми же методами для достижения результата.

На самом деле в спорте, как в концентрированной модели жизни, все было проще и безжалостнее. Мы, московские армейцы, просто хотели быть лучшими в своем виде спорта. И мы были ими, не за счет «административного ресурса», а благодаря постоянному сверхнапряжению собственных сил — каким бы невероятным оно ни было.

Глава 7
К ВЕРШИНАМ МИРОВОГО БАСКЕТБОЛА

Европейские баталии

Итак, весной 1969-го в составе ЦСКА я впервые стал чемпионом СССР. Вторыми были динамовцы Тбилиси, с бронзовых наград в том году начался десятилетний взлет кондрашинского «Спартака». Однако жесткой конкуренции с ленинградцами, характерной для последующих лет, в 69-м еще не было, поэтому наиболее жаркие битвы ЦСКА вел на международной арене. В том году нам удалось завоевать главный европейский клубный трофей — Кубок европейских чемпионов, битва за который по накалу и качеству игры порой превосходила финалы европейских первенств сборных команд. Так произошло и в апреле 69-го в противостоянии с испанским «Реалом».

Уровень конкуренции в Кубке был не удивительным с учетом того, что до поры, до времени в играх за ЦСКА в «старте» выходила первая пятерка сборной СССР, а за сильнейшие испанские и итальянские (а позднее — и иные европейские) клубы играли американские и бразильские легионеры, а также натурализованные иностранные игроки. В 60-е соперничество ЦСКА и мадридского «Реала» было наиболее принципиальным. Еще была на памяти финальная серия между ними в 1963-м, которая затянулась аж на три игры. Обменявшись победами с одинаковым преимуществом, лишь в третьем, дополнительном матче в Москве соперники выявили победителя. В драматичном поединке победила советская команда.

С 1966-го судьбу Кубка стали определять в единственном финальном матче на нейтральном поле. В сезоне 1969-го финал был назначен в Барселоне. «Нейтральность» этой площадки вызывала у нас некоторое сомнение. Мы опасались давления трибун, но по ходу матча быстро поняли, что каталонцы болеют за ненавистный им «Реал» не так уж и активно. Это позволило нам прибавить, хотя игра складывалась очень тяжело. Кубковые игры в Европе вообще были по-особому трудными: за соперников болели дома по-настоящему свирепо, в испанских и итальянских командах уже играли легионеры. В официальных, а тем более

товарищеских играх за сборную такого накала, по большей части, не было.

Игра превратилась в настоящую мясорубку. На последней минуте матча мы проигрывали 9 очков, но сумели сравнять счет. Первый овертайм также закончился вничью, а во втором мы сломали соперника. В том матче феноменальный результат в 39 очков показал наш центровой Владимир Андреев, мы с Вадимом Капрановым добавили примерно по 20. Я провел на площадке 50 минут без замен и после игры от изнеможения с полчаса не мог подняться.

Эта победа стала для меня третьим крупным международным успехом после золотых медалей чемпионатов мира и Европы в 1967-м и первым из них, в котором я сыграл по-настоящему определяющую роль.

После окончания чемпионата СССР сразу начиналась подготовка (не менее чем 3-месячная) к главному старту сезона. В 1969-м им должно было стать европейское первенство в Неаполе.

Сборная страны, которую по-прежнему тренировали Гомельский и Озеров, получила в том сезоне менее массированное, чем двумя годами ранее, но важное пополнение. К костяку команды — Г. Вольнову, М. Паулаускасу, З. Саканделидзе, В. Андрееву, А. Поливоде и С. Белову добавились будущие триумфаторы Мюнхена С. Коваленко, А. Болошев и главное открытие сезона — 18-летний А. Белов. В состав команды также вошли армейцы А. Кульков и В. Застухов и таллиннец П. Томсон.

Мои позиции в сборной стали уже достаточно стабильными. Я уверенно входил в ее состав и практически всегда выходил в старте. Тренеры давали мне много игрового времени, и я, надеюсь, оправдывал их ожидания. Я, без преувеличения, стал играть в сборной ключевую роль. По итогам того чемпионата Европы я был включен в символическую пятерку лучших игроков. Я также наконец-то стал заслуженным мастером спорта СССР, хотя не менее долгожданный приз за достигнутые победы — автомобиль, я смог обрести лишь через полтора года.

Час «Х» для Вольнова

Попадание в состав главной команды оказалось непростым для ветерана Геннадия Вольнова — до недавнего времени моего «дядьки» в ЦСКА. Видимо, его уже не было в планах Гомельского

по обновлению сборной. На подходе к составу был молодой легкий форвард тбилисского «Динамо» Михаил Коркия — конкурент Геннадия за место в сборной. Похоже было, что пятикратный чемпион Европы окажется 13-м лишним.

Все свелось к тому, что Геннадий успешно выступил на турнире в Таллинне на решающем этапе подготовки, и игроки, на которых главный тренер делал ставку, в частности, мы с Паулаускасом, активно выступили за включение его в команду. На этот раз история окончилась для Вольнова хэппи-эндом — его взяли на Европу, где он в финальном матче был одним из лучших и здорово помог команде. Однако расставание со сборной и ЦСКА было для заслуженного ветерана уже не за горами.

В прекрасной Италии

Европейское первенство в Неаполе, помимо собственно удачной игры сборной СССР и ее уверенной победы в турнире, запомнилось мне колоритом юга Италии. С этой страной у меня сложились особые отношения — я был в ней по-настоящему любим и популярен и неизменно получал там исключительно позитивную прессу, даже когда мы обыгрывали «Скуадру адзурру».

Южная Италия очень сильно отличается от центральной и северной (по сути, это три разные страны). В тот раз в Неаполе в глаза особо ярко бросились атрибуты бедного, грязного, но живущего бурной жизнью итальянского города, с развешанным поперек улиц на просушку бельем и толпами ночных проституток у горящих на обочинах костров. Они моментально исчезали при приближении полиции. Полицейские патрули важно и с осознанием тяжело, но достойно выполняемого долга крейсировали по опустевшим улицам, где продолжали пылать костры. Жрицы любви незамедлительно возвращались к ним, как только патруль скрывался за поворотом.

В те времена прекрасная Италия была для нас гостеприимной. В августе мы практически всегда выезжали на Сицилию, где проводился коммерческий турнир с очень непрезентабельными условиями, но с неплохим призовым фондом. В какой-нибудь деревне у подножия Этны, на брусчатке, а то и на асфальте (лишь в 1969-м сицилийцы впервые настелили для этих игр деревянный помост), с двумя кольцами, повешенными прямо на стены домов, разыгрывались настоящие

баталии.

Игры вызывали бешеный ажиотаж скучающих пляжников, а желание подзаработать и поиграть в приятной расслабленной атмосфере собирало неплохой состав участников. Кроме сборной СССР, на Сицилию стабильно приезжали чехи, югославы, хозяева-итальянцы и даже сборная США — пусть собранная с бору по сосенке, но все же достаточно сильная.

Календарь сборной

Я уже говорил, что приоритетом советского спортивного руководства всегда были международные успехи наших сборных, в отличие от западных стран, где во главе угла стояли коммерческие интересы клубов. Наш национальный баскетбольный чемпионат долгое время был достаточно куцым соревнованием. Он проходил либо по туровой системе, когда подгруппы по 6 команд 3-4 раза собирались в каком-то из городов на неделю и играли друг с другом, либо с разъездами, спаренными по две встречи с каким-то одним соперником.

Внутренний календарь всегда был подчинен интересам сборной. В любой его паузе и практически немедленно после его окончания национальная команда созывалась на учебно-тренировочные сборы или на турниры. Международный календарь сборной был достаточно стабилен и всегда интенсивен — каждый сезон венчался крупным соревнованием — либо Олимпийскими играми, либо чемпионатом мира, либо чемпионатом Европы.

К ним, как правило, добавлялись традиционные турниры на уровне сборных, либо проводимые ФИБА, как, например, Межконтинентальный кубок, либо созывавшийся советским спортивным руководством, скажем, Кубок Гагарина, одно время претендовавший на постоянное место в международном календаре. С учетом менее протяженного, чем у футболистов и хоккеистов, внутреннего календаря, баскетбольная сборная активно участвовала в заграничных турне, в том числе коммерческих. Всего за сезон набиралось по 4-5 выездов сборной за рубеж.

Календарный год всегда начинался для сборной с коммерческого турне в Южную Америку — как правило, в Бразилию.

В ноябре по правилам ФИБА национальные календари

должны были предусматривать паузу для дозаявок и переходов игроков. До дела Босмана[14] было еще далеко, и правила в европейских странах ограничивали количество иностранных легионеров в командах двумя игроками, но трансферный рынок уже неплохо был развит. Для Советского Союза эта проблематика была абсолютно неактуальна, и ноябрьскую паузу сборная всегда использовала для поездки в США.

За 2-3 недели мы проводили по 10-14 игр со студенческими командами, вызывавших бешеный ажиотаж местной публики. Можно было искренне восхищаться культом баскетбола в этой стране. На наши товарищеские игры со студентами собиралось по 10-20 тысяч зрителей! Такие игры были прекрасной закалкой для сборной.

Также прекрасной школой были для нас традиционные выезды на игры в Югославию, которые, к сожалению, прекратились после 1973-го. О причинах такой политики я могу лишь догадываться — то ли югославский «нейтралитет» стал слишком сильно раздражать советское руководство, то ли баскетбольные функционеры стали бояться за репутацию сборной, все чаще проигрывающей братьям по Восточному блоку. Так или иначе, уклонение от постоянных игровых контактов пошло сборной только во вред. Мы не перестали проигрывать, но делали это не в товарищеских играх, хоть понемногу, но изучая соперника, а в решающих матчах важнейших турниров, когда ошибки в тактике и подготовке становились уже непоправимыми.

Путь к вершинам

Мой путь к победам в том сезоне оказался непростым. В конце февраля 1969-го я получил одну из всего лишь нескольких за мою карьеру серьезных травм — сломал руку. Произошло это в игре против киевского «Строителя» — пожалуй, самой неприятной для соперничества команды советской высшей лиги.

Киевляне играли в манере, впоследствии ставшей «визитной карточкой» югославского баскетбола, — вязко, грязно, с постоянными толчками, тычками исподтишка и провокациями. В одной из игр союзного чемпионата против «Строителя» я получил под щитом соперника такой удар коленом по гениталиям, что после этого все хозяйство пару недель было синего цвета.

Что-то в этом роде случилось и в 69-м. Я делал быстрый проход под щит соперника, игрок киевлян выставил бедро, в

которое я и вошел. Мои ноги по инерции улетели вперед; падая на спину, я подставил руки и, когда очухался от боли, левую руку поднять был не в состоянии. Оказалось, что я сломал запястье.

Рука была помещена в гипс на три недели, и из-за травмы меня не взяли в Мадрид на игру с «Реалом» (в групповой стадии Кубка европейских чемпионов), что меня чрезвычайно расстроило. Впрочем, как и всегда, на новый вызов я ответил ужесточением отношения к себе: на все эти три недели заперся в «качалке», не давая мышцам атрофироваться и готовя себя к скорейшему возвращению на поле.

В результате уже на следующий день после того, как с травмированной руки сняли гипс, я, хотя и бросая мяч одной рукой, но уже играл. Через два дня — участвовал в двух ключевых матчах чемпионата СССР против «Динамо» Тбилиси, в каждом из которых принес команде около 20 очков.

В то время я жил у жены в подмосковной Электростали (квартиру ЦСКА предоставил мне только через год после моего появления в клубе). Ежедневно в 8 утра я отправлялся на электричке в Москву, затем ехал до станции метро «Аэропорт» в армейский спортзал на Ленинградке. Тренировка (когда мы не жили на сборах) начиналась в 11 и заканчивалась около 13 часов. Последняя до перерыва электричка в сторону Электростали отправлялась с Курского вокзала в 13.59. Опоздав на нее, я должен был торчать в Москве практически до вечера, поэтому, если тренировочное занятие затягивалось, я в мыле мчался бегом на вокзал, не успев помыться, а порой и сменить спортивный костюм на обычный. Так я и пробегал весь свой первый сезон в ЦСКА.

Тот год был отмечен знаменательным и радостным для меня событием — в марте у нас с женой родилась дочь Наташа. Несмотря на эйфорию от этого события, «внебаскетбольных» хлопот оно, конечно, добавило.

Несмотря на это, вечерами в Электростали я тренировался дополнительно по индивидуальной программе — по договоренности в местном спортивном зале качался, бросал. Закрепление в составе ЦСКА и сборной я не рассматривал как достижение предела своих мечтаний. Я хотел двигаться дальше вверх. Однако начало нового десятилетия готовило неприятные сюрпризы.

Подарки от югославов

Весной 1970-го сборная все-таки осталась без своего многолетнего лидера и капитана Геннадия Вольнова. На протяжении полутора лет он испытывал двойное давление — со стороны Арменака Алачачяна в клубе и со стороны Гомельского в сборной. В итоге Геннадий был изгнан отовсюду (о том, как это происходило, я расскажу чуть позднее) — его непопадание в состав национальной команды, отправляющейся на чемпионат мира в Любляну, стало сигналом и для клубного руководства.

После ухода Вольнова из ЦСКА капитаном команды стал я. Чтобы не создалось впечатления, что я «подсидел» своего наставника, скажу, что стать капитаном Алачачян предлагал мне неоднократно и в период присутствия Гены в команде, но я принципиально отказывался от этого «при живом» капитане. Что касается моих лидерских позиций в армейском коллективе, то их объективность была особенно наглядно подтверждена в следующем сезоне.

Чемпионат СССР мы снова выиграли без особых проблем. Ленинградский «Спартак» подтянулся на второе место, отодвинув на третье многолетнего лидера — киевский «Строитель». Однако на международной арене дело не заладилось.

В 1970-м в Кубке европейских чемпионов у ЦСКА появился новый мощный конкурент — итальянская команда «Иньис» из города Варезе, с которой армейцы сошлись в финале розыгрыша в Сараево. В ее составе выступали сильные американские легионеры, а тренировал ее знаменитый югославский специалист Александр «Ацо» Николич по прозвищу «боснийский маг». Кто-то мог расценивать такое прозвище просто как констатацию происхождения Николича и его умения приводить возглавляемые им команды к неожиданным победам, но был здесь еще и дополнительный подтекст.

Именно с Николича в югославском (а позднее — в сербском, хорватском) баскетболе зародилась практика психологической подготовки своих баскетболистов и психологической же обработки игроков команды соперника. Пусть кому-то это покажется сказками, но я к информации об активном использовании югославами парапсихологических практик отношусь вполне серьезно. Слишком часто, соперничая с «югами», я на собственном опыте сталкивался с необъяснимыми явлениями, когда вкладываемые тобой в игру усилия по сути бумерангом обращаются против тебя самого.

Впрочем, югославский специалист не пренебрегал и традиционными средствами из арсенала балканской школы баскетбола. Памятуя о прошлогоднем финале Кубка, в котором

испанский «Реал» убил Володя Андреев, он акцентировал «работу» именно на этом игроке. В самом начале финального матча в Сараево черный американский центровой — vis-a-vis Андреева — в борьбе за мяч так засветил Володьке локтем в кадык, что тот еле отдышался и в полную силу уже не играл. То ли действительно плохо себя почувствовал, то ли просто испугался. Без основного центра мы не показали своей лучшей игры и в очень жесткой борьбе уступили. Впрочем, дуэли с «Иньисом» суждено было растянуться на несколько лет.

Неудачи продолжились и на уровне сборных. Чемпионат мира проходил в том году в Югославии, и сборная этой страны, ранее уже заявившая о себе неожиданной победой над бесспорным фаворитом — «Красной Машиной» СССР — в полуфинале олимпийского баскетбольного турнира в Мехико, сделала еще один, решающий шаг в элиту мирового баскетбола. Молодая и яркая экспериментальная команда целенаправленно готовилась хитрыми и высокопрофессиональными тренерами к домашнему турниру на протяжении четырех лет. Эта подготовка принесла желанный результат.

Югославский чемпионат вновь стал удачным персонально для меня. Несмотря на поражения сборной, я был признан лучшим игроком турнира и получил «Кубок Славы». Вплоть до последней игры с хозяевами чемпионата я бил все штрафные без промаха — 32 из 32, что казалось уникальным результатом. Все это впечатлило югославских болельщиков и специалистов, которые, как и итальянцы, всегда относились ко мне с восторгом. Италия и Югославия — две страны в мире, где я был по-настоящему популярен.

Провал «сдвоенного центра»

Однако все это перечеркивалось новым срывом национальной сборной, бронзовые медали которой были расценены и нами, и спортивным руководством как провал. Могу ошибаться, но мне кажется, что на этом турнире Александр Яковлевич и его постоянный помощник Озеров переборщили в своей общеизвестной привязанности к пятым номерам. В Любляне это впервые выразилось в гениальной версии тактического построения, позднее получившей наименование «сдвоенный центр».

В сборной, принявшей участие в чемпионате мира в

Любляне, осталось восемь игроков из прошлогоднего победного состава: Сергей и Александр Беловы, Паулаускас и Саканделидзе, Андреев и Коваленко, Томсон и Застухов. Безусловно, усилил команду отбывший дисквалификацию Жармухамедов. Добавились Липсо, Сидякин и Крикун.

217 см Андреева и 215 см Коваленко, одновременно находящихся на площадке, наверное, способны были произвести устрашающее впечатление на наших соперников. Но, думаю, лишь на первых порах. Вскоре они быстро разбирались, что в таком сверхмощном составе мы начинаем серьезно проигрывать в скорости и мобильности действий.

Квалификационные игры мы прошли без проблем, легко обыграв Уругвай, Панаму и Египет. Однако в первой же игре финальной пульки чемпионата — против Бразилии начались проблемы. Проигрывая по ходу встречи «-14», мы переломили ход поединка и взяли игру под свой контроль, уверенно лидируя «+10». Но после начала экспериментов со «сдвоенным центром» мы стали уступать традиционно быстрым и техничным соперникам и в итоге проиграли этот ключевой матч — 64:66.

С натугой, с огромными усилиями мы выигрывали дальше наши матчи против соперников по финалу — Италии, Чехословакии, Уругвая, чтобы подойти к двум последним, решающим играм — против США и хозяев первенства — под дамокловым мечом: нам было необходимо выигрывать оба матча и при этом надеяться на благополучный исход других противостояний.

Неудачная «разгрузка»

Накануне игры с США Гомельский устроил команде «разгрузку» — закрепленный за нашей командой спонсор, предприятие по производству изделий из стекла, организовал небольшое застолье на «пленэре». Начиналось все красиво и хорошо — занятная экскурсия по стеклодувному заводу, уютный ресторан с красивейшим парком из мощных старых деревьев, безобидные бокалы с пивом.

Не знаю, что произошло с товарищами по сборной, а в особенности — с Гомельским, который не пресек все это, но вскоре команда в присутствии своего главного тренера, готовящего ее к двум решающим матчам мирового первенства, начала откровенно ...рачить. Сидевший рядом со мной массажист

хоккейной сборной СССР Авсеенко, которого Гомельский брал на все важные турниры, как талисман, и который не принимал наряду со мной участия в этом безобразии, удивленно сказал мне: «Серега, я такого даже в хоккее не видел» С учетом залихватской репутации наших мастеров клюшки это признание дорогого стоило.

Кончилось все просто безобразной пьянкой, разбитым Застуховымоб одно из тех красивых деревьев «Ягуаром» спонсоров, истерикой организаторов «пленэра». Особенно зол я был на Модю, с которым, как я ожидал, нам предстояло «тянуть» оставшиеся важнейшие игры и которого я безуспешно пытался остановить. В общем, «разгрузились» мы на славу.

Не хочу утверждать, что на Модестаса негативно повлияла «разгрузка», но в равной игре против США именно смазанные им на последних минутах штрафные броски стоили нам победы — 72:75. Это окончательно отбрасывало нас в лучшем случае на третье место. К счастью, его позволили нам занять югославы, за тур до окончания чемпионата гарантировавшие себе победу в мировом первенстве и проигравшие нам 72:87 в последнем ничего не значившем для них матче.

Опять-таки не берусь утверждать, что легло в основу последовавшего решения — неудачное ли по тем временам выступление, «провал в воспитательной работе с коллективом» или залет на таможне прямо по возвращении в Союз из Любляны, но, по крайней мере, по совокупности факторов А. Я. Гомельский утратил место главного тренера сборной страны, которое он занимал с 1962 года. Это казалось революцией.

В отечественном баскетболе наступала семилетняя эра В. П. Кондрашина, в которую уместились четыре блестящие победы на самых престижных мировых соревнованиях — Всемирной универсиаде 1970-го, чемпионате Европы 1971-го, Олимпийских играх 1972-го и чемпионате мира 1974-го.

Проба пера

«Разминкой» для Кондрашина стала Всемирная универсиада в Турине в сентябре 1970-го. Это соревнование в Союзе в те времена (да, пожалуй, и в России сегодня) никогда не рассматривалось как сверх- престижное, а напрасно. Во всяком случае, американцы присылали на студенческие игры гораздо более сильные команды, чем на большинство чемпионатов мира.

Так было и на этот раз. В Турин приехала студенческая сборная, едва ли уступавшая по силе олимпийской мюнхенского образца. Но и мы были не лыком шиты.

Новый главный тренер, разумеется, не успел существенно поменять состав и тактические построения команды, но с его приходом, как показалось, в сборную пришел какой-то поток свежего воздуха. Возможно, это было обусловлено просто эмоциональным настроем ребят, долгие годы задавленных мощным интеллектом Александра Яковлевича. Тем не менее, на мой взгляд, факт остается фактом — обстановка в сборной при Кондрашине стала более творческой.

Кстати, безусловным апологетом Кондрашина я никогда не являлся, и мои собственные позиции в национальной команде с его приходом были не так уж незыблемы. Вплоть до триумфального финала 1972-го мои отношения с Петровичем оставались несколько натянутыми, но, к счастью, это не мешало команде не просто добиваться высоких результатов, но, как я уже сказал, делать это в свободном, творческом состоянии.

При этом в команде не было и намека на безалаберность, непрофессионализм — того, что в середине 80-х в период тренерской чехарды в футбольной сборной СССР стали называть «искренним футболом». Тактиком Петрович всегда был очень жестким. Так и должно быть. Когда Лобановского[15], сменившего Малофеева[16] на посту футбольной сборной, спросили, как он относится к «искреннему футболу», великий тренер ответил кратко и угрюмо: «Я не знаю, что это такое».

Именно в противостоянии с американцами решалась судьба первого места в баскетбольном турнире Универсиады, поскольку другие ведущие баскетбольные державы, как и СССР, это соревнование чрезмерным почетом не жаловали. Советская сборная, как правило, была представлена на студенческих играх молодежным или клубным составом с учетом действовавших ограничений по возрасту. Но в 1970-м команда была практически в сильнейшем составе.

«Бойтесь русских…»

Это был первый раз, когда я впервые всерьез понял, что американцев можно побеждать. Впервые мы столкнулись лицом к лицу с по- настоящему мощной сборной США и практически сразу убедились в ее парадоксальной тактической негибкости. Было

такое ощущение, что в этой стране, превозносимой как образец демократии, свободы и творчества, очень многое делается по шаблону, чуть ли не по инструкции. Иначе было просто не объяснить примитивных и неизменяемых тактических построений их баскетбольной сборной.

В финале против нас американцы как встали с самого начала в зону «1-3-1», так и оставались в ней по ходу всего матча. Конечно, атлетической мощи, мастерства и молодого задора лучшим американским студентам было не занимать, но нам, игрокам сборной Союза, было по 27 лет, мы уже многое прошли в баскетболе, и, попривыкнув к игре соперника, мы рас...рачили эту их зону просто в щепки. На хваленых штатников было жалко смотреть.

Думаю, именно тогда была заложена основа мюнхенской победы. Мы поняли, что американцы — не волшебники, с их сильнейшими командами можно играть на равных и побеждать. Кстати, в дальнейшем американцев подвели именно их самоуверенность и самовлюбленность. Годом позже во время традиционного турне сборной по США, где мы опять отчесали команды лучших американских университетов, один опытный заокеанский специалист публично предупреждал своих: «Бойтесь русских на Олимпиаде, они очень сильны...» Если бы наши соперники прислушались к таким предупреждениям, а не расценили, как обычно, свои поражения как досадную случайность, наш олимпийский триумф мог и не состояться.

Играющий тренер

В конце 1970-го в ЦСКА сложилась уникальная ситуация. Неудачный старт в чемпионате СССР

(два проигрыша бешено рвавшемуся к чемпионству ленинградскому «Спартаку») стоил Арменаку Алачачяну места главного тренера команды. Возглавил команду не кто иной, как Александр Яковлевич Гомельский, перед этим занимавший должность главного тренера Вооруженных Сил по баскетболу. Уникальность момента была в том, что на этот момент Гомельский был. «невыездным», и сохранять этот статус ему предстояло до 1973-го. Это означало, что на все игры за границу (а именно они тогда для ЦСКА имели принципиальный характер) команда выезжала без главного тренера.

Как следствие, возникла другая беспрецедентная ситуация:

возглавлять команду на выездных международных матчах стал. действующий игрок, ее капитан Сергей Белов. Доверие команды и армейских функционеров я, возможно, и готов был оправдать. Это был уже мой пятый сезон на высшем уровне мирового баскетбола, и определенные опыт и психологическая устойчивость уже были мной приобретены. Специфика ситуации состояла в том, что я был не только действующим игроком ЦСКА. Я был одним из его основных игроков.

В итоге алгоритм моих действий в выездных играх ЦСКА (кстати, все эти игры в том сезоне мы выиграли, включая главную — реванш против «Иньиса» в финале Кубка европейских чемпионов) был следующим. Первые 10 минут я вел игру со скамейки, а ребята создавали определенный задел. Оставшиеся 30 минут я в основном находился на площадке, с которой и руководил заменами, тайм-аутами, общался с судьями и т. д. В финале Кубка чемпионов в Антверпене я также вышел на площадку после 10-й минуты и за оставшееся время принес команде более 20 очков.

С учетом сложности ситуации в руководстве клуба успех ЦСКА был особенно неожиданным и значимым. Но, видит Бог, у меня и в мыслях не было развивать свой тренерский успех. Я еще не насытился игрой, и никакое руководство командой не способно было меня от нее отвлечь. Однако, вручая Александру Яковлевичу в аэропорту по прилете «Серебряную корзину» ФИБА, я поймал такой взгляд наставника, что впервые подумал: «Да, пожалуй, тренером в ЦСКА мне не быть...»

Испытание на прочность

Чемпионат Европы 1971-го проходил в Германии, в Эссене. Состав сборной СССР не обновился радикально. Пожалуй, единственным сюрпризом для всех стало появление в ней никому не известного Ивана Едешко. Еще одним дебютантом стал эстонец Таммисте. В составе команды при Кондрашине закрепились уже появлявшиеся в ней при прежнем руководстве Александр Белов и Михаил Коркия. Разумеется, их уверенность в себе выросла соразмерно существенно большему доверию нового тренера.

Костяк команды Кондрашин сохранил — Андреев, Саканделидзе, Паулаускас, Сергей Белов, Жармухамедов, Поливода были уже проверенной в боях самого разного уровня дружиной, и искать от добра-добра было бессмысленно. Болошев

и Томсон также не были новичками. В национальной команде были собраны объективно лучшие на тот момент баскетболисты Союза. Задача Петровича состояла не в том, чтобы принципиально обновить состав, а в том, чтобы дать ему дополнительно раскрыться. Было впечатление, что это тренеру удалось. Мы уверенно прошли весь турнир, в полуфинале разобравшись с сильной итальянской сборной, а в финале поставили на место чемпионов мира — югославов.

Чемпионат в Эссене стал для меня лично новым испытанием на прочность. Во время турнира я заболел. Уже в полуфинале чувствовал себя очень плохо, а перед финалом и вовсе слег — температура под 39, кровь носом. Думал, что сдохну. Ничего — скрыл от всех и играл, не подавая виду. Шесть часов после того выигранного финала я не мог выпить ни глотка из любезно предлагаемого мне товарищами по команде — все комом стояло в горле. Только в 4-5 утра я сумел проглотить какую-то дикую смесь из пива и шампанского.

Мужская работа

Свой поступок я не считал подвигом. Если бы я сообщил о своей болезни и попросил освободить от игры, меня бы не расстреляли, не отчислили из сборной. Вполне возможно, что и результат матча и турнира был бы для команды таким же успешным и без меня. Но добиться его команде совершенно точно было бы сложнее. Я уже обладал определенными опытом и интуицией и знал, что итальянцы в полуфинале меня бздят, югославы в финале меня бздят, так как же это я им дам спокойной жизни и какие-то надежды на успех? Нет, это не было геройством, это был мой осознанный и спокойный выбор.

Членство в сборных командах Советского Союза предоставляло спортсменам многое: возможность добиться высочайших спортивных результатов, признание их профессионального мастерства, поездки, дополнительные доходы, фактическое присутствие в советской номенклатуре. Но не стоит недооценивать и моральные аспекты мотивации — патриотизм, любовь к Родине, желание защитить ее спортивную честь на международных аренах.

Всем памятны знаменитые слезы Ирины Родниной[17] на олимпийском пьедестале в момент исполнения национального гимна. Немедленно нашлись и злопыхатели, говорившие:

«Пустила слезу, чтобы получить орден Ленина». Но для большинства нормальных людей эта реакция спортсменки на свою победу в честь великой державы была вполне адекватной.

В 1996-м в Атланте спортсмены США вообще проливали ведра слез — женщины и мужчины, по поводу побед и поражений, везде и всюду — на пьедестале, в бассейне, в яме для прыжков, везде. У всех это уже вызывало исключительно умиление любовью этих парней и девчат к своей великой стране, к звездно-полосатому флагу. Возможно, так плакать напоказ — все-таки немножко перебор, но в целом в ощущении причастности твоей олимпийской победы к великим свершениям великого государства я ничего дурного не вижу.

Помню, как меня впечатлила в 1994-м реакция сына, который позвонил из Штатов и с искренним возмущением поведал мне, как у них в колледже на занятиях по истории утверждают, что. Вторую мировую войну выиграли США! Что касается моего поколения, то ему любовь к Родине и безупречное уважение к ее интересам были привиты на порядок крепче. Безусловно, играла определенную роль и идеологическая накачка о зверином оскале империализма, которую каждый советский гражданин впитывал с детства. Верить мы ей особо, конечно, не верили, но и любви к империалистам не испытывали.

Главным в мотивации к членству в сборной был, и это вполне естественно, доступ к высшим спортивным достижениям. Как я уже говорил, каждый спортсмен прекрасно понимал все плюсы и минусы от присутствия в профессиональном спорте и осознанно делал свой выбор в пользу сборной. Уговаривать и убеждать никого было не надо.

Желание выступать за сборную — во всем комплексе названных мной факторов — было столь сильным, что спортсмены выходили на ответственные старты с тяжелыми травмами. У американцев подвернутый голеностоп означал гипс на три недели, у нас на следующий день тебя ставили на игру, хотя опухшая нога не влезала в кроссовок.

Без какого-либо преувеличения скажу, что главным в этом были не какие-то личные шкурные интересы, а стремление помочь команде. И геройством свое поведение никто не считал — нормальная мужская работа.

Возвращаясь к рубежу 60-70-х, скажу, что именно в это примерно время я, как мне кажется, заматерел, вышел на новый уровень мастерства. Вместе с обновленной национальной командой и новым тренером я был готов к завоеванию новых, теперь уже высочайших вершин в мировом спорте. Мне стало все равно, с кем, когда и где играть. Годы тренировок и выступлений

постепенно превращали меня в мастера Большой Игры.

Глава 8
70-е

Время выбрало нас

Каждое поколение так или иначе привязано к своей эпохе. Особенные воспоминания обычно связаны у человека с тем периодом, когда он добился наивысших результатов в своей деятельности, достиг творческого и профессионального расцвета, создал определенный задел на всю свою будущую жизнь.

Для меня такой эпохой стали 70-е годы. Время материального и идеологического благополучия огромной империи СССР, формирования гигантского нефтегазового и промышленного комплекса, до сих пор обеспечивающего энергоресурсами полмира. Время съездов коммунистической партии, мудрого политического руководства ее Политбюро и Центрального комитета, претворения в жизнь бессмертных ленинских принципов и наказов грядущим поколениям. Время «разрядки политической напряженности» и начала «мирного сосуществования двух систем с различными политическими принципами», Байкало-Амурской магистрали и героических побед советских хоккеистов над канадскими профессионалами. Время расцвета культуры, искусства, спорта, время подлинного, а не показушного сплочения людей. Кульминация 75-летней истории громадного государства — во многих аспектах действительно успешного, а во многих — откровенно бездарного и бесчеловечного.

Эта глава — небольшие зарисовки о 70-х, золотой эре баскетболиста Сергея Белова, какими бы неоднозначными и противоречивыми они ни были, и какие бы эмоции ни вызвали у вас подзаголовки этой главы, взятые со страниц советских газет. О десятилетии, которое началось нашим провалом на чемпионате мира в Любляне, прервавшим многолетнее пребывание у руля сборной Александра Гомельского, а закончилось признанием меня выдающимся спортсменом, достойным зажечь огонь московской Олимпиады. О том, как мы — я и мои товарищи по спорту — жили в то время, каким оно было и какими были мы, что сопровождало нашу жизнь — игроков команды ЦСКА и сборной СССР.

Эта эпоха дорога мне. В первую очередь потому, что она

ознаменована самой великой победой, которую я вместе с командой добыл для своей страны.

На вершине советского спорта

Начало нового десятилетия давало мне повод подвести предварительные итоги первого этапа моего жизненного и спортивного пути. Мне было 27 лет, я вступал в пору спортивной и мужской зрелости. Уже пять лет я был женат, дочери недавно исполнился год. У меня были определенный стабильный достаток, квартира в Москве, офицерское звание. Я был на хорошем счету у спортивного и партийного руководства. По меркам среднестатистического советского человека моя жизнь складывалась вполне успешно.

Но самое главное — у меня было любимое дело, в котором я реализовался так, как я об этом мечтал в детстве. Я играл в команде своей мечты — ЦСКА, вместе с ней стал чемпионом СССР. Более того, я был ее лидером, одним из основных игроков. Я стабильно входил в национальную сборную, в составе которой успел стать чемпионом мира и трехкратным чемпионом Европы. Наша «Красная Машина» набирала все более и более мощный ход. Мы чувствовали, что не за горами тот день, когда мы сможем бросить вызов единственным пока еще не поверженным на высшем уровне соперникам — баскетболистам США.

Планы партии — планы народа

Спорт в СССР в масштабах общенациональной политики был, безусловно, сильно политизирован и идеологизирован. Но нас, спортсменов, это, как ни странно, сильно не касалось. Видимо, обеспечивали эту идеологизацию неглупые люди, которые понимали, что от психологического состояния спортсменов зависит конечный результат — медали мировых и европейских спортивных форумов, доказывающие преимущество социалистической системы развития, — и что перегружать нас политикой контрпродуктивно.

Партийные органы незримо присутствовали в нашей жизни, определяли нашу судьбу в самых важных ее аспектах, но их

постоянное участие в нашей повседневности преувеличивать не следует. Конечно, проводились различные собрания, накачки на результат, но в основном для всех ребят это было пустым звуком, так как мы были профессионалами и знали, что спорт на этих лозунгах не стоит. К счастью, собственно в подготовке к соревнованиям и в их процессе превалировал именно профессиональный подход, партийные руководители и комитетчики в спортивный процесс не лезли, по крайней мере, когда доходило до серьезного дела.

Существенного идеологического давления на игроков в целом также не было. На национальном уровне мы были объективно лучшими, и для регулярных побед в чемпионате СССР «накачивать» нас не требовалось. Что касается международных соревнований, то накануне них нас собирали, желали успехов..

Вся прелесть общения с номенклатурой доставалась главным тренерам. «Наезды» и жесткие разборы полетов касались в основном их. Невыполнение «плановых» показателей, как правило, заканчивалось для них плохо. Впрочем, случались и исключения — так, после бронзы в Мехико А. Я. Гомельский, проявив поразительную жизнестойкость, остался во главе сборной. Не устоял он только после провала на чемпионате мира в Любляне в 1970-м.

Во многом это общение отягощалось подковерной борьбой за тренерские посты, кознями и провокациями, в которых тренеры сами поднаторели. На спортсменов эта «борьба бульдогов под ковром» порой влияла, но опосредованно.

Присутствие «органов» в спорте в основном сводилось к ведению досье на спортсменов, регулярно бывающих за границей, с контролем их коммерческой активности и контактов с иностранцами. Разработки производились в отношении тех, кто слишком близко приближался к по-настоящему противозаконной деятельности или просто чересчур борзел. Кого-то могли лишь щелкнуть по носу, а кого-то упрятывали всерьез и надолго. В отношении прочих у Комитета всегда был компромат на случай необходимости, но я не припомню случаев, чтобы кого-то «вязали» абсолютно на ровном месте.

Подвиг разведчика

Зримо Комитет присутствовал в нашей жизни только в облике «заместителей руководителей делегаций» или «запасных

спортсменов» при выезде за рубеж. Вели они себя, как правило, незаметно, но смотрели за всеми пристально и по окончании командировки готовили подробные отчеты.

С кураторами от КГБ иногда были связаны забавные истории. Одну из них я слышал от спортсмена из советской гребной команды, участвовавшей в мюнхенской Олимпиаде. В ресторане со шведским столом в олимпийской деревне к ним с напарником подсел «запасной спортсмен», который стал провоцировать ребят на разговор о преимуществах капиталистической системы над советской: «как у них тут все красиво и хорошо устроено, не то, что у нас» и т. д. Чтобы беседа складывалась органично, себе он тоже взял обеденную порцию.

Гребцы — народ прожорливый, в отличие от баскетболистов, и парни просто молча слушали «товарища по команде», поглощая немалое содержимое своих тарелок. Покончив с ним, они так же молча встали и отправились к шведскому столу, где «повторили» заказ, вернулись за свой столик и продолжили обед. Чтобы не терять нить разговора, офицеру пришлось, скрепя сердце, также взять себе добавку и, уже давясь ею, дальше излагать свои соображения. Но когда гребцы, угрюмо сожрав вторую порцию, по-прежнему молча отправились за третьей, провокатор понял, что «такой народ никому не победить», и ретировался.

Порой такие комедии приобретали драматический оттенок. На Олимпиаде в Мехико на продаже привезенного из Союза товара комитетчики поймали барьериста Кудинского. Руководство жестко и недвусмысленно обозначило его перспективу: «Если не будешь в тройке» Парень был настроен побить все существующие рекорды, чтобы реабилитироваться. Но на этом его несчастья не закончились.

Непосредственно накануне старта легкоатлеты, жившие в соседнем от нас блоке олимпийской деревни, устроили какую-то потешную возню, подшучивая друг над другом. Один спортсмен, обидевшись на Кудинского за слишком агрессивные насмешки, вскочил и. нанес бегуну мощнейший удар ногой в пах. На этом все, по сути, и закончилось. На старт в финальном забеге на следующий день бедолага все- таки вышел, но не дотерпел до финиша и сошел. Не знаю, в какой степени спортивное руководство привело свои угрозы в исполнение, но больше я фамилии «Кудинский» не слышал никогда.

Свободу Луису Корвалану

Временами политика все же вмешивалась в наши планы более заметно. Например, после 1973-го года занятный характер приобрело участие ЦСКА в Кубке европейских чемпионов. Несколько раз на какой-то из ранних стадий розыгрыша волей жребия (или чьей-то еще?) мы стали встречаться с израильским «Маккаби», а волей Политбюро наше противостояние стало трагикомическим.

Советское руководство любило практиковать политические демарши в виде невыезда наших спортивных команд в страны с не устраивающим СССР политическим режимом. Это вполне вписывалось в контекст политической травли, развернутой в советских СМИ по какому-либо поводу. Заголовками «Свободу Луису Корвалану»[18],«Руки прочь от Вьетнама» пестрели тогда все отечественные издания.

Всем известна неявка футбольной сборной на отборочный матч против Чили, стоивший нам финала чемпионата мира. Реже вспоминают отказ баскетбольной сборной, уверенно шедшей к победе в финальном турнире чемпионата мира 1959 года, выйти на игру против Тайваня, что повлекло дисквалификацию команды.

Выезд спортсменов страны победившего социализма в Тель-Авив в разгар «еврейского вопроса»[19] был категорически недопустим. В результате в гостевой встрече ЦСКА засчитывали техническое поражение. Но и это было еще не все. Приехать на игру в столицу нашей Родины израильтяне тоже были недостойны, и «домашние» игры против «Маккаби» мы проводили в Бельгии, т. е. фактор «своего поля» практически не использовали.

За команду из Тель-Авива в те годы выступали очень сильные американские натурализованные игроки, и вся стартовая пятерка у «израильтян» была черная. Играть с ними, да еще неизвестно где, было непросто, и мы эти «домашние» игры регулярно проигрывали, пропуская соперника в следующий этап турнира.

Так что претензии советского руководства к западному миру в связи с бойкотом московской Олимпиады в известной степени следовало адресовать к самим себе: именно мы начали активно осваивать практику вторжения политических амбиций в спортивные соревнования.

Нерушимое братство народов

Идеологические лозунги не всегда совсем уж резко отличались от действительности. Здесь будет уместно сказать несколько слов о межнациональных отношениях в советском спорте. Пусть эти слова кому- то покажутся коммунистической пропагандой, но в СССР действительно было братство народов. Конечно, отдельные намеки на трения на межнациональной почве имели место, были и эксцессы преобладания одного землячества над другим в замкнутых коллективах — например, в Вооруженных Силах, но не более того. Всеобщее равенство и дружба в СССР были одним из столпов советской идеологии, которую всем вдалбливали с детства, и в целом это работало.

В командах, в которых мне довелось играть, на межнациональные трения не было даже намеков. Насколько я могу судить, группировки по национальному признаку появились в сборной уже позднее, в 80-е, когда в национальной команде собралось много литовцев. В мое время никакой неприязни по отношению к спортсменам из национальных республик у русских не было, и наоборот. Люди оценивались только по их человеческим качествам. По-русски, кстати, хуже всех всегда говорили не кавказцы, как принято считать, а эстонцы.

Наша сборная образца мюнхенской Олимпиады была примером межнациональной толерантности. Волею судьбы в ней собрались литовец Паулаускас, казах из Узбекистана Жармухамедов, белорус Едешко, украинец Поливода, грузины Коркия и Саканделидзе, начинавший в Тбилиси Коваленко и пятеро русских из разных уголков необъятного СССР.

Всех нас собрал, сплотил и уравнял между собой баскетбол. Ни разу в жизни на игровой площадке и за ее пределами мы не оценивали друг друга по национальности — только по человеческим и профессиональным качествам. И именно так и должно быть.

К сожалению, сейчас многое в спорте нивелировалось, утратило остроту, необычность. В мое время советская школа баскетбола была богата своим многообразием. Литовцев, эстонцев, латышей, хохлов, грузин, ленинградцев, москвичей можно было отличить по игровому стилю и почерку.

Общей особенностью прибалтийской школы баскетбола в СССР были хорошая генетика игроков, их дисциплина и выучка, более долгая традиция культивирования нашего вида спорта. Объединяла их и отчаянная поддержка болельщиков, для которых противостояние с «русскими» командами, высокие места в национальном чемпионате были одной из немногих возможностей самореализации, выражения их неприязни, а часто

откровенной ненависти к Советам, оккупировавшим их страны.

При этом отличия были у каждой из прибалтийской стран. У Латвии, в 40-50-е объективно сильнейшей в советском баскетболе, были прекрасная баскетбольная школа, культура организации игры, множество талантов, которые умели находить и воспитывать. Достаточно вспомнить хотя бы гиганта Круминьша, которого селекционеры отыскали в лесничестве. Эстонцы — единственные из прибалтов, практически не имевшие «больших», — брали порядком, дисциплиной, точностью бросков. Отличительными свойствами литовцев стали уникальная твердость характера, бережное отношение к спортсменам, высочайший даже на фоне соседей патриотизм.

Грузинскую школу отличали высокая индивидуальная техника, темперамент, быстрота, сравнимые с испанским стилем скоростные перемещения по площадке. В совокупности с национальными чертами — гордостью, патриотизмом — это образовывало зверскую смесь, которая долго позволяла тбилисским «Динамо» и ГПИ на равных конкурировать с московскими и украинскими командами. Сникать они стали только во второй половине 70-х, когда спорт высших достижений перешел в более трудоемкое поле и стал требовать меньше творчества и больше колоссальных тренировочных объемов.

Украина использовала превосходную генетику населения и великолепные физические данные игроков. Кроме выучки и дисциплины, украинские команды отличались хитростью и подчас коварством, очень похожими на югославские. Ни с одной командой в СССР не было противнее играть, чем с киевским «Строителем»: тычки, удары исподтишка, игра на публику и судей — все эти средства из арсенала дружественных югославов практиковались киевлянами в изобилии. Занятно, что одной из немногих команд, когда-либо обыгрывавших ЦСКА, была команда из Одессы, применявшая игровые схемы, которые советская пропаганда обычно клеймила как антиспортивные: акцент на защиту, долгий розыгрыш мяча, затягивание времени.

Такое же положение было в футболе — союзный чемпионат, в котором были представлены мощные московская и украинская школы, специфические и узнаваемые команды закавказских республик, ташкентский «Пахтакор», алма-атинский «Кайрат», прагматичный вильнюсский «Жальгирис», — объективно был одним из сильнейших в Европе.

Советские артисты — спорту

В 70-е годы одной из советских официозных легенд эпохи было «содружество» спортивной и артистической элит. На самом деле, с представителями советской артистической богемы, о дружбе которых со спортсменами ходило так много баек, у баскетболистов ЦСКА и сборной контактов было немного. Конечно, на сборах, перед ответственными соревнованиями сборную навещали известные артисты — Николай Рыбников, Александр Белявский... На приемах в ЦК КПСС мы также пересекались со звездами советского экрана и советской сцены. Однако тесных знакомств не завязывалось, по крайней мере у меня. Большого пиетета перед артистической славой я никогда не испытывал.

Искренний интерес в тот период вызвало только общение с Яковом Костюковским, сценаристом всех фильмов Гайдая, которого Гомельский несколько раз приглашал в расположение сборной. Это действительно было общение с умнейшим человеком с искрометным юмором, так и лившимся потоком из его тетради с дневниковыми записями. Что касается остальных артистов, то их доверительные рассказы быстро сводились в основном к двум темам — пьянству и б...кам, что не вызывало моего интереса.

Знаменитые артисты тянулись в основном к хоккеистам, у которых было больше всенародной славы, а главное, был более компанейский характер. Я же, например, к ресторанным посиделкам никогда не тяготел, в том числе осознавая свою известность у болельщиков. Я понимал, что я узнаваемый человек, что по мне могут судить обо всей сборной, обо всем советском спорте, и не хотел провоцировать людей. Если мне очень уж нужно было, я мог «накатить» свой стакан дома и спокойно лечь спать, но не куролесить по ресторанам на радость сплетникам.

Курение и спорт несовместимы

Раз мы коснулись этой темы, разовью ее немного пошире как пользующуюся неизменным и живым интересом у читателей книг о спорте. Праздновали победы мы достаточно традиционным и незатейливым способом. Возможности для масштабных застолий, в первую очередь финансовые, были у нас ограничены. Доходило до абсурда — даже на чашку кофе нам было жалко денег, это

означало убыток семье. Мы искренне завидовали вальяжным югославам, которые постоянно пили кофе в барах гостиниц. Большинство из них при этом еще и курили.

У русских баскетболистов курить было как-то не принято. Видимо, мы хорошо уяснили распространенный в СССР лозунг «курение и спорт несовместимы». А вот в традиционном народном напитке мы себе временами не отказывали. Покупать спиртное за границей за валюту было, как правило, невероятным поступком, граничащим с безумием. Значит, чтобы отметить, нужно было тащить что-то с собой из Союза не на продажу. К счастью, водка всегда оставалась наиболее распространенным «сувениром», вывозимым за границу, и обычно отметить было чем. Как правило, возлияние выглядело очень скромно — бутылка водки на несколько рыл, принесенный в номер положенный спортсмену ужин — и вот он, банкет советской команды по случаю победы в чемпионате мира или Европы.

Пожалуй, лишь празднование победы в Мюнхене оказалось несколько более масштабным. Натерпевшись и напсиховавшись и в игре, и после нее, пока американцы разводили свою канитель с протестом, мы долго даже выпить не могли, потому что не были уверены, что не будет переигровки. Когда сутки спустя все разрешилось, все, конечно, отвели душу. После вручения медалей мы отпросились у руководства и вместе с Модестасом всю ночь напролет куролесили с какими-то литовцами из местной диаспоры.

Должен сказать, что я вообще старался избегать коллективных пьянок. По моему опыту, они всегда заканчивались какими-то девками, разборками, эксцессами. Все это меня несколько тяготило. Если уж я и гулял, то в небольших компаниях.

Выпивать с тренерами как-то не практиковалось. Гомельский временами мог поучаствовать, а у Кондрашина была язва, и свое участие в командных вечеринках он старался спустить на тормозах.

Во время турниров никто, как правило, не употреблял. Все знали, насколько каждая выпитая рюмка выбивает тебя из колеи, и жалели собственные усилия и пот, пролитый на тренировках. Только после победы в турнире и вручения медалей город отдавался нам на разграбление. Но и при этом у баскетболистов никогда не было каких-то некрасивых эксцессов, залетов в милицию или полицию, судов и тому подобного, в отличие, кстати, от коллег по другим игровым видам спорта. Никогда не было неявок на тренировки и, тем более, игры. Во время тренировочных сборов, бывало, отлучались после ужина в

«самоходы», но без глобальных намерений и опять-таки без ущерба для тренировочного процесса.

Из игровиков больше всех пили хоккеисты, меньше — баскетболисты, еще меньше — видимо, в силу свойственной им хитрости — футболисты. Ветераны баскетбольного ЦСКА дружили и собутыльничали с армейскими хоккеистами. «Выпить с радости, а не с горя» — таков был девиз этого содружества. Заливание горькой поражений — это вообще неправильное понимание спорта и недопустимое для большого спортсмена поведение.

Выпивка для нас не являлась самоцелью. Сильно употребляющих людей в большом баскетболе были считанные единицы. Из моего окружения регулярно прикладывался, пожалуй, только Паулаускас, да и то вполне в меру. В значительной степени это было обусловлено жесткой позицией руководства: за пьянку можно было в два счета вылететь из сборной. Ни с кем в команде особо не церемонились. В наибольшей степени это касалось молодых, но и ветерану в случае «залета» предстояло выслушать от тренера массу неприятного и следовало быть готовым серьезно аргументировать свое поведение. Впрочем, и элементарным сознательности и самоконтролю в нашей жизни было место.

В отсутствие нормальной организации жизни в команде, квалифицированной психологической помощи выпивка была безальтернативным способом снятия колоссальных стрессовых нагрузок, единственной возможностью отключиться, хоть на день, хоть на час выйти из *жуткого* состояния психологического давления. Не исключаю, что если бы я хоть изредка не отключался, а был полнейшим аскетом, то до 36 лет мог бы и не доиграть.

Иногда я в шутку нахожу дополнительное оправдание своим редким возлияниям: в карты я не играл, никогда не курил, так хоть чем-то я должен был походить на нормального человека? Если говорить серьезно, то, во-первых, я всегда жалел даже о тех редких выпитых граммах, которые приходились на мой счет. Во-вторых, с другой стороны, я понимаю, что мы вряд ли могли избежать хотя бы отчасти общей судьбы огромной страны, которая пила от безысходности и подчас боялась смотреть на окружающую действительность трезвыми глазами.

Награды Родины

Если продолжить тему празднования, то в традиции СССР было награждение игроков и тренеров государственными наградами за важные победы. Я на наградах и поощрениях партии и правительства никогда не зацикливался. Главной наградой для меня была сама возможность доказать всем, что мы сильнейшие в стране, в Европе, в мире. После олимпийской победы в 1972-м членов команды — армейцев принял министр обороны маршал Гречко, и это была самая респектабельная встреча, устроенная в нашу честь. Ради нее мне пришлось в первый и в последний раз за время карьеры игрока в ЦСКА надеть военную форму.

Ходили слухи, что за вклад в победу на Олимпиаде я могу быть поощрен орденом Ленина — второй по значимости после Героя Социалистического Труда награды мирного времени в СССР. Однако в итоге моя игра «потянула» только на «Знак Почета», за что, впрочем, тоже спасибо. В целом за 16 игровых сезонов на высшем уровне, с обязательным комплектом наград какого-либо достоинства мирового или европейского уровня в каждом из них, я удостоился одного ордена и одной медали «За трудовую доблесть» (за победу на чемпионате мира 1967-го). Еще одну награду — орден Почета — я получил уже в новейшую эпоху, в связи с юбилейными торжествами в честь 100-летия отечественного баскетбола.

Причинами, скорее всего, были меньшая «раскрученность» нашего вида спорта по сравнению с футболом и хоккеем, меньший интерес к нему со стороны руководителей Политбюро. Возможно также, что мы приучили страну к своим победам, и воспринимались они как нечто само собой разумеющееся. С такой же регулярностью выигрывали свои турниры только хоккеисты, но они были под негласным покровительством самого Генерального секретаря и получали высокие правительственные награды ежегодно. Что касается футболистов, то их победы были в далеком прошлом, либо в далеком будущем. Случись им вдруг завоевать бронзу на чемпионате Европы (что в баскетболе было бы расценено как провальный результат), все они наверняка стали бы ЗМС, героями и орденоносцами.

У некоторых спортсменов (например, у Владика Третьяка[20]) хорошо получался рост по комсомольско-партийной линии. Я к этой карьере интереса никогда не испытывал, а обязанности комсорга сборной отрабатывал, как барщину.

В мире чистогана

Меркантильный интерес к членству в сборной выражался в основном в более высокой, чем у других спортсменов, ставке оплаты труда и лучших условиях пребывания на сборах, а в основном, конечно, в поездках за границу со всеми вытекающими отсюда материальными выгодами.

Собственно вознаграждения за победы на крупнейших международных соревнованиях были смехотворными. Так, в 1967-м за победу в чемпионате мира я был поощрен премией в 1200 рублей, в чемпионате Европы — в 500. За мюнхенский триумф мы получили аж по $150 немедленно и по 3000 рублей с вычетами по возвращении домой.

Поездки в составе сборной страны были более регулярными и в более «интересные» страны, ежегодно имели место выезды на коммерческие турне, в основном в Южную Америку, от которых нам также что-то перепадало. Временами эти поездки носили экзотический характер. Как-то раз мы под руководством Гомельского проделали на автобусе 1200 км через мексиканские прерии. Пески, кактусы, дорожный знак «STOP» посреди голой пустыни, безупречно соблюдаемый водителем, игры на площадках для корриды.

Впрочем, самым экзотическим впечатлением оказалось выбивание Гомельским гонорара в каком-то из пунктов нашей остановки. Для этого потребовался твердый, как адамант, характер Александра Яковлевича. За считанные минуты до начала игры он прервал разминку команды и мрачно объявил: «Уезжаем. Денег не платят». Через некоторое время снова собрал не успевших опомниться игроков: «Пошли играть, заплатили».

В дискуссиях о причитающихся гонорарах за выступления Гомельский был великолепен. Однажды мы с Модей около полутора часов слушали доносившиеся через раскрытые балконные двери из номера этажом ниже дикие крики Александра Яковлевича и его бразильского vis-a-vis, выяснявших финансовые взаимоотношения. Самое поразительное было в том, что Гомельский кричал и матерился на русском, бразилец — на португальском, но оба, похоже, прекрасно понимали друг друга!

Кондрашин в этом аспекте тренерского мастерства существенно уступал Гомельскому. Однажды под его руководством мы совершили беспримерное 20-дневное турне по США, по итогам которого получили за 10 игр. по $40 на рыло. Таких гонораров при Гомельском не было никогда, и команда отправила нас с Модей — комсорга и капитана — «качать права». Кондрашин с нами дискутировать не стал, отправив к руководителю делегации по фамилии Шишигин. Если я не

ошибаюсь, он возглавлял мощное тогда издательство «Молодая гвардия». Руководителей такого уровня иногда ставили во главе спортивных делегаций.

Функционер прочитал нам с Модей впечатляющую лекцию о бескорыстии советских людей, а особенно спортсменов, заклеймил позором наши рваческие настроения и отправил ни с чем. Не знаю, что тогда случилось — действительно ли американцы заплатили мало, либо бескорыстное руководство присвоило себе большую, чем обычно, часть. Не исключаю, что этот дядя просто мог «задвинуть» Петровича, пользуясь его малоактивностью в материальных вопросах. В то, что команду обокрал Кондрашин, я не верю.

Кстати, то турне закончилось для Шишигина печально. На обратном пути он дико напился в самолете, поругался с женой посла Добрынина[21], летевшей тем же рейсом, и облил ее минеральной водой. Кажется, приказ об увольнении поджидал его уже по приземлении в «Шереметьево». Впрочем, для обделенных игроков сборной это было слабым утешением.

В 1994-м накануне чемпионата мира во время коммерческого турне сборной России под моим руководством по Южной Америке мне пришлось воспользоваться уроками Александра Яковлевича. До последнего идя навстречу организаторам турне, я вывел команду на игру под клятвенное обещание заплатить причитавшийся гонорар в перерыве. Однако когда и в перерыве денег не появилось, я отказался выходить с командой на вторую половину встречи. Матч транслировался в прямом эфире, и началось нечто совершенно невообразимое. Однако я был тверд и неприступен, как Гомельский. В конце концов, организаторы деньги привезли, и игра возобновилась с сорокаминутной задержкой. Что поделаешь, надо учиться у великих.

Победитель получает все

Основными персональными наградами за победы были, если говорить честно, выделенные квартиры и право на приобретение автомобиля. Возможность приобрести машину официальным путем, а не по спекулятивной цене под угрозой уголовного дела, была тогда в СССР большой ценностью. Чтобы купить машину отечественного производства за свои кровные, нужно было выстоять в очереди несколько лет. Право купить автомобиль вне очереди предоставлялось за особые достижения перед Отечеством

— выдающимся ученым, заслуженным деятелям искусства, спортсменам-чемпионам либо в качестве льгот (например, именно за автомобилем, а не только за «туманом и запахом тайги» тысячи соотечественников уезжали на строительство БАМа или Самотлора).

Возможность продать автомобиль по рыночной цене, оставив себе «вершок», т. е. разницу с ценой официальной, по которой нам машины продавали, а через 2-3 года после очередного успеха снова взять без очереди новый была скрытой формой поощрения. Во всяком случае, на эти разновидности спекуляции, т. е. «скупки и перепродажи с целью наживы» в соответствии со статьей 154 Уголовного кодекса РСФСР, руководство смотрело сквозь пальцы. В том числе и потому, что само этим регулярно баловалось.

Свой первый автомобиль я приобрел в январе 1971-го. Вопрос о таком поощрении я поставил перед руководством после победного чемпионата Европы 1969 года. Однако ждать пришлось больше года по причине реорганизации и замены модельного ряда на Горьковском автозаводе (до массового советского автомобиля — «Жигулей» оставалось уже немного). Зато я стал первым из баскетболистов, купившим новую модель «Волги», 24-ю. Правда, сесть за руль мне удалось только в августе 1971-го — это характерная иллюстрация плотности спортивного сезона того времени.

Свою первую «Волгу» я перепродал за 16 тысяч рублей, т. е. с 60-процентной прибылью. В 1973-м на волне олимпийского триумфа я обзавелся еще одной 24-й (она досталась потом первой жене), а в 1975-м — первыми «Жигулями» третьей модели. Наиболее долго, до конца 80-х, мне прослужила «шестерка», выделенная второй жене на «Мосфильме».

О том, как мы продавали машины, в основном на знаменитом авторынке в районе Южного порта, можно было снимать кино. Первую такую операцию я «проворачивал» с представителями братских южных республик. Сначала в качестве покупателя фигурировали двое армян, которые у меня дома вручили мне в качестве «вершка» куклу — из оговоренных 9000 рублей только 400 оказались настоящими. Это выяснила моя жена, перепроверившая деньги и сообщившая мне о своем открытии по телефону по предварительной договоренности — я с армянами поехал на авторынок. Поскольку со мной в качестве подкрепления был двухметровый мордоворот Витя Петраков, то мы просто отметелили этих двух покупателей и расстались с ними, сохранив за собой в качестве штрафа за непорядочность 400 рублей.

Со второй попытки я продал машину какому-то деду из

Узбекистана — настоящему, в халате и тюбетейке, с дыней под мышкой. Этого уже мы могли запросто обмануть — отдав нам разницу, он спокойно отпустил нас с компаньоном куда-то отъехать на время перерыва в магазине, где оформлялась продажа. «Что же ты делаешь, дед? — спросили мы его, вернувшись, — тебя ведь так обманут.»

Жилье за время спортивной карьеры мне выделялось несколько раз, разумеется, в порядке «улучшения жилищных условий», т. е. после сдачи государству ранее предоставленного. Впрочем, продать квартиру в СССР тогда было практически невозможно, лишь позднее стали появляться какие-то полупрозрачные варианты махинаций с паем в ЖСК. В Свердловске через два года проживания на стадионе я получил комнату в коммуналке, а в 1967-м — квартиру, причем сразу 2-комнатную. Правда, одна из комнат была такого размера, что, открывая в нее дверь, вы сразу оказывались в кровати. Уезжая в Москву, я эту квартиру, разумеется, сдал.

В ЦСКА я получил первую квартиру, также 2-комнатную, в 1969-м. Ее я оставил семье после развода с первой женой в 1975-м. После этого я перебивался на съемных квартирах, пока Гомельский своим авторитетом не выбил мне однокомнатную в районе Лефортово. В 1980-м я получил от государства шикарный (и прощальный) подарок — 3-комнатную квартиру на «Соколе» общей площадью 69 квадратных метров. Насчет значимости подарка я не ерничаю — получить квартиру во второй раз, действительно, было большой удачей. Место, где я поселился, было известным. Через два дома от меня жил легендарный вратарь Лев Иванович Яшин, также совсем рядом — не менее легендарный штангист Юрий Власов. И эту квартиру я оставил при втором разводе. Больше от Родины я, разумеется, ничего не получал.

Обыкновенный фашизм

Хотя мы в целом и не страдали «низкопоклонством перед Западом», уровень жизни, культура ее организации за «железным занавесом» не могли не поражать. Помню, как нас потрясла организация производства на заводе «Опель», куда нас возили на экскурсию в период чемпионата Европы в 71-м в Эссене. У нас не укладывалось в голове, что по конвейеру шли, сменяя друг друга, разные модели автомобилей, про которые нам, к тому же,

сказали, что все они произведены на заказ в соответствующей комплектации по желанию клиента. На фоне только-только разворачивающегося в СССР производства отечественных «Жигулей» все это выглядело чем-то инопланетным.

Поражали нас гипермаркеты «METRO», уже появившиеся в Европе. Нас с Паулаускасом по очереди проводил туда знакомый литовец (условия посещения этих магазинов были такими же, как и сейчас, — с регистрацией клиента и возможностью провести с собой не более чем одного сопровождающего). Удивительной была сама возможность приобретать товар мелким оптом для собственного потребления или для малого бизнеса.

Характерный случай, красноречиво говорящий об уровне жизни в СССР, произошел при мне с участием баскетболиста ЦСКА Виктора Петракова, о котором я уже упоминал и с которым у меня связан целый ряд смешных воспоминаний. Однажды в Мадриде во время прогулки по какой-то торговой авеню Витя отстал, застыв перед огромной витриной мясного магазина. В ней во всем своем капиталистическом великолепии демонстрировались десятки образцов колбас, окороков и прочей мясной снеди. «Что случилось, Виктор?» — окликнул я его, вернувшись назад, в то время как мой товарищ смотрел на витрину завороженным взглядом. Фраза, произнесенная им в ответ, достойна внесения в анналы истории. «Обыкновенный фашизм»[22], — медленно и мрачно произнес спортсмен.

К светлому будущему

Чтобы закрыть эту пафосную тему, скажу еще: у меня никогда не было стыда за свою страну. Я встречал на своем пути многих людей, которым я не подал бы руки, я видел в лице советских спортивных функционеров, что означает термин «совок». Я видел, наконец, забитое и подавленное состояние моего народа. Но никогда я не переносил негативного отношения к существующему строю, власти, отдельным ее представителям на всю страну в целом — на ее историю, ее величие. Я никогда не лизал зад представителям высшей номенклатуры, но и не проклинал их при первой появившейся безопасной возможности. Я разделял страну и людей, которые ее возглавляли и представляли.

Политическая обстановка в стране и в мире в 70-е годы по-прежнему мало меня беспокоила. Диссидентство, еврейский

вопрос, Солженицын мною остались не замеченными. Тем не менее общее потепление в период «разрядки» чувствовалось. В целом 70-е были очень добрым, спокойным временем. «Поющие гитары» и «Песняры», комедии Гайдая… Даже мода на внешний вид и одежду была как-то мягче, что ли. Длинные волосы, усы, бакенбарды — культура хиппи, при всех ее изъянах, внесла много доброты в мировоззрение людей.

К сожалению, и в то десятилетие случались отдельные всплески жестокости, такие как чудовищный теракт в Мюнхене, войны на Ближнем Востоке, безумие «Красных бригад»[23]. Их лидеры — Баадер и его боевая подруга, Ульрика Майнхофф, говорили: «Убить полицейского — все равно, что убить свинью». Однако это были бросавшиеся в глаза исключения. Оценить это стало возможно лишь позднее, когда повсеместная жестокость стала нормой.

В совокупности это была добрая, хорошая эпоха. Общая культура поведения людей, их уважительного отношения друг к другу была значительно выше. Люди были добрее и вели себя достойнее, особенно в сравнении с безумными 90-ми в России — уродством, не достойным цивилизованной нации. Когда я в 1992-м приехал в отпуск из Италии, меня первым делом чуть не раздавили на пешеходном переходе. Разворот через двойную сплошную и вовсе стал повсеместным явлением. Времена меняются.

Несмотря на все сложности эпохи, 70-е годы мне все равно вспоминать в целом очень приятно. Они стали порой моего спортивного расцвета, самых ярких и запоминающихся впечатлений в моей жизни.

Я находился на пике славы, признания и популярности, моя жизнь была по-настоящему насыщенной и интересной. Я увидел весь мир, а мир увидел меня. Жил я безбедно. Тяжелый труд профессионального спортсмена не угнетал меня. Когда кто-то из ребят начинал стонать на сборах о своей «тяжкой доле», я сразу говорил: «Не нравится — иди на завод, походи на работу по гудку. Сразу почувствуешь разницу».

При всех объективных трудностях, по сравнению с подавляющей частью граждан СССР, мы жили в другом мире, в другом измерении — поездки, достаток, одежда, мебель, признание и слава. Мои соотечественники в общей массе жили на другом полюсе, и я это прекрасно осознавал. Моток какого-то с…го мохера, привезенный мной из-за границы, они отрывали с руками по спекулятивной цене. Помню, как мать несколько недель ходила вокруг этого мохера кругами, пока решилась попросить у меня один моток.

Возможно, все это — наши привилегии, наш достаток — было действительно нечестно по отношению к людям?.. Меня утешают только два момента. Во-первых, наши «барыши» сегодня выглядят смехотворно на фоне гонораров, за которые сейчас заурядные игроки высшей лиги «Б» неохотно встают с банки, а во-вторых, для меня весь этот антураж никогда не имел самостоятельного значения. Главным для меня было быть профессиональным спортсменом, защищающим честь страны и при этом реализующим собственные амбиции. Все остальное было приложением, и при отсутствии которого я оставался бы в спорте. Честно признаюсь, были и те, для кого вся эта пена и становилась главным.

Глава 9
ЧЕСТНЫЕ КОНТРАБАНДИСТЫ

Профессиональные спортсмены в СССР

Пора признаться: основные доходы игроки и тренеры команд получали от поездок за границу, говоря конкретнее — от перепродажи товаров народного потребления. Одна поездка, даже без нарушения таможенных правил, способна была принести прибыль от 1 до 2 тысяч рублей. Конечно, постоянная спекулятивная торговля меня лично унижала. Вся эта суета, закупки на барахолках. С удовольствием я обходился бы без этого, да я и в действительности занимался таким бизнесом по минимуму, особенно на фоне многих других. Но это было доступным способом вывести себя и свою семью на иной уровень достатка и хоть как-то компенсировать сверхнагрузки в большом спорте.

Замалчивание профессионального статуса советских спортсменов, считаю, было вредным. Спортсмены (как, впрочем, и артисты балета, ансамбля «Березка» и многие другие «выездные») должны были выстраивать дополнительный бизнес на поездках, искать иные дополнительные источники дохода. Мы уже знали об условиях, на которых работают равные нам по классу игроки в Италии, Испании, и наши ничтожные по сравнению с ними доходы казались нам унизительными.

Особенно унизительным было то, что свой тяжелый труд спортсмен должен был дополнять валютными операциями, спекуляцией, — тогда уголовно наказуемыми деяниями. Занимаясь таким «приработком», спортсмен высокого уровня постоянно рисковал — местом в сборной, стипендией Спорткомитета, спортивной карьерой, добрым именем.

Возникает вопрос — почему так уж было необходимо «ходить по краю», ведь и без «дополнительных доходов» профессиональные спортсмены имели жизненный уровень выше среднего в СССР? Наверное, мы понимали, что наши трудозатраты несоизмеримо выше обычных и заслуживают большего вознаграждения. Конечно, мы были молоды и стремились к лучшему — к хорошей зарплате, квартирам, личному автомобилю. Вознаграждение, которое мы официально получали за адский труд профессиональных баскетболистов,

было смехотворным (особенно в сравнении с сегодняшними контрактами). А ведь почти у всех были семьи, близкие, которых нужно было содержать.

Впрочем, нужно отметить, что «приработок» в системе жизненных ценностей разных людей занимал различные места. Для меня, скажем, эта задача всегда была на периферии. Не стану врать, что никогда не привозил из-за границы товары на перепродажу (сейчас — распространенный бизнес, а тогда — действия, подпадавшие под 154-ю статью Уголовного кодекса РСФСР). Но, во-первых, всегда был крайне осторожен, никогда не возил через границу тонны груза, равно как и запрещенные в обороте предметы (так что, считаю, перед законом чист). За все годы выступлений я никогда не имел проблем с таможней. Во-вторых, и это главное, спортивная карьера, игра, интересы команды всегда были для меня безусловным приоритетом. Я так долго и с таким трудом шел к своим вершинам, что любой риск их утраты выглядел для меня неоправданным. Иначе смотрели на это некоторые мои товарищи, чрезмерно увлекаясь бизнесом, и. горели, как свечки, теряя спортивные звания, включая ЗМС, места в сборных, стипендии, карьеру.

Мне часто говорили: «Саныч, ты рано родился», в том смысле, что в наше время высокой коммерциализации спорта и при серьезном отношении к тренировкам, играм, постоянном самосовершенствовании, самоотдаче, известной харизме, которые были мне присущи как игроку, я мог бы сегодня быть миллионером. Но я знаю, что я родился вовремя. Я прошел свой путь, в том числе путь преодоления трудностей и соблазнов, и сделал то, что мне суждено было сделать. Тем более, что сегодняшний профессиональный спорт в России мне не кажется образцово устроенным. Профессиональные команды не являются прибыльными предприятиями, много непродуктивных расходов, зарплаты игроков неоправданно высокие (возможно, за счет того, что часть их идет «в откат»). Профессиональный спорт в России сегодня недоходный и во многом непрозрачный бизнес.

Этапы большого пути

Контрабандный вывоз товаров для продажи из СССР и аналогично ввоз закупленного за границей на Родину в тех же целях был распространенным видом бизнеса для всех граждан Советского Союза, с большей или меньшей регулярностью

выезжавших за границу. Этим занимались не только спортсмены во всех видах спорта, но также и артисты, и ученые, и дипломатические работники, и сотрудники КГБ. Все без исключения. Различия состояли только в масштабах, регулярности и номенклатуре поставок. По сути, эта деятельность была прообразом знаменитого челночного бизнеса конца 80-х — начала 90-х.

Традиционный и в целом безобидный набор при выезде туда составляли водка, икра, отечественная фотооптика. Даже эти далекие от криминала товарные потоки постоянно регулировались — количество, вес, объем вывозимых предметов корректировались таможенными правилами в сторону ужесточения. При этом все равно некоторые умудрялись вывозить по 40 кг икры.

Вывоз этого набора из Союза был первым этапом операции. Он был не самым рискованным, максимум, чем ты рисковал — это изъятием товаров на таможне и попаданием «на деньги».

Второй этап — сбыт привезенного и закупка товаров за границей — был уже технически значительно сложнее и рискованнее. Главной сложностью было найти время, когда всем этим заниматься, ведь, на всякий случай, мы приезжали за границу играть на турнирах. Риск же увеличивался в связи с более или менее активным контролем за поведением спортсменов со стороны сотрудников КГБ и консульских учреждений (что, в общем-то, во многом одно и то же). Поимка за таким занятием уже могла быть чревата санкциями, ведь подобный бизнес был поведением, позорящим высокое звание советского человека.

Конечно, в разных странах были налажены устойчивые каналы, по которым можно было быстро продать и приобрести товар. Однако все равно этот этап был рискованным и самым противным. Особенно нелегко было лидерам команды, у которых было меньше всего времени и возможностей для осуществления бизнеса. В выигрышном положении были 11-12-е номера в команде, спрос с которых был невелик и которые могли себе позволить больше времени проводить за пределами спортивных залов. Секретом Полишинеля было и то, что нередко в состав выезжающих за границу команд включались баскетболисты, которые заведомо не должны были выходить на площадку и основная роль которых состояла в содействии команде в «затарке». Порой 12-ми местами в составе тренеры и функционеры просто приторговывали.

Привозили мы в основном товары широкого потребления, пользовавшиеся в СССР спросом: одежду и обувь, стереоаппаратуру, грампластинки. Одно время самым выгодным

товаром, перепродажа которого давала бешеную норму прибыли, стал мохер, почему-то очень полюбившийся советским вязальщицам. Маленькие и легкие мотки были удобны в транспортировке, а в комиссионных магазинах в Союзе улетали «на ура». Существовали какие-то ограничения по ввозу — не то по количеству мотков, не то по весу, не помню. Какое там! Мягкие мохеровые шарики утаптывали ногами, доводя их до войлочной плотности, и набивали ими хоккейные баулы.

Третий этап — ввоз товара в страну — был самым рискованным. В зависимости от того, что ты вез, в каких количествах, какое настроение было у таможенников и еще от целого ряда факторов, зависела степень этого риска. Можно было отделаться легким испугом, а можно было загреметь по-настоящему, в том числе и под статью. Мы постоянно ходили по лезвию ножа, постоянно рисковали своими карьерами, спортивными званиями, делом всей нашей жизни. Поистине это была уродливая сторона жизни советских спортсменов.

Эпопея пересечения таможенной границы советскими спортсменами временами приобретала и комические очертания. Помню, как уже в конце 70-х наш знаменитый центровой Владимир Ткаченко, бывший страстным меломаном, проходил таможню с грузом грампластинок с записями западных групп (вполне допускаю, что приобретенных им не на продажу, а для себя). Утомившись претензиями сотрудницы таможенной службы по поводу очередного диска и протестуя против перспективы его изъятия, Тканя, нависая своими 220 см над бедной женщиной, прогудел, как из бочки: «Дура, это ж Смоуки!»

Чем лучше было выступление команды за границей, тем меньше были шансы на пристрастный досмотр ее на таможне. Доходило до того, что хоккеисты, ежегодно выигрывавшие для страны чемпионаты мира и Европы, просто позабыли о таком явлении, как таможенный досмотр. Границу они пересекали со своими огромными баулами чуть ли не под бравурные марши, по зеленому коридору. Когда однажды какой-то не в меру добросовестный таможенник попытался организовать досмотр сборной, это вызвало искреннее возмущение и праведный гнев полковника Тарасова[24]: «Вы что, молодой человек, Красную Армию собрались проверять?!?»

Четвертый этап был самым легким, хотя формально именно он и образовывал состав преступления под названием «спекуляция» — шедевр советского уголовного права, объявлявший общественно опасным деянием то, на чем во всем мире основывается экономический оборот. Насколько я знаю, этот деликт вышвырнули из уголовного кодекса в самом начале 90-х,

так что перед законом я абсолютно чист. А в 70-е комиссионные магазины, скупщики позволяли спортсмену- олимпийцу быстро и относительно безопасно сбыть привезенные вещи, положить в карман прибыль, засадить на радостях стакан и перевести дух. до следующего выезда.

Недремлющее око

В те времена мы совершенно не понимали существовавшей разницы между уголовно наказуемой контрабандой и нарушениями таможенного режима. Руководство команд, выезжавших за границу, безусловно, знало о процветавшей «челночной» деятельности, но либо само не вдавалось в детали этих отличий, либо умышленно держало в неведении спортсменов, чтобы сохранять возможности контроля за их поведением.

Если в качестве вывозимых или ввозимых предметов фигурировали более серьезные предметы, например валюта, риск повышался в разы, потому что это был уже настоящий криминал. Уже со стадии закупки для вывоза вам неизбежно приходилось контактировать с уголовниками. Несмотря на многократно более высокую норму прибыли, желающих заниматься таким бизнесом было немного, и это были явные «отморозки». Правоохранительные органы в то время работали достаточно эффективно, и контрабанда запрещенных к обороту предметов почти неизбежно заканчивалась поимкой и тяжкими последствиями. Я подобными делами не занимался никогда.

Руководство команд и функционеры в спорткомитетах прекрасно знали об этом бизнесе и смотрели на него сквозь пальцы. Первые сами активно в нем участвовали, а последние — по сути его крышевали, получая «откаты» за каждую организованную и впоследствии снабженную лояльным чиновничьим отчетом поездку. Впрочем, тренеры старались контролировать и держать в разумных пределах масштабы торгово-закупочной деятельности спортсменов, ведь их «залеты» сказывались на тренерских карьерах.

Сами тренеры участвовали в этом бизнесе по-разному. Кто-то, особо принципиальный, вроде Кондрашина, не «возил» ничего или делал это по минимуму, не желая рисковать карьерой и репутацией. Кто-то «челночил» наравне со спортсменами. Александр Яковлевич Гомельский в поездках брал на себя

почетную и ответственную миссию организатора оптового сбыта икры. Сам он ее не возил, но оказывал услуги по подысканию покупателей, за что имел определенную «маржу». Как-то раз я невольно выяснил, каким был ее размер, когда Яковлевич из-за какого-то системного сбоя допустил мой прямой контакт со «своим» покупателем. От комментариев воздержусь.

Органы тоже, разумеется, хорошо были осведомлены обо всем происходящем. Пресекали челночный бизнес в тех случаях, когда: а) требовалось отреагировать на наиболее дерзкие и опасные проявления (как это было в случае с ленинградской группой), б) проходили плановые мероприятия и рейды и в) поступал чей-то донос. В общем и целом милиция и КГБ предпочитали накапливать информацию, чтобы в дальнейшем держать спортсменов и тренеров за гениталии. В случае успешных выступлений и полной лояльности на наши подвиги глаза прикрывали. В случае неадекватного поведения или необходимости убрать из сборной в любой момент могли вытащить компромат.

Выезжавшие с командами «заместители руководителей спортивных делегаций» вели себя по-разному. Некоторые активно следили за спортсменами, пресекали торговые контакты, собирали компромат. Но большинство сами подсаживались на это дело. Умные тренеры моделировали ситуации, в которых комитетчики попадали к ним на крючок и в результате проводили время за границей либо в пьянке и увеселениях, либо в торговых комплексах.

Наряду с собственно спортивными амбициями, возможность вести такой бизнес была сильнейшим стимулом для спортсменов. Люди подчас выигрывали ответственные соревнования, чтобы получить возможность поехать за границу еще раз.

Путь к изобилию

Участие в соревнованиях и челночная торговля прочно сливались в сознании спортсменов в монолитное целое с самого начала их международной карьеры. Помню, как в 1973-м на игру ЦСКА в Швейцарию отправились два молодых баскетболиста — Виктор Петраков и Сергей Ястребов. Это был их первый или, во всяком случае, один из первых выездов на Запад. Буквально за 30 минут до отъезда в женевский аэропорт, чтобы отправиться в обратный путь, оба новобранца с понурым видом явились в мой

номер. Помявшись, они сообщили, что нуждаются в моем совете. Вместо ответа на мой вопрос «что случилось?» парни просто отвели меня к себе в комнату.

То, что я там увидел, потрясало воображение. Стоявший посреди их номера чемодан был невероятных, просто каких-то эпических размеров. И содержал он, как выяснилось из объяснений молодых армейцев… 100 пар приобретенных ими по случаю женских сапог-чулок (т. е. сапог с гладким мягким голенищем, бывших тогда в Союзе в крайне популярными)!

С трудом сдерживая смех, я со всей суровостью, которую сумел изобразить, сказал: «Срочно изобретайте какую-то оправдательную версию для Гомельского. Если он узнает все, как есть, он вас просто убьет». Смех смехом, а «залет» в аэропорту мог и вправду пресечь неплохой старт спортивной карьеры этих баскетболистов.

Креативный потенциал молодых дарований в самом скором времени обнаружил себя, когда перед самым отъездом в аэропорт ко мне подбежал Гомельский. «Ты представляешь, что эти два идиота удумали? — кричал он со смесью деланного гнева и снисходительной симпатии, — купили себе здесь. по паласу! Недавно женились, ты знаешь, вот и решили домой купить по ковру. Теперь их ковры половину нашего багажа занимают, ха-ха». Смоделированная бизнесменами версия оказалась, в полном соответствии с их деловым стилем, прямой, как рельс, но результативной. Дело было за малым — чтоб повезло при прохождении таможни в «Шереметьево».

В 79-м Витя Петраков, уже заматеревший баскетболист и преуспевший в челночном бизнесе деловой человек, сидел рядом со мной в самолете по дороге в Мадрид на игру. «Все, Серега, я решил завязать, — говорил он мне. — В этот раз точно, больше не “тарюсь”. Надоело. Куплю, наконец-то, просто что-то для себя, и все». Витя обладал своеобразной типично баскетбольной фигурой — мощный, с руками до колен, — и подобрать на себя одежду в Союзе ему было всегда крайне тяжело.

В Мадриде после игры я сходил куда-то прогуляться и вернулся в гостиницу к положенному времени — в 23.00 или 23.30. В номере, где мы жили вместе с Петраковым, я обнаружил достойную кисти лучших живописцев картину. Посреди комнаты сидел Витя с грустными-прегрустными, исполненными вселенской скорби глазами. Но это было, разумеется, не все. Антуражем к его портрету служил мохер, сотни клубков, розово-сиреневая гора из которых заполоняла весь номер и подступала Вите практически к горлу. Ответом на мою реплику: «Витя, ну ты же клялся» — было выразительное молчание.

Так ковалась победа

Придется признать, что и ветераны советского баскетбола порой попадали в неловкие ситуации. На мюнхенскую Олимпиаду мы с Паулаускасом доставили рекордный вес икры — по десять 2-килограммовых банок на каждого. Расчет был простой — при выезде из страны большой олимпийской команды досмотр на таможне практически не проводится. Мы благополучно миновали все границы, приехали в Мюнхен и, довольные собой, заселились в олимпийскую деревню, чтобы обнаружить. что живем в одном номере с прикрепленным к команде комитетчиком.

Ситуация была трагикомическая. Нужно было срочно эвакуировать доставленный на орбиту груз. Модя, продемонстрировав чудеса изворотливости, сумел протащить на территорию деревни (до теракта это оказалось, хотя и с трудом, но возможно) своего знакомого литовца на стареньком «Фольксвагене», который мы припарковали поблизости от нашего корпуса.

Улучив момент, мы вынесли икру из комнаты и словно две крупные нагруженные припасами мыши метнулись на «черную» лестницу — везти наше достояние на лифте было слишком рискованно. Спуск пешком с 20 кг икры с 16-го этажа, с замиранием сердца при каждом хлопке двери, движение перебежками к «Фольксвагену» — все это я запомнил надолго. Так начиналась наша решающая стадия подготовки к триумфальной Олимпиаде.

Кормилица

С икрой — постоянной спутницей советских загранкомандированных — вообще связано много веселых историй. В 71-м на предолимпийском турнире в Германии игроки сборной А. Сидякин и А. Болошев решили позаботиться о сохранности привезенного груза и, поскольку холодильника в номере не было, загрузили икру в ванну, чтобы залить ее холодной водой. Неизвестно доподлинно, что произошло (то ли неполадки в системе, то ли ребята просто перепутали краны), но

в конечном итоге ванна оказалась заполненной не холодной водой, а кипятком. Утром ошеломленные спортсмены обнаружили, что все банки раскупорились, и 20 кг икры величественно плавают в воде хорошо, по крайней мере, что хоть не мальки осетров.

Далеко не все бизнесмены были столь добросовестными. На Сицилии, куда мы выезжали на игры практически ежегодно, из-за жаркой погоды привезенная икра часто портилась, выпирала из банок. Но нет силы, что пересилила бы русскую силу — излишек икры, не помещающийся в банку, просто удалялся, банки вновь закупоривались и успешно шли в дело.

Икру сдавали (если не прибегали к посредническим услугам главного тренера), как правило, в бары. Смешно сказать, но только за границей в возрасте под тридцать я впервые увидел, как правильно нужно открывать банку с икрой: иностранные бармены делали это, предварительно постучав по стенкам, чтобы не повредить потом прилипшие к ним драгоценные икринки.

Конечно, образ советского атлета-олимпийца, накрепко связанный с банкой икры и бутылкой водки, которые он озабоченно норовит кому-нибудь пристроить в перерывах между стартами, не мог не вызывать поначалу изумление, а затем снисходительные усмешки иностранцев. Еще раз повторюсь, это все было крайне противно. Хорошо хоть, что ответить на этот смех мы, как правило, были в состоянии, на площадке вчистую отодрав насмешников. Думаю, что в очередные «+20» мы вкладывали еще и свою злость — и отнюдь не «спортивную» — на все, что нас сопровождало в нашей карьере игроков: низкие зарплаты, идиотские ограничения, безразличие и несправедливость со стороны спортивного начальства.

Игра по-крупному

К сожалению, приключения «честных контрабандистов» далеко не всегда носили только комический характер. Были среди нас и те, кто ставил бизнес на широкую основу, при этом подчас переходя невидимую грань и совершая уже не просто выдуманные советской идеологией, а вполне настоящие, преследуемые во всем цивилизованном мире преступления.

В середине 70-х ходило много разговоров о том, что функционеры и лоббисты ЦСКА организовали травлю ленинградского «Спартака», не брезгуя такими подлыми

методами, как фабрикация дел о контрабанде. В результате якобы без вины «спалились» выдающиеся ленинградские баскетболисты, костью в горле торчавшие у Гомельского и его окружения.

Должен разочаровать приверженцев этой версии. Как это ни прискорбно, факты свидетельствовали о том, что талантливые ленинградцы вступили в серьезную и очень нехорошую игру. В отличие от других спортсменов, промышлявших икрой, водкой, тряпьем, мохером, стереоаппаратурой, ленинградская группа, как потом выяснилось, подняла процесс на более серьезный уровень — перевозила антиквариат, драгоценные камни, валюту.

Один из представителей этого коллектива — Иван Дворный — закончил очень плохо, судом и тюрьмой. Другой питерец — Владимир Арзамасков, бронзовый призер Монреаля и чемпионата Европы-1977 — еще хуже. Он при невыясненных обстоятельствах (по официальной версии — случайно) выпал из окна гостиницы. По неофициальной версии, которой я доверяю больше, из этого окна его выбросили уголовники, с которыми он связался.

Такие истории, безусловно, бросали тень на весь советский спорт высших достижений и позорили нашу репутацию, подпитывая обывательское представление о спортсменах как о тунеядцах и зарвавшихся баловнях судьбы.

Сбои в системе

Время от времени спортивная среда сотрясалась серьезными скандалами, связанными с нарушениями таможенных правил. Нужно сказать, что сама идеология устройства советского спорта высоких достижений несла в себе заложенную внутреннюю проблему, имя которой — конфликт личности и системы, оказывающей на личность беспрецедентное давление. Чудовищные физические нагрузки, нечеловеческое моральное напряжение, год за годом выдерживавшиеся лучшими советскими спортсменами, не могли пройти бесследно, и система «воспитания советских атлетов» периодически давала сбой.

Наиболее частым и безобидным вариантом такого сбоя была пьянка, к которой в советском спорте, как и в целом в стране, вполне привыкли и к которой относились как к неизбежному злу. Более радикальным вариантом были происходившие временами публичные скандалы с участием спортсменов, связанные с сопротивлением дружинникам, сотрудникам милиции и т. д. Такие истории заканчивались уже с худшими для «залетчиков»

последствиями — комсомольскими собраниями, выговорами.

На допинге тогда никого не ловили. Отдельные «эксклюзивные» варианты нарушений закона и «посягательств на основы социалистического строя» я в расчет не беру, они случались крайне редко. Наихудшим, что могло произойти со спортсменом международного уровня, был «залет» на таможне.

Именно с такими масштабными «залетами» связаны потрясения, оставшиеся в истории отечественного спорта, а главное — тяжелым катком прошедшиеся по судьбам многих людей.

Жертвы политики

Первая громкая история на таможне случилась в 1969-м. ЦСКА возвращался домой из Испании после игр на Кубок европейских чемпионов с «Реалом». Советских консульских учреждений в Испании тогда не было, и визы нам открывали в Париже. Соответственно, маршрут и туда, и обратно всегда проходил через Париж.

На обратном пути мы быстро пробежали имевшиеся во французской столице «точки». Как это бывало много раз, меня спасла сдержанность в запросах, потому что, как вскоре выяснилось, Родина готовила нам непростую встречу.

По каким-то причинам, видимо, из-за мгновенно изменившихся погодных условий, наш самолет посадили в Ленинграде. При этом таможенные службы изменение погоды, вероятно, прогнозировали, поскольку игроков и тренеров ЦСКА сразу отделили от остальных пассажиров и начали «шерстить». На досмотр багажа каждого из нас тратилось не менее полутора часов. Проверяли все, вплоть до внутренностей привезенных всеми трехцветных шариковых ручек. Даже кокосовый орех, купленный кем-то в качестве экзотического сувенира, безжалостно разбили.

Досмотр, начавшийся около девяти вечера, продолжался до четырех утра. Разумеется, все это время ни у кого из членов команды не было возможности покинуть зону досмотра и тем более аэропорт. В багаже спортсменов не обнаружили ничего криминального, однако по окончании всей этой процедуры остались два бесхозяйных пакета, которые никто не признал. Всех, кто уже прошел досмотр, вновь вернули в зал, где выяснение обстоятельств совершенного преступления

продолжилось. В пакетах обнаружились, ни много ни мало, аж по десять женских костюмов, привезенных явно на продажу.

В конечном счете, преступниками оказались Алжан Жармухамедов и Вовка Андреев. Видимо, в пакетах оказались также какие-то вещи, по которым их можно было идентифицировать, или они сами признались под тяжестью улик, я не уверен. Это чудовищное посягательство на основы советского строя стоило ребятам званий ЗМС.

Ходили слухи, что внезапное изменение погодных условий могло быть спланировано под Арменака Алачачяна (тренера ЦСКА), которого хотели выжить с его места многочисленные группы «доброжелателей». У него ничего не нашли. Кто мог быть инициатором такого принципиального подхода к армейцам, достоверно неизвестно, и обвинять никого я, разумеется, не стану. Однозначно ясно одно — если и имел место «заказ», то, как и во многих других случаях, пострадали от него — и за сущую ерунду — совершенно не имеющие отношения к каким-либо политическим противостояниям люди. В данном случае — два наших самых талантливых «больших». Действительно, «когда паны дерутся, у хлопцев чубы трещат».

Ничто человеческое…

Впрочем, нет правил без исключений. В 70-м на контрабанде попался Гомельский. Случайно или не случайно, это совпало как раз с возвращением в Москву после «провального» для сборной СССР чемпионата мира в Любляне. Дела, конечно, не было, но от поездок за границу он был отстранен. Поработав пару лет главным тренером по баскетболу в Спорткомитете Министерства обороны, Александр Яковлевич совершил беспрецедентный подвиг — со статусом «невыездного» умудрился стать главным тренером ЦСКА.

В 1973-м, впервые после «отсидки» выехав за границу — на финал Кубка европейских чемпионов в Льеж — главный тренер был вынужден шарахаться от каждого куста. За ним чуть ли не официально был закреплен сопровождавший его офицер КГБ. В результате Яковлевич присматривал себе что-то в магазинах, а потом поручал мне, жившему с ним в одном номере гостиницы, по описаниям находить и приобретать то, что он выбрал.

Другая таможенная история произошла с героями мюнхенских баскетбольных баталий в самом скором времени после их олимпийского триумфа. Одним из ее последствий стал фактический разгром сборной СССР, учиненный ей спортивным и политическим руководством страны, которую она представляла. Выступая в том году на чемпионате Европы половиной своего основного состава, мы с трудом заняли третье место.

Весной 73-го сборная выезжала на товарищеские игры в США. Я в Штаты из-за травмы ехать отказался и встретился с командой в Перу, где ФИБА проводила международный баскетбольный фестиваль. Кстати, именно в ходе этого турнира сборная СССР одержала последнюю победу над югославами. После этого мы проигрывали «югам» во всех принципиальных матчах аж до 1979-го, когда их сборная приехала на чемпионат Европы в ослабленном составе. К сожалению, вскоре за этим успехом последовал самый, пожалуй, болезненный удар — проигрыш на московской Олимпиаде.

Возвращение из Перу предстояло все равно через Нью-Йорк, где мои товарищи оставили свой благоприобретенный в Америке багаж. Когда я увидел складированные в номерах советских атлетов и их тренеров коробки, я понял, что добром это не кончится. Комнаты были буквально забиты барахлом. Имущество, сложенное в номере Сашки Белова, украшала, как венец всего этого великолепия, скакавшая по коробкам маленькая обезьянка, которую наш центровой где-то по случаю приобрел.

При норме личного багажа в 20 кг у наших было на каждого, наверное, килограмм по 200. В аэропорту Нью-Йорка от переплаты за чудовищный перевес нас спасло только то, что едва введенная в строй высокотехнологичная американская система учета и транспортировки багажа не выдержала нашего натиска и немедленно сломалась.

У меня была возможность внести свой вклад в этот подвиг. Знакомый корреспондент ТАСС в Нью-Йорке сказал, что знает место, где можно выгодно затариться, и мы нацелились было туда, однако оказалось, что у приятеля ограничена возможность выезда за пределы штата, и мы отказались от коммерческих планов. Им мы предпочли «Будвайзер» и только что вышедший на большой американский экран фильм «Глубокое горло». Оказалось, что эта незатейливая альтернатива спасла меня от серьезных проблем.

По прилету в «Шереметьево» сборную сразу взяли в кольцо.

Быстро стало ясно, что ловили в основном ленинградцев. Их проверяли особенно тщательно. Как выяснилось впоследствии, в серьезной разработке был Ваня Дворный, занимавшийся провозом контрабанды в промышленных объемах, а главное — по совсем небезобидному перечню наименований. Говорили, что в списке его достижений были налаженные поставки драгоценных камней и металлов.

Всем было ясно, что мы попали под серьезный «замес». Опять на проверку багажа каждого из членов делегации таможенники тратили по полтора-два часа. Вскоре после начала досмотра случилось непредвиденное — в пенале одного из столов, на которых досматривали багаж, нашли боевой пистолет и пачку патронов к нему. Перетрясли каждого, однако никто, разумеется, не признался в причастности к находке. Оружие осталось бесхозяйным, но обстановка резко накалилась. К нам стали относиться, как к настоящим преступникам.

Не улучшила настроение таможенникам даже обезьяна, внезапно выскочившая из Сашкиного багажа. Несчастное животное арестовали и препроводили на таможенный склад. Самому Сашке было уже не до обезьяны.

А еще чуть позже произошла уже настоящая драма. Я проходил таможенный досмотр рядом с Жармухамедовым, стоя к нему спина к спине. Все произошедшее было совсем рядом от меня, и я могу присягнуть, что реакция Жара на вскрик таможенника: «Еще пистолет!» — при открытии его чемодана была реакцией полнейшего потрясения и прострации. До сих пор Жар уверяет, что ствол ему подбросили, какие бы саркастические аллюзии на знаменитый эпизод с подброшенной валютой во сне Никанора Ивановича из «Мастера и Маргариты» это ни вызывало.

Честно говоря, красовавшийся поверх спортивных шмоток на самом видном в чемодане месте пистолет действительно производил странное впечатление. Впрочем, это уже были разговоры в пользу бедных. Процедура пошла своим чередом: понятые, изъятие, протокол. Сотрудники таможни были исключительно злы — и поделом: одно дело — водка, икра, мохер и автомагнитолы, другое дело — боевое оружие!

У Кондрашина, под которого гипотетически мог быть «размещен заказ», и у любителя киноискусства С. Белова ничего не нашли. Сашка Белов и Миша Коркия были уличены в серьезных нарушениях таможенного режима, с них сняли звания ЗМС и отчислили из сборной. Помню, как Мишако со своей кавказской деликатностью пытался объяснить таможеннику, что 15 автомагнитол в его багаже предназначаются в подарок его многочисленным родственникам. Большинство ребят отделались

легким испугом.

Тем не менее история немедленно обросла множеством слухов. Вся Москва говорила о разоблачении преступной группировки спортсменов, провозивших через таможню тоннами наркотики, валюту и оружие. При встрече знакомые демонстрировали искреннее удивление: «А тебя почему отпустили?..»

В отношении Дворного и Жармухамедова было возбуждено уголовное дело. Жара, говорят, «отмазал» от тюрьмы маршал Куликов2[25], симпатизировавший баскетбольному ЦСКА. Дело было прекращено, не знаю по каким основаниям. Его сделали «невыездным» и также выгнали из национальной команды, вновь сняв звание ЗМС, позволив, впрочем, остаться в ЦСКА и в дальнейшем вернуться в состав сборной.

Ваня Дворный как основной фигурант оперативной разработки был осужден к лишению свободы и полтора года провел в лагере. В большой баскетбол он уже не вернулся, лишь поиграл немного после отсидки на Дальнем Востоке. В «колыбели трех революций» на матчах «Спартака» в «Юбилейном» в ту пору часто можно было видеть плакат «Свободу Луису Корвалану и Ивану Дворному!»

До следующего грандиозного скандала на таможне с участием баскетболистов, которому суждено было стать началом конца талантливейшего игрока — Александра Белова, — оставалось чуть меньше четырех лет.

Глава 10
ДРУЗЬЯ-СОПЕРНИКИ

Вне конкуренции

Впрочем, до этого было еще далеко, а пока нам предстоял главный старт олимпийского четырехлетия. У сборной Союза были хорошие шансы завоевать мировое лидерство.

Как я уже говорил ранее, сборная СССР в 60-е годы была сильнейшей в Европе. Чемпионаты континента до 1973-го мы всегда выигрывали достаточно свободно. Только к концу десятилетия к нам стала подтягиваться Югославия, у которой, несмотря на объективный рост мастерства, долго сохранялся страх перед «Красной Машиной». Испания, Италия, Чехословакия, Польша способны были выставить сильные команды, но играли нестабильно.

Чем наши соперники точно обладали, так это самобытностью. Все команды легко можно было узнать по игровому почерку. Например, испанцы всегда носились по площадке как угорелые (кстати, именно Испания первой в Европе начала практиковать натурализацию игроков из США для нужд сборной), игру они старались строить на высоких скоростях и постоянных перемещениях по площадке. Впрочем, в играх против нас их это до поры до времени не выручало. Только в сверхослабленном составе в 1973-м мы впервые проиграли испанцам на их домашнем чемпионате Европы. Трудно тогда было представить, что Испании со временем предстоит стать лучшей европейской командой!

Отличительной чертой итальянской сборной было применение множества комбинаций. В комбинировании они были просто виртуозами, порой голова шла кругом от их тактических схем и взаимодействий. Временами начинало казаться, что для них важнее красиво разыграть комбинацию, чем завершить ее результативной атакой кольца. В других компонентах игры — атлетизме, мощи, игре в защите итальянцы существенно нам уступали. «Скуадра адзурра» стала добавлять лишь с появлением в ее рядах легендарного Дино Менигина, результатом чего стало сенсационное завоевание ею серебра московской Олимпиады. В 80-90-е итальянцы уже уверенно присутствовали в числе лидеров европейского баскетбола.

У Чехословакии и Польши, входивших наряду с Испанией и Италией в четверку хоть сколько-нибудь конкурентоспособных по сравнению с нами европейских команд, не было ярко выраженного стиля. Они просто имели определенный стабильный уровень развития баскетбола и, как правило, выставляли крепкие, хорошо обученные команды, способные при удачном стечении обстоятельств проиграть нам не 30, а 10 очков и побороться за серебро-бронзу континентального первенства.

Баскетбольными талантами славилось западное полушарие. С рассказа о феномене американского баскетбола я начал эту книгу — думаю, совершенно обоснованно, он того заслуживает. Но и помимо США за океаном были сильные соперники.

Двукратными чемпионами мира до нашей победы в 1967-м становились бразильцы. Их игра, их философия баскетбола были совершенно уникальными и очень притягательными. Бразильцы всегда играли без «больших», легким составом и, соответственно, на очень высоких скоростях. Как и в футболе, основой их игры были творчество, свобода, импровизация. Они никогда не боялись соперников, какими бы сильными они ни были, и какой бы ни была турнирная мотивация. Бразилия регулярно давала бой Штатам (так произошло в 1967-м, когда их победа принесла нам золото мирового первенства, так было и в Мюнхене, когда их прекрасная игра раскрыла нам глаза на слабые места американцев). Пожалуй, чего им не хватало для регулярного доминирования на мировой арене, так это атлетизма и игровой дисциплины.

Очень хорошо был развит баскетбол в Пуэрто-Рико. Эта страна была если не 51-м штатом США, то уж их давнишним филиалом, это точно. Пуэрториканцы имели все возможности впитывать традиции американской школы, да и игравшие за нее люди имели неизвестно какое происхождение — пойди разберись, что у этого черного парня за паспорт и откуда он родом — из трущоб Сан-Хуана или из каменных джунглей Гарлема? Как бы то ни было, эта страна регулярно боролась за медали на чемпионатах мира и была способна дать бой любому сопернику, включая СССР и США. Именно игра с Пуэрто-Рико стала для нас первым испытанием на прочность в ходе олимпийского турнира в Мюнхене.

Канадцы реальной угрозы для нас не представляли, зато сборная Кубы в начале 70-х громко заявила о себе. Успешно воспользовавшись братской помощью СССР в виде командированных на работу специалистов (в частности, огромную роль сыграл в становлении кубинского баскетбола литовец Стяпас Бутаутас) и прекрасной генетикой талантливого

во многих видах спорта народа, кубинцы дополнительно брали наглостью и напором. Они играли очень динамично, агрессивно, оказывая давление на соперника, в чем-то похоже на американцев, хотя и в многократно ухудшенном варианте. Играть с ними было тяжело даже нам. Это прекрасное поколение баскетболистов, взошедшее в конце 60-х, добилось впечатляющего результата, сенсационно взяв в Мюнхене бронзу.

Сегодня в баскетболе в основном пропала национальная самобытность. Все копируют Америку, не понимая изначально того, что пытаться играть в американский баскетбол, не развивая перед этим атлетизм и физическую мощь, — несусветная глупость. Я вижу в этом, как и во многом другом, удивительно изощренное и эффективное навязывание Штатами своего «продукта» всему миру. При постоянной тяге Америки к самообновлению ее арсенал постоянно пополняют лучшие и новейшие образцы и технологии, а остальному миру предлагаются под видом суперпродукта уже устаревшие варианты. В любом случае США уверены, что в этом навязанном всему миру стиле — игры, жизни — они на голову сильнее всех и не встретят серьезной конкуренции. Победить Америку можно только действуя нестандартно, не по их собственным лекалам.

Уникальность подходов к подготовке сборных команд в ту пору в полной мере демонстрировал СССР. Впрочем, это была уникальность особого рода. Подавляющее преимущество советских команд в игровых видах спорта было обусловлено огромными тренировочными объемами, великолепной физической подготовкой, фактическим профессионализмом спортсменов, тренировавшихся тогда гораздо больше своих зарубежных соперников. Еще одной составляющей была их феноменальная сыгранность.

Для СССР в целом были характерны постоянная работа с огромными объемами (часто неоправданными) на многочасовых ежедневных тренировках и совершенно свирепое отношение к спортсменам. Через эту мясорубку пробивался один из 100. Конечно, ему уже не страшны были никакие испытания, но что случалось с 99? Ведь из них, при бережном отношении и индивидуальном подходе, могло вырасти еще добрых два конкурентоспособных состава сборной.

Новый соперник

Европейская школа была по сравнению с нами более изнеженной, заокеанские команды, кроме США, уступали нам в классе и тактической выучке. Да, действительно, до поры до времени у нас не было соперников, кроме американцев. Однако постепенно ситуация начала меняться.

С 1961 года началось восхождение сборной Югославии, когда у себя дома в Белграде она впервые взяла медали континентального первенства — серебряные. В 1963-м — серебро мирового первенства и бронза европейского. В 1967-м — вновь вторые на чемпионате мира, в 65-м, 69-м и 71-м — вторые в Европе. С конца 60-х на Балканах начала формироваться мощная команда, которой суждено было в течение следующего десятилетия собрать главные трофеи всех крупнейших турниров — три европейских золота, два мировых и, наконец, самое главное — олимпийское.

Факторы успеха

Югославский баскетбол — пример близкого к 100-процентному использования имеющихся ресурсов и возможностей. Комфортный климат с хорошей демографией (на Балканах, особенно в Словении и Черногории, очень много высоких людей), должный уровень мотивации спортсменов и прекрасная организация процесса подготовки игроков и тренеров — вот три основные составляющие этого явления.

Народы Югославии — сербы, хорваты, словенцы, боснийцы — всегда были амбициозными и самодостаточными. Впрочем, когда мы играли, мы не проводили большой разницы между национальностями наших соперников. Лишь позднее мы узнавали, что, допустим, Чосич и Петрович — хорваты, Далипагич и Кичанович — сербы, Делибашич — босниец и т. д. Заметно было, пожалуй, лишь то, что Словения уже тогда была наиболее передовой и прозападно настроенной территорией.

Так или иначе, за свою национальную честь, за свой флаг югославы готовы были биться не на жизнь, а на смерть. Думаю, настрой на игры против СССР мог иметь для них и дополнительную политическую подоплеку — желание утереть нос «старшему брату», постоянно поучающему «младших», как надо жить.

Впрочем, главным для «югов», я уверен, было вполне нормальное для спортсменов стремление к первенству. Понимая,

что с американцами им бороться не по силам, югославы прагматично сосредоточили свои усилия на втором по мощи сопернике — СССР, детально изучили наши слабые места и стали концентрировать основные силы на противостоянии с нами. Нужно признать, что в 70-е, когда у Югославии была блистательная сборная, им это удалось.

Дополнительное важное значение в мотивации игроков имели либеральные правила, применявшиеся уже тогда в югославском баскетболе. Спортсмен высшего уровня обязан был выступать в национальном чемпионате и в сборной до 28 лет, а затем был волен уехать на заработки за границу. Это было прекрасным стимулом, и белградский «Партизан», по сути, уже в 60-е стал превращаться в академию по подготовке легионеров для всей Европы.

В наши дни, когда практически любые ограничения по отъезду за границу и вовсе отменены, а прекрасная школа подготовки молодежи сохранилась, Сербия, Хорватия и Словения стали полноценной фабрикой по производству молодых игроков на продажу. Да, национальные чемпионаты в этих странах весьма слабые, зато сборные стран, составленные из игроков, выступающих в сильных клубах по всему миру, очень сильны. Постоянная финансовая подпитка клубов за счет продаж позволяет системе воспроизводиться, вкладывать ресурсы в воспитание новых и новых молодых игроков.

Главным в организации подготовки у «югов» всегда был системный и единообразный подход. Он сохранился и сейчас, когда страна распалась на осколки, — баскетбольная элита держится очень сплоченно и сохраняет традиции. Югославы никогда не стеснялись учиться и перенимать опыт. Приведу характерный пример: еще с 60-х годов «юги» начали приглашать в летнее время, в период отпусков, к себе на Адриатику специалистов из США. Им даже платить не приходилось — они с удовольствием приезжали с семьями бесплатно пожить на прекрасных курортах, в качестве компенсации проводя по нескольку занятий в неделю с молодежью.

Так вот, самое главное — на этих занятиях трибуны у спортплощадок были, битком забиты молодыми югославскими тренерами, жадно впитывающими и конспектирующими каждый жест, каждую реплику заокеанских учителей. Это не означает, что потом они все слепо копировали — использовали только лучшее. Но знать особенности игры соперника, изучать досконально все, что есть в современном баскетболе, — это непременное условие конкурентоспособности. Югославы это прекрасно поняли.

К огромному сожалению, гораздо быстрее нас. Даже сейчас,

растеряв позиции в мировом спорте, мы по-прежнему «ленивы и нелюбопытны», не хотим и не любим учиться, по-прежнему живем в иллюзии великодержавного подхода. Что же говорить о советской эпохе, когда превосходство отечественной спортивной школы над всеми остальными считалось аксиомой! Да, вот когда — не позднее, чем после победы «югов» на чемпионате мира 1970-го — нашим спортивным специалистам и функционерам нужно было всерьез задуматься и начать модернизировать свое собственное баскетбольное хозяйство.

Именно в начале 70-х, когда после ухода из спорта плеяды великих игроков — Корача, Данеу и других, — появилось новое, еще более славное поколение, Югославия сделала по-настоящему мощный рывок, переход на качественно новый уровень. Нужно честно признать, что мы это проворонили.

В Югославии сложилась прекрасная тренерская школа, научившаяся «штамповать» высококлассных игроков, как на конвейере. Ее отличительной особенностью были прекрасное тактическое взаимодействие на площадке плюс яркая индивидуальность игроков. Позднее, ближе к 90-м, как и всякий конвейер, эта школа несколько скатилась к усредненному «продукту», но в наше время все югославские игроки были исключительно самобытны.

Клубы как основа

Еще один «столп» организации баскетбола на Балканах — прекрасно развитая клубная система. В каждом клубе на высшем уровне организованы занятия как минимум в четырех возрастных группах. Благодаря концептуальному единству внутри тренерской школы игроки легко переходят с уровня на уровень. Конечный результат — нет, не победа в национальном первенстве, Кубке европейских чемпионов, Кубке Корача и даже не делегирование игроков в сборную — победителя или призера мировых баскетбольных форумов. Это все результаты промежуточные, хотя и очень желанные. Главная же цель — правильно, выгодная продажа игрока.

Эта система у югославов великолепно действует уже десятилетия. Помимо пула высококлассных тренеров, она обеспечена слаженной и синхронной работой опытных агентов. То, что при этом результаты сборной оказывались лучше, чем у СССР, где именно интересы национальной команды были

поставлены во главу угла, а на клубы всем было наплевать, выглядит парадоксально лишь на первый взгляд. Клубная система, пусть даже «заточенная» на корыстные интересы, стала формировать крепкую и стабильную основу для постоянного прогресса баскетбола в целом.

Характерно, что похожим образом в Югославии (и в ее нынешних преемниках) организованы занятия футболом, волейболом, гандболом, водным поло, т. е. наиболее зрелищными и «продаваемыми» видами спорта.

Эта система выстроена во многом по тем же принципам, что и в Штатах. Отличие в том, что за океаном начальный этап подготовки баскетболистов сосредоточен в школах и университетах, а профессиональные клубы работают уже только на уровне спорта высших достижений. Кроме того, все лучшие игроки в США идут на «внутренний рынок», а не на экспорт. В клубах NBA играют в основном свои. Присутствие там иностранных игроков — результат программ международного сотрудничества. Если бы не международные интересы США, причем далекие от баскетбола, в лиге иностранцев не было бы вообще, я в этом абсолютно уверен.

Цель оправдывает средства?

Я хотел бы подчеркнуть, что именно прекрасная школа баскетбола, самобытное мастерство, воля к победе были главными составляющими феноменального успеха югославского баскетбола в 70-е годы, а отнюдь не хорошо известная неприятная манера поведения на площадке этой команды. Да, действительно, противнее соперника найти было трудно — постоянные толчки, плевки, провокации, стремление вывести соперника из себя любыми путями надежно заняли место в тактическом арсенале югославской сборной. Если я правильно понимаю, примерно так чехи играют в хоккей с шайбой.

Приятного в этом было мало, тем более, что давать сдачу советские спортсмены кому бы то ни было права тогда не имели. Отношения с игроками, использовавшими подобные приемы, хорошими быть не могли. Ну как, допустим, я могу относиться к человеку по фамилии Славнич, который за 10 лет в мировом баскетболе всего меня исплевал, исщипал и издергал? В лучшем случае — никак, как к пустому месту.

Я и впрямь со временем выработал в себе философское

отношение не только к нему, не только к югославам, но и ко всем, кто нечестно играл против меня и моей команды. Во-первых, я утешался старой баскетбольной поговоркой — «если бьют, значит — боятся». Во-вторых, ну что с них взять? Если человек ничего больше не умеет, или если его так заставляет играть тренер, а ему при этом также нужно кормить семью, выигрывать матчи и т. д.? Нельзя сделать слона из мартышки, как ты ни старайся.

Братья-славяне

Ну а, в-третьих, и это главное, лицо югославского баскетбола для меня определяют все-таки другие игроки, по-настоящему великие, которые и вели себя величественно, интеллигентно и достойно. В общем и целом, в матчах против Югославии в основном была честная мужская борьба. Да и отношение к СССР, к русским в целом у «югов» было благожелательным — сказывались и тогда еще недавняя война, и общая религия. А играли грязно они против всех, просто очень хотели выигрывать и использовали для этого все возможности. И просто мы были их основными соперниками.

Кстати, ко мне в Югославии было особенно хорошее отношение. Не хочу рисоваться, но на протяжении баскетбольной карьеры моя популярность там была на уровне поп-звезды — я на улицу не мог выйти. Дело не во мне лично, до стиля современных спортивных селебрити вроде Бэкхема или Роналду мне бесконечно далеко. Просто югославы ценили и понимали хороший баскетбол, а именно в него я всегда и старался играть.

У нас, русских, отношение к соперникам с Балкан в целом тоже было нормальным. Конечно, специфическая манера их игры восторгов не вызывала. Кроме того, мы подспудно не могли не испытывать определенной зависти к братьям-славянам, которые сумели достичь у себя в стране гораздо более высокого уровня жизни и стандартов демократии.

Правила, которые действовали в Югославии, были гораздо более комфортными для людей, чем в СССР. О возможности спортсменов продолжать с определенного этапа карьеру за рубежом, в странах капиталистического блока, я уже говорил. Но либеральное законодательство действовало в целом для всего населения. Во многие страны Европы югославы могли путешествовать без виз, им разрешалось уезжать на заработки за границу. В целом их жизненные стандарты были значительно

ближе к западным, чем в СССР.

Профессиональный спорт в Югославии был в целом организован гораздо лучше, чем у нас. По сравнению с советскими «звездами» югославские катались, как сыр в масле. У них не было необходимости носиться, высунув язык, по барахолкам, зарабатывая на перепродаже русской икры и заграничного барахла. Серьезнее была организована и вся баскетбольная инфраструктура.

Думаю, многим советским людям моего поколения запомнились югославы, приезжавшие в СССР на работу или по иным нуждам. Хорошо одетые, хорошо воспитанные, вальяжные, богатые, они выгодно отличались от наших нищих и порой диковатых соотечественников. В те времена многие русские девушки мечтали выйти за югослава замуж: с одной стороны, это обещало прекрасный уровень жизни, с другой — не требовало перемещения на другой континент, в чуждую культуру, как это имело место в случае браков с африканцами.

В целом, думаю, несмотря на некий холодок в общении между нашими странами на уровне большой политики, югославы вызывали в СССР симпатию. Что касается нас, баскетболистов, то сложная история взаимоотношений на площадке не влияла на наше отношение к братьям-славянам на уровне человеческого общения. Мы были профессионалами и прекрасно понимали, что в своих поражениях мы в первую очередь должны были винить самих себя.

Нечестная игра

Впрочем, об одной стороне «югославской мечты», категорически меня не устраивающей, сказать все же придется. Выход югославского баскетбола на новый уровень и появление новых возможностей по продажам игроков совпали с возвышением Борислава Станковича[26], и период его правления я считаю в целом мрачной эпохой. Такого засилья ангажированного судейства, нечестных административных решений, поддерживающих одну страну против других, не было раньше никогда.

Хуже всего то, что лейтмотивом этой политики были даже не патриотические интересы — с учетом скорбной истории многострадальной Югославии это было бы еще полбеды. Нет, все решали именно деньги, причем немалые, крутившиеся в

настоящей баскетбольной мафии, сформировавшейся вокруг трансферного рынка югославских игроков. Их продажи приносили хорошие доходы, а международные успехи сборной были нужны для роста их личного рейтинга и, соответственно, сумм продаж.

Именно с тех пор нечестное судейство в баскетболе приобрело характер системного и постоянного явления. «Работа с судьями», как минимум для того, чтобы нейтрализовать недобросовестное воздействие на них со стороны соперников, стала обязательным условием успеха. Пострадать от этой политики пришлось и сборной СССР, и позднее я расскажу о нескольких подобных эпизодах.

В каменном мешке

Игры против югославов всегда были неприятными, но в них, по крайней мере, можно было не опасаться за свою безопасность. В нескольких случаях противостояния с некоторыми другими нашими друзьями-соперниками выливались в реальную угрозу для жизни и здоровья.

В первый раз это случилось на самой заре моей карьеры в сборной, в 1967-м, во время ее коммерческого турне по Южной Америке по окончании победного для нас чемпионата мира в Уругвае. Сама по себе эта поездка была непростой. Игроки сборной уже месяц не были дома, пережили сильнейшее напряжение в ходе решающих игр мирового первенства, а теперь уже 10 дополнительных дней скитались по латиноамериканским странам. Сил играть у большинства уже просто не было, а ведь для того, чтобы получить какие-то копеечные барыши в виде премиальных, нужно было еще и выигрывать.

Дело давнее, поэтому можно признаться, что определенный контингент сборной — ее ветераны — каждый вечер надирались просто в ...у, по утрам перед играми отмокая в бассейне отеля. Естественно, ваш покорный слуга как новобранец команды, да еще и неудачно сыгравший на мировом первенстве, такого позволить себе не мог.

В завершающей части турне мы встречались с клубом «Коринтианс» — неким бразильским аналогом ЦСКА, который до этой встречи никогда не проигрывал на своей площадке. Что из себя эта площадка представляет и что на ней и вокруг нее будет твориться во время игры, я и представить себе не мог.

Место проведения встречи было типично бразильским стадионом — с очень близко к игровому полю и почти вертикально расположенными бетонными трибунами, и производило впечатление каменного мешка. Сказать, что до отказа забитый зал яростно и чрезвычайно агрессивно поддерживал свою команду, — значит не сказать ничего. Последние три минуты игры, счет в которой постоянно менялся, как качели, то в нашу пользу, то в пользу соперника, игрались. полтора часа. После каждой остановки игры в игроков в красных майках с трибун немедленно летело несколько десятков яиц, пирожков и прочих посторонних предметов. Никакими защитными козырьками скамейки команд оборудованы не были, и наши запасные игроки прятались от этого града — я не шучу! — под судейским столом. Каждое действие нашей команды сопровождалось оглушительным свистом и улюлюканьем трибун.

В какой-то невообразимой концовке сборная выиграла 1 очко, и 30 метров от площадки до подтрибунного помещения, которые мы проделали под прикрытием полиции сквозь разъяренных болельщиков, — это что-то незабываемое. Одним из арбитров матча был казанец Мухамедзянов. Он-то и успел получить по дороге несколько тумаков и удар ногой в пах от бразильских ценителей баскетбола. Нас спасли только наше проворство и стойкость бразильской полиции, которая сумела отсечь хлынувшую за нами толпу от входа в подтрибунные помещения.

Все происходящее напоминало какой-то триллер — страшный рев из-за захлопнутых полицейскими дверей, перепуганные игроки и тренеры, корчащийся от боли Мухамедзянов... Чуть-чуть переведя дух, мы с изумлением обнаружили, что вместе с нами людской волной под трибуну занесло какого-то особо рьяного бразильского болельщика. Это был наш шанс выплеснуть все, что накопилось в нас за последние 3 часа. Убить мы его, конечно, не убили бы, но досталось этому чудаку хорошо. От по-настоящему серьезных травм его спасла лишь та же бразильская полиция.

Со стадиона мы смогли уехать только через 2 или 3 часа, когда страсти чуть-чуть улеглись.

«Братское радушие»

Второй подобный случай имел место весной 1969-го, когда в

рамках розыгрыша Кубка европейских чемпионов мы играли в Брно против местного клуба. Как я уже говорил, мы были далеки от политики и не давали оценок действиям нашего правительства в Чехословакии. В августе 1968-го мы, находясь в аэропорту в Риме, услышали о вводе войск стран Варшавского договора в Прагу. Западные интерпретации произошедшего, разумеется, сильно отличались от советской. Мы могли предполагать, что отношение к русским в «братской» Чехословакии сейчас не самое теплое, но то, что нас ожидало, мы не могли увидеть даже в страшном сне.

Игра в Брно запомнилась мне на всю жизнь. С первой до последней ее минуты трибуны, до отказа забитые зрителями, издавали какой-то невообразимо страшный гул. Это не был обычный рев многотысячной толпы, к которому мы, в принципе, давно привыкли. Нам было не впервой играть при агрессивном настрое местных болельщиков. Но здесь звук, который несся с трибун, был необычным — без перерывов, на одной высокой ноте, исполненный злобы и ненависти.

Игра проходила на хоккейном стадионе, причем борта коробки не были демонтированы, баскетбольный помост был размещен прямо посреди огражденного ими пустого пространства. Это усиливало ощущение беззащитности под 6 тысячами ненавидящих нас взглядов. Не сочтите за сгущение красок — все 40 минут игры мы постоянно ощущали себя мишенями в тире. Как раз в эти дни снимали с должности знаменитого Дубчека[27], и, как нам потом сказали, если бы отставка произошла днем раньше, т. е. накануне игры, живыми мы бы оттуда не выбрались.

В такой обстановке играть, разумеется, было невозможно. «Прижав уши», мы отбыли на площадке свой номер, никуда не лезли, не провоцируя соперника и публику. Спокойно проиграли «-11», имея в запасе домашние «+30», но ощущения от этого испытания остались самые тяжелые.

Не знаю, почему, но игры «с приключениями» чаще имели место против братских стран из социалистического блока. Как я уже говорил, мы, как правило, не отвечали на провокации соперников и никому сдачи не давали. Поэтому драки во время игр были редчайшим и исключительным явлением. Тем более, что баскетбол — не хоккей, драки в нем происходят достаточно редко.

Кстати, в хоккее, где единоборства соперников гораздо более жесткие, и это неизбежно провоцирует стычки, советские спортсмены тоже обязаны были сдерживаться. Время от времени столкновения все-таки случались, а порой они перерастали в

грандиозные ледовые побоища, которые замалчивались спортивными средствами массовой информации, зато немедленно обрастали легендами. Наиболее часто отношения выясняли, естественно, с канадцами, но также и с братьями чехословаками. Говорили, что нередки были драки «команда на команду» после игр, в подтрибунных помещениях. У хоккеистов они якобы могли происходить через раз, а у игроков в водное поло — один из самых грязных и жестких видов спортивных игр — практически после каждого матча.

На этом фоне баскетболисты выглядят довольно миролюбивыми людьми, хотя даже представить страшно, что произойдет, если, допустим, к тебе «приложится» двухметровая 120-килограммовая черная машина, выросшая на гарлемском асфальте. Возможно, поэтому в NBA любые поползновения на выяснение отношений кулаками караются исключительно жестко.

Агрессоры с Острова свободы

Однако не бывает правил без исключений, и наблюдать такие исключения доводилось и мне. В частности, в течение моей карьеры в сборной случались массовые драки с командой. Кубы, одним из наших самых верных и зависимых от нас союзников. Как я уже сказал, в начале 70-х у кубинцев была хорошая амбициозная команда. На некоторые матчи она настраивались по-особому, и выражался этот настрой временами достаточно своеобразно.

Многим, например, памятно легендарное побоище, устроенное представителями Острова свободы в игре против США в рамках турнира Всемирной универсиады в Москве в 1973-м в старом баскетбольном зале ЦСКА. У американцев тогда была сильная сборная, ставшая победителем турнира. Кубинцы существенно уступали им по игровым возможностям, но настроены были очень решительно. С первых минут встречи было ощущение, что они готовы использовать любой повод, чтобы спровоцировать выяснение отношений: постоянно наскакивали, как шавки, на мощных штатников, ожидая удобного момента, чтобы начать драку.

Американцы не отвечали на эти наскоки, и все шло к закономерному результату — убедительной победе США, однако за три минуты до конца встречи кубинцы, видимо, чувствуя, что время уходит, сорвались с катушек. В каком-то игровом эпизоде

после жесткого стыка в борьбе за мяч все 12 игроков кубинской команды, как по команде, ринулись на американцев. Началась страшная драка, не имевшая аналогов в баскетбольной истории, — в ход у кубинцев пошли стулья и «розочки» от стеклянных графинов, которые были расставлены на столиках для судей и персонала.

Абсолютно никто не был готов к такому развитию событий, все были просто ошарашены. Излишне говорить, что службы безопасности на играх были тогда представлены символически, ведь эксцессы на трибунах, а тем более на площадке были практически исключены. Поэтому агрессии кубинцев толком никто не противодействовал, и безобразная драка продолжалась около 15 минут. Нужно отдать должное американцам — они повели себя наиболее организованно и сплоченно. Растерявшись поначалу, они быстро сориентировались, встали в боксерскую стойку кольцом вокруг своей скамейки и довольно успешно отражали атаки соперников.

Надо сказать, что кубинцы, видимо, рассчитывали на поддержку трибун и общую ненависть стран социалистического блока к американцам. Так что, когда трибуны через несколько минут после начала побоища начали громко скандировать название их страны, это их еще больше воодушевило. Они не сразу разобрались, что несколько тысяч болельщиков, возмущенных их диким поведением, кричат: «Ку-бу вон! Ку-бу вон!» Безусловно, этот инцидент, спровоцированный кубинцами, стал позором Универсиады и темным пятном на репутации их команды.

Похожая история с неожиданной реакцией зала случилась двумя годами ранее, во время турне сборной СССР по США. Перед игрой в Цинциннати какие-то провокаторы устроили шоу с использованием тематики «еврейского вопроса» — вывесили плакаты с антисоветскими лозунгами, громко скандировали обструкционные требования, а во время исполнения государственного гимна СССР провели «шумовую атаку».

Я никогда не драматизировал такое поведение болельщиков соперника, хотя и никогда его не понимал. Ладно, вы не согласны с политикой руководства СССР, но спортсмены-то тут причем? В данном случае участники акции протеста совершенно очевидно рассчитывали на симпатию и поддержку зала, однако закончилось все достаточно непредсказуемо. После исполнения гимна, заглушенного свистом и гудками, весь зал встал и несколько минут приветствовал советскую команду аплодисментами. Действительно, во всех странах позиция нормальных людей, как правило, способна преобладать над

мнением группы чудаков или откровенных негодяев.

Возвращаясь к кубинцам, наши игры против них на определенном этапе были достаточно принципиальными и непростыми. Однажды мы играли в гостях, на Острове свободы, в присутствии глав государств — легендарного вождя кубинской революции товарища Фиделя Кастро и генсека Л. И. Брежнева. Игра складывалась для нас очень тяжело. Мы выиграли с перевесом в несколько очков, но представляю, что было бы, если бы мы вдруг проиграли! К счастью, в перерыве мы с облегчением узнали, что после первого тайма руководство удалилось со стадиона.

Так вот, именно игра против кубинцев как-то раз сопровождалась массовой дракой. Начиналось все опять-таки постепенно, напряжение в матче постоянно росло. Нужно признать, что против нас кубинцы играли все-таки более сдержанно, чем против США, демонстрируя, скрепя сердце, уважение к «старшему брату». Однако тут произошел срыв, причем не без нашей вины.

В каком-то игровом эпизоде неласково обошлись с Иваном Двор- ным, но судья не усмотрел в действиях соперника нарушения правил. Прошло буквально несколько секунд, и уже после другого столкновения, сопровождавшегося свистком судьи в нашу пользу, Ваня не придумал ничего лучшего, как размашисто навесить с правой своему обидчику. Самое главное, что сделал он это. буквально в двух шагах от скамейки противника!

Что тут началось, словами не передашь. Разумеется, все 12 игроков Кубы немедленно в ярости бросились на Дворного. Тот, быстро разобравшись, что дело пахнет керосином, стал спасаться бегством, однако почему-то не по кратчайшему пути к своей скамейке, где мы бы оказали ему поддержку, а в обратном направлении.

И вот, на протяжении нескольких минут трибуны наблюдали это яркое и незабываемое зрелище — Ваня Дворный красиво бежит вокруг площадки, преследуемый толпой разъяренных черных ребят и пытающимися остановить их судьями и персоналом. По дороге он, разумеется, получил пару плюх вдогонку. Совершив круг почета, вся эта кавалькада достигла, наконец, скамейки сборной СССР, где ее уже поджидали мрачные люди в красных майках. Боестолкновение было коротким, но интенсивным, и после него, думаю, у кубинцев на некоторое время пропала охота грубить в матчах с русскими.

Нет, драчунами и тем более провокаторами мы не были, хотя, разумеется, нехитрыми баскетбольными приемами воздействия на соперника владели все и при необходимости могли их применить. Баскетбол — игра очень динамичная, игрок постоянно находится в движении, и это движение, скажем так, может иметь самые разнообразные траектории. Попробуй, докажи, что твой локоть, опускаясь после прыжка за мячом, нашел лицо соперника специально, а не по несчастному стечению обстоятельств?

Американцам в мюнхенском финале суждено было испытать это явление в действии. После знаменитой драки Миши Коркия с Дуайтом Джонсом арбитры назначили спорный мяч, и на линию встали Сашка Белов и мощный черный форвард Джим Бревер. Могу только догадываться, какие эмоции обуревали моего однофамильца — досада за удаление товарища по команде, общая накопившаяся ненависть к американцам, с которыми ему к тому моменту уже полтора тайма приходилось биться под щитами в жесточайшем контакте, в котором они его не жалели. Нет сомнений в том, что чудовищный пас Сашки за 8 секунд до финальной сирены, поставивший под угрозу нашу победу, был вызван в первую очередь невероятным перенапряжением по ходу всей игры, в которой А. Белов был единственным из нас, кто соперничал с американцами в мощи и силовой борьбе под щитами.

Так или иначе, после прыжка за мячом наш центровой нанес сокрушительный удар по голове оппонента, после которого американец несколько минут провел на полу «Баскетболхалле». Можно, конечно, вполне политкорректно сказать о стечении обстоятельств, о том, что Сашкин локоть случайно нашел голову Бревера. Надеюсь, зная мою «кредитную историю», меня не обвинят в тяготении к грязной игре, если я скажу, что, по моему мнению, Сашка врезал Бреверу специально. И если я скажу, что правильно сделал.

Американцы сами всегда играли очень жестко и агрессивно. Я столкнулся с этим в первой же игре против них, еще в 1967-м, когда американский баскетболист, одной рукой принимая мяч, локтем второй целенаправленно нанес мне удар в лицо. Хотя к суровой борьбе в мужском баскетболе я был уже приучен, на таком уровне и в таком варианте агрессии я столкнулся с этим впервые. Эту школу пришлось пройти, научившись и терпеть полученные удары, и — что более важно — по-боксерски

уклоняться от них. Самое главное в этом деле — уклониться от ударов в то время, когда мяч находится в воздухе и внимание арбитров привлечено к нему. Именно в эти моменты бьют наиболее жестоко.

И в мюнхенском финале американцы с самого начала играли очень жестко. И мне, и Сашке досталось от опекунов порядочно. И стычка с участием Коркия была спровоцирована именно Джонсом, а не кем- либо другим. Как знать, если бы не импульсивная реакция нашего грузинского джигита, немедленно сцепившегося с соперником (тот будто специально выбрал единственного в сборной СССР безбашенного игрока, которого хлебом не корми, дай ввязаться в драку), если бы не эта моментальная карательная акция со стороны А. Белова, возможно, американцы просто задавили бы нас своей агрессивной игрой в прессинге?..

Впрочем, об этом — в свое время. Все это я рассказываю не для того, чтобы сгустить краски или добавить жареного в свое повествование. Я просто хочу, чтобы читатели поняли, каким было противостояние на высшем уровне мирового баскетбола и какой мобилизации всех усилий и качеств требовала от нас большая игра.

Глава 11
ДВА КАПИТАНА

Тренер и игрок

Такое противостояние на баскетбольной площадке способна выдержать только очень мощная и сплоченная команда. И, постепенно приближаясь к повествованию о главной победе в моей жизни, я не могу не описать ее — знаменитую золотую сборную СССР начала 70-х годов. Именно о ней — о моих боевых товарищах по площадке и о великих тренерах, готовивших нас к восхождению на вершину, — мой последующий рассказ.

О роли тренера в команде написаны сотни статей, книг и научных работ. Сформировалось множество штампов — «выигрывает команда, проигрывает тренер», «великие игроки великими тренерами не становятся» и т. д. При том, что во всем этом есть какая-то доля истины, еще больше — дилетантизма и попыток формализовать чрезвычайно важную роль наставника спортсменов. Раскрыть эту роль во всей ее полноте и многогранности, наверное, просто невозможно.

Спорт — это многоплановое, сложное явление, являющееся моделью жизни, которая нас окружает. Поэтому в нем находят себя очень разные люди — по-разному одаренные, с разными характерами, жизненными установками и целями. Даже в одном виде спорта, в одной из его дисциплин разброс в масштабах таланта, характеристиках личности преуспевших может быть колоссальным. Один игрок добился успеха за счет феноменального таланта, другой — за счет колоссального трудолюбия и упорства, третий — благодаря удачному стечению обстоятельств и т. д. Один выбрал для себя манеру игры, которая гарантирует стабильный и надежный средний уровень, другой чередует феерические игры с провальными, третий просто овладел технологиями попадания в команду на 12-ю позицию и прекрасно себя чувствует.

В спорте высших достижений существует множество профессий и специализаций. При всем уважении к спортивным функционерам, администраторам, врачам, журналистам и иным специалистам я считаю, что их роль второстепенна. Они призваны способствовать достижению спортсменом, командой, страной высокого спортивного результата. Иногда среди них встречаются

и люди сверходаренные, творческие, которые выполняют в своей работе фигуры высшего пилотажа. Иногда их вклад в достижение победы может оказаться очень значимым. Например, когда лишь высокопрофессиональная медицинская помощь способна вернуть спортсмена в строй накануне важного старта, или когда активная и компетентная работа в структурах международных спортивных федераций помогает решить какие-то важные организационные вопросы.

И все же, как правило, от этих специалистов требуется просто профессиональная и честная работа, этого достаточно. По-настоящему важные задачи в спорте призваны решить лишь два человека — спортсмен и его тренер.

Очень трудно определить, чей вклад в победу более важен. Тем более трудно с учетом того, что крайне редки ситуации, когда один и тот же тренер ведет атлета к вершине от самого ее подножия, с момента его первых шагов в спорте. Как правило, детский тренер передает воспитанника юношескому, затем наступает пора тренеров на уровне мастеров. Меняется и роль наставника — если поначалу он является для начинающего спортсмена всем, то впоследствии, выступая «по мужикам», спортсмен нуждается в каких-то особенных советах, помощи в подготовке к конкретным соревнованиям, в то время как общие основы спортивного мастерства он уже освоил и может сохранять их самостоятельно.

Очень важно органичное сочетание ролей тренера и спортсмена. Роль тренера — дать развиться самобытности, самостоятельности спортсмена, а не убить их. Тренер, какой бы великий он ни был, все равно смотрит на игру извне, у него другое видение происходящего на площадке. Он может смоделировать игру, но не способен сыграть ее.

Великое счастье игрока в том, что он может реализовать себя творчески, доказать, что все, чему он научился, он способен применить в игре и доказать, что он прав. Все новое, чему спортсмен учится в течение своей карьеры, он должен пропускать через себя — это черта большого спортсмена. Я всегда брал все лучшее от каждого тренера, который со мной работал, и всегда относился к полученному критически. Часто я понимал: это не мое, и делал по-своему. Когда начинаешь делать по-своему, не всем это нравится. Великий игрок — тот, кто сумел доказать свою правоту. И в возможности доказать это — счастье игрока.

Роль игрока, какой бы масштабной личностью ни был тренер, совершенно уникальна. Если тренер — стратег, организатор победы, то исполнитель ее — все-таки спортсмен, как бы он ни был зависим от наставника, чем бы он ни был ему

обязан.

Мне повезло в том, что на протяжении моей жизни в спорте судьба свела меня с несколькими великими тренерами, настоящими профессионалами, пламенно любившими свое дело. На этапе моего становления это были Реш и Густылев, без которых я точно не добился бы чего-то в большом спорте. В элите баскетбола этими людьми для меня стали Александр Яковлевич Гомельский и Владимир Петрович Кондрашин.

Безусловно, каждый созданный Богом человек уникален и своеобразен. Масштаб его уникальности и своеобразия тем больше, чем больших успехов и свершений он добился. В связи с этим мой рассказ о двух лучших тренерах отечественного баскетбола не должен восприниматься как политически корректный или некорректный, как восхваление или поношение. Больше всего я далек он мелочного стремления свести с кем-то счеты, отомстить, кого-то обидеть. Тем более мерзко было бы заочно сводить счеты с людьми, которые уже ушли в вечность и не могут ответить тебе.

Поэтому главное, что я хочу донести до читателя, — это то, что оба тренера, и Кондрашин, и Гомельский, были по-настоящему великими людьми, сделавшими очень многое для своей страны. И, будучи великими, они были внутренне неоднозначными людьми. Им были свойственны ошибки и недостатки. Но главное в них — это масштаб того хорошего, что позволило им добиваться великих побед.

Я решил написать правдивую книгу, не приукрашивая действительность. Живые люди с их ошибками и недостатками значительно дороже мне, чем образы, кастрированные официальной историографией и представлениями о политкорректности. Рассказ о них именно в объективном ключе кажется мне более предпочтительным и более полезным для грядущих поколений. При этом я подчеркиваю, что мне дороги как память об этих людях, так и чувства их родных и близких, и я не хочу обидеть кого бы то ни было.

Это вступление наверняка было необходимо с учетом того, что народная молва давно превратила нас с Гомельским чуть ли не во врагов. Апологеты Александра Яковлевича достаточно часто упрекают меня в неблагодарности, черствости по отношению к своему многолетнему наставнику, которому я «обязан всем». Вряд ли я особо любим и кругом экзальтированных почитателей Владимира Петровича Кондрашина, которыми любое сомнение в величии ленинградской школы баскетбола и в том, что ее разрушили происки Москвы во главе с Гомельским, подчас воспринимается наравне с отрицанием Холокоста.

Я далек от политики, тем более местечкового толка, и не хочу иметь ничего общего со штампованным и истеричным восприятием личностей Гомельского и Кондрашина. Это не мешает мне как критиковать их, высказывая свою точку зрения, так и считать их обоих великими людьми и бережно относиться к их памяти.

Гомельский

Сразу же я хотел бы расставить точки над «i» по поводу моей «черной неблагодарности» по отношению к Гомельскому. Я знаю, что многим обязан своему многолетнему наставнику, и, безусловно, благодарен ему за это, однако его роль в моем успехе я не стал бы возводить в Абсолют. По крайней мере, формулировка «Белов обязан Гомельскому всем» коробит меня и кажется мне полным бредом.

Действительно, Гомельский привлек меня в сборную, наверное, не без его участия я попал в ЦСКА, он «авансом» взял меня в двенадцать на чемпионат мира в Уругвай, создавал для меня впоследствии материально комфортные условия в клубе и сборной. Но всего этого не было бы, если бы я упорнейшим трудом не взращивал свое мастерство, не старался использовать все предоставляемые мне судьбой шансы, не становился постепенно лидером команды. Кто-кто, а Александр Яковлевич не был альтруистом и не стал бы транжирить столь непросто дававшийся ему тренерский и административный ресурс из одной лишь симпатии к баскетболисту. Да и не было у него ко мне никакой особой симпатии, по крайней мере, на первых порах. На завершающем этапе моих выступлений — и подавно.

На самом деле, жесткая трепка, устроенная мне Гомельским в сборной поначалу, в чем-то пошла мне на пользу, окончательно лишив юношеских иллюзий и дав настоящую мужскую закалку. Но в чем-то она пошла мне и во вред. Вместо того чтобы развивать свои лучшие индивидуальные качества, готовясь к их полноценной реализации на площадке, я боролся за выживание, за место под солнцем, и, прояви я чуть меньше настойчивости и бойцовских качеств, мир мог бы вовсе не узнать баскетболиста Сергея Белова.

С другой стороны, Гомельский не был врагом себе и не мог не использовать по полной те тренерские возможности, которые на определенном этапе стала предоставлять ему моя игра. В

любой стране, даже такой громадной, как СССР, обойма элитных спортсменов не так уж велика, и не поддерживать лидеров в своем виде спорта, не давать им выступать на высшем уровне не позволили бы любому самому авторитетному тренеру.

Помощь и поддержку Александра Яковлевича, его роль в моей спортивной судьбе я высоко ценю и не преуменьшаю. Но и переоценивать их не надо. Конструктивное, профессиональное и обоюдно выгодное сотрудничество — вот как правильно все это называть.

Отношение Гомельского к игрокам претерпевало несколько этапов эволюции. Поначалу, на стадии становления спортивного мастерства баскетболиста, могучая личность Александра Яковлевича доминировала над ним подавляюще. В случае выхода игрока на лидирующие позиции в команде отношение «главного» менялось — становилось более уважительным и доверительным. Впрочем, это никогда не мешало ему в любой момент вернуть все на круги своя — при первых признаках утраты игровых кондиций, появления «неправильных» настроений у игрока Гомельский запросто мог «размазать» любого лидера, еще недавно входящего в близкий доверительный круг его общения.

Наконец, на завершающем этапе карьеры игрока отношение к нему Гомельского зависело от уровня амбиций подопечного и от реальности его притязаний на лидерство по окончании выступлений. Если эти притязания имели под собой хоть какое-то основание, у ветерана могли начаться проблемы. Если нет — игрок просто благополучно уходил из большой игры, получая в награду за многолетнюю лояльность «главному» непыльную административную или тренерскую должность в системе армейского спорта.

В общении с Александром Яковлевичем я прошел все эти этапы. Первый начался в конце 1965-го, когда я впервые был приглашен на сбор молодежной команды СССР, фактического резерва основной национальной команды. Главным впечатлением от организации работы было тогда, как я уже рассказывал, непонимание смысла тренировочных объемов. Я и потом всегда со скепсисом относился к безумным нагрузкам, апологетом которых был Гомельский (впрочем, как мы увидим позднее, и Кондрашин тоже). На сборе в Леселидзе, о котором я тоже рассказывал, эти нагрузки, их непонятный для меня смысл удручили меня и испортили первое впечатление от встречи со сборной.

Мое отношение к Александру Яковлевичу на тот момент можно было охарактеризовать одним словосочетанием — безмерное уважение. Я осознавал его величие, особенно явное на

фоне моего собственного ничтожества, ощущал разделявшую нас гигантскую дистанцию. В Леселидзе я, кстати, по каким-то причинам оказался посаженным в столовой за один стол с Гомельским, и, честно говоря, на протяжении всего сбора у меня кусок в горло не лез, таким было уважение к мэтру.

Без крайней необходимости ближе, чем на несколько метров, я к Гомельскому тогда старался не приближаться.

Александр Яковлевич, как это могло показаться, не стремился сокращать эту дистанцию. Меня он просто не замечал. В двойку отобранных им для участия в турне национальной команды резервистов я не попал.

Первые признаки потепления в его отношении ко мне наметились после первых игр, проведенных мной за сборную. Вероятно, отметив некоторые удачные действия в моем исполнении, мэтр стал «замечать» меня — заговаривать, общаться, подбадривать. При этом, разумеется, формат взаимоотношений не выходил за рамки диалога «профессор — первокурсник». Иначе тогда и быть не могло.

Что мне еще запомнилось из первого опыта общения с Гомельским, так это его полный контроль над ситуацией, владение всеми аспектами и нюансами существования команды. Гомельский вел себя как хозяин, босс, уверенно проводящий свою линию. Сразу бросился в глаза авторитарный стиль его руководства, не предполагающий возражений и дискуссий. Авторитет Гомельского, его доминирование ощущались во всем, вплоть до мелочей. Этот авторитаризм Александр Яковлевич успешно совмещал с абсолютными лояльностью и дипломатичностью по отношению к спортивному и партийному руководству.

По мере роста моего спортивного мастерства и опыта игрока главный тренер дозированно увеличивал меру своего доверия и расположения ко мне. Появилось место для доверительных бесед, даже обращения тренера за советом. Возможно, расположение ко мне у Александра Яковлевича со временем сложилось большее, чем к кому бы то ни было. Хочу надеяться, что я оправдывал его своей игрой.

Доверие «главного» сложившимся мастерам не становилось для них, как я уже говорил, индульгенцией на всю оставшуюся жизнь. В повседневной жизни команды, особенно на тренировках, от Гомельского доставалось порядочно всем, и «молодым», и ветеранам. Нередко во время игры или тренировки он мог наорать и на меня. При этом знал, что я не сломаюсь, не опущу руки, а докажу свою правоту игрой.

Некоторые игроки, уже имевшие большой стаж выступлений

и опыт, продолжали панически бояться главного тренера. Помню анекдотический случай, когда Ваня Едешко, уже Олимпийский чемпион, но с пожизненным для Гомельского клеймом «кондрашинец» на лбу, приехал на игру с двумя кроссовками на одну ногу — перепутал, собирая сумку. Как вы думаете, как вышел из положения этот зрелый мастер баскетбола? Разумеется, отыграл в этих кроссовках!

Возможно, что-то из мнения игроков Гомельский и использовал, но в большей степени, думаю, эти беседы рассматривались им как элемент воспитания подопечных, мотивации их хорошей игры и преданности тренеру. Вообще-то говоря, чужие мнения и рекомендации в качестве объективной реальности для Гомельского не существовали. Разумеется, как умный человек, Александр Яковлевич использовал имеющиеся опыт и примеры других, но в силу выбранной им политики никогда этого не признавал.

Все, что делал Гомельский, было окружено ореолом исключительности и неповторимости, причем окружено им самим. Делать что-либо правильное и полезное для команды в его интерпретации мог только он. Даже своего многолетнего напарника Озерова он регулярно подвергал обструкции. Приезжая из какой-то отлучки на сбор, которым в его отсутствие руководил Озеров, он начинал с деланного возмущения: «Ну и что, что за ерундой вы тут занимаетесь, нельзя и на несколько дней вас одних оставить» Нет нужды говорить, что через пару дней его работы с командой тон оценок резко менялся: «Ну, вот, совсем другое дело»

Порой это приобретало забавные формы — даже когда тренер начинал порой нести откровенную ахинею, он не мог позволить себе изменить выбранной линии поведения и нес ее с такой убежденностью, что, казалось, сам начинал в это верить.

Считать такую политику проявлением самодурства, самовлюбленности, непомерных амбиций главного тренера было бы слишком примитивно и неуважительно по отношению к мэтру. Тем более что позднее, сам став тренером, я проанализировал ситуацию и нашел если не оправдание, то, по крайней мере, логическое обоснование этой линии. Нет сомнений, что она была осознанным выбором Гомельского, считавшего ее благом для команды. В соответствии с его философией ни у кого и никогда не должно было появляться и тени сомнения в его компетентности, эффективности и полном контроле над ситуацией.

Гомельский прошел уникальный путь в баскетболе. Как и позднее у Кондрашина, у него была команда-мечта, созданная его

тренерским гением. Это был рижский СКА, трижды становившийся под руководством Гомельского чемпионом СССР и трижды — призером. В 31 год в 1959-м он стал тренером сборной СССР, в 34 в 1962-м — ее главным тренером. Его эпоха в сборной продолжалась в общей сложности 20 лет, под его руководством национальная команда завоевала шесть континентальных и два мировых чемпионских титула: золото, серебро и две бронзы Олимпийских игр.

Но при этом нужно понимать, что сохранять свои позиции в советском баскетболе, завоеванные с таким трудом, Александру Яковлевичу в силу разных причин было очень непросто. Для этого ему нужно было не словами, а делом и результатами постоянно убеждать руководство в своей полной профпригодности и столь же полной лояльности, а в конечном счете — в своей незаменимости. Наверное, в его ситуации обходиться при этом без политики было невозможно.

Что было по-настоящему плохо, так это то, что оборотные стороны этой политики однозначно вредили делу. Например, опасаясь конкуренции, Гомельский практически «выжигал» вокруг себя всю «поляну» потенциальных преемников и соперников. Поэтому третья стадия взаимоотношений Александра Яковлевича с игроками — по мере приближения последних к статусу заслуженных ветеранов — была достаточно специфичной.

Делалось практически все для того, чтобы потенциальный претендент на тренерские или руководящие посты в клубе и сборной оказывался подальше от эпицентра принятия решений, «смазывал» концовку своей карьеры внезапным существенным ухудшением спортивных результатов и в конечном счете уходил куда-то на дальние орбиты административной или тренерской работы в ЦСКА. Такая судьба постигла Травина, Вольнова.

Такую же участь предстояло попробовать и мне. Когда пошли разговоры о моих возможных перспективах в качестве тренера в ЦСКА и сборной, я сначала получил от Александра Яковлевича пару сигналов о его готовности к творческому союзу со мной. Разумеется, на условиях моей полнейшей лояльности и зависимости от его установок. После того, как я ответил, что не готов к такому развитию событий, у меня, стали появляться проблемы. Не думаю, что это было связано с резко изменившимся отношением «главного» к моей персоне. Просто мэтр продолжал следовать своей политике, выработанному годами инстинкту самосохранения.

Гомельский был великолепным тактиком, при этом необходимо отметить, высоко эффективным. Он уделял большое внимание конкретным деталям подготовки, умело моделировал

ситуации, стимулирующие, как он считал, игроков к оптимальному использованию их потенциала. Он стремился обеспечивать высокий результат, часто добивался его, действуя по принципам «победа любой ценой» и «цель оправдывает средства». Для достижения результата он готов был выжать из кого угодно — будь то игрок, армейский руководитель или спортивный функционер — все, на что тот был способен.

В то же время сам этот результат постоянно довлел над «главным». Своей невероятной жаждой больших побед Гомельский буквально выжигал игроков. Упущенные возможности навсегда оставались для него незаживающей раной. Претензия, которую в мой адрес наиболее часто озвучивал Гомельский, носила какой-то маниакальный характер: «Для Кондрашина вы со вторым Беловым выиграли Олимпиаду, а для меня — не захотели».

Постановка вопроса была изначально бредовой: покажите мне спортсмена, который, перенося сверхнагрузки на протяжении 4 лет олимпийского цикла, специально упустит олимпийский триумф, чтобы досадить кому бы то ни было. Гомельскому я обычно отвечал: «Александр Яковлевич, вы настолько всегда были одержимы олимпийской победой, что просто сжигали ребят, да и самого себя первого».

Из-за этого давления результата и приоритета тактики над стратегией Гомельский не имел возможности, а возможно, и не стремился копать в своей работе по-настоящему глубоко. Может быть, ему просто не хватало времени. Его профессионализм в достижении конкретного результата был действительно очень высоким. Но системной, глубокой, на перспективу его работу назвать было трудно. Такие элементы профессионализма игрока, как баланс тела при броске, как должны стоять ноги, как должна идти рука, его не особенно интересовали; забивает баскетболист — и хорошо.

Ладно бы, обладай он уверенностью, что все это игроки знают безупречно или отрабатывают самостоятельно. К сожалению, такой уверенности у него быть не могло. Но ведь правильная, на много лет вперед постановка элементов баскетбольного мастерства могла бы раскрыть дополнительный потенциал спортсменов, продлить их век в игре, позволить не ломаться в экстремальных игровых ситуациях!

Гомельский делал ставку на текущий момент, на лидеров, находящихся в его распоряжении здесь и сейчас. И, надо сказать, ему всегда везло с лидерами. В разное время это были разные люди — Круминьш, Вольнов, Паулаускас, Белов, Ткаченко, Сабонис. Безусловно, дать им раскрыться, органично влиться в

команды тоже было непростой и важной задачей, с которой Яковлевич справлялся прекрасно. Но решалась она тактически — на кого-то поорать, кого-то «подмазать», кого-то стравить с конкурентом, а в итоге смоделировать мобилизацию игроков. Отлично справлялся «главный» и с выбиванием из советской номенклатурной машины всего, что могло меркантильно заинтересовать игроков, — квартир, машин, поездок, почетных спортивных званий, и это тоже играло свою роль в мотивации.

То, что такая модель недолговечна, что она опустошает спортсменов, сжигая их потенциал и выжимая их, как лимон, что чуть более вдумчивое отношение могло бы заложить основу для более стабильных успехов. в погоне за результатом, в которую включился Гомельский, возможно, не только по своей воле, об этом думать было некогда, да и не полезно.

Все это было очень похоже на традиционный для советской номенклатуры стиль руководства — с воспитанием кадров чередованием давления и похвалы, подчас соседствующей с панибратством, с мотивацией людей эксклюзивными поощрениями, особым доверием руководителя, а в конечном счете — с авралами и сверхнапряжением сил, обеспечением результата любой ценой.

Впрочем, сейчас, по прошествии многих лет, я вижу, что этот метод не является уникальным достоянием «совка». В тех или иных, но более умных и системных вариациях он применялся издавна большей частью на Западе, широко применяется сейчас и нашими соотечественниками — наиболее успешными менеджерами, бизнесменами и политиками. Какую цену мы все, вся человеческая цивилизация, заплатим в конечном счете за эту всеобщую и всепоглощающую погоню за результатом любой ценой, пока не знает никто.

Возвращаясь к Александру Яковлевичу и его роли в моей жизни, — еще раз повторю: очень за многое я ему безмерно благодарен. Как бы ни складывались наши взаимоотношения, как бы ни разжигали наши противоречия те, кто был заинтересован в конфликте, я никогда не забуду игр и турниров, которые мы прошли вместе, больших побед, которых вместе добились. Мы вместе прожили большую жизнь в баскетболе, и нам есть за что поблагодарить друг друга.

Многое в характере Гомельского, в его манере работать меня продолжает восхищать, что-то я даже постарался перенять. Меня всегда впечатляли, во-первых, его фантастическая работоспособность, полнейшая преданность делу, которым он занимался, а во-вторых, его невероятная жизнестойкость, способность выкручиваться из самых сложных ситуаций,

буквально возрождаясь из пепла. Еще раз скажу — Александр Яковлевич был личностью и настоящим героем баскетбола.

Но я никогда не смог бы «стать Гомельским», полностью воспринять его методы. При этом я далек от романтизма, понимая, что в тренерской работе бывает необходимо и «поиграть в политику», и не пренебрегать прагматичными тактическими решениями. Тренер обязан принять на себя ответственность за результат и для этого порой принимать жесткие непопулярные меры. Став тренером, я сам в этом убедился, равно как и в том, что игроки тренером никогда не будут полностью довольны. Нужно уметь нести это бремя, и Гомельский умел. Но для меня все равно политика никогда не имела шансов стать доминантой, вытеснив с первого места системный и творческий подход.

Испытания, которые мне суждено было пройти на 30-летнем рубеже, на стадии завершения карьеры игрока и — в особенности — по ее окончании закалили меня и заставили многое переоценить. Я думаю, что и Александр Яковлевич стал относиться ко мне иначе, с большим уважением. Да, после всех трений и недосказанностей мне было трудно пойти на сближение с Гомельским. Но кто знает: может быть, позднее, доказав самим себе и окружающим верность своим собственным убеждениям, пройдя до конца по своему собственному пути, мы и впрямь смогли бы воплотить мечту многих специалистов и поработать на капитанском мостике вместе?

Кондрашин

История не терпит сослагательного наклонения. Такой творческий союз не состоялся и никогда уже не состоится. Возможно, он принес бы обильные плоды. Тем не менее скажу честно, что творчески и по- человечески мне был ближе Владимир Кондрашин. Он тоже стал уникальным явлением в отечественном баскетболе и тоже не сумел избежать серьезных ошибок. При этом, по моему мнению, он понимал баскетбол более глубоко и системно, работал с большим акцентом на долгосрочную перспективу, действовал более честно и прямо, а к людям относился искреннее и правильнее.

Кондрашин был настоящим пахарем, энтузиастом-одиночкой. Он никогда ничего ни у кого не просил, использовал те условия, которыми располагал, подчас просто делая из ...ма конфету. Кстати, возможности для комплектования команды у

него были хуже еще и потому, что Кондрашин никогда ничего не выбивал для своих игроков. Он старался создать им приличные условия для тренировок и игр, это правда, а что касается квартир, машин, привилегий, по этой части он был аутсайдером.

Знаменитая «ленинградская школа баскетбола» — это вообще миф. Не было никакой школы — был один Кондрашин, были его энтузиазм, его мужицкая твердость и напористость, его тренерский гений. Это он стал проводить скрупулезную селекционную работу далеко за пределами Северной Пальмиры, находить молодые таланты, начав с неудачного руководства сборной Ленинграда на Спартакиаде народов СССР в 1967-м. Собирать их в знаменитом ленинградском 62-м спортинтернате в более или менее приличных условиях и затем доводить своих мальчишек до уровня мастеров, во всем опекая их и фактически заменяя им отца.

Это он нашел и раскрыл гений Сашки Белова, вместе с которым сотворил для страны олимпийскую легенду. Это он создал по крупицам ленинградский «Спартак», придумал и реализовал — не от хорошей жизни, а исходя из того состава, которым располагал, — единственно верную тактику игры этой команды. Он вывел «Спартак» на уровень постоянного и равного соперничества с суперклубом ЦСКА, располагавшим несопоставимыми возможностями по комплектованию и организации тренировочного и игрового процесса.

Он пришел со своей командой к уникальному с учетом имевшихся у них возможностей достижению — победе в чемпионате СССР в 1975-м. Он на протяжении нескольких сезонов игрой своей команды делал счастливым огромный и незаслуженно обойденный славой город. Все, кто потом трубил о «славных традициях ленинградской школы», в период работы Кондрашина не помогали ему, а нередко и мешали, пока он, стиснув зубы, тянул свою лямку.

Главным тренером сборной Кондрашин стал после «провального» чемпионата мира 1970-го в Любляне, на котором советская команда стала «только» третьей. Видимо, механизм спортивной номенклатуры потребовал каких-то перестановок. Наверное, сохранение главного тренера после двух подряд третьих мест на мировых форумах могло означать молчаливое согласие с тем, что это — наш уровень, а это было категорически неприемлемо. Так «непотопляемый» Гомельский на целых шесть лет ушел с главного тренерского поста в стране.

Не стану скрывать, многое в сборной Кондрашин поменял просто в пику Гомельскому. Их противостояние имело давнюю «кредитную историю» и постоянно подпитывалось конкуренцией

ЦСКА с ленинградским «Спартаком» в национальном чемпионате. Петрович не избежал вполне естественного соблазна переделать если не все, то, во всяком случае, многое из созданного предшественником. Так, в сборной вновь появился ветеран Вольнов. Ранее с ним обошлись явно несправедливо и не по-человечески, но теперь он был в далекой от олимпийского уровня спортивной форме, и реабилитировать его, восстанавливать справедливость включением в состав было едва ли очень разумно. Возможно, впрочем, главный тренер рассчитывал на то, что опыт и психологическая устойчивость Геннадия помогут ему сплотить обновленную команду.

Ходили слухи, что Кондрашин намеревался произвести революцию в сборной в более радикальном варианте — в частности, избавившись от присутствия в ней С. Белова и М. Паулаускаса. Не исключаю, что так оно и было. Возможно, с нашими именами в сознании Петровича поначалу ассоциировались прежние успехи и прежние позиции Александра Яковлевича. К счастью (надеюсь, для всех), если эти планы и имели место, новый тренер быстро разобрался в том, кто есть кто, и оценил как наше с Модей мастерство, так и нашу полную аполитичность.

Может быть, первоначальное напряжение между мной и Кондрашиным было обусловлено тем, что я всегда играл ключевую роль в победах ЦСКА над его «Спартаком». Его тренерские схемы против меня, как правило, не работали. Считавшийся в Ленинграде «специалистом по Белову» Большаков, назначавшийся моим опекуном на площадке, регулярно получал от меня по тридцатнику. В самых важных, решающих играх «Спартаку» также, как правило, доставалось именно от меня, как, например, в 1971-м в Тбилиси в легендарном матче-переигровке за первое место в чемпионате Союза. Но в этом не было моего персонального предубеждения против ленинградцев. Вполне естественно, что я выходил играть против любого соперника с настроем только на победу, и так уж к тому времени сложилось, что в тяжелых играх в самые ответственные моменты инициатива переходила ко мне.

Признаюсь честно — вплоть до завершения мюнхенской Олимпиады я не мог преодолеть в себе некоторого предубеждения против Кондрашина. Многое из того, что он делал и как себя вел, мне было просто непонятно. Особенно резали взгляд его нелюдимость, угрюмость, погруженность в себя. Порой интровертность Петровича приобретала и вовсе странные формы. Например, он мог промолчать весь минутный перерыв в игре! Никто никогда не знал элементарной информации

организационного плана — когда тренировка, в котором часу автобус и т. д. Все ходили и спрашивали друг у друга — к Кондрашину лишний раз подходить не хотели.

Хуже всего была оторванность тренера от команды. В отношениях с игроками Кондрашин был независим и осуществлял единую выбранную им линию поведения, известную ему одному. Этим он отличался от Гомельского — человека-трансформера, с разными игроками разговаривавшего по-разному. Если Александр Яковлевич обеспечивал свое влияние через постоянный контакт с игроками, то в лице Петровича была иная крайность: он никогда не общался со своими подопечными — не собирал собраний, не вел индивидуальных бесед. Особенно тяжело было, когда он был недоволен командой — в таких случаях его реакцией были еще большее погружение в себя, полнейшая замкнутость. И это, поверьте, было гораздо хуже разносов Гомельского.

Отношения Кондрашина с игроками сборной сглаживал только его помощник Сергей Григорьевич Башкин, у которого с ребятами установился неплохой контакт.

Силой Кондрашина как тренера и новаторством в масштабах СССР было то, что он хорошо изучил американский баскетбол (в основном студенческий) и понял, как использовать слабости противника. Воспринятую концепцию игры он транслировал на отечественную почву. В своем «Спартаке» Кондрашин построил игру от защиты (что, впрочем, во многом было обусловлено его возможностями). Именно с того времени возвышения «Спартака» в советском баскетболе регулярно стали появляться итоговые счета 60:59 или что-то в этом роде. Тактика сдерживания соперника, удержания счета во многом характерна как раз для американского студенческого баскетбола с его тогдашним безлимитным владением мячом.

Гомельский в такие дебри не влезал. И, как следствие, у него редко получалось хорошо играть против американцев. Мне кажется, победа в Мюнхене стала своеобразным воздаянием ленинградскому тренеру за тот настойчивый интерес, который Кондрашин — один из очень немногих в СССР! — проявлял к американскому баскетболу, за въедливость, с которой он изучал доступные материалы об NCAA, за смелость и упорство, с которыми он переносил изученное им на отечественную почву. И своеобразная историческая справедливость была в том, что он обыграл в финале Олимпиады именно США.

Накануне Мюнхена Кондрашину удалось создать очень хорошую атмосферу в команде — атмосферу свободы и взаимного доверия. Было впечатление, что он действительно искренне

доверял игрокам, по крайней мере — хотел доверять. Когда «отпускать гайки» пытался Гомельский, у него это получалось хуже. Царившее в команде напряжение сказывалось даже тогда, когда он создавал «непринужденную» обстановку. Я уже рассказывал о том, как попытка «разгрузить» команду в ходе чемпионата мира 1970 года в Любляне вылилась в тривиальную пьянку. Если он «официально» разрешал игрокам выпить по бутылке пива — опять-таки все оканчивалось пьянкой («а что, нам разрешили!»). Думаю, так происходило оттого, что Гомельскому до конца не верили, его открытость по отношению к игрокам никогда не выглядела искренней.

Не хочу чернить великого тренера, но сам Гомельский все-таки не доверял команде и в ответ получал адекватное отношение. Однажды в Италии в перерыве игры на Кубок европейских чемпионов, которую мы проигрывали, кто-то из ребят, чтобы немного отвлечься от тяжелого матча, спросил другого: «Ты икру продал?» Гомельскому, входившему в этот момент в раздевалку, послышалось свое. «Игру?!? Вы что, игру продали?!?...» При этом, как мне показалось, особо горький подтекст в этом вопле был: «Как? Без меня?!?...»

В этом был весь Александр Яковлевич. Если он видел разговаривающими двух игроков, это, в его представлении, могло означать только одно — «собираются выпить». Трех — «договариваются, как снять тренера».

Справедливость ради нужно сказать, что Кондрашин далеко не всегда сохранял верность либерализму и порой закручивал гайки очень жестко. Например, в 74-м и 76-м, когда сборная света белого не видела, не вылезая со стадиона и из спортзала под бдительным контролем тренера и его ассистентов. Причем, если провести нехитрый анализ, можно заметить, что такие периоды следовали непосредственно после проваленных сборной турниров. Наоборот, после удачных выступлений — в 72-м и 75-м — начиналась «вольница». В 1975 году либеральная обстановка в сборной и вовсе выразилась в достаточно частых возлияниях. Правда, игра при этом шла, и очень хорошо. Только нечестное судейство помешало нам тогда выиграть чемпионат Европы.

Хуже другое — то, что либерализм и авторитаризм чередовались без особой системы, спорадически. Выиграла команда — отпустим гайки, проиграла — закрутим. Так, конечно, быть не должно. К сожалению, ни у Кондрашина, ни у Гомельского не было в распоряжении профессиональных научных бригад, которые помогали бы им строить подготовку более системно, а не на одной лишь тренерской интуиции. То, что имелось и носило гордое имя «комплексная научная группа»

(КНГ), не выполняло этой важнейшей задачи. Работавшие в таких группах люди были более озабочены, по моим впечатлениям, написанием диссертаций.

Петрович действительно был крестьянином, простаком, хотя и со своей мужицкой хитрецой и безусловно высочайшим интеллектом. Он привык полагаться только на себя, привык к очень простым условиям работы и быта. Самой страшной его угрозой нерадивому игроку было: «сгниешь в вонючей коммуналке.»

Ругался Петрович вообще очень однотипно и неизобретательно (матом — никогда, в отличие от Гомельского, который временами мог).

Практически единственным его эпитетом в адрес неудачно сыгравшего баскетболиста было слово «баран». В силу природной деликатности в сборной Петрович сдерживался в отношении «чужих» игроков (в отношении меня и Паулаускаса этот термин им вообще никогда не употреблялся).

Зато Сашка Белов, который был на 200 процентов «его», награждался таким наименованием по двадцать раз на дню. Собственно, первое, что он услышал от Петровича по окончании олимпийского финала в Мюнхене после своего «золотого» броска, принесшего нашей команде триумф, были не слова благодарности и восторга, а: «Баран, ты чего там натворил?.. » (имелся в виду злосчастный Сашкин пас Коллинзу). Ну, а любимым и дежурным «бараном» у Кондрашина всегда был Ваня Едешко.

Безусловно, Владимир Петрович является главным организатором нашей победы в Мюнхене. Он сумел собрать боеспособный состав, сохранив тот фундамент, который закладывался на протяжении многих лет в период руководства Гомельского. Он дополнил прежний состав привлеченными им талантливыми новичками. Наконец, он придал особый колорит игровой манере команды, максимально эффективно используя знание и понимание американского баскетбола, которым он располагал. И он сумел подвести команду к решающим играм в отличной форме.

В то же время и идеализировать образ Кондрашина, его роль в мюнхенском триумфе я бы не стал. Прежде всего, состав сформированной для поездки на Олимпиаду команды оказался слишком неровным — Вольнов, Дворный, Поливода и Коваленко по разным причинам оказались не в оптимальном состоянии и всерьез команде не помогли.

В финале Мюнхена Кондрашин удивил всех, выставив в старте легкий состав. Это было неожиданным тактическим

решением, которого никто не ожидал, похоже, включая соперника. Начало матча, благодаря этому, тренеру удалось, и мы заполучили лидерство в достаточные 6 очков. Однако этой тренерской находкой Кондрат полностью убил Паулаускаса, для которого невыход в старте стал шоком. Выйдя на замену, Модя не использовал и наполовину свой мощный потенциал. Вот и суди теперь, что было более предпочтительно?..

Меня в финальном матче Петрович задергал заменами. Возможно, так он рассчитывал сохранить физические силы лидеров или дезориентировать соперника. В принципе, это вообще был его стиль, также перенесенный из американского студенческого баскетбола. Он охотно манипулировал заменами, часто менял игроков, нередко выпускал их на 10, на 5 секунд. Скажу честно, я был готов к финалу великолепно, был готов сыграть 40 минут и набрать 40 очков. Восстановиться по ходу игры — в паузах, тайм-аутах — я бы сумел, классному игроку это всегда по силам. И игра у меня, действительно, пошла. Замены в серьезной степени нервировали меня и сбивали с набранного игрового хода.

Наконец, роль тренерского гения Петровича в обросшие легендами последние три секунды матча привыкли несколько преувеличивать. Конечно, его заслугой было то, что он все-таки добился остановки игрового времени и заполучил свой злосчастный тайм-аут. Конечно, он сделал то, что мог, чтобы успокоить команду своими знаменитыми: «У нас еще вагон времени. Можно выиграть и снова проиграть». Но, боюсь, это было либо невероятной интуицией (чего я не исключаю), либо хорошей миной при плохой игре. Проиграть матч такого уровня на последних секундах, после того как ты лидировал на всем его протяжении, — это шок, который перенесет не всякий.

По крайней мере, то, что творилось на площадке в последние три секунды, трудно было назвать чем-то стройно организованным за счет железной тренерской воли и блестящего тренерского гения. Первые два ввода мяча в игру были совершенно идиотскими и бездарными. Последний — решающий — абсолютно спонтанным. Вся команда несколько секунд со скамейки орала: «Ваня, посмотри Сашку!..» — пока Едешко не узрел Белова у чужого кольца и не совершил свой знаменитый заброс.

То, что ранее Кондрашин тщательно отрабатывал с нами именно такой вариант концовки, — красивая легенда. Сам Ваня, когда его спрашивали, сколько раз из 10 попыток он смог бы повторить свой невероятный пас, честно отвечал: «Ни одного». Действительно, я думаю, на площадке в ходе всей той игры, а в

особенности в ее последние секунды происходило что-то по-настоящему невероятное, мистическое, не поддающееся человеческому осмыслению. В этом-то и состоит ее главная ценность, что эта иррациональность сработала в конечном итоге в наших интересах.

После победы в Мюнхене стена недопонимания между главным тренером и мной окончательно упала. За прошедшее время, и особенно в ходе самой Олимпиады, я доказал Петровичу, что я нормальный человек, да и сам лучше стал понимать тренера. Во всяком случае, наши отношения во время олимпийского цикла перед Монреалем были близки к идеальным.

После бронзы в Монреале Кондрашина не собирались снимать. Его вызвали к председателю Спорткомитета Павлову просто для отчета. Ну, возможно, устроили бы головомойку, не без этого, но от сборной бы не отстранили. Петрович сам упустил ситуацию — сыграл свою роль его характер, когда он просто взял и уехал в Ленинград, не пошел к Павлову. В этот момент ситуацией грамотно воспользовался Александр Яковлевич Гомельский — и вернул себе пост главного тренера. Вообще, думаю, Кондрашину здорово навредило его сплотившееся по национальному признаку окружение, которое люто ненавидело Гомельского и делало все, чтобы обострить их отношения. В этой провоцируемой схватке Петрович со своим прямым мужицким характером чаще проигрывал, чем побеждал. Проиграл и в тот, решающий раз.

Владимир Петрович Кондрашин был непростым в общении человеком, со своими недостатками. У него могли быть и ревностные сторонники, и яростные критики. Я не относился ни к тем, ни к другим. Я и общался-то с главным тренером более чем сдержанно, по мере необходимости, а после его ухода из сборной просто продолжил работать с Гомельским.

Впрочем, когда игроки за глаза критиковали Петровича за его угрюмость, нелюдимость, порой резкость в общении, я всегда вставал на его сторону. Возможно, я лучше мог понять и принять характер Кондрашина, потому что сам по природе интроверт, но в целом я стремился быть объективным. Я говорил примерно следующее: во-первых, что вы лезете в душу человеку и даете ему оценки, не зная его жизни, его комплексов? А ведь эти «комплексы» — и пережитая блокада, и сын-колясочник, и необходимость приспосабливать свой прямой характер к власть предержащим.

А во-вторых, только через определенное время после начала работы с Петровичем мы — не ленинградцы — сумели рассмотреть, какая у него потрясающая улыбка. Ее можно было

видеть не так часто, только когда Кондрашин расслаблялся, был самим собой. Но эти моменты говорили о многом, гораздо больше, чем слова. Это была улыбка открытого, честного и цельного человека. И эти нечастые моменты я тоже напоминал ребятам.

Я всегда испытывал и буду испытывать глубокое уважение к этому хмурому, нелюдимому человеку, который долгие годы настойчиво, честно, очень достойно делал дело, которому посвятил свою жизнь. Практически до самой смерти он продолжал открывать новые баскетбольные таланты и способствовать их становлению. Последние из открытых Петровичем ребят еще продолжают ярко выступать на мировых аренах.

Но вернемся к вопросу о методах. На примере Гомельского и Кондрашина есть возможность всерьез и глубоко задуматься: чему же следует отдавать предпочтение — «тактическому профессионализму», в котором так силен был Александр Яковлевич, или «системному», приверженцем которого был Кондрашин? Ответить на этот вопрос не так уж просто. Ведь, несмотря на то, что образ ленинградца может показаться более симпатичным, да и его подход к баскетболу мне, как я уже сказал, ближе, но результативнее и успешнее был Гомельский! Он дольше продержался на вершине, одержал больше великих побед, открыл миру больше великих игроков. Самое красивое в игре — это счет, не так ли?..

Боюсь, что и я не отвечу на этот вопрос, который, как я уже замечал раньше, может быть поставлен и в более глобальном контексте. Скорее всего, окончательный ответ на него и вправду может быть получен только в отдаленной перспективе. А пока его нет, уверен, что системность в подходах ко всему, что важно и значимо в жизни общества, включая спорт, обязательно должна иметь приоритет. Что касается политики и тактики, то без них не обойтись. Но они никогда не должны переходить определенной грани, за которой начинаются нечестность, непорядочность, недопустимые методы. И вот эту грань каждый для себя определяет сам.

Воздадим должное обоим великим тренерам, героям нашего баскетбола. Их имена навеки вписаны в историю отечественного спорта. Да, кому-то может показаться, что Кондрашин проиграл, что его путь окончился трагически. Но не стоит забывать и о том, что именно ему было суждено подарить своей стране самую великую и самую долгожданную победу в ее баскетбольной истории.

Глава 12
ЗОЛОТАЯ ДЮЖИНА

Накануне главного старта

В начале 70-х, по окончании последнего предолимпийского сезона, в главной команде страны сложился мощный коллектив игроков, способный решать самые сложные задачи. В ней были яркие таланты и крепкие работяги, опытные мастера и амбициозная, ничего не боящаяся молодежь. Мы были сильны на всех игровых позициях, костяк команды был прекрасно сыгран, пас друг другу мы могли давать с закрытыми глазами. Мы обладали бойцовским характером, многое повидав в баскетболе. У нас был новый талантливый тренер с хорошим видением игры, сумевший за короткий срок создать рабочую, творческую обстановку в коллективе. И мы стали всерьез задумываться о том, что нам по силам одержать наконец-то самую главную победу в мировом баскетболе. Начинался сезон, кульминацией которого должен был стать олимпийский Мюнхен.

Решить эту задачу могла только суперкоманда, в которой каждый должен был быть яркой личностью, полностью подчиненной интересам общего дела.

В 1972-м наша сборная была очень разношерстной командой с точки зрения индивидуальности игроков, их жизненных установок. В то же время в команде было ядро, внутри которого люди идеально понимали друг друга. Важнейшей составляющей команды в игровом виде спорта является ее сыгранность. Именно на ней во многом базировался успех советских сборных в хоккее, когда игроки тихоновского ЦСКА годами играли вместе. По образному выражению Владислава Третьяка, не было ничего удивительного в том, что игроки были способны давать друг другу пас с закрытыми глазами — после ежегодных 9 месяцев на сборах у них только что дети друг от друга не рождались.

Нашими преимуществами по сравнению с американцами, у которых играли в основном баскетболисты 20-23 лет, были более зрелый возраст (из наших совсем молодым был только Сашка Белов) и соответственно более высокая психологическая устойчивость.

Многие игроки нашей сборной на протяжении нескольких сезонов играли вместе и хорошо знали друг друга. Долгое время

первая пятерка ЦСКА была одновременно первой пятеркой сборной. С приходом Кондрашина коллектив национальной команды несколько разбавился «свежей кровью» в лице закрепившихся в составе М. Коркия и А. Белова, никому не известного новичка Вани Едешко. Однако распада команды на несыгранные фрагменты не произошло. Основное ядро, вобрав в себя новичков, сохранило качество монолита. В этом тоже было наше преимущество.

В нашем коллективе сложились хорошие, рабочие отношения. В нем никто не тянул одеяло на себя, но при этом каждый хорошо представлял себе собственные возможности и возможности партнера. При необходимости практически каждый мог в определенный момент игры исполнить собственную партию, а в нужный момент — дать сыграть партнеру. Это как у Ремарка в его страшной и пронзительной книге «На западном фронте без перемен»: если известно, что кто-то швыряет гранаты дальше всех, то другие и не оспаривают его преимущества, потому что это вопрос жизни и смерти всего взвода. Когда тебя придавят в концовке, уже нет времени выяснять, кто лучше — в такие моменты дорога каждая секунда. И эти секунды — время лидеров.

Вольнов

Самым опытным и титулованным игроком мюнхенского состава был Геннадий Вольнов — легенда советского баскетбола. Он, кстати, один из очень немногих баскетболистов, с которыми меня связывали не только профессиональные, но и товарищеские отношения. К моменту моего появления в большом советском баскетболе он был четырехкратным чемпионом Европы, двукратным серебряным призером Олимпийских игр. Казалось, в игре он умеет все. Во многом он открыл новую страницу в отечественном баскетболе. Он стал первым двухметровым игроком, который предпочел не играть в тупую под кольцом, толкаясь задницей, а действовать разносторонне — примерно так, как сейчас играют легкие форварды. В его арсенале были и хорошее ведение, и приличный бросок со средней дистанции; практически одним из первых в СССР он стал забивать в игре сверху.

Моему самолюбию льстило общение с Вольновым, то, что он выделял меня и в сборной, и в ЦСКА, что предложение о переходе

в армейский клуб поступило мне именно от него. Даже первая квартира в ЦСКА досталась мне после Вольнова, когда он улучшал свои жилищные условия. При этом я, во-первых, никогда не лебезил перед заслуженным ветераном, а, во-вторых, стремился перенять от него все лучшее, что он умел, — это и было главным в наших взаимоотношениях.

Вольнов вносил в свою игру значительный элемент творчества. При этом он мог себе позволить и «отдушины». Например, забив в феерическом матче тридцатник Бразилии, затем мог сыграть на ноль с США. Что меня в нем не устраивало, так это некоторый апломб по отношению к окружающим — тренерам, партнерам. «Я такой, какой есть, меняться не собираюсь. Нужен — берите в состав, не нужен — я не навязываюсь», — такова была его жизненная позиция.

Этого я не понимал: как это, «не собираюсь меняться»? Ты можешь не меняться в главном, в своих жизненных принципах, если ты их правильно для себя определил. Но в игре, в тренировочном процессе, в тактике ты обязан постоянно развиваться, стремиться к максимальной конкурентоспособности. Особенно это актуально, когда твои кондиции после 30 объективно ухудшаются. «Геша, пойдем, покачаемся» — нет, «я такой, какой есть» Эта негибкость на каком-то этапе подвела Геннадия, ускорив окончание его блестящей карьеры.

Отношение к ветеранам в СССР было часто откровенно бесчеловечным. Показательна такая история. В 1969-м накануне чемпионата Европы проводился международный турнир, во время подготовки к которому Вольнов подвернул ногу. Видимо, уже замысливший скорое расставание Александр Яковлевич стал сомневаться: брать или не брать его в состав? На вопрос о моем мнении (уже тогда «главный» нередко считал возможным о нем осведомляться) он получил твердый контрвопрос: «А кому еще играть-то?»

Вскоре как-то вечером Вольнов вернулся в номер со злым лицом и стал швырять вещи в сумку, играя желваками: «Все, б..., ухожу.» Оказалось, чтобы решить вопрос о месте в составе, тренеры устроили ветерану, с которым они пуд соли съели и прошли вместе Бог знает какие передряги, жесточайший полуторачасовой тест на бетонном покрытии. Это с травмированной-то ногой. Больших трудов мне стоило тогда уговорить Геннадия не принимать скоропалительного и эмоционального решения. На том международном турнире он был лучшим в составе сборной.

Отодвинули от сборной Вольнова перед чемпионатом мира 1970 года. Накануне последней игры международного турнира в

Таллинне, незадолго до чемпионата, история годичной давности повторилась — Геннадий пришел в номер расстроенный: «Все, меня отцепляют». Основным претендентом на его место в составе тогда считался молодой Михаил Коркия, ездивший со сборной на тренировочные сборы и турниры. Через некоторое время я увидел. их обоих, как они сидят и пьют в ресторане на первом этаже гостиницы. Бросать старшего товарища в таком состоянии я не захотел, и, хотя и не был особым любителей возлияний, тем более в течение сезона, всю ту ночь прокеросинил в номере вместе с Геннадием и присоединившимся к нам Яаком Липсо.

Развязка наступила на следующее же утро. При погрузке в автобус Гомельский, уже как-то осведомленный о нашем загуле (никто нас в состоянии опьянения не видел, наши утренние остаточные явления в глаза в ту пору еще не бросались), устроил безобразный разбор полетов, орал и на Вольнова, и особенно на меня («он решил, что он незаменимый, знает, что я его не отчислю.»).

Кончилось все тем, что Гена, чтобы как-то скрасить свой уход, на ближайшей тренировке «подвернул ногу» и, по официальной версии, из-за травмы покинул расположение сборной, а его место в составе занял. Липсо. Неправым себя в той ситуации я не считаю, хотя формально и нарушил спортивный режим. Просто я не хотел бросать товарища в тяжелой жизненной ситуации и, как умел, по-мужски поддержал его.

Вслед за утратой места в сборной последовало и скорое отчисление из основного состава ЦСКА. Сезон 1971/72 года Вольнов, не увольняясь из армии, отыграл за московское «Динамо», а перед мюнхенской Олимпиадой, после двухлетней отлучки от сборной, был включен в состав Кондрашиным. Думаю, какую-то роль здесь сыграло противостояние Петровича с Гомельским, и это решение новый тренер принял в пику прежнему.

Так или иначе, Геннадий поехал на свою четвертую Олимпиаду и поверх двух серебряных и одного бронзового комплектов положил в свой банк золото. На площадку в Мюнхене он выходил нечасто, принес команде определенную пользу, хотя и оценить его вклад как определяющий вряд ли можно. Говорить штампованными фразами «своим опытом воодушевлял и цементировал команду» тоже не стану, но считаю, что олимпийская победа была заслуженным и достойным завершением карьеры этого великого баскетболиста.

В ЦСКА он заканчивал на административных и кафедральных должностях. До последних дней своей жизни он посещал игры родной команды в армейском дворце спорта, долго

выступал за различные ветеранские команды. В 2008-м Геннадия не стало.

Паулаускас

Второй человек, которого с определенными оговорками можно назвать моим другом, — Модестас Паулаускас, Модя. Если у других великих игроков значительная часть успеха обеспечивалась их ярким талантом, то основное определение этого человека — крестьянин, пахарь. Он создал себя собственными руками, рано выстрелил и с 1965-го по 1970-й буквально волок на себе сборную СССР, будучи ее основным лидером и вожаком. Это стоило ему беспрестанного, «на зубах» труда. Опять-таки в отличие от некоторых других лидеров, которые порой давали себе передышку, Модя нещадно палил себя в каждой игре, на каждой тренировке.

Для окружающих взаимоотношения у нас были достаточно своеобразные. Мы очень мало разговаривали. Порой мы вообще никак внешне не выражали, что хотя бы замечаем присутствие другого. Никогда не лезли друг к другу в душу и во внутренний мир. При этом каждый безупречно понимал товарища с полуслова и полувзгляда. Главным в этих отношениях была игра, в которой мы всегда были готовы поддержать друг друга. Я привык рассчитывать в сложнейших матчах на этого литовца, быть уверенным, что в какой-то момент он готов взять инициативу в свои железные руки, наберет важные очки, даст перевести дух. Очень во многих важнейших играх мы попеременно вели игру, прекрасно взаимодействуя на площадке.

Мы никогда не выясняли отношений. Моя замкнутость и прибалтийский менталитет Модестаса в данном случае прекрасно сочетались. Конфликты между нами можно пересчитать по пальцам. Первый приключился, когда на моей первой тренировке в сборной Паулаускас умышленно бросил мяч мне в лицо. Позднее я узнал, что это его привычная манера обращения с новичками. Другой случай также показателен.

На чемпионате мира 1970-го в Любляне дела у нашей сборной шли неважно. После поражения от США в решающем матче мы окончательно утратили шансы на победу в турнире. В этой игре Модестас неудачно пробивал штрафные — в частности, на последних минутах не забил четыре или три из четырех, точно не помню. В какой-то степени можно было сказать, что мы

проиграли из-за него.

По возвращении в номер Паулаускас был мрачнее тучи. Тут появился Стяпас Бутаутас, известный литовский баскетбольный специалист (это он несколько лет отработал на Кубе, фактически вытащив команду Острова свободы на уровень олимпийского пьедестала). На жуткой смеси литовских слов и русского мата он стал ругать Паулаускаса, укоряя его за смазанные штрафные.

Выслушав эту тираду, Модя сорвался — бросив свирепый взгляд на меня, он крикнул: «Да, да, зато вот некоторые не мажут!» У меня к тому моменту в играх на чемпионате мира результат исполнения штрафных был 32 из 32. Не знаю, почему это разозлило Модестаса, скорее всего, просто был расстроен человек.

Тем не менее меня это задело. Но дал понять я это Моде весьма своеобразным способом. На первых минутах следующего матча с Югославией, от результата которого зависело, сумеем ли мы взять хотя бы бронзу, я встал на линию пробивать штрафные. И, глядя Паулаускасу прямо в глаза, умышленно бросил мимо кольца. Второй бросок, разумеется, забил, на результат матча мой демарш не повлиял, но Модя все понял без слов и скандалов. Больше мы эту тему никогда не обсуждали.

Были у Модестаса черты, которые мне были неприятны. Например, мне всегда претила его манера обращения с «молодыми» — злая, грубая, некрасивая. Кроме того, он не самым лучшим образом реагировал на свою всенародную славу на Родине. В Литве его буквально носили на руках, а демонстрация всеобщему любимцу обожания через стакан у литовцев также весьма в почете. Отказывать почитателям в совместных застольях у Моди получилось плохо. Из-за этого он достаточно рано закончил играть.

В мюнхенском финале Модестас нам не помог. Не то, чтобы совсем не помог, но сыграл явно не в меру своих возможностей. Причин этому могло быть несколько. Перед Олимпиадой он только-только восстановился после тяжелой травмы — рвал ахилл. 193 см Паулаускаса против двухметровых и мощных третьих номеров американцев были, конечно, недостаточными. Но главную роль, думаю, сыграло тактическое построение Кондрашина, избранное им для финала, — легкий состав, в котором Моде не нашлось места.

Уверен, что непопадание в старт в олимпийском финале, к которому литовец шел на протяжении многих лет упорного труда, было для него, при его амбициозном характере, настоящей трагедией. Когда обсуждались возможные перспективы переигровки финала, был, я знаю, единственный человек,

который этого хотел, — Модя. Своим вкладом в олимпийское золото он не мог быть удовлетворен. Он никому не говорил об этом, но мне не обязательно было это слышать. Я его знал как облупленного.

Победа в Мюнхене стала, по сути, «лебединой песней» Паулаускаса. Он еще играл за «Жальгирис» где-то до 76-го, но в сборную уже не привлекался. Всенародные проводы благодарная Литва устраивала Модестасу раза три, всякий раз, естественно, с обильными застольями. Впоследствии ему довелось пройти через алкоголизм, распад первой семьи. Слава Богу, мой друг сумел выкарабкаться, нашел себя во втором браке и в работе.

Коваленко

Сергей Коваленко (215 см) начинал играть в тбилисском ГПИ, в 1969-м перешел в киевский «Строитель». Впоследствии, в 1976-м оказался в ЦСКА благодаря приверженности Гомельского к «большим», без которых Яковлевич, поработав в рижском СКА с Круминьшем, обходиться принципиально не мог.

У него был неплохой «крюк» и неплохой средний бросок, но в целом ему были свойственны традиционные проблемы «больших» — умение играть только на «подхвате», определенная медлительность. Атлетизмом, достаточным для эффективного силового противостояния с американцами в борьбе под щитом, он тоже не обладал.

Увы, впоследствии Сергей оказался в ряду безвременно ушедших больших спортсменов. В послеперестроечные времена он занимался каким-то бизнесом, а в 2004-м его не стало.

Поливода

Еще одним представителем киевского «Строителя» и запасным центровым был в Мюнхене Толя Поливода. Его история тоже по-своему уникальна. Став чемпионом Европы среди юношей, он уже в 20 лет был включен во взрослую сборную СССР и сразу отправился в ее составе на чемпионат мира. И сразу стал чемпионом, причем, являясь основным центровым сборной, проводя на площадке по 40 минут за игру. Более того, по итогам

турнира он был признан лучшим центровым чемпионата!

Как и Сашка Белов, при росте 201 см он играл на позиции пятого номера. Обладая телосложением «конькобежного» склада — с огромными мощными бедрами, не умея толком ни вести мяч, ни бросать, он при этом бежал, как слон, великолепно продавливал под щитом и обладал хорошим прыжком с двух ног (который я всегда ценил выше, чем прыжок с разбега). На площадке он просто расшвыривал соперников, действовал с такой мощью, что они отлетали в разные стороны. В игре «Строителя» с ЦСКА он однажды заколотил нам мяч сверху буквально вместе с Вовкой Андреевым, который пытался ему помешать. Нет нужды говорить, что в каждой игре Толя выкладывался не на 100, а на 200 процентов, теряя колоссальное количество нервной энергии и калорий.

В 1967-м после чемпионата мира он так же по 40 минут за матч отыграл за сборную Украины на Спартакиаде народов СССР, а затем в таком же режиме на осеннем чемпионате Европы. И только к финальному матчу этого турнира случилось «невероятное» — Толя сказал: «Ребята, я играть больше не могу»

Мало кто знает подлинную цену, какой Поливоде давался его успех. Дело в том, что с детства Толя был болен эпилепсией, и неимоверные нагрузки, перенесенные им в 19-20-летнем возрасте, скорее всего, дополнительно спровоцировали болезнь. После 1968-го он стал падать прямо на тренировках, мы научились помогать ему преодолевать приступы.

Из-за заболевания Толя боялся летать на самолетах, там, где позволяла логистика, перемещался только поездом. Во время перелетов, которых не удавалось избежать (например, за океан), парень все время в воздухе проводил стоя! В Мексику он добирался на перекладных, летел почти сутки. В Мюнхен отправился заблаговременно на поезде.

Постепенно болезнь стала идти на спад, и Поливода дотерпел до 1972 года. Конечно, включенный в состав олимпийской сборной, он был уже не тот, что 5 лет назад. На площадку он выходил в основном во второстепенных матчах, но все равно помог команде, как сумел. Сейчас, насколько мне известно, Анатолий достаточно спокойно, хотя и не без бытовых неурядиц, живет в родной Украине.

Болошев

Одним из тех, кто в Мюнхене активно помогал лидерам и эффективно отрабатывал свое игровое время, был Александр Болошев. Типичный четвертый номер при росте 205 см, не слишком физически одаренный и прыгучий, но с хорошей школой, хорошим броском, хорошей головой.

Родившись в Подмосковье, Болошев начал всерьез играть в баскетбол в волгоградском «Динамо», откуда затем вместе с группой игроков перебазировался в «Динамо» московское. Заводилой в той группе был некий Толя Блик, у которого за счет ездившего «в загранку» отца был доступ к американским спортивным журналам. Так он стал идеологом «американской» модели игры московского «Динамо» — «бей-беги», пять секунд на атаку, «белые бьют, черные на подборе» и т. п. Самой главной задачей у этой команды было обыграть ЦСКА, и если это случалось, то становилось предметом многолетней гордости.

Тем не менее Балаш был одним из самых разумных и толковых игроков среди «больших». В Мюнхене он сыграл очень полезно, по ходу группового турнира часто выходил в старте. И в финале с американцами его выход на площадку и набранные трудовые 4 очка были очень своевременными, поддержали команду и позволили ей перевести дух.

Будучи одним из не очень многих хорошо самоорганизованных и думающих спортсменов, Александр прошел вполне достойную карьеру игрока, а по ее завершении работал на тренерских и административных должностях в «Динамо» и «Химках». Когда эта книга готовилась в печать, на информационных лентах появилось печальное сообщение — 16 июля 2010 года Болошев скончался в Волгограде от инсульта.

Дворный

Иван Дворный родился и начал играть в баскетбол в Омске. Прошел по моим стопам через «Уралмаш», где и был присмотрен для ленинградского «Спартака» Кондрашиным. Селекцией Петрович занимался великолепно, особенно активно «прочесывая» Сибирь и вообще провинцию. Позднее последнее поколение больших советских игроков — Михайлов, Кисурин, Фетисов — также прошло через знаменитый кондрашинский спортинтернат.

При росте 210 см и чисто «гандбольной» фигуре, достаточно зажатый, без броска, Дворный был классическим пятым номером.

Его научили толкаться спиной под щитом и выполнять нехитрый «полукрюк», что позволяло ему выходить в «Спартаке» на замену Сашке Белову, который при всей своей феноменальной прыгучести, при росте 201 см был все-таки идеальным четвертым номером, а не центровым.

Примерно такую же роль Иван исполнил и в Мюнхене. В старте он вышел, если я не ошибаюсь, в двух играх — в первой игре группового турнира против Сенегала и в последней — с Югославией. В остальных случаях выходил на замену, давая отдыхать А. Белову. В финальной игре на площадке не появлялся.

Как я уже говорил, судьба его сложилась трагически, но виноват был в этом только он сам. Блестящий шанс, который дала ему судьба в виде встречи на жизненном пути с гениальным тренером и позиции 12-го игрока в команде олимпийских триумфаторов, он не использовал.

Жармухамедов

Начиная с победного чемпионата Европы 1967 года в Тампере и на долгие годы моим боевым товарищем по ЦСКА и сборной стал Алжан Жармухамедов, Жар. Родом из глухого — без преувеличений! — узбекского аула, парень заявил о себе на Спартакиаде народов СССР летом 1967-го. Попав в ЦСКА и сборную, поначалу поражал товарищей девственной неосведомленностью в вопросах личной гигиены. «Стоящие в углу» шерстяные носки — это его случай. Никто не хотел с ним жить в одном номере.

Впрочем, эти временные недостатки с лихвой компенсировались его великолепием на площадке. Высокий (206 см), сухой, жилистый, «туркестанский змей», как его называли, был невероятно вынослив. До 1973-го не помню случаев, чтобы он вообще когда-нибудь уставал. Его силой был плавный бег — без рывков и ускорений, но зато так он мог бежать сутками. Еще у него был прекрасный бросок с 4-5 метров, что для «большого» — нечасто встречающееся и неоценимое качество.

На площадке Жармухамедов занимал позицию четвертого или пятого номера. Когда он играл пятого, команда двигалась динамичнее, быстрее (в особенности мы это оценили, когда в 1973-1974-м основным центром в армейском клубе был Сергей Коваленко). В сборную Алжан прочно вошел сразу после первого появления в ней на европейском первенстве 1967-го. Быстро стал

заслуженным мастером спорта и так же быстро лишился этого звания после залета на таможне в 1969-м. Повторно получив ЗМС за Мюнхен, Жар снова залетел — и уже по-серьезному, с отчислением из сборной, в 1973-м. Лишь в третий раз присвоенное почетное звание осталось с ним навсегда.

Мало кто в курсе, что и у Жара был существенный физический изъян — достаточно сильная близорукость. Он временами носил очки, но с какими диоптриями, я не знал и не догадывался, насколько плохо он видит. Лишь в 1968-м как-то раз во время игры это стало мне понятно. Мы сидели рядом на скамейке запасных, и после очередного игрового эпизода у более далекого от нас кольца Алжан спросил меня, сильно щурясь: «Кто забил?» Сначала я решил, что он пропустил эпизод, но нет — он все наблюдал внимательно. «Так ты что, не видишь?» — спросил я. — «Нет» Только после этого до меня, наконец, дошло: как же он играет?

Контактные линзы появились в обиходе лишь позднее, и Жар успел в них поиграть. Могу только догадываться, насколько иначе раскрылся для него мир на баскетбольной площадке. Впрочем, с этим связаны и комичные моменты. Линзы были страшной ценностью, но при этом еще несовершенны, часто вылетали во время тренировок и, что еще интереснее, во время игр. В этих случаях следовал ставший привычным для чемпионата СССР ритуал — игра прерывалась, звучала команда: «Никому не двигаться», чтобы не затоптать утраченную линзу, после чего игроки обеих команд во главе с судьями, ползая на пузе, искали ее по всей площадке.

На Олимпиаде в Мюнхене Жармухамедов сыграл очень достойно, уверенно и полезно. Практически во всех играх он выходил в старте и здорово помогал Сашке Белову в борьбе за щит, а также эффективно атаковал кольцо соперников с излюбленной средней дистанции.

После 1973-го в игре Жара начался спад. Думаю, история с пистолетом надломила его. Несмотря на это, после отбытия дисквалификации он полезно играл на высоком уровне еще до 1979-го, став в этом году под занавес своей карьеры чемпионом Европы, а до этого добавив в свою копилку серебро европейского и мирового первенств и бронзу монреальской Олимпиады. В четвертый раз в состав олимпийской сборной он не попал и закончил играть.

В 1993-1994-м Алжан помогал мне в сборной России, выполняя в основном административные функции. Сейчас он живет в Москве, тренирует студенческую команду. По-прежнему находится в прекрасной физической форме, не добавив к былому

игровому весу ни килограмма.

Сакандeлидзе

Безусловно, одним из лидеров в сборной на протяжении ряда сезонов был Зураб Сакандeлидзе, Сако. Еще его называли «князь», причем не в насмешку, а с некоторым оттенком уважения и признания его своеобразного аристократизма. Зураб действительно обладал характером и манерами грузинского аристократа старой закваски — независимый (в этом мы с ним были похожи), с немалой долей апломба, самодостаточный. Было впечатление, что он, не сомневаясь, разделяет распространенное у грузин мнение об избранности их нации.

В команде Сако практически ни с кем не общался, а если общался, то «сквозь зубы». Поначалу эта заносчивость меня раздражала. Впрочем, как и всегда, профессионализм и главная цель — победа команды — брали верх над эмоциями, и на площадке у нас абсолютно не было проблем во взаимоотношениях. А позднее, в 1973-м, мы и вовсе чуть ли не стали с ним друзьями.

На попойке по окончании чемпионата Европы мы с ним впервые за много лет разговорились и, так получилось, без лишних слов, по-мужски, выяснили, что относимся друг к другу с глубоким уважением. Сако сказал, что всегда ценил мой твердый характер, немногословие, надежность, игровые достоинства. Примерно тем же ответил ему и я.

Так, незадолго до завершения спортивной карьеры Сакандeлидзе я узнал, что имел в лице этого заносчивого грузина чуть ли не самого надежного товарища из всех, с кем меня сводила спортивная судьба.

Сакандeлидзе играл на позиции 1-2-го номера, а в сборной был основным разыгрывающим. Его главным отличием и преимуществом была невероятная взрывная скорость. Техника ведения мяча, бросок также были у него на высоте. К 1972-му у него за плечами было уже семь сезонов выступлений за сборную СССР, что делало его одним из опытнейших игроков.

В финале в Мюнхене он практически не уходил с площадки и сыграл очень полезно, а опыт позволил ему за доли секунды исключительно правильно просчитать самую критическую, роковую ситуацию в концовке, когда Коллинз перехватил мяч после фактической потери Александра Белова и понесся к нашему

кольцу. Забей он с игры, у нас уже практически не было бы шансов отыграться. Фол Саканделидзе эти шансы для нас сохранил, и мы их использовали. Не случайно наряду с «золотым броском» А. Белова и «золотым пасом» И. Едешко иногда вспоминают и про «золотой фол» Саканделидзе.

У себя в тбилисском «Динамо» Сако был лидером еще в большей степени, в Грузии его просто обожали. Разумеется, по окончании карьеры игрока он был в соответствии с традицией национальных республик, в особенности Грузии, великолепно трудоустроен. «Воды Логидзе», кажется, или что-то в этом роде должны были обеспечить Зурабу беспечное существование до конца дней. Увы, человек предполагает, а Бог располагает. На Сако стали обрушиваться несчастье за несчастьем. Тяжелая болезнь, гибель сына, другие неурядицы рано свели в могилу этого самобытного мастера и достойного человека. Светлая ему память.

Коркия

На позиции легкого форварда в Мюнхене вместе с Паулаускасом играл еще один грузин — Михаил Коркия, Мишако. Об этом человеке лестных слов у меня поменьше, чем о его земляке Саканделидзе, хотя в олимпийском финале (Коркия в соответствии с тренерским видением Кондрашина неожиданно вышел в старте) сыграли просто здорово они оба.

Мишако был племянником легендарного Отара Михайловича Коркия, лучшего центрового в СССР в 1950-е. С Отаром Михайловичем я столкнулся в 1965-м, когда он тренировал молодежную сборную, а также возил экспериментальный состав сборной СССР в том же году в Китай. Помимо высочайшего профессионализма, он запомнился мне еще и совершенно невероятной способностью храпеть. Когда мы как- то раз жили в гостинице в «Лужниках», номера которой располагались прямо по окружности чаши стадиона, его храп был слышен с противоположной стороны чаши.

При таком родстве, да еще в Грузии, Мишако просто обязан был состояться как баскетболист, что он и сделал. В сборную Союза он начал привлекаться с конца 60-х, а закрепился в ней уже при Кондрашине. Возможно, этот процесс произошел быстрее по причине нуждаемости Петровича в новых кадрах.

Демонстрируя нередко яркую и самобытную игру, Коркия

целиком и полностью оставался человеком эпизода, очень вспыльчивым, импульсивным и малопредсказуемым. Его знаменитая драка в олимпийском финале с Дуайтом Джонсом — в полной мере в контексте сказанного, следствие его характера. Впрочем, состоявшийся в результате драки «размен фигур» (обоих удалили до конца игры) оказался в целом в нашу пользу. Во всяком случае, Петрович в ответ на сокрушение Мишако по поводу недоигранного финала произнес афористичную фразу: «Дурень, ты сыграл полезнее всех в защите и сделал лучшее, что мог, — выбил у них сильнейшего игрока».

В целом грузинская пара, неожиданно для многих вышедшая в старте на финальный матч мюнхенской Олимпиады, стала тренерской находкой Кондрашина. Не исключено, что именно взрывная, скоростная манера игры этого дуэта позволила советской команде пробить тромб эшелонированной американской защиты уже в начале игры и создать для себя комфортное преимущество.

Возвращаясь к Мише — его взрывной импульсивный характер, помогавший ему в игре, к сожалению, здорово навредил ему в жизни. Будучи непредсказуемым на площадке, Коркия был и самым безбашенным на таможне. Меры во ввозимых-вывозимых материальных ценностях он «не знал и не хотел». К сожалению, на определенном этапе спорт стал для этого талантливого игрока исключительно бизнесом.

Завершив карьеру, Михаил не устоял перед соблазнами, ожидавшими в родной республике ее гордость — олимпийского триумфатора, и, что еще хуже, не смог обуздать свой лихой характер. В отличие от Зураба Саканделидзе, закончившего свой путь хотя и не гладко, но, по крайней мере, достойно, Коркия связался с криминалитетом, отсидел срок, а потом и вовсе сгинул. Мне искренне жаль, что так рано и бездарно оборвалась столь ярко начавшаяся жизнь одного из моих боевых товарищей по мюнхенской победе.

Едешко

Одним из творцов нашего мюнхенского триумфа на последних секундах финального матча стал Иван Едешко. История появления этого игрока в сборной была загадочной. В отличие от всех нас, так или иначе «мелькавших» друг перед другом в различных юношеских, молодежных, профсоюзных и

прочих сборных, Едешко был неизвестен никому.

Все, что мы знали о нем — что он родом из Белоруссии и играл за минский РТИ — команду радиотехнического института, балансировавшую, как «Уралмаш», на стыке высшей и первой лиг. Его появление в национальной команде в 1970-м, после провального для нас чемпионата мира и прихода к руководству сборной Кондрашина, было расценено всеми как сюрприз от нового тренера. Возможно, Петрович присмотрел Ваню для своего «Спартака» и начал с привлечения его в сборную. Так или иначе, Едешко в полной мере стал кондрашинским джокером.

Достаточно быстро выяснилось, что тренерская интуиция, явно присущая Кондрашину, Петровича не подвела. Никому не известный Едешко оказался весьма современным, как бы сейчас сказали, «продвинутым» игроком. Начать с того, что 195 см для первого номера в то время было большой редкостью. Кроме роста, у него была значительная физическая сила, приобретенная, как говорили, в гандболе. Развивал он ее постоянно, любил силовые упражнения, занятия с гимнастическим мячом.

Несмотря на последствия тяжелейшего перелома руки, перенесенного в юности, Иван обладал очень сильным броском. Бросок у него в целом был поставлен неплохо, хотя и «со стояка», не в движении. У него также были хорошая скорость, хорошее видение площадки и — хороший пас. Ваня обладал редчайшим для баскетболистов качеством — он не просто умел, он любил пасовать. И, наоборот, не только любил, но и умел.

Раньше отечественная спортивная история знала в качестве главного распасовщика лишь Арменака Алачачяна. Располагая хорошими знакомствами в среде спортивных журналистов, он регулярно получал PR в виде комментариев: «Последовал гениальный пас Алачачяна, который, к сожалению, не прочитали партнеры по команде» На самом деле, гениальность большинства этих пасов по диагонали в аут была понятна только их автору. Но, что касается Едешко, пасовать он действительно умел. И любил. Он моделировал игровые ситуации под свой пас.

Осмотревшись в сборной, сопоставив условия в разных командах (об этих условиях, возможностях по переходу в ту или иную команду Иван расспрашивал и меня), новичок оказался не таким уж простаком, каким казался, и. в конце 70-го выбрал для продолжения карьеры ЦСКА. Впрочем, клеймо «кондрашинец» Гомельский сохранил за Ваней навеки. Только добродушие и бесконфликтность Едешко, его неспособность к каким-либо интригам и участию в оппозиционных группировках помогли ему остаться в армейском клубе и не стать главному тренеру настоящим врагом.

Кондрашина, который привел его в большой баскетбол из неизвестности, сделал из него мастера игры (позднее для Гомельского таким игроком станет Еремин), Иван все же отблагодарил, и по-царски. Этой благодарностью стал великий пас Сашке Белову, решивший судьбу эпического противостояния с США в финале мюнхенской Олимпиады. Мне кажется, есть некая высшая справедливость (во всяком случае, я в нее верю) в том, что судьбу фактически проигранного уже финала решили в нашу пользу два «кондрашинца» — Едешко и Белов. Этим пасом Ваня в одно мгновение создал себя для истории баскетбола.

Кондрашин и Едешко — два простых мужика, два честных работяги. Возможно, действительно, Бог в том финале показал всем, что гордым Он противится, а смиренным дает благодать. Иван и своим именем, и жизненной философией напоминал самого знаменитого героя русского фольклора. Более простодушного, беззлобного человека, чем он, я никогда не встречал. Простак в поведении, в восприятии жизни, он всегда был предметом всеобщих шуток и подтрунивания, которые переносил совершенно легко и без обид.

Порой эти шутки были довольно злыми, как, например, у Модестаса Паулаускаса. Как-то, играя в карты и проигрывая, раздраженный литовец стал «острить» насчет того, что усы у Едешко (он первым в сборной обзавелся ими еще в 1972-м) образовались в результате постоянного вытекания соплей в детстве. Самое удивительное, что Ваня, послушав это все с полчаса, в конце концов согласился с Модей: да, мол, так оно, скорее всего, и было.

Честно признаюсь, что со мной такие номера не прошли бы. Хотя я и не выглядел гренадером, но острить в отношении меня почему-то не решались. Да и прозвища в команде я не приобрел (хотя по-настоящему злых и обидных прозвищ у игроков практически не было — в основном производные от имен и фамилий).

Едешко очень простодушно и естественно реагировал на все, с чем знакомился впервые, в том числе в сборной и ЦСКА. Помню, во время

Всемирной универсиады в Турине в 1971-м в столовой предлагали маленькие бутылочки итальянского вина. Мы с Паулаускасом, как опытные сборники, хотя и не пили вино во время турнира, но активно копили эти «шкалики». После того, как мы дернули в финале американцев, мы с Модей широким жестом выставили ребятам в раздевалке накопленную батарею. Так вот то, что два знаменитых игрока сборной «накрыли поляну» для команды, вызвало у Вани неподдельное изумление.

Иван отыграл в ЦСКА до 1980 года. Несколько лет он отработал тренером черемховского «Шахтера» в Иркутской области. Сейчас живет в Москве, неплохо выглядит, остается, как прежде, добряком и — желанным гостем во всякой аудитории, собирающейся повспоминать о «золотом» матче в Мюнхене.

Хотел бы ошибаться, но, думаю, те три секунды славы в олимпийском финале 1972-го сыграли с Иваном злую шутку. Не то, чтобы он остановился в развитии, но притормозил — совершенно точно. Он словно остался на всю жизнь в плену у своего знаменитого паса, ставшего доминантой в его жизни, вновь и вновь возвращаясь к переоценке и к воспоминаниям (в основном, конечно, приятным) того эпизода. Вероятно, он по-своему счастлив в этой иллюзии, хотя мне это и не до конца понятно — победа победой, но жить интереснее не прошлым, а настоящим и будущим.

Команда мечты

Впрочем, эту победу еще предстояло сотворить. Подготовка к мюнхенской Олимпиаде началась у сборной СССР практически сразу по окончании чемпионата Европы в Эссене. В соответствии с действовавшими тогда правилами в олимпийском сезоне не проводился розыгрыш Кубка европейских чемпионов. Поэтому весь ноябрь был свободен для тренировочных сборов и игр.

Впрочем, весь внутренний сезон, как и всегда, был подчинен интересам сборной. Особенно теперь, когда во главе угла стоял важнейший старт четырехлетия — Олимпиада. Главная команда страны была обеспечена самыми лучшими условиями для подготовки, которые только были в ту пору возможны. Безусловно, решающим фактором, отличавшим ситуацию тех лет от нынешней, была возможность руководства сборной располагать нужными им игроками столько, сколько заблагорассудится тренерскому штабу. Как и раньше, мы готовились к главному турниру сезона примерно три с половиной месяца.

Национальный чемпионат 1971/72 года снова оказался противостоянием ЦСКА и ленинградского «Спартака», теперь тем более напряженным и интересным, что в стане ленинградцев были главный тренер сборной и один из ее ведущих игроков. Закончилось оно без сенсаций — победой ЦСКА, однако конкуренция и интрига в течение сезона, уверен, шли на пользу

всем «сборникам».

Однако были на этот раз и особенности. Главная из них состояла в том, что Кондрашину удалось создать в команде прекрасную атмосферу доверия и свободы.

На тренировочный сбор в Сухуми в мае 1972-го он разрешил игрокам поехать с семьями. Это было невероятным для того времени событием. Обстановка на сборе в результате оказалась одновременно и комфортной, и рабочей. Игроки, будучи матерыми профессионалами и прекрасно понимая значение подготовки к Играм, оценили доверие тренера и пахали на тренировках за троих. А возможность проводить свободное время вместе с близкими, в прекрасных условиях кавказских субтропиков, давала дополнительную физическую и эмоциональную разгрузку.

На том сборе мы сдружились с фехтовальщиками из олимпийской команды и регулярно выходили на общие прогулки на «пленэр» в горы. Жарили шашлыки, не пренебрегали и домашним вином, при этом никто не нажирался, все вовремя ложились спать и наутро были безупречно готовы к очередному тренировочному дню.

Во время предолимпийского сбора в Москве, в Серебряном Бору, произошло и вовсе неслыханное — Кондрашин разрешил сборникам-москвичам ночевать дома! И вновь — никто не опаздывал на тренировки, никто не пил, не «залетал», все были в прекрасном рабочем тонусе.

Прочувствовать состояние команды перед ответственным стартом — очень тонкий и важный момент. Соблюсти оптимальный баланс между «не догонять» команду и «загнать» ее — это исключительное умение и во многом интуиция тренера. Накануне Мюнхена этот баланс оказался выбранным абсолютно «в цвет».

Немаловажным мне кажется и то, что в 1972-м у сборников был пик «свежего» восприятия Кондрашина. Как я уже говорил, несмотря на специфику характера, настороженно воспринятую игроками, — «мрачный, нелюдимый, замкнутый человек, делающий свое дело, ни с кем не советуясь», — фактор нового руководителя сыграл свою позитивную роль. Парадоксальным образом под руководством этого мрачного человека команда стала раскрепощеннее, свободнее. Наверное, важную роль сыграло само по себе освобождение от многолетнего гнета мощной личности Гомельского.

Однако прилив энтузиазма, ощущение новизны, наступившие с приходом Петровича в сборную, не могли продолжаться бесконечно. Как я уже говорил, любой тренер так

или иначе ненавидим игроками. Виной этому их «генетический» конфликт, заложенный в самом подходе к тренировке и игре. Тем более это ощущается на фоне длительной совместной работы, когда ты узнаешь человека как облупленного, знаком со всеми его недостатками, постоянно ждешь от него очередных «заскоков».

Но в 72-м новая кондрашинская волна, на которой сборная лихо прокатилась в Турине и в Эссене, не просто сохранялась — она достигла своего апогея. Несмотря на сохранявшееся определенное отчуждение Петровича от лидеров прежнего состава сборной, в первую очередь от нас с Модей, несмотря на некоторые очевидные странности характера Кондрашина, его отношения с игроками в целом были очень хорошими. Игроки верили в себя и верили в главного тренера. Это было самым важным.

Настрой команды был очень боевой. Все игроки хорошо знали друг друга, знали, кто на что способен, и понимали, что общий потенциал команды — в сочетании ее сыгранности, индивидуального мастерства, психологической устойчивости и совместимости, опыта баскетболистов — очень высокий. Возможно, этому способствовали удачные для нас игры против американских университетов, с которых для нас начался международный сезон 1971/72 года. В них мы по-настоящему поняли, что команда набрала ход, почувствовала подлинный вкус к игре и способна решать самые серьезные задачи. К этому времени уже три сезона подряд сборная практически в одном составе выезжала на турне в Америку. И это, безусловно, пошло нам на пользу.

Первые для меня игры в США в конце 60-х запомнились полной подчас беспомощностью нашей команды. Удручало то, что многие наши «звезды», блиставшие в национальном чемпионате и в международных играх, выйдя против сильнейших американских студентов, были не в состоянии перевести мяч через среднюю линию!

Однако, как говорят, за одного битого двух небитых дают. К сезону 1972 года мы поднабрались опыта, закалились, почувствовали свою силу. В матчах в Цинциннати и Индианаполисе в ноябре 1971-го советская команда продемонстрировала уверенную, мощную, в хорошем смысле наглую игру. У сборной пропало ощущение страха перед американцами. Со мной персонально эта метаморфоза, как я уже говорил, произошла еще в 1969-м — после победных игр против «Реала», за который выступали американские профессионалы.

В итоге при подготовке к Мюнхену удачно сложились

несколько факторов, в частности неплохой подбор игроков, их сыгранность и опыт, амбиции, хорошее моральное состояние команды.

Очень важным было в целом сбалансированное состояние команды по игровым позициям. Взрывная скорость Сакандели-дзе и умная распасовка Едешко образовали удачный потенциал на позиции первого номера. Позиция атакующего защитника была закрыта номинально одним человеком, зато съевшим собаку в этом амплуа, — С. Беловым с его броском в прыжке. Третьими номерами были быстрый и агрессивный Коркия и — главное! — многолетний лидер команды, ее локомотив, железный и несгибаемый литовец, мой молчаливый друг Модестас Паулаускас. Да, легкий состав был у нас по-настоящему сильным.

Хороший подбор был на позиции четвертого номера. Алжан Жармухамедов был настоящим пахарем, выполнявшим огромный объем черновой работы. Это был незаменимый игрок, способный к тому же активно вмешаться в ход поединка удачными бросками со средней дистанции. Болошев прекрасно смотрелся в роли игрока, выходящего на замену. Наконец, Вольнов со своей кредитной историей также был способен усилить эту позицию.

Специфическая ситуация у нас сложилась только на позиции пятого номера. Вроде бы в лагере сборной был сильный подбор гренадеров — А. Белов, Поливода, Дворный, Коваленко, Андреев. Двое последних — за два десять! Однако на подлинно мощную, конкурентоспособную против американцев игру под щитами, особенно в защите, был способен только двухметровый Александр Белов. И ему явно нужно было подкрепление.

В шаге от триумфа…

Увы, именно на этой относительно проблемной позиции и произошел срыв. Буквально накануне отлета в Мюнхен мы потеряли Владимира Андреева. О фантастическом старте его карьеры я уже рассказывал. Еще в конце 1967-го он попадал в состав ЦСКА только за счет своих уникальных антропометрических данных. В 1968-м Владимир уже блестяще играл против американцев в товарищеском предолимпийском турнире в Москве, стал в составе команды бронзовым призером Олимпиады в Мехико. А в 1969-м в финале Кубка европейских чемпионов против легендарного «Реала» Владимир уже играл просто феерически, набрав 39 очков!

Рост результатов был прямым следствием развития его мастерства. Поначалу Андреев был классической «мухобойкой», т. е. использовался тренерами в основном под своим щитом, чтобы накрывать за счет роста броски соперника. Бросать он толком не мог. Однако к 1968 1969-му почувствовал бросок, причем настолько хорошо, что стал просто издеваться над своими опекунами на площадке. Бросал он с прямой руки, с разных позиций, в том числе — из угла площадки. Признаюсь, такой уникальной трансформации игрока из достаточно заурядного, ценного только своими габаритами, в прекрасного снайпера я не видел ни до, ни после.

Интеллектуальные качества Вовки были достаточно типичными. Мне запомнились две его самые заветные, по его собственным признаниям, мечты. Первая — найти на улице 200 долларов. Почему именно 200? Не знаю. Однако светлый образ 200 долларов преследовал его на протяжении многих лет. Вторая мечта — «чтобы можно было нагрузить полную телегу товаром, сколько хочу, без ограничений. И чтоб никакой таможни. Если нельзя будет ее загрузить в самолет — потащу пешком».

Да, каждый из нас был в своем роде уникумом, если вдуматься.

Андреев был мягковат, в борьбе под щитами ему не хватало взрывной мощи, агрессии, столь выгодно отличавших Сашку Белова. Не исключено, что в финальной битве с американцами он и не сыграл бы решающей роли, но по ходу турнира мог быть очень полезен, чем существенно сэкономил бы силы ленинградца. Да и в главном матче вполне был способен хотя бы на время вызвать огонь на себя.

Вовка уверенно выступал за сборную на протяжении нескольких сезонов, принес команде много пользы. Его присутствие в золотом олимпийском составе было бы вполне справедливым и воздало бы ему по заслугам. К сожалению, олимпийская мечта талантливого парня, к которой он шел столь тернистым путем, рухнула буквально в двух шагах от реализации.

Это произошло на последней тренировке последнего предолимпийского сбора в Друскининкае. На последних секундах (!) ничего не значившей тренировочной двусторонки на него внезапно и непонятно зачем напрыгнул Коркия, да так, что Володя повалился, скорчившись от боли. В этом игровом эпизоде Андреев уже был выключен, расслаблен, ждал свистка об окончании тренировки, который должен был прозвучать с секунды на секунду. Он не мог и не должен был предполагать, что какой-то сумасшедший, да еще партнер по сборной, вырубит его в этот момент.

Обследование выявило травму мениска. Не исключено, что при правильном лечении игрока еще можно было поставить на ноги, но. Дальше настало время для бенефиса прославленной Зои Сергеевны Мироновой из ЦИТО[28]. Она вырезала Андрееву не тот мениск, который было нужно, оставила в суставе какой-то посторонний предмет, занесла туда инфекцию, вызвавшую гангрену. В общем, совершенно на ровном месте, из-за идиотизма и безответственности нескольких людей парень не просто остался без триумфальной Олимпиады, где он мог стать одним из лучших в сборной СССР, а вообще без большого спорта, в котором только-только по-настоящему закрепился.

Впрочем, все могло закончиться еще хуже — парень вообще чуть не остался без ноги. Чудом выкарабкавшись, уже не подходя для ЦСКА, Андреев около года походил за рижский СКА, а потом перешел на какую-то административную должность в армейском спорте. Его карьера игрока была досрочно окончена. Так в команде появился Коваленко. Вовку было искренне жаль, но времени на сочувствие не было.

К тому же в составе сборной, и именно на позиции пятого номера, был еще один игрок, присутствие которого в команде обещало стать бесспорной удачей. Игрок, которому в драматичном олимпийском финале суждено было сыграть аж три кардинально разные роли. Надежного пахаря, весь матч успешно тащившего на себе игру в защите. Главного неудачника, запоровшего ключевую игровую ситуацию в концовке и тем создавшего команде колоссальные проблемы, едва не стоившие ей победы. И, наконец, ее спасителя, мистическим образом осуществившего победную мечту в совершенно безвыходном положении.

Об этом человеке я хочу рассказать особо.

Глава 13
САШКА

Об Александре Белове мне писать трудно. Не только потому, что о нем, как о невероятно неординарном человеке, не может существовать одного мнения. Мне не хочется рассказывать о нем по сформировавшемуся шаблону — «юный гений, Моцарт баскетбола, творец олимпийской победы, жертва бесчеловечной системы», хотя все это в той или иной степени правда. Для меня Сашка — действительно гениальный человек, к тому же — дорогой мне, хотя особенно близки мы с ним никогда не были. Поэтому мне важно сохранять в собственной памяти его целостный образ — с его недостатками, ошибками, провалами и. гениальными успехами. Таким — цельным, светлым и живым — он мне нравится больше, чем та икона, которую из него сделали после его трагического конца.

Сразу хочу развеять один стереотип — о моей якобы сохраняющейся ревности к Сашке, на долю которого выпало совершить в мюнхенском финале решающий бросок, принесший нам олимпийское золото. Мол, Сергей Белов волок на себе всю игру, набрал в ней 20 очков, а в итоге остался в тени своего однофамильца. Это полный бред. Мне всегда — а в той ситуации особенно — было все равно, кто именно принесет команде решающие очки, главное, чтобы была достигнута общая победа.

Что я готов был убить Сашку после его невероятного по безумию паса в никуда за восемь секунд до финальной сирены — это правда. У меня не укладывалось в голове, что игрок такого уровня, в таком важном матче, видя меня свободным от опекунов в непосредственной близости и глядя мне прямо в глаза, способен сделать совершенно нелепую и в итоге чуть не ставшую роковой ошибку. Не преувеличивая собственных достоинств, отдай Белов в тот момент пас мне, всей этой нервотрепки бы не было — убить оставшиеся секунды, пусть даже засунув мяч под майку, я бы сумел. Теперь же из-за одной ошибки гениального игрока, отыгравшего весь финал чрезвычайно полезно и эффективно, наша олимпийская мечта рухнула на наших глазах.

То, что Господь дал Сашке возможность реабилитироваться перед командой, перед тренером, перед миллионами болельщиков и перед самим собой, — в этом тоже есть высшая справедливость. Другое дело — как потом распорядиться плодами этой справедливости.

Отвергаю я и еще один миф — о том, что противостояние

ЦСКА и «Спартака» в первой половине 70-х было принципиальным противоборством не только Москвы и Ленинграда, Гомельского и Кондрашина, но и двух Беловых, которые не на жизнь, а на смерть боролись за народную любовь и единственное место на троне баскетбольного короля СССР.

Не знаю, в какой степени ЦСКА той поры олицетворяли с Сергеем Беловым, но ленинградский «Спартак» был в первую очередь командой Белова Александра, это правда. Без него у спартаковцев был совсем иной баскетбол, несмотря на неплохой в целом подбор исполнителей. В сезоне 1976/77 года без дисквалифицированного лидера ленинградцы не попали в тройку призеров, которую до этого — с Беловым — не покидали 8 сезонов подряд. В следующем сезоне — последнем для Сашки — его команда снова завоевала серебро, после чего эра «Спартака» закончилась.

Тем не менее усматривать в жесткой конкуренции команд выяснение личных отношений их лидерами нет никаких оснований. Я никогда не стремился отличиться персонально, в отрыве от успеха команды. И Александр Белов, при всем моем уважении к его таланту, не был мне конкурентом «не на жизнь, а на смерть», как и любой иной, самый великий баскетболист. В чем-то, он, наверное, был лучше меня, в чем-то я превосходил его. Но я знал, что я — Сергей Белов, у меня свой путь и свое место в большом баскетболе.

Что касается битвы ЦСКА и «Спартака», то ее масштабы тоже несколько преувеличены. Опередить ЦСКА у спартаковцев получилось лишь однажды — в 1975-м. Феномен ленинградской команды состоял в основном в том, что она на длительное время смогла отодвинуть традиционных грандов отечественного баскетбола — киевские «Строитель» и СКА, литовский «Жальгирис», тбилисское «Динамо», а с ЦСКА повести борьбу за золото национального чемпионата на равных, что само по себе было невероятным. Серьезным успехом был и двукратный выигрыш «Спартаком» Кубка обладателей кубков (Кубка Корача).

Особо важно то, что достигнуто это было за счет очень профессиональной селекционной политики и прекрасной игровой организации. Порядок бьет класс — так, в известной степени, можно было сказать о «Спартаке», при этом не забывая, что пусть один, но экстраклассный игрок у них был. И это был Александр.

После бронзы в 1969-м и серебра в 1970-м в сезоне 1970/71 года «Спартак» впервые всерьез нацелился на золото. ЦСКА в начале сезона потерпел два необязательных поражения, что стало причиной увольнения Арменака Алачачяна с должности главного тренера и феноменального прихода к руководству командой

«невыездного» Гомельского. «Спартак» за счет этой осечки армейцев лидировал в чемпионате на протяжении всей его первой половины. Затем долго шел с ЦСКА очко в очко. Так, с одинаковым количеством побед, команды и финишировали.

Для определения победителя был проведен дополнительный матч за первое место. Он проходил в Тбилиси через неделю после победы ЦСКА в Кубке европейских чемпионов. Эмоционально мы были опустошены и несколько расслаблены. «Спартак», напротив, одновременно с нашей победой проиграл финал Кубка обладателей кубков и в переигровке готов был рвать и метать. Местные болельщики поддерживали в основном наших соперников — не столько из любви к ним, сколько из застарелой ненависти к ЦСКА.

На протяжении всей игры шла жесточайшая борьба — вязкая, в типично «кондрашинском» стиле. Еще за 5 секунд до конца игрового времени «Спартак» вел в счете — Юра Штукин, забив с игры, сделал счет «+1». Наверное, мысленно ленинградцы уже ликовали, но их убил мой сумасшедший бросок из угла площадки почти одновременно с финальной сиреной. Поскольку забил я после паса Вани Едешко, позднее этот эпизод часто вспоминали в связи с «золотым пасом» в мюнхенском финале, адресатом которого, по ожиданиям многих, должен был стать я.

Пережив это чудовищное разочарование, спартаковцы, ведомые Кондрашиным и Александром Беловым, продолжали год за годом бросать вызов ЦСКА. Еще три сезона подряд они становились вторыми вслед за нами.

Наконец, очередная дерзкая попытка ленинградцев увенчалась успехом. Растеряв по глупости очки в первой половине чемпионата, мы отставали от мощно идущей ленинградской команды на две победы. Судьба национального первенства должна была решиться на паркете «Юбилейного» в Ленинграде в двухматчевом очном противостоянии наших команд. Хозяевам, игравшим при бешеной поддержке зала, нужно было выиграть у нас хотя бы одну игру.

Если бы оба раза победил ЦСКА, была бы переигровка в Таллинне. Петрович со своей мужицкой хитрецой накануне первой игры уверял, что администратор команды уже заказал туда билеты, поскольку «они находятся в худшей форме и не рассчитывают победить». Поюродствовал, одним словом.

Тем не менее ЦСКА чуть не совершил спортивный подвиг. Опережая соперника к перерыву в первой встрече на 17 очков, мы были нацелены на победу. Но затем Гомельский начал беречь игроков, что в соперничестве с набравшим ход «Спартаком» было явно недопустимым. На последних секундах встречи я опять

бросал издалека, однако не все коту масленица — на этот раз я не попал в цель, и мы проиграли 77:78. В феерическом противостоянии ленинградский «Спартак» стал чемпионом СССР. Повторить этот успех он больше никогда не сумел.

Однако и преуменьшать значение подвига спартаковцев не стоит. Успешное на протяжении ряда лет противостояние ленинградского «Спартака» московскому ЦСКА имело важный подтекст, для ленинградцев в особенности, но и для всей страны в целом. Я уже говорил о специфическом отношении к армейскому клубу в СССР. В Ленинграде неприязнь к ЦСКА имела дополнительный подтекст.

«Вторая столица», «культурная столица», «колыбель трех революций», «великий город с провинциальной судьбой» — все эти эпитеты и штампы выражали одно — неудовлетворенность ленинградцев той ролью, которую стала играть некогда одна из самых великолепных европейских столиц в послереволюционной истории, ностальгию по былому величию.

Особый колорит имели взаимоотношения с Москвой. Историческая конкуренция двух российских столиц после того, как первопрестольная безоговорочно укрепилась в качестве главного города страны, стала порой перерастать в самую настоящую неприязнь. Москвичи относились к Ленинграду со снисходительной симпатией как к городу с уникальным архитектурным ансамблем, богатому художественными и артистическими талантами, но категорически неспособному произвести что-то по-настоящему стоящее в экономике, политике, а также и в спорте. Все лучшее для них по определению было сосредоточено в Москве, особенно в том, что касается деловой активности, что требует принятия действительно значимых решений.

Ленинградцы с позиции более слабой и незаслуженно, по их мнению, ущемленной стороны, тихо ненавидели Москву, считали ее «большой деревней», наполненной жлобами, хамами и всяческим сбродом, не имеющим и отдаленного представления о подлинной культуре и подлинных жизненных ценностях. Они беззаветно любили свой прекрасный город и дорожили малой родиной, наверное, более, чем кто-либо в Союзе.

В какой-то мере правы были обе стороны. «Деловая жизнь» в Москве, потребительски-прагматичное отношение к людям вызывали у меня неприязнь не меньше, чем у коренных ленинградцев. В то же время, при всех откровенных недостатках Москвы, раздолбайства, безалаберности и высокомерного непрофессионализма было, по моим впечатлениям, хоть отбавляй именно в Ленинграде.

Бегство за длинным рублем и за славой в Москву, не так уж редко происходившее в среде политиков, артистов, спортсменов, воспринималось в городе на Неве особенно болезненно. Наоборот, примеры верности родному городу, также весьма распространенные, воспевались народным сознанием и с особым удовольствием ставились в пику ненавистной Москве.

Справедливости ради скажу, что сохранять верность малой родине и пренебрегать Москвой гораздо проще, когда малая родина — не что-нибудь, а вторая, а в каких-то аспектах и первая столица страны со всеми связанными с этим атрибутами, а не Киров, Братск или поселок Шегарка Томской области.

В спорте противостояние Ленинграда и Москвы имело некоторый идеологический подтекст, но редко выливалось в настоящую конкуренцию — перевес столицы был здесь слишком очевидным. В наиболее популярных видах — футболе и хоккее — ленинградские «Зенит» и СКА, хотя и пользовались всеобщей любовью и поддержкой, в основном прочно застряли в середине или в конце турнирных таблиц в своих национальных чемпионатах. Показательно, что на всесоюзных соревнованиях, предполагавших командный зачет, в первую очередь на спартакиадах народов СССР, Ленинград традиционно рассматривал в качестве главного конкурента не Москву, а Белоруссию.

Что касается переманивания игроков, то в целом, думаю, у ленинградских команд был определенный политический иммунитет от слишком откровенных посягательств на свои составы со стороны москвичей. Допускать, чтобы команды города трех революций, носящего имя вождя мирового пролетариата, влачили совсем уж жалкое существование, было политически неправильно.

В один год, когда «Зенит» вылетел из высшей футбольной лиги, он был особым административным решением сохранен в ней за счет дополнительного расширения состава участников. Хоккейный СКА, имевший, как всякий армейский коллектив, дополнительные возможности в комплектовании и пользовавшийся поддержкой городских властей, в первой половине 70-х сумел сформировать неплохой коллектив и даже завоевал бронзовые медали национального чемпионата.

Позднее именно переманивание в ЦСКА талантливых ленинградских хоккеистов А. Касатонова, Н. Дроздецкого, А. Гусарова очень болезненно воспринималось питерскими болельщиками. Такие переходы — в основном в ЦСКА и московское «Динамо» — время от времени все же случались в Ленинграде во всех игровых видах спорта. Правды ради, нужно

отметить, что и сам СКА не брезговал использовать прерогативы второй в Союзе армейской хоккейной команды и не так уж редко призывал под свои знамена как минимум на 2 года талантливых ребят из провинциальных клубов.

И вот, представьте, что в этих условиях в конце 60-х в Ленинграде появляется спортивный коллектив, который начинает восхождение из подвала турнирной таблицы национального чемпионата к самой ее вершине. Использует в основном свои, ленинградские резервы, а также ребят из провинции, т. е. таких же немосквичей. Возглавляется умным, подчас хитрым, очень достойным и высокопрофессиональным тренером. Формирует свой собственный игровой стиль, во многом обусловленный возможностями игроков команды, но очень самобытный и эффективный. И начинает направо и налево громить всех соперников, вплотную подбираясь к безусловному лидеру — ЦСКА. Пока что чаще проигрывает ему, но во все более и более равной борьбе. Причем мечта не просто обыграть ЦСКА, а обойти его в турнирной таблице становится все более и более похожей на реальность.

В этой погоне баскетбольного ленинградского «Спартака» за ЦСКА, закончившейся сенсационным чемпионством ленинградцев в 1975-м, всей стране, а Ленинграду в первую очередь виделось торжество творчества и импровизации над «душной» методичностью и выучкой, локального патриотизма над «стремлением за славой и баблом», свободы над давлением системы. В основном это, конечно, было народным мифом, имевшим мало общего с действительностью. Но в целом это противостояние двух спортивных коллективов было воспринято в стране с энтузиазмом и симпатией. Значительная доля этой симпатии приходилась на счет ленинградцев.

Феномен как ленинградского «Спартака», так и Александра Белова был неразрывно связан с одним человеком. Как игрок Белов целиком являлся продуктом тренерского и человеческого видения Владимира Кондрашина. Роль Петровича в его превращении в большого мастера невозможно переоценить, фактически два этих человека были единым целым, не могли существовать друг без друга, дополняли друг друга, и неизвестно, кто кому больше дал в этом единении.

Их трогательное сотрудничество имело семейный подтекст: Сашка рано потерял отца, и Петрович фактически заменил ему его, насколько это вообще возможно. Зная необузданный и бесшабашный Сашкин характер, Кондрашин выбрал, видимо, единственно правильный вариант общения со своим любимцем — вариант жесткого отцовского диктата и опеки.

С другой стороны, собственный сын Кондрашина — инвалид-колясочник. Можно только представить себе, что испытывал Владимир Петрович, работая с утра до вечера с молодыми здоровыми парнями, а вечером возвращаясь домой к родному, фактически неподвижному человеку. Возможно, в Сашке Петрович воплощал нереализованные мечты, проживал до конца свои отцовские несбыточные ощущения.

Фактически заменив Белову отца, Кондрашин перенес на воспитанника и отцовское всепрощенчество, которое, считаю, во многом и сгубило Сашку. Контроль за молодой звездой, любимцем ленинградских болельщиков, не был ни до конца полным, ни до конца строгим. Многое Петрович прощал ученику. Винить за это Кондрашина трудно — большинство тренеров верит в своего наиболее близкого, наиболее доверенного ученика и всегда надеется на лучшее.

В итоге, не обладая твердым, как алмаз, характером, Александр все больше сползал в захватывавший его поток веселого разгула, царившего в ленинградском «Спартаке». Они тогда были веселой командой. Гуляли тоже весело и от души — с валютными проститутками и ведрами из-подо льда для шампанского на голове. Белов все чаще ходил по краю при прохождении таможни, что в итоге закончилось двумя крупными срывами. «Залетал» он в основном в группе товарищей, которые, зная отношение Кондрашина к Белову, постоянно провоцировали его на приключения в надежде на то, что ему все простят, а они спрячутся за его широкую спину. Обладая добрым, широким, по-настоящему русским, в чем-то бестолковым характером, Сашка никому не отказывал.

Сашка был настоящим артистом в спорте и в жизни, во всех смыслах и значениях этого понятия. Наверное, это давало дополнительную подпитку всенародной любви к нему. В Ленинграде его просто готовы были носить на руках. Особенное признание обеспечивало то, что он был «свой», коренной ленинградец, из простой рабочей семьи. В этой любви он буквально купался, находя в этом и удовольствие, и новые силы для спортивных подвигов. Временами бывал вальяжен, мог себе позволить сыграть на публику или сачкануть.

Как-то раз, играя в «Юбилейном» против слабой команды, «Спартак» выигрывал очков двадцать, и Белов буквально прохаживался по площадке, не утруждая себя спортивной борьбой. Зрителей, которые жаждали баскетбольных чудес в исполнении своего кумира всегда, это не устраивало, и с трибун неслось обычное в таких случаях: «Давай играй!» После очередного такого призыва Белов с некоторым недоумением

обернулся в сторону кричавшего болельщика и, показывая пальцем в сторону электронного табло с отражением счета, изрек сакраментальную фразу: «Посмотри на табло!»

Как игрок Александр Белов был совершенно уникален и многообразен. Честно говоря, со своими «двумя метрами по утрам» он был, в принципе, классическим тяжелым форвардом, а не центровым. Однако при этом росте он обладал прекрасным скоростным прыжком, подбором, великолепным блок-шотом. Эти качества позволяли ему не просто справляться, а блистать на позиции пятого номера, причем оборонительного плана. Его главным достоинством было умение великолепно защищаться. Защита — основа игры в баскетбол — была его сильнейшей стороной. Он волок на себе колоссальный объем техникотактических действий, был прекрасно готов физически.

Не трудно догадаться, что это Кондрашин на определенном этапе закрыл Белова в рамки центра оборонительного плана. Это соответствовало клубным задачам «Спартака». Но это соответствовало и тренерской концепции Петровича, который научил своего любимца отрабатывать в защите и, что особенно важно и уникально, привил ему вкус и любовь к игре от защиты. В баскетболе все, как правило, любят атаковать и забивать, и игровая философия, включающая в себя игру от обороны и пас, являются большой редкостью и ценностью.

Не исключено, что позднее Сашка вполне мог существенно добавить и в игре в нападении, как это сделал Владимир Андреев. Природный талант вполне позволял ему это, и Белов мог стать со временем просто феноменальным игроком уровня самых ярких звезд NBA. К сожалению, сделать этого он не успел.

Олимпийский финал в Мюнхене стал моментом истины для Белова. Ни на одном турнире после этого он так уже не играл. Вообще, после такой победы, особенно когда ты сыграл в ней решающую роль, крайне тяжело каждый день что-то заново доказывать, стремиться к каким-то новым вершинам. Возможно, Сашка и родился-то для одной-единственной, но самой великой, на века победы. Хотя потенциал у него был, я уверен, еще на три олимпийских триумфа.

Так или иначе, подобная победа может вырастить у игрока крылья, а может остановить его в развитии. Боюсь, что с Сашкой произошло скорее второе. Мюнхенский триумф провел в его жизни какую-то черту, за которую он больше не переходил. Хотя впереди у него были еще феноменальный успех его команды в союзном чемпионате, победа на чемпионате мира, еще одна Олимпиада и еще один комплект олимпийских медалей, — все это было в пределах уже ранее освоенного им игрового

пространства.

Слава и всенародная любовь шли ему во вред. Он явно не смог пережить мюнхенскую победу. Слишком многое стало его отвлекать от спорта, что выразилось в «залетах» на таможне в 1973-м и 1977-м, после чего произошел окончательный сбой в его карьере. Мало кто знает, что и начиналась феерическая спортивная карьера Сашки не совсем гладко. В 1969-м, едва попав в сборную Союза, во время едва ли не первого же выезда за рубеж, в Штаты, он вместе с Болошевым вляпался в историю в супермаркете — «не сориентировался в незнакомой обстановке и случайно вышел из торгового зала с неоплаченным товаром».

Так звучала официальная версия, озвученная вовремя появившимся англоговорящим доктором нашей команды, который спасал спортсменов из полицейского участка. Историю замяли, оплатив товар и заручившись обещаниями полиции и администрации супермаркета не предавать ее огласке. Разумеется, следующей же ночью «Голос Америки» оповестил весь Союз о том, что самый талантливый молодой советский спортсмен был задержан после кражи в магазине.

Талант Белова был столь очевиден, что эта история, которая стоила бы карьеры любому другому, сошла ему с рук. В том же году он в составе команды стал чемпионом Европы.

Возможно, отрицательную роль в жизни Александра сыграли его ранний старт и ранний успех в спорте. В «Спартаке» он дебютировал в 16 лет. Чемпионом Европы среди юношей стал в 17, среди взрослых — в 18. В 21 год задрафтован в NBA. Отчасти это было, конечно, обусловлено яркостью его таланта — пожалуй, кроме Толи Поливоды такую яркую игру в столь юном возрасте не демонстрировал никто и никогда. С другой стороны, произошло это не от хорошей жизни — Кондрашину в «Спартаке» нужны были лидеры, скамейка у него была на порядок короче, чем у ЦСКА, и столь необходимых 2-3 лет на адаптацию молодого таланта к взрослому спорту у Сашки просто не было.

У меня очень неоднозначное отношение к раннему и стремительному взлету у спортсменов. Возможно, это от личного опыта, но аналогичный вывод я могу сделать и на основе наблюдений за карьерами десятков других выдающихся атлетов. Когда молодой парень слишком быстро раскрывается, добивается раннего успеха и признания, соответственно получает место в составе лучших команд, связанные с этим блага и прочее, в его спортивном воспитании пропускается очень важный этап — этап постепенного роста до определенного уровня. Этот рост предполагает, в числе прочего, приобретение навыка преодолевать неудачи, работать над ошибками,

совершенствоваться.

Всех впечатляют яркие блистательные взлеты молодых дарований, но опыт, к сожалению, показывает, что в дальнейшем у этих звезд нередко возникают проблемы с продолжением карьеры. Столкнувшись с трудностями, они не всегда способны найти на них адекватный ответ. Напротив, те, кто не мчатся, а ползут в гору, часто оказываются более надежными и предсказуемыми, лучше готовыми к жизненным трудностям и неурядицам.

...История взаимоотношений Александра Белова и Александра Яковлевича Гомельского достаточно туманна. Знаю, что вокруг скандалов на таможне, в особенности в 1977-м, ходило много разговоров о «заказе» под Белова и Кондрашина, о том, что таким образом некие демонические силы устраняли конкурентов ЦСКА и освобождали места в старте национальной сборной. Популярна и версия о том, что таким нестандартным путем Гомельский пытался организовать переход Белова в ЦСКА.

Все это не кажется мне правдоподобным в полной мере. При том, что Александр Яковлевич Гомельский был очень своеобразным человеком, для которого цель часто оправдывала средства. При том, что конкуренция в советском баскетболе была очень жесткой, что реальную конкуренцию никто не любит, а «Спартак» с Кондрашиным и Беловым, действительно, представлял собой определенную угрозу для благополучного существования ЦСКА на баскетбольном Олимпе. И при том, что — я знаю это достоверно, — Александр Яковлевич испытывал жесточайшую ревность к Кондрашину в связи с его победой на Олимпиаде в Мюнхене и считал (вполне обоснованно) Александра одним из главных творцов этой победы.

Тем не менее я думаю, что в основном эти инсинуации далеки от истины. Я не верю в то, что для переманивания одного — пусть даже очень талантливого и ценного — игрока из команды в команду или даже ради устранения его из состава конкурентов могла быть запущена такая колоссальная машина государственного давления. Действительно, контрабандой — в тогдашней ее трактовке — занимались все, но в различной степени. Поэтому вопросы типа: «Почему же тогда всех не пересажали, а досталось одному Белову?» — в значительной степени некорректны. Будучи игроком сборной СССР и регулярно совершая поездки за границу, важно было правильно определить грань, за которую нельзя переступать, чтобы не нарушать закон по-настоящему серьезно и не схлопотать по-настоящему серьезные проблемы. А в той конкретной ситуации, даже если ты и ощущал или прогнозировал давление со стороны конкурентов,

тем более нужно было быть осторожным и не давать ни малейшего повода к провокациям.

Так что я не думаю, что провокации и вправду имели место. Что действительно было, так это предложение Гомельским Белову после таможенной истории фактической сделки: избавление спортсмена от неприятностей взамен на его переход в ЦСКА. Согласен, что это предложение «с душком», но Яковлевич, как человек практический и действительно располагавший возможностями «отмазать» Белова, видимо, считал себя вправе не стараться впустую.

Был в состоянии помочь бескорыстно и сохранить для национального баскетбола сверхталантливого игрока, но не помог. Это уже вопрос моральных оценок, которые я сейчас выставлять не хочу. Как говорили древние, «умному — достаточно». Однако саму по себе ситуацию на таможне я не считаю смоделированной. Слухи и предположения об этом распространяли в основном люди из ленинградского окружения Кондрашина, которые сами вели себя не всегда красиво.

Сашка отказался от предложения Гомельского. Наверное, абсолютно правильно сделал. Однако, сделав этот шаг, он не сделал следующий, более важный и гораздо более тяжелый. Продемонстрировав верность родному городу, клубу, тренеру, неприятие грязных и закулисных схем, Белов не смог с достоинством перенести репрессии, которые обрушились на него неизбежно вслед за его мужественным решением. Отвергнув ЦСКА, он и в «Спартаке» не стал доказывать свою правду.

Вместо того чтобы стиснуть зубы и реализовать себя в тренировках и играх, пусть до поры до времени лишь в национальном чемпионате, Сашка на полгода запил, потом на фоне ослабленного запоем организма заболел сальмонеллезом, утратил тренированность и сам себя вогнал в тяжелейшее психологическое и физиологическое состояние.

В результате всех этих невзгод он похудел на 14 кг. Когда он приехал в Латвию на сбор, где национальная команда готовилась к чемпионату мира 1978-го, на него было страшно смотреть. В команду он не попадал из-за статуса невыездного, приехал просто повидаться с ребятами или по какому-то поводу приглашенный Гомельским. Не исключено, что тот хотел сделать Белову еще одно «коммерческое предложение», но убедился, что, пожалуй, уже незачем. Лично мне уже тогда интуитивно стало ясно, что с Сашкой происходит что-то по-настоящему плохое и что к нормальному состоянию он уже не вернется.

Команда в тот момент практически никак не отреагировала на состояние своего товарища. Большой спорт жесток, и в период

подготовки к важным соревнованиям все посторонние события не осмысливаются, а просто фотографируются. Мы и не знали, что видим Сашку живым в последний раз.

Точно так же — внешне равнодушно — мы отреагировали на известие о скоропостижной смерти Белова. Оно настигло нас в Маниле, в один из первых дней чемпионата мира. Мы сидели на трибуне и смотрели какую-то игру, когда о трагическом конце нашего товарища сообщил диктор во дворце спорта. Первым впечатлением, которое я испытал при этом известии, было какое-то пронзительное ощущение хрупкости и суетности всей нашей жизни.

Поминали мы Сашку в частном порядке. Возможностей организовывать какие-то масштабные траурные церемонии у нас не было, да это бы было и неправильно в самом начале турнира, задачи успешного выступления в котором с нас никто не снимал. О прекращении участия в чемпионате и отъезде домой и вовсе не могло идти речи — такое и сейчас-то не практикуется, а в те времена и подавно.

Я, разумеется, был не в курсе Сашкиного диагноза и оказывавшегося ему лечения. Хотя о некоторых деталях я слышал от знакомой женщины-медика, входившей в состав медицинского консилиума, разбиравшего случай Белова. Если я правильно понял, врачи, с учетом редкости заболевания, вначале долго разбирались, какого качества опухоль вокруг сердца спортсмена. Потом, когда уже было ясно, что операция — это вопрос жизни и смерти больного, долго не решались ее делать. В конечном итоге постарались просто снять с себя ответственность, свалили все на сверхнагрузки и не подготовленный к ним организм.

Возможно, мое мнение будет звучать непрофессионально и по- обывательски, но мне кажется, все равно нельзя было просто ждать развития болезни, фактически — просто давать человеку умереть. Не имеет значения, что это был Олимпийский чемпион, краса и гордость ленинградского и советского спорта. Если уж он получил такое лечение, что говорить о «простых смертных»?

Беда в другом — в общей неспособности важнейших систем жизнеобеспечения в государстве адекватно реагировать на нестандартные угрозы (да и на стандартные тоже). Самые важные в любом обществе профессии — учителя, врача, милиционера — в полном загоне, собираются там люди не по призванию, и даже не за высокие зарплаты, а просто потому, что больше нигде не пригодились. Конечно, есть у нас и выдающиеся специалисты, и очень достойные профессионалы, но это исключение. Сейчас по сравнению с 1978-м ситуация только ухудшилась.

Наверное, я не имею права выносить такие оценки, но в

раннем уходе Сашки для него был какой-то плюс. Он ушел в зените своей славы, окруженный всеобщей любовью, в какой-то степени — ореолом мученика. Готов ли он был не просто удерживать все это, постепенно деградируя как игрок и как личность, а действительно продолжать двигаться к новым вершинам и быть образцом для подражания? Каким бы он стал в 30, в 35, в 40 лет? На все эти вопросы у меня нет ответов. Бесспорно то, что этот сверхталантливый спортсмен не раскрылся полностью и сохранял колоссальный потенциал, реализация которого могла привести советский баскетбол к новым и новым победам. Но нельзя исключать и того, что в скором времени мы могли начать наблюдать падение звезды и расставание с этой легендой.

Уже позднее от разных людей, из газетных публикаций я узнал о последних неделях и днях жизни своего товарища по команде. Узнал о его страшном и уникальном диагнозе — саркоме сердца, в результате которой метастазы раздули Сашкин «мотор» до размеров баскетбольного мяча. Узнал, как до последнего пытался биться за своего умирающего любимого ученика Владимир Петрович Кондрашин. Как печально, тихо, без пафоса уходил Сашка. Как трогательно благодарил за заботу считанных по пальцам оставшихся с ним до его последнего дня людей, как искренне извинялся перед ними за причиняемые им неудобства.

Мне кажется, приближающаяся смерть смела с Сашкиной сущности все наносное, пустое, лишнее, что мешало ему жить. От красавчика, баловня судьбы, любимца публики, клоуна и незадачливого бизнесмена не осталось и следа. Он стал напоследок только тем, кем он был и оставался в глубине себя всегда. Тем, что делало его уникальным спортсменом, настоящим товарищем, кумиром миллионов людей. Очень тонким, очень пронзительным, очень правильным человеком. Как жаль, что это произошло при таких обстоятельствах и в сочетании с таким непоправимым концом.

Вернувшись из Манилы, я не поехал на могилу А. Белова. Не было и ее коллективного посещения спортсменами и руководством сборной, по крайней мере, мне об этом не известно. Позднее я несколько раз бывал на Северном кладбище — уже когда приезжал в Петербург на турнир Сашкиной памяти, во время которого посещение его могилы было своего рода обязательным мероприятием. Возможно, вы посчитаете меня черствым человеком. Но для меня память о Сашке — именно в том цельном, живом варианте, о котором я говорил, — гораздо важнее оградки на кладбище, бронзовых барельефов и пары

пластмассовых венков.

Эта память навсегда сохранится в моем сердце вместе с памятью о самом важном в моей жизни дне — 10 сентября 1972 года, когда мы вместе в мюнхенском «Баскетболхалле» одержали одну из величайших в истории советского спорта и одну из самых знаменитых в мировом баскетболе побед — в финале баскетбольного турнира Игр XX летней Олимпиады.

Глава 14
ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ

Зрелость

К мюнхенской Олимпиаде я подошел зрелым мастером. У меня за плечами было семь сезонов в профессиональном баскетболе, включая пять международных. Я обрел полную психологическую устойчивость. Главным игровым достоинством была моя способность взять на себя игру в ключевые моменты, когда решается судьба противостояния команд. Эта способность не раз проверялась на деле и срабатывала.

Мой подход к игре в баскетбол был в полной мере новаторским. Это, скорее всего, и было основой успеха. Знаменитый бросок в прыжке, успевший стать моим фирменным стилем, был в то время общепринятой доминантой лишь в NBA, даже в американском студенческом баскетболе им владели немногие. В Европе же он и вовсе был редчайшей практикой.

Однако к тому времени баскетбол успел превратиться для меня в нечто большее, чем просто игра, в которой я добиваюсь определенного успеха. Во что именно — я попытаюсь сейчас объяснить.

Ветер перемен

Как я уже сказал, в 60-е годы с точки зрения технического арсенала баскетбол в Европе был все еще достаточно консервативен. Во время игры больше половины очков набирались в проходах, остальные — бросками из-под щита с одной ноги, полукрюком, со «стояка». Сейчас в это уже с трудом верится, но только в 57-м году, в рамках спортивной программы Всемирного фестиваля молодежи и студентов впервые было введено правило 3 секунд, ограничившее время пребывания под щитом соперника. Ранее отсутствие такого правила давало неоспоримое преимущество «большим». Наш гигант Ахтаев[29], например, в те благословенные времена мог просто простоять всю игру, облокотившись о щит соперника и забивая мяч за мячом.

Тогда же впервые был запрещен прыжок с мячом — тоже трудно поверить, но до этого после прыжка можно было продолжать атаку кольца соперника. Разумеется, эти нововведения усложнили игру в нападении и повысили зрелищность матчей, хотя и сократили их результативность. В моей спортивной судьбе это сыграло особую роль. Повышение шансов защиты против нападения отодвинуло линию обстрела кольца на более удаленную дистанцию, и это стало своеобразной революцией в баскетболе. Это дало шансы «маленьким» против «больших», вызвало к жизни новые технические аспекты подготовки баскетболистов. Тогда — примерно с 58-го — заговорили о так называемом «броске в прыжке».

Должен сказать, что к этой перемене тенденций я, несмотря на свой юный тогда возраст, был интуитивно готов. Я уже понимал, что за 2 метра я точно не вырасту и что бросать из-под кольца в большом баскетболе, к которому я себя готовил, мне не дадут. Моим единственным шансом было научиться обстреливать кольцо соперника с дальней дистанции. Кроме того, ключевым становился вопрос о выборе позиции и момента для броска. С учетом преимущества большинства соперников в росте дополнительные шансы мне давали внезапность броска и умение выполнить его из максимально высокой точки.

Выбор оружия

Так я начал оттачивать технику броска в прыжке с дальней дистанции. Моим преимуществом была прыжковая подготовка, которую я прошел в легкой атлетике. Начав выезжать на областные, а затем на всесоюзные соревнования, я убедился в своей правоте — увидел, что в самых хороших командах моих сверстников никто не бросает. Практически такой же вывод я сделал и по мере знакомства со взрослым баскетболом. Лишь знаменитый Александр Травин практиковал в своей игре за ЦСКА качественный дальний бросок.

Мне повезло с интуицией и с характером — мне всегда было интересно не только освоить то, что умеют и делают все, а пойти дальше и сделать что-то необычное, недоступное другим. Ради этого путешествия в неизведанное я готов был часами изнурять себя в спортзале. О том, что главным для меня всегда было именно поразить кольцо соперника, я уже рассказывал. Я был снайпером по природе, по призванию и по убеждению. Никто не

смог бы меня изменить.

Умение бросать в прыжке требует великолепных навыков. Два основных элемента — это баланс тела в воздухе и максимально высокая «отпрыжка». С последним все ясно — чем выше ты выпрыгнул, тем больше времени у тебя на правильное исполнение броска. Это тем более важно, что в игре применять любые технические навыки на порядок сложнее — мешает соперник, мешают стресс и иные дополнительные факторы. То, что ты способен сделать в комфортных условиях на тренировке, сработает в игре на 20-50%, не больше. Если ты отпрыгиваешь от паркета, как говорится, «на один батон», то времени правильно выполнить бросковое движение у тебя существенно меньше, а шансы сделать это в игре стремятся к нулю.

Что касается баланса, то его ощущение позволяет варьировать бросок в зависимости от игровой ситуации. Именно чувство баланса позволяет баскетболисту «зависать» в верхней точке прыжка, переигрывая при необходимости соперника, изменяя траекторию полета мяча и т. д.

Подготовка такого броска предполагает также две составляющие. Первая — очень простая. Это сотни часов индивидуальных занятий в спортзале (как правило, после общей тренировки), в ходе которых отрабатываются и шлифуются технические навыки. Вторая — не менее важная — это функциональная подготовка. К счастью, и это я тоже очень рано понял.

«Баскетбол — это ноги»

Примерно в том же 58-м году мне попалось на глаза высказывание легендарного американского баскетболиста Билла Рассела: «Баскетбол — это ноги». Этому определению суждено было стать девизом моей жизни в баскетболе. О 208-сантиметровом Расселе было известно, что на тренировке он 30 раз подряд доставал кольцо в прыжке двумя руками. Узнав это, я, разумеется, счел себя обязанным это повторить.

Я попросил мать сшить мне брезентовый мешок, фиксирующийся на плечах, который я наполнял песком и каждый день до ухода в школу прыгал с ним из низкого приседа до потери сознания. Это было очень тяжело, но и цель была значимой. Очень скоро появился и результат — я научился забивать сверху, причем был способен сделать это в игре, что в ту

пору было исключительно редким явлением. Нужно ли говорить, что «рекорд» Рассела я повторил в 18 лет, сделав сам себе подарок к совершеннолетию?..

С 20 лет, когда у меня появились лучшие условия для тренировок, я начал постоянно приседать со штангой. Ежедневно я выполнял серию из 10 подходов по 10-12 движений с весом до 120 кг. Позднее — ближе к 26-28 годам — заменял эту серию более разнообразной «горкой»: сначала поднимался в несколько подходов до веса в 150-170 кг, затем спускался обратно, выполняя на каждом весе максимум движений, на который был способен. Еще позднее, после 30 лет, уже просто отрабатывал с максимальными весами по часу ежедневно.

Не столь важно, как именно были организованы эти тренировки. Важно то, что я сохранял эти нагрузки постоянно, сначала наращивая, а затем поддерживая необходимую для высокой отпрыжки мышечную массу. Этот путь, который я начал в 14 лет, не прекращался никогда. Может, кто-то не поверит, но приседать со штангой я продолжал и после завершения карьеры игрока, продолжаю и до сих пор. Более того, к 60-летию снова преподнес себе подарок — присел (пускай в полуприсед, до 90 градусов) с весом в 200 кг! Это притом, что в лучшие дни активной спортивной карьеры моим максимальным результатом были 190 кг — тоже не такой уж маленький вес для атлета моей комплекции и моей специализации.

Нет нужды говорить, что все эти нагрузки я осваивал в дополнение к общей тренировочной программе. Более того, мне постоянно приходилось преодолевать откровенное предубеждение партнеров и, главное, тренеров. Преобладало мнение, что работа с большими весами не только не нужна, но и противопоказана баскетболисту, поскольку «забивает» мышцы, ухудшает скоростные качества, а в особенности вредит броску. Порой условия для занятий приходилось творчески моделировать. Помню, в 75-м мы с Сидякиным по собственной воле на один из сборов перед чемпионатом Европы приволокли штангу, разместив ее на балконе гостиничного номера. Так, установив ее на балконных перилах, и приседали.

Поразительно, что и сейчас такая точка зрения порой преобладает в континентальном баскетболе! Надеюсь, что своим примером я хоть немного поспособствовал дискредитации этого неумного подхода. Например, я прекрасно совмещал тренировки в зале штанги с бросковыми. Секрет исключительно прост — после занятий с весами нужно просто 10 минут поработать с ведением, а уже потом переходить к броскам. Разумеется, как и всякая более или менее экстремальная нагрузка на организм,

упражнения с весами должны правильно дозироваться и грамотно исполняться технически. Так что «вред» от занятий со штангой легко минимизируется.

Что касается пользы, то ее трудно переоценить. Правильнее будет сказать так: если бы не мои постоянные занятия с весами, мир не узнал бы баскетболиста Сергея Белова и его знаменитый бросок в прыжке. Исполнить такой бросок вполсилы невозможно. А исполнение его в полную силу и было осуществимо только через эти изнурительные ежедневные приседания — порой через «не могу», стиснув зубы и проклиная все на свете.

Я вообще думаю, что функционально мы в целом были подготовлены лучше, чем большинство современных игроков. Во всяком случае, пешком по площадке мы не ходили. Замен никогда не просили (я вообще замену всегда воспринимал как оскорбление), готовы были играть по 40 минут, каждый день без перерывов. Сейчас игрок 3-4 раза сбегал туда-назад и все — «меняйте». Сколько бы ни говорили о возросшей интенсивности, контактности современного баскетбола, никто не убедит меня в том, что многие современные баскетболисты менее тренированы и, что немаловажно, не умеют экономить силы, расслабляться и восстанавливаться непосредственно на площадке.

Арсенал снайпера

Что касается меня, то упорные тренировки со штангой дали мне уникальные возможности на площадке. Мобильность, взрывная скорость, резкая смена направления движения с мячом, способность моментально открыться для паса партнера, уйти от опеки соперника — все это прочно вошло в мой арсенал. Наиболее часто я один в один обыгрывал своего опекуна, входил в зону и, не приближаясь к «большому», выпрыгивал и бросал с высокой траекторией полета мяча. Как правило, этого хватало для результативной атаки.

Особенно важным элементом моей игры стало умение выбрать позицию для броска. В игре против мощной агрессивной обороны для того, чтобы метко бросить, нужно было создать условия, выиграть пространство на площадке. Я стал решать эту проблему резкой сменой направления движения. Я демонстрировал сопернику, что определенно иду «вниз», но внезапно и резко уходил обратно «вверх». Долей секунды замешательства соперника мне хватало, чтобы выиграть позицию

и выйти на бросок. Если соперник не верил мне и продолжал страховать верхние точки, я уходил в угол площадки и точно бросал оттуда.

Это движение вверх с моментальным выигрышем позиции для броска стоило очень многого — многих часов работы с мячом и со штангой, постоянного перенапряжения суставов и связок, постоянной психологической концентрации. Но оно также давало и другое — способность играть в сверхсовременный баскетбол, а подчас — в баскетбол будущего.

Мыслю — следовательно, существую

Как и всякий творческий процесс, отработка броска у меня не прекращалась никогда. Техника его исполнения постоянно изменялась, совершенствовалась. После 30 лет ко мне пришли по-настоящему правильное расположение руки при броске, оптимальный баланс тела, оптимальное вращение мяча. Но и тогда я не прекратил улучшать бросок. Отличительной чертой мастера всегда является умение самостоятельно и критически анализировать свои действия, постоянно трансформировать умение в навыки, не застывать в своем развитии.

Чем старше ты становишься, тем ты не то, чтобы умнее ты начинаешь задавать сам себе больше вопросов. В особенности — когда ты постепенно становишься менее конкурентоспособен: уже не можешь забить сверху или забить шестьдесят в одной игре. Начинаешь задаваться вопросами: зачем я делаю то или иное? Что мне это дает? Что мне нужно по-настоящему, чтобы оставаться на вершине? Только постоянный поиск «своего» делает человека лучше.

Думаю, стремление делать все осмысленно существенно помогало мне на протяжении всей карьеры спортсмена. Вместо спецсредств для релаксации и стимулирования мышечной активности я уже в первые годы выступлений за ЦСКА сформировал собственную идеологию диеты, восстановления и подготовки к играм. У меня сложилось собственное видение тренировочного процесса. Я никогда не переедал, особенно в день игры. Старался анализировать все игровые и тренировочные ситуации, оценивать свои физические кондиции.

Например, на каком-то этапе, еще в Свердловске, у меня появилась навязчивая идея поднять вес до 85 кг. Однако довольно быстро я разобрался в ситуации и спросил себя: «А зачем мне

это?» Уже тогда я усвоил универсальную формулу — увеличение зазора между максимальными показателями в силовых упражнениях и собственным весом. И вместо того чтобы тупо набирать вес снова отправился «качаться».

Озарение в творчестве

Для меня в спорте чрезвычайно важным был элемент творчества. Конечно, победа — это главное, но далеко не всякий результат приносит удовлетворение сам по себе. Мне никогда не было безразлично, как забить мяч в кольцо. От иной тренировки я получал больше интереса, чем от игры, и коронные приемы спонтанно рождались на площадке, как правило, именно во время тренировок, потому что во время игры твоя психика так или иначе подчинена ожидаемому результату. Во время тренировки ты более раскрепощен. Красивые спонтанные озарения могут произойти и в игре, но ты понимаешь, что их основа — как раз многочасовые тренировки.

Тем не менее именно творческий прорыв в играх, когда у тебя все получается, когда ты еще в момент броска знаешь, что мяч идеально ровно ляжет в кольцо, когда ты чувствуешь свое превосходство над соперником во всем вот что для меня составляло смысл моей игры, вот чем памятны мне годы занятий спортом. Должен признать честно, что таких игр-озарений за мою многолетнюю карьеру было совсем немного. Но и за них я безмерно благодарен Богу, поскольку именно они приоткрывали мне истинный смысл моей жизни.

Это начало происходить только на определенном этапе. Пока я учился в школе, уровень моего мастерства таких озарений еще не предполагал. Хотя в тот раз, когда я набрал 99 очков, при каких бы обстоятельствах, против какого бы соперника это ни случилось. их ведь все равно как-то надо было набрать, верно? В школе я часто играл фактически по принципу «один против всей команды соперника», и эта закалка дала мне уникальные навыки по выбору позиции на площадке.

Я начал применять бросок в прыжке еще в играх на юношеском уровне. В 63-м, впервые увидев в Москве гостевые игры каких-то американских команд, я понял, что нахожусь на правильном пути — лучшие заокеанские баскетболисты играли именно так, как хотел научиться играть я. Однако момент, с которого можно вести отсчет наверняка, — это игры в 66-м

против так называемой «сборной Белграда». Именно тогда я впервые сыграл так, что опытный Жеравица распознал во мне будущего большого мастера.

С конца 60-х в правоте выбранного направления я стал убеждаться уже непосредственно на паркете — в играх против сильнейших баскетбольных команд мира. Второй кульминацией моего баскетбольного творчества стал финал Кубка европейских чемпионов против «Реала» в сезоне 1968/69 года в Барселоне. В неистовом противостоянии, отыгрывая 10-очковые отрывы, в двух овертаймах мы одержали тогда победу над «Реалом». Я провел на площадке все 50 минут без замен, и все эти минуты были для меня одним сплошным полетом, ощущением владения собой, мячом, складывающейся ситуацией. Такие победы дорогого стоят и вселяют в тебя настоящую уверенность. Именно с этого матча я веду отсчет нового этапа в своей спортивной карьере.

В следующий раз «озарение» случилось в 1971-м, во время традиционного турне сборной по США. Игры против американских университетов всегда отличались высоким накалом и напряжением. Чаще сборная в них побеждала, но, как правило, не без труда. Игры в 71-м имели дополнительный подтекст. Американцы жаждали реванша за поражение на Универсиаде в Турине. В командах университетов Индианаполиса и Цинциннати, с которыми нам предстояло играть, были участники того несчастливого для американцев матча, и от них почему-то исходил особый ажиотаж. Какой-то защитник, не помню его имени, в газетах публично пообещал во время игры меня убить и, действительно, весь матч бегал за мной, как сумасшедший.

Состав американских команд был довольно сильным. Многие игроки, формально все еще считаясь студентами, имели на руках уже заключенные контракты с профессиональными клубами.

Однако в результате вместо ожидаемого американцами реванша получилось настоящее глумление над ними со стороны нас с Паулаускасом. В первой игре в Индианаполисе отличился Модя, во второй, когда соперник прихватил его поплотнее, — я. Выйдя на площадку с 5-й минуты игры, я до перерыва накидал штатникам. 27 очков! Это тоже был тот день, когда в корзину валилось все, в том числе совершенно сумасшедшие мячи.

Американские газеты потом писали, что русские изобрели новую технику игры в баскетбол, основанную на невероятных траекториях бросков и передач и на сумасшедшей динамике движений. Это было, мягко говоря, не совсем так, но то, что эти игры придали нам уверенности и хорошей наглости в игре против Штатов и что это нам очень пригодилось в Мюнхене, — точно.

И еще одна игра мне запомнилась. Она была весной 77-го

опять против «Реала» и опять в матче розыгрыша Кубка чемпионов, хотя и на ранней его стадии. Ее результат был очень важен для нашего дальнейшего продвижения по турнирной сетке, и нам обязательно нужно было в домашнем матче не проиграть испанцам более 5 очков. Именно «-5» и с очень плохой игрой мы уступали сопернику после первой половины встречи. Игра не шла у всей команды, включая и меня — в первом тайме я набрал где-то около 5 очков.

Второй тайм того матча я запомнил навсегда. Не знаю, что произошло со мной в перерыве — никаких видимых воздействий на мою психику и тем более на мой организм не было. Но с самого начала и до конца второй 20-минутки у меня в игре стало получаться абсолютно все. Было ощущение полнейшего владения ситуацией, я чувствовал, что могу сделать на площадке с соперником все, что угодно. Это чувство укреплялось каким-то невероятным, фантасмагорическим везением — в корзину «Реала» валилось абсолютно все, что вылетало из моих рук.

За 20 минут я набрал 34 очка. Игра ЦСКА во втором тайме была настолько феерической, что после ее окончания к нам в раздевалку впервые на моей памяти зашел поздравить команду какой-то партийный руководитель, присутствовавший на матче. Некоторое время после игры я сохранял непередаваемое ощущение легкости, невесомости, опустошенности. Было ощущение, что я пуст и невесом, как воздушный шарик, который может взвиться и улететь в любое мгновение. Видимо, мое состояние действительно было необычным и при внимательном рассмотрении могло быть замечено. Во всяком случае, смотревшая игру жена, беременная сыном Сашкой, увидев меня в этом состоянии «невесомости», пристально посмотрела на меня несколько секунд и потом сказала: «Чтобы такого больше не было».

Такого у меня впоследствии, действительно, пожалуй, не случалось, если не считать концовки злополучного финала чемпионата мира в Маниле в 78-м. Но там была настоящая бойня, кость в кость, там было не до творчества. Как это ни покажется удивительным, не считаю я «игрой-озарением» — в преломлении к моей собственной игре — и знаменитый финал Олимпийских игр в Мюнхене. Там над всей командой, включая меня, слишком довлел результат. Уникальность, необычность происходящего коснулись тогда всей команды в целом, когда мы выиграли безнадежно проигранный матч совершенно невероятным образом.

Ремесло или искусство?

«Игры-озарения» несли в себе удивительное ощущение, которое тебе время от времени — достаточно редко — дарил Господь в утешение за сотни часов тренировок, пролитый пот, травмы, нервные стрессы. Дарил, чтобы вознаградить тебя за твой труд, подтвердить, что ты на правильном пути, еще раз указать на намеченные цели и воочию продемонстрировать тебе истинные, не всегда раскрываемые возможности твоего духа, твоего организма.

Через такие игры я стал постепенно приходить к осознанному пониманию, что для меня вообще значит спорт. С детских лет я занимался физическими упражнениями, соревновался исключительно искренне и увлеченно. Мне не нужно было никаких наград и привилегий, только возможность самовыражения на площадке. Я готов был отдавать игре, победе всего себя без остатка. Только поэтому, уверен, несколько таких игр, в которых я вышел за грани обычных человеческих возможностей, и случились в моей жизни. Познать Бога можно только душой, а не рассудком.

Как и во всякой деятельности, в спорте возможны халтура, крепкое мастерство и творчество. По этой черте — ремесленник ты или художник — и проходит принципиальный водораздел. Возможны варианты и вовсе низкого качества. Тысячи фанатов, 90 минут орущие на стадионе спиной к полю, — это ведь тоже что-то из области спорта, не так ли? Настоящий большой спорт, как и большое искусство, фундаментальная наука, не терпит альтернатив. Более того, он не терпит даже малейшей мысленной измены самому себе и выбранным принципам.

Мысль, как известно, вполне материальна, и я ощущал это на себе. В те нечастые моменты карьеры игрока, когда мне приходило в голову, что неплохо бы начать побольше зарабатывать на спорте, поменьше тренироваться, побольше торговать, игра сразу пропадала. Я даже не успевал снизить объем тренировок, просто вовремя не прогонял эту мысль! Помню, как-то уже после 30, по своему обыкновению тренируя бросок по окончании тренировки, я поймал внезапную и явно пришлую мысль: «Зачем?!? Зачем тебе все это надо? Чего ты добиваешься? Остановись!» К счастью, навыки борьбы с такими помыслами я уже усвоил и немедленным нырком, словно боксер, ушел от этого удара.

Спорт стал моей жизнью, и это отношение было абсолютно искренним. Это еще один водораздел: что для тебя спорт — жизнь или бизнес? Для многих он был и остался вторым. Но таким людям Бог не открывает Себя в играх-озарениях. И — за редкими

исключениями — они не становятся чемпионами.

Самовыражение и соперничество

Здесь мы подошли к главному вопросу — что вообще такое спорт? Зачем он нужен — тем, кто им занимается, и тем, кто им просто увлечен? Ответ на этот вопрос может быть дан на разных уровнях сложности, но он, во всяком случае, не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Этот вопрос тем более актуален, что сегодня спорту как образу жизни, как части культуры, как форме досуга нашлось множество альтернатив. Многие из них на первый взгляд более безопасны и более осмысленны. Действительно, зачем сжигать нервы и здоровье в спортзале или на дистанции, если тот же заряд адреналина можно выплеснуть, сидя в тепле у монитора компьютера, с азартом играя в спортивный симулятор?

Некоторые виды спорта вообще у неспециалиста вызовут изумление: зачем это? Ну ладно — состязания в беге, борьбе, плавании. Но вот это — щетками натирать лед, чтобы каменная болванка куда-то там доскользила? Демонстрировать акробатические номера, катаясь при этом по льду на коньках? Стремиться попасть мячиком в кольцо, зачем-то подвешенное на высоте 3 м 5 см от пола?

Первое, что приходит на ум в связи с этим: спорт — это самовыражение. Спортсмен демонстрирует свои навыки, то, что он умеет лучше других. Разнообразие видов спорта, их внутренняя специализация дают возможность выразиться самым разным людям, с самыми разными физическими и психологическими данными и особенностями. Благородная идея параолимпийского движения предоставляет сегодня шанс самовыражения даже людям с ограниченными физическими возможностями.

Но тех, кто хочет выразить себя в том или ином виде спорта, множество, и кто-то всегда способен — а значит, и захочет — преуспевать лучше другого. Так мы делаем следующий шаг: спорт — это соревнование, конкуренция. Успех в нем невозможен без осознания, что твой соперник где-то тоже работает, тренируется, ищет новые возможности победить тебя. И если найдет такие возможности, будет по отношению к тебе, возможно, корректен, но абсолютно безжалостен.

Уже на этом уровне мы можем сделать пару интересных

наблюдений. Первое — в спорте, как и в жизни, к успеху ведут разные пути: более быстрый — более медленный, более опасный — менее опасный, честный — нечестный. Все это вопрос имеющихся возможностей и личного выбора.

Спорт как модель жизни

Второе наблюдение коренится в первом, вернее, в ключевом словосочетании «как и в жизни». Да, спорт — это абсолютно точная, но упрощенная, сконцентрированная модель жизни. Со своими триумфами и трагедиями, бытовой рутиной и яркими праздниками, со своими героями и неудачниками, благородными рыцарями и подлецами. Вся разница — только в концентрации событий, усилий, эмоций. За 40 минут игры, 9 минут боксерского поединка или 10 секунд забега спортсмен может пережить то, что обычный человек накапливает годами, а то и десятилетиями. Оттого столь и велики затраты физической и психической энергии у атлетов, оттого они и «горят», как спички, часто не доживая до почтенной старости.

Поскольку спорт — это модель жизни, мы вправе сделать и следующее наблюдение: спорт дает человеку возможность стать лучше. Нетрудно заметить, что подавляющее большинство видов спорта развивают полезные в «обычной» жизни качества личности: силу, ловкость, выносливость, дисциплину, смекалку и т. д. Как минимум — умение бороться за свои цели, терпеть боль, переносить неудачи.

Все это исключительно полезно для любого из нас. Спорт в его классическом понимании (женские бои в грязи или плевки на дальность я не рассматриваю) так или иначе развивает вполне востребованные всеми навыки, а не просто экзотические и абсолютно бесполезные. Недаром ведь систематические занятия спортом прочно вошли в национальные культуры практически всех передовых стран, а преуспевшие в своих дисциплинах атлеты являются героями и ролевыми моделями на всем пространстве земного шара.

Теперь мы можем оценить значение спорта как социального явления. Итак, он дает закалку людям, которые впоследствии преуспеют в более значимых для общества областях. Он дает пример сосредоточенности в достижении цели, самопожертвования, сотрудничества. Массовый спорт воспитывает эти качества в миллионах людей, спортсмены уровня

высших достижений служат ориентиром для этих миллионов.

У спорта как социального явления есть, впрочем, и более приземленные задачи. Некоторые виды (в первую очередь, популярные игровые, бокс, биатлон, отдельные дисциплины легкой атлетики) за счет повышенного зрительского интереса превратились в высокодоходный бизнес, который существует по законам рыночной экономики. В этом бизнесе обращаются огромные финансовые активы, часто он, как локомотив, тянет за собой целые отрасли индустрии, а также собственно массовый спорт. Так, например, происходит в США с баскетболом, хоккеем, американским футболом.

Кое-где большой спорт — как правило, игровой, — хотя и не является бизнесом, поскольку не приносит прибыль, тем не менее щедро финансируется государством и спонсорами по заданию государства, выполняя роль второго элемента в известной формуле «хлеба и зрелищ». Как гласит народная мудрость, «пока есть пиво и футбол, революции не будет». Шутки шутками, но я, например, уверен, что если бы немецкая сборная по футболу не занимала регулярно призовые места на чемпионатах мира и Европы, социальных эксцессов в Германии было бы гораздо больше. Боюсь, что подобную функцию профессиональный игровой спорт выполняет сегодня и в России.

Спорт как бизнес и механизм снижения социальной напряженности имеет ряд негативных свойств. Как и всякая экономика, он в этом случае не свободен от нарушений и недобросовестности — от подкупа спортсменов до отмывания незаконных доходов. Появляется риск корыстного отношения спортсменов к своим занятиям, деградации их собственно спортивных качеств. Наконец, слишком высокие ставки провоцируют нездоровое, истеричное отношение множества людей к результатам спортивных соревнований.

Через преодоление — к свободе

Впрочем, я уверен, что по-настоящему большие спортсмены всегда имели какую-то дополнительную мотивацию, кроме корысти и жажды славы. И здесь мы приближаемся к самому главному, на мой взгляд, определению спорта. К его качеству, которое и является наиболее привлекательным для миллионов людей. Спорт — всегда преодоление и, соответственно, путь к свободе. Этот путь возможен, в принципе, везде, но в спорте он

динамичнее и дает максимальный драйв.

Я разделяю три вида преодоления, три вида победы в спорте. Первый из них — победа над соперником. Это самый простой и наиболее востребованный путь. В нем максимально проявляются отмеченные ранее свойства спорта — и стремление к самовыражению, и стремление к конкуренции, и готовность самосовершенствоваться, чтобы быть конкурентоспособным. Его проходят очень многие опять-таки на разных уровнях — кто-то на уровне победы в первенстве двора, кто- то — на уровне победы в национальном чемпионате (как правило, не выше). Однако большинство именно здесь и останавливается.

Рано или поздно перед успешным атлетом встанет вопрос о выборе дальнейшего пути. И станет понятно, что для дальнейшего движения вверх недостаточно только побеждать соперников. Нужно преодолевать определенные жизненные обстоятельства. Самый первый и во многом ключевой выбор: ты готов отказаться в своей жизни от всего, кроме спорта? Готов пожертвовать учебой, семьей, увлечениями, размеренной и благополучной жизнью? Готов, одним словом, пуститься в неведомое и небезопасное «странствие по кроличьей норе»?

Очень многие «ломаются» уже на этом этапе, что вполне нормально: профессиональный спорт не должен быть уделом слишком многих. Но ведь преодоление обстоятельств на этом не заканчивается. Тот, кто пойдет по этому пути, обязательно встретит новые проблемы: неудачно подписанные контракты, непонимание и недоверие тренеров, неблагоприятная конъюнктура, травмы и болезни, усталость и уныние. Следующая порция стремящихся вверх сломается здесь. И за это нельзя кого-либо винить: тот, кто проходил все это сам, знает, как это трудно.

Самое главное

Тот, кто научится побеждать соперников и побеждать обстоятельства, вполне способен задержаться на спортивной вершине на многие годы и добиться по-настоящему значимых спортивных результатов. Думаю, большинство профессиональных атлетов так и делают и имеют все основания быть довольными собой и получать благодарность своей страны и своих болельщиков. Но у них есть риск не попробовать самого главного в спорте. Это главное — победа над самим собой.

Множество раз, задыхаясь во время кросса, обливаясь потом

под 150-килограммовой штангой, начиная очередную тысячу бросков, я задавал себе один и тот же вопрос. Еще более драматично он возникал после тяжелых игр, в которых соперники били меня жестоко и беспощадно — хотя и все равно проигрывали. Зачем? Зачем мне все это нужно? Почему именно я?

Правильно ответить на этот вопрос можно, лишь преодолев себя. И поняв, что истинная награда за годы тренировок и выступлений — это не гонорары, не признание публики, даже не олимпийские медали. Главная награда — это обретение свободы. Свободы от собственных страхов и комплексов, от мнения окружающих и сложившихся стереотипов. Свободы, которая дает непередаваемое чувство восторга и полета, гармонии, единения с Богом и людьми. Свободы, ради одной которой и стоит жить на земле.

Кульминация

Мне повезло в выборе моего вида спорта. По сравнению с любыми другими, даже игровыми, не говоря о циклических, он наиболее динамичен, при этом понятен зрителю. Здесь востребована динамика в ее максимальном выражении, по скорости реагирования на действия соперника баскетбол сопоставим только с боксом. Есть виды спорта, где атлеты действуют быстрее, — например, настольный теннис, фехтование, но по-настоящему разобраться в их мастерстве или хотя бы уследить за их действиями способны только специалисты. Высокая результативность игр, постоянный переход от обороны к атаке — все это делает баскетбол исключительно ярким и качественным зрелищем.

Таким образом, из всех вариантов «концентрированной модели жизни» я выбрал «самый концентрированный». Но и на этом я не остановился. Ведь я вполне мог бы всю свою долгую баскетбольную жизнь играть «как все», не преодолевая себя и не переламываясь. Возможно, в этом случае я был бы способен отыграть и до 50 лет. Но в самом динамичном виде спорта я обрел и освоил его кульминацию — взрывное движение и бросок в прыжке. Это было, остается и всегда будет апогеем баскетбольного мастерства — тем, что приводит в восторг миллионы болельщиков и дает тебе шанс испытать эти свободу, гармонию и полет, — пусть даже всего лишь в нескольких играх в течение твоей многолетней многотрудной карьеры. Поверьте —

Париж стоит мессы.

Все это я — возможно, интуитивно, но вполне твердо — уже понимал к началу второго в моей жизни олимпийского сезона. И был готов не подвести свою страну, своих болельщиков, своих товарищей. А главное — свою мечту, которой посвятил всю жизнь. Мое движение вверх.

Глава 15
ПРАЗДНИК И БОЛЬ МЮНХЕНА

Первые впечатления

Итак, многомесячная подготовка и окончательное формирование состава сборной были позади. В боевом настроении чартерным рейсом «Аэрофлота» команда вылетела в Западную Германию.

Мюнхен встретил нас атмосферой яркого спортивного праздника. Организация Игр была великолепной. Гостеприимство хозяев Олимпиады, прекрасные условия для спортсменов особенно бросались в глаза на фоне мексиканских Игр четырехлетней давности. Там все было организовано достаточно безалаберно и примитивно. В Мюнхене условия не были, конечно, такими шикарными, как сейчас у спортсменов, выезжающих на соревнования даже менее высокого уровня. Телевизоров в номерах по-прежнему не было, они были доступны только в холлах корпусов олимпийской деревни и в Интерклубе. Но в целом уровень организации и комфорта был весьма высоким.

Олимпийские спортивные объекты потрясли нас своим великолепием. Самые современные по тем временам спортивные сооружения были исключительно удачно и компактно размещены на площади всего лишь трех квадратных километров района Обервизенфельд. Особенно впечатлял главный олимпийский стадион, выполненный в необычном (тогда — практически революционном) архитектурном варианте. Что касается арены, на которой нам предстояло выступать, то мюнхенский «Баскетболхалле» оказался достаточно стандартным спортивным дворцом, мало чем отличающимся от многих других. Ничто не предвещало, что в нем в самом скором времени разыграются такие страсти.

К сожалению, «Баскетболхалле» нес в себе и традиционную для советских баскетболистов проблему, с которой мы сталкивались регулярно во время выездов на соревнования за рубеж. Дело в том, что привычные нам арены, на которых мы проводили игры национального чемпионата и домашних международных турниров, были оборудованы деревянными щитами и «мягкими» кольцами, которые достаточно гостеприимно принимали броски. На некоторых стадионах

кольца и вовсе были безобразно разбитыми. За границей же мы сталкивались с совсем иной картиной.

К турнирам высокого уровня баскетбольные стойки, как правило, обновлялись, да и в целом инвентарь «у них» был поновее. Стеклянные щиты и сверхжесткие кольца давали принципиально иной отскок мяча, к которому в течение турнира русские не успевали привыкнуть и который снижал результативность наших бросков процентов на 10. Когда я говорю «сверхжесткие», я имею в виду именно то, что говорю. В наши времена они были реальной проблемой для снайперов. Отгибающиеся кольца, в которые нынешние «большие» с таким смаком вколачивают слэмданки и которые «засасывают» самые невероятные дальние броски, появились значительно позднее, где-то в середине 80-х.

Но это, конечно, были сетования «в пользу бедных». Играть нужно было там, где предложено. И мы приступили к двухнедельным подготовительным тренировкам. К счастью, доверительный и творческий настрой в команде по приезде в Мюнхен не переменился. Более того, вскоре выяснилось, что Петрович не намерен изменять своим принципам во всем, — через пару дней он волевым решением отменил выход команды на зарядку.

На зарядку становись…

Сейчас такое решение, возможно, уже не оценят должным образом. Но для этого нужно понять, что вообще означала пресловутая зарядка в советском спорте. Будучи наследием неизвестно какой давности — не то 40-х, не то 30-х годов двадцатого столетия, она долгие годы оставалась атрибутом нашей системы подготовки и яркой иллюстрацией отношения к спорту и к спортсменам в СССР. В семь утра, в любую погоду, в любом состоянии советский спортсмен обязан был выйти на построение, рассчитаться по команде тренера по порядку и начать свой день с пробежки и энергичных упражнений. Так доказывались готовность к труду и обороне, настрой на победу и дух коллективизма.

Польза этого явления на уровне спорта высших достижений была более чем сомнительна. Ладно, если вы спортсмен-любитель, который должен успеть потренироваться до начала рабочего или учебного дня, то все понятно. Хотя и в этом случае

речь нужно вести не о «зарядке», а о полноценной тренировке, которую нужно предварять завтраком, разминкой, мотивацией, просто смещенными на раннее время суток.

Что касается профессионального спорта, то в чем, скажите, смысл подъема ни свет, ни заря, для проведения занятия по непонятной программе, в то время как впереди у тебя еще полный 6-8-часовой тренировочный день? Конечно, некоторые спортсмены-жаворонки могут практиковать ранние занятия — как правило, для растяжки, легких пробежек и т. д. В «зарядке» же ничего, кроме идеологии, не было.

Решение Кондрашина об отмене выхода команды на общее утреннее построение и зарядку при всей своей практической целесообразности было способно потянуть на некий политический демарш. Так и произошло — на протяжении нескольких дней руководство олимпийской сборной скандалило с Петровичем. Но он, к его чести, остался непреклонен.

В результате мы тренировались в привычном ритме, который практиковался большинством профессиональных баскетболистов в СССР. Вставали около 8 утра, не спеша завтракали. Около 11 начиналась первая двухчасовая тренировка, во время которой, как правило, отрабатывались командные действия. Вторая тренировка, после обеда и дневного отдыха, также продолжалась около двух часов, но посвящалась обычно индивидуальной работе.

Праздник спорта

До теракта на олимпийских объектах и в деревне царила очень непринужденная доброжелательная атмосфера. Ее эпицентром был Интерклуб — место общения спортсменов, который многие с удовольствием посещали. Олимпийские соревнования были тогда настоящим праздником, на них не было той «сверхпрофессиональной» закрытости спортсменов и команд, что практикуется теперь, хотя уровень соперничества тоже был очень высоким.

Впрочем, чрезмерно увлекаться общением и атмосферой олимпийского праздника было бы неправильно. Тем более, что вскоре для нас началось и самое главное — олимпийский турнир.

Торжественное открытие Игр прошло на олимпийском стадионе 26 августа. Днем раньше советская делегация подняла государственный флаг в своем расположении олимпийской

деревни, символически объявив о своей полной боевой готовности. На церемонии открытия наш алый флаг нес, олицетворяя собой мощь советского спорта, прославленный супертяж-«вольник» Александр Медведь[30].

Спортсменам из национальных делегаций не предоставляли аккредитацию на соревнования по другим видам спорта, поэтому мы не посещали соревнований олимпийской программы. Отчасти об этом можно было сожалеть — соревнования были как никогда интересными и богатыми на рекорды и яркие достижения. Впрочем, времени на посещение спортивных объектов олимпийского Мюнхена у нас практически не было, особенно после того, как начались игры.

За результатами состязаний мы, конечно, следили. О достижениях советских атлетов мы узнавали из первых рук, тем более, что в соответствии с сохранявшейся традицией в расположении сборной в олимпийской деревне каждый день поздравляли отличившихся накануне. Мы восхищались победами гимнастки Ольги Корбут[31], спринтера Валерия Борзова[32], штангиста-супертяжа Василия Алексеева[33]. Советская команда отлично выступала на той Олимпиаде, уверенно двигаясь к общекомандной победе с феноменальным достижением в 50 золотых наград!

Яркие выступления демонстрировали и иностранные спортсмены. Мюнхен открыл миру блестящего кубинского боксера Теофило Стивенсона[34]. Его выступление произвело сенсацию. Но подлинный фурор, конечно, сотворил знаменитый американский пловец Марк Спитц[35]. Его уникальный рекорд в 7 золотых медалей на одной Олимпиаде продержался 36 лет! Только в 2008-м в Пекине его переплюнул соотечественник Майкл Фелпс.

Начали!

В баскетболе на олимпиадах разыгрывается лишь одно золото, но именно оно было предметом нашего вожделения. Поэтому успехи других, даже соотечественников, были важны для нас поскольку-постольку, они разве что подхлестывали нас: «А мы чем хуже?» Главным для нас была наша победа. В особенности с учетом того, что ситуация на турнире могла сложиться для нас вполне благополучно.

На предварительной стадии турнира 16 участников были

разбиты на две подгруппы, в которых играли друг с другом в один круг. По две лучшие команды от каждой подгруппы выходили в полуфинал, где дальше выясняли отношения по принципу «плей-офф». В нашей подгруппе оказались три европейские сборные, значительно уступавшие нам в классе в те времена, — Италии, Западной Германии и Польши — и два экзотических аутсайдера — Сенегал и Филиппины. Лишь два соперника были способны доставить нам неприятности — Пуэрто- Рико и Югославия.

Однако с самого начала игр в группе стало ясно, что югославы на этой Олимпиаде «никакие». В Мюнхен они приехали после непонятно зачем организованного длительного турне по Китаю, абсолютно вымотанными и убитыми. Это как раз и было примером тренерской неудачи — «загнать» команду перед самым ответственным стартом. Практически в таком же состоянии предстояло оказаться нам самим четырьмя годами позже, в Монреале. Впрочем, упорные «юги» до последнего цеплялись за путевку в полуфинал.

Турнир начался для нас игрой против сборной Сенегала, которую мы легко выиграли 94:52. Думаю, при желании мы могли бы удвоить наше преимущество. Во втором туре нас ждал соперник посложнее — команда хозяев Олимпиады. При активной поддержке зрителей и канадского арбитра, который в общей сложности за матч свистнул 30 (!) пробежек, немцы упорно сопротивлялись и до середины первого тайма даже вели в счете. Потом в игре произошел закономерный перелом, и мы одержали уверенную победу 87:63. Я с 15 очками стал самым результативным в команде. В этих двух играх Кондрашин прагматично экономил силы лидеров, выпуская в старте и Болошева, и Дворного, и Коваленко.

Следующая игра против Италии складывалась примерно по тому же сценарию, что и с немцами. До середины первого тайма соперники вели в счете, затем «Красная Машина», набрав обороты, раздавила их — 79:66. В четвертом туре мы разгромили поляков 94:64, я вновь с дежурными 16 очками оказался самым результативным в сборной СССР.

Главный соперник

Наше турнирное положение в целом беспокойства у нас не вызывало. Несколько снисходительно мы наблюдали за мучениями югославов, которые проиграли Пуэрто-Рико. В

подгруппе «А» зажигали кубинцы, сенсационно одержавшие победу над Испанией во втором туре. За играми в этой подгруппе мы следили с особым интересом: там выступали наши главные соперники — США.

Американцы привезли на турнир очень молодую (самому старшему — 24 года, пятерым — по 20), но исключительно мощную команду. Шестеро игроков имели рост выше 203 см, включая самого высокого спортсмена на Играх — 223-сантиметрового Томми Барлесона. В составе были игроки из состава AllstarsNCAA прошедшего сезона, были блестящие игроки Дуайт Джонс, Джим Бревер, Даг Коллинз. Во главе команды — опытнейший тренер Генри Айба, ранее уже дважды приводивший американские сборные к победам на олимпиадах.

В двух первых играх на турнире американцы легко обыграли Чехословакию и Австралию, и их игра в защите выглядела абсолютно непробиваемой. Такой мощной команды США мы еще не видели. Казалось, что над нашей олимпийской мечтой собираются тучи.

Момент истины наступил в четвертом туре, когда американцы вышли на традиционно неудобного для них соперника — Бразилию. Играя в своей привычной манере — свободно, непринужденно, очень быстро, — бразильцы накидали грозному сопернику столько, что над знаменитым олимпийским рекордом американцев — 57 побед в 57 играх на олимпиадах — нависла угроза. Бразильцы были очень близки к тому, чтобы сенсационно нанести американцам первое в их истории поражение, но 7-кратных олимпийских чемпионов спас Даг Коллинз, набравший решающие очки на последних секундах. Тем не менее от впечатления неуязвимости обороны американцев не осталось и следа. Стало ясно, что при правильно построенной игре их вполне можно «прихватить». Настроение у нас резко улучшилось.

Однако праздник и радость часто соседствуют с болью и горечью. Вскоре нам предстояло в этом убедиться.

Тревожный звонок

В первый день осени мы столкнулись с колоссальными проблемами в игре против Пуэрто-Рико. Об особенностях этой команды я уже рассказывал в одной из предыдущих глав. Добавлю лишь, что слабее, чем обычно, пуэрториканцы в

Мюнхене не были и обыграли югославов, видимо, по делу. Игра была очень жесткой и грязной, арбитры дали обеим командам более 80 фолов. Даже миролюбивый Ваня Едешко умудрился схлопотать два «технических».

Несмотря на впечатляющий итоговый счет — 100:87 в нашу пользу, все складывалось для СССР очень непросто. Еще за несколько минут до финальной сирены наше преимущество составляло всего

4 очка, и пуэрториканцы продолжали сражаться. Натужная, тяжелая победа стоила нам невероятных усилий. Наша игра разбалансировалась, это был наш худший матч на турнире. Спас ситуацию Сашка Белов, набравший 35 очков.

США в своей пятой игре издевательски разобрались с Египтом 96:31 и, так же как и СССР, шли в турнире без поражений. В шестом туре они спокойно взяли верх над Испанией, мы перевели дух в матче с Филиппинами (111:80).

Групповой турнир завершался 3 сентября. США снова предстояла приятная прогулка с мячом (99:33 против Японии). У нас соперник был посерьезнее — югославы, отчаянно боровшиеся с итальянцами за место в полуфинале. Тем не менее наши первые впечатления о том, что «юги» здесь «мертвые», оправдались. Несмотря на турнирную мотивацию соперника, сборная СССР уверенно лидировала на протяжении всего матча. Лишь к концу первого тайма югославы сумели сократить отрыв до четырех очков, за которые попытались зацепиться после перерыва. Однако несколько наших удачных бросков поставили все на свое место. 74:67 — итоговая победа. С 22 очками я снова стал самым результативным в команде.

Сборная СССР с семью победами в семи матчах заняла в своей подгруппе первое место и вышла в полуфинал. Аналогичного результата добились у себя американцы. Что касается вторых мест в подгруппах, то за них развернулась жесточайшая борьба. Удачливее в ней оказались итальянцы, крупно обыгравшие в последнем туре Пуэрто- Рико и пробившиеся в полуфинал благодаря лучшей, чем у соперников, разнице забитых и пропущенных мячей, и сборная Кубы, сотворившая еще одну сенсацию победой над бразильцами с перевесом в одно очко.

Именно с кубинцами нам и предстояло встретиться в полуфинале. Мы были настроены на эту игру, сделав для себя выводы из сбоя в пятом туре. Соперник был нам хорошо знаком, и мы рассчитывали, что пройдем его без проблем. Но тут случилось непредсказуемое.

Как я уже говорил мимоходом, в Мюнхене в олимпийской деревне нас с Модей поселили в одной квартире с сопровождавшим делегацию сотрудником КГБ. За исключением курьезной истории с 40 кг икры, он не доставлял нам никакого беспокойства, тихо выпивая в перерывах между «контрольными мероприятиями». Можно сказать, что он был практически незаметен. У нас даже сложилось какое-то подобие добрососедских отношений.

Проснувшись утром 5 сентября, мы сразу поняли, что происходит что-то необычное. Наш тихий обычно сосед буквально бегал по всей квартире, мерзко сквернословя. Уже через несколько минут мы, наверное, первыми из спортсменов советской делегации услышали страшное и непривычное слово — теракт.

Уже совсем скоро весь мир узнал о том, что ранним утром группа вооруженных отморозков из террористической организации «Черный сентябрь» проникла на территорию олимпийской деревни (как потом выяснилось — просто перебравшись через забор) и захватила корпус, в котором жила делегация Израиля. Расстреляв на месте двоих спортсменов, террористы выдвинули политическое требование об освобождении заключенных в израильские и западноевропейские тюрьмы активистов «Организации освобождения Палестины».

Впрочем, подробности происходящего стали поступать уже позднее, а пока все оставались в полном неведении. И — война войной, а надо. идти на завтрак. Разумеется, о том, что погибли люди, мы еще не знали.

Эпицентр событий находился в 50-70 метрах от нашего корпуса — израильтяне занимали отдельно стоявший дом меньшего размера. Вокруг него было выставлено оцепление, постоянно находилась толпа. Никто толком ничего не понимал. До нас лишь доходили какие-то отголоски информации о переговорах с террористами. Вряд ли мы вообще понимали, насколько все серьезно.

И вдруг — как гром среди ясного неба — известие о приостановлении Олимпиады и о перспективе отмены еще не завершившихся соревнований. Далее последовали обрывочные рассказы тренеров о развитии ситуации — переговоры с террористами, эскалация напряжения, воинственные заявления сионистских организаций (вплоть до нанесения бомбовых ударов по Мюнхену). Перемещение террористов с заложниками в

аэропорт, снова переговоры об условиях освобождения, накладки в организации спецоперации. И — ужасный итог: полуторачасовая ночная бойня в аэропорту Фюрстенфельдбрук.

Примечательно, что реакция СССР на эти страшные события была достаточно сдержанной. Только 6 сентября «Советский спорт» разместил бесстрастное сообщение ТАСС: «Международный олимпийский комитет и Организационный комитет Олимпийских игр приняли решение прервать Олимпийские игры в Мюнхене в связи с инцидентом в олимпийской деревне. Только те соревнования, которые происходят сегодня, будут доведены до конца. В район олимпийской деревни вводятся солдаты бундесвера. Деревня по-прежнему оцеплена нарядами полиции и солдатами. В Мюнхен прибыл канцлер ФРГ В. Брандт».

Лишь на следующий день в газетах появились более развернутая информация о произошедшем и заявление от имени Госкомспорта и советской делегации на Играх с выражением соболезнований по поводу гибели людей и осуждения действий террористов. В газетном репортаже не без злорадства сообщили о «неповоротливости полиции, приведшей к большим жертвам». Впрочем, похоже, в этой оценке была как минимум доля истины.

Два или три дня МОК решал, следует ли продолжать мюнхенскую Олимпиаду. Для нас эти дни показались бесконечно долгими. Советская команда была по меркам того времени «возрастной» — для многих из нас Олимпийские игры 72-го могли быть последними в карьере. Терять свой шанс было невероятно обидно.

Пусть я буду выглядеть некрасиво, но в те дни главным ощущением для нас была досада от упускаемой победы в случае остановки Олимпиады. Конечно, нам было жаль израильских коллег, мы вместе со всеми осуждали и ненавидели террористов, изуродовавших своими окровавленными руками мировой спортивный праздник. Но возможность досрочного завершения Игр выглядела для нас также абсолютно ужасно.

Скажу честно, я не очень верю в признания некоторых спортсменов о намерениях отказаться от участия в соревнованиях из-за случившихся общемировых или национальных катаклизмов. Теракты, землетрясения, гибель принцессы Дианы. Знаю, что в американском фильме о мюнхенском финале активно разрабатывается версия о том, что сборная США всерьез собиралась сняться с розыгрыша из-за произошедшей трагедии.

Прошу меня извинить, если я ошибаюсь, но мне все это кажется просто политкорректной позицией. Я не верю, что спортсмен, смыслом и целью жизни которого является победа,

тем более победа в самом главном соревновании, к которому он готовился 4 года или больше, по доброй воле способен отказаться от шанса добыть ее из-за того, что этот шанс совпал по времени с некими страшными обстоятельствами, в наступлении которых совершенно нет его вины.

Да, любой нормальный человек солидарен с жертвами насилия, тем более с беззащитными невинными людьми, которых какие-то негодяи сделали заложниками своих целей. Но как должна выражаться эта солидарность? Всеобщим коллапсом, отказом выходить на рабочие места, кормить своих детей? Террористы только поаплодируют такому развитию событий. Дестабилизация, дезорганизация враждебного им мироустройства — вот именно то, на что нацелены их атаки.

Для нас, спортсменов, участие в Олимпиаде было нашей работой, профессиональной деятельностью. Сделав ее хорошо, мы могли осчастливить миллионы людей в огромной стране, дать им дополнительный стимул жить и трудиться дальше. И я действительно считаю, что лучшим ответом на самые тяжелые трагедии, включая уход из жизни других людей, являются твой добросовестный труд и честная жизнь.

Никто не сможет упрекнуть меня в лукавстве и черствости по отношению лишь к чужим мне людям, в данном случае — к погибшим от рук террористов. Через год после мюнхенской Олимпиады умер мой отец — человек, бывший для меня огромным авторитетом и очень важной частью моей жизни. Я улетал на два дня в Томск на похороны и вернулся в Москву как раз к началу игры ЦСКА с минским РТИ. Нет нужды говорить, в каком состоянии я находился. Но когда Яковлевич попросил меня: «Серега, игра будет трудная — просто разденься и посиди» — я не мог ему отказать. И разделся на игру, и честно смотрел, сидя на скамейке, как партнеры по команде весь первый тайм возят говно по площадке, проигрывая более слабому сопернику. А во втором — вышел на площадку и играл.

К счастью для нас, возобладал здравый смысл, и Олимпиада была продолжена. Игры возобновились 7 сентября после траурной церемонии на олимпийском стадионе. Разумеется, обстановка уже не сохранила и половины той праздничности, что была до теракта. Ужас и горечь от произошедшего, отвращение от бессилия нормальных людей перед террористами, скорбь по погибшим, — все это изменило атмосферу в Мюнхене. О том, что все спортивные объекты раз и навсегда были намертво закрыты беспрецедентной охраной, нет нужды и говорить.

Кошмар в полуфинале

Для нас, баскетболистов, было и еще одно неприятное последствие теракта, точнее, связанного с ним перерыва в играх. В те времена все важнейшие турниры проводились по очень жесткому графику — как правило, 8 игр за 9 дней, т. е. игры каждый день с одним выходным. Мы привыкли к такому распорядку, и он нас устраивал. Организм входил в заданный ритм — ты встаешь в определенное время, тренируешься в зависимости от того, насколько рано или поздно у тебя игра, играешь, восстанавливаешься и готовишься к очередному игровому дню. Все как на конвейере.

Любой сбой в таком графике способен вызвать серьезные проблемы. Так и произошло со сборной СССР. Все накопившееся — психологическая усталость от 3-дневной неопределенности, стресс от теракта, утраченный настрой на игры — сыграло против нас. Матч с кубинцами, без преувеличения, стал подлинным кошмаром для сборной СССР. Он оказался в какой-то степени продолжением наших мучений против Пуэрто-Рико, с той лишь разницей, что команда с Острова свободы была, в отличие от непредсказуемых пуэрториканцев, всегда в полном порядке и в Мюнхене находилась на абсолютном пике своей формы.

Сборная США наверняка испытывала похожие проблемы из-за перерыва в турнире, стресса и т. д. Но для нее игра в полуфинале сложилась значительно легче. Едва успевшие поверить в свой неслыханный успех итальянцы, похоже, не собирались оказывать семикратным олимпийским чемпионам серьезного сопротивления, решив сэкономить силы для борьбы за бронзу, и легли 38:68. Это, разумеется, сэкономило и силы американцев.

В отличие от итальянцев, кубинцы на матч против СССР настроились, как на последний в своей жизни. В какой-то степени это и было так — поколение прекрасных кубинских игроков рассматривало мюнхенскую Олимпиаду как хороший шанс громко заявить о себе. В итоге кубинцам это удалось — здорово попортив кровь «старшим братьям» в полуфинале, в невероятном матче за третье место они обыграли с перевесом в одно очко объективно более опытных и сильных итальянцев и сенсационно завоевали бронзовые олимпийские медали!

У Кубы был очень мощный состав из атлетичных, быстрых, прыгучих игроков во главе с одним из самых ярких центровых того времени 214-сантиметровым Феликсом. Да, этот соперник был не подарком.

С первых же минут полуфинального матча соперник стал применять прессинг. Это было из ряда вон выходящей тактикой и наилучшим образом говорило о бешеном настрое кубинцев. Играли они жестко, в кость, не жалея ни себя, ни, естественно, нас. Какое там уважение к лидеру социалистического блока и наставнику в баскетбольном мастерстве! Они готовы были сожрать живьем с потрохами этого лидера и наставника. В итоге, несмотря на обилие фолов, которые свистели кубинцам судьи, — это неизбежно при тактике прессинга, — к 10-й минуте игры соперники после нескольких удачных бросков вышли вперед — 22:19.

Далее события развивались, как в кошмарном сне. Мы были уверены, что лидерство кубинцев — случайный эпизод, что разница в классе слишком велика и сейчас все встанет на свои места. Вместо этого яростно играющий соперник продолжил наращивать преимущество. 31:25 на 14-й минуте, 36:28 на 16-й. Стало ясно, что это не шутки, не спонтанный и мимолетный поворот в ходе игры, это настоящая мясорубка. И терпящей бедствие «Красной Машине» придется заиграть на полную катушку, чтобы переломить развитие событий.

В этой ситуации вся команда — лидеры, запасные, ветераны, новички — стеной встала на пути соперника. Ценой чудовищных усилий после ряда точных бросков Сашки Белова, Толи Поливоды и моих к концу тайма мы сократили отрыв до одного очка — 35:36. Сразу после перерыва точный дальний бросок Паулаускаса вывел нас вперед и, похоже, надломил сборную Кубы. Нет, она продолжала отчаянно биться, но как-то сникла. Видимо, кубинцы просто разуверились в своем успехе, столкнувшись с подлинным монолитом в лице нашей команды.

Удачно проведенная концовка игры позволила нам уверенно довести матч до победы — 67:61. В этой игре 16 очков было моих, 15 — Жара, 14 — Сашки, 11 — Модестаса. Все без исключения внесли свою лепту. Полностью опустошенные и выжатые мы уходили в раздевалку. Но эта тяжелая победа, помимо собственно турнирного, имела важное психологическое значение. Это было настоящее испытание для сборной, и она его выдержала.

Испытание огнем

У Гомельского была теория о «худшем матче», который команда неизбежно должна сыграть на каждом турнире. Не знаю,

насколько она верна в целом, но в отношении самого ее автора она много раз работала исправно. В том смысле, что сборная под его руководством действительно неоднократно играла на ответственных соревнованиях очень плохие матчи, и приходились они на полуфиналы. Лишь однажды теория сработала «в плюс» — в 88-м в Сеуле, когда «худший матч» пришелся на первую же игру против югославов. Не сомневаюсь, что не проиграй Гомельский «югам», он не выиграл бы Олимпиаду — снова сжег бы команду на полуфинальной или, в лучшем случае, финальной стадии.

Для сборной СССР в Мюнхене игры против Пуэрто-Рико и Кубы, от которых никто не ждал особых неприятностей, стали истинным испытанием, которое закалило и сплотило команду. Вспоминая Игры-72, все, как правило, сразу переходят к финалу против Штатов (часто — непосредственно к его последним 3 секундам). Но никто не думает о том, что до этого финала еще надо было добраться, и сделать это было не так-то просто. Неважно, по каким причинам — были ослаблены мы, или сильнее сыграл соперник, — но победы в этих двух матчах потребовали от нас полной мобилизации.

Важно было то, что даже в эти непростые моменты Кондрашин не задергался, не перебрал в смене тактических вариантов, составов и т. д., сохранял абсолютное спокойствие. Это тоже было признаком класса команды и реальности ее претензий на олимпийское золото.

Нам нужно было пройти это испытание — не сломаться, преодолеть себя, вытащить игру всей командой. Эти игры встряхнули нас, вернули в полностью рабочее состояние. В какие-то моменты они были даже сложнее, чем знаменитый финал. Именно в этих играх мы окончательно закалили характер, доказав, что можем побеждать при любых обстоятельствах.

Избавившись от неуместной эйфории от легких побед и всеобщего олимпийского праздника, пройдя через боль сурового соперничества и трагедии 5 сентября, сборная СССР во всеоружии подошла к решающему матчу против самого грозного и мощного соперника. До олимпийской вершины оставался всего один, последний шаг. Но каким же тяжелым ему суждено было стать!

Последние часы

На протяжении всего турнира я постепенно входил в состояние «натянутой струны» — полной мобилизации всех

возможностей, абсолютной настроенности на результат. И к последнему матчу Олимпиады я был идеально настроен на победу. Специальных методик приведения себя в такое состояние у меня не было. Оно было скорее следствием чувства ответственности за дело, которое я делаю, общей психологической организации и общего высокого настроя на игру.

К этому матчу я шел долгие годы, готовя себя к суровым испытаниям, к игре против сверхжесткой удушающей защиты. Я чувствовал, что нахожусь в идеальной форме, знал, что Штаты — «моя» команда, против которой я могу сыграть эффективно и полезно, так, как могут немногие. Я привык и умел брать на себя ответственность в важнейших играх, готов был сыграть так, как потребуется сборной СССР.

Состояние «натянутой струны», которое я описывал, окончательно пришло ко мне вечером 8 сентября, накануне решающего матча. Я был абсолютно готов к игре, буквально звенел от напряжения. Как я говорил, для меня всегда был важен не только результат, мне был интересен процесс. Я знал, что эта игра будет сопровождаться бешеным драйвом, и предвкушал это. Можно сказать, что я вошел в оптимальное, как считают специалисты, состояние спортсмена перед ответственным стартом — небольшое беспокойство и напряжение плюс страстное желание состязаться и победить.

Накануне игры Кондрашин оградил нас от любых контактов с прессой, членами нашей олимпийской команды, тем более с посторонними. Ему удалось даже избавить нас от общения со спортивным руководством. Видимо, тренер сумел убедить функционеров поверить ему и спортсменам. Может показаться удивительным, но накануне решающего матча за золото в самом престижном виде Олимпиады никаких «накачек» не было!

Не было как такового и собрания команды с мотивирующими выступлениями, клятвами «умереть, но победить» и т. д. Сам Кондрашин не был любителем этого жанра, а мы в большинстве своем были опытными профессионалами, ветеранами, которых просто не нужно было мотивировать. Мы были в нужном накануне игры психологическом и функциональном состоянии, задачей тренера в этой ситуации было не мешать, не дергать команду без нужды. Состояния «пожара» в расположении сборной не было. Мы сохранили обычный распорядок дня, стандартную подготовку к игре. И это тоже было проявлением класса команды.

Конечно, мы собирались на тактические занятия, на которых разбирали особенности игры соперника, прорабатывали схемы

игрового взаимодействия и т. д. Видеозаписями игр мы в ту пору не располагали; об игре американцев могли судить по нескольким их матчам, которые смотрели в Мюнхене «вживую». Впрочем, я и сейчас, когда любые игры любого соперника собраны в фильмотеках, не считаю их просмотр панацеей и обязательным элементом подготовки игроков. Записи должен внимательно отсмотреть тренер, чтобы проанализировать тактику соперника. Игрок главным образом должен настроить себя самого на свое лучшее выступление.

Помогать настраиваться товарищу по команде было не принято. В этом не было нужды. Даже ветераны — такие как мы с Модей, Сако, Геша — не имели привычки лезть в душу другому, настраивать и накачивать менее опытных игроков. Мы не брали на себя лишнего. Гораздо важнее было довести до оптимального состояния самого себя, самому не стать обузой для коллектива. «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи», — так, о чем я узнал позднее, говорил Серафим Саровский.

Общекомандных «ритуалов», которыми сейчас увлекаются игроки, у нас тоже не было. Наверное, у каждого были какие-то индивидуальные способы настроя на игру, включая соблюдение примет, привычек и т. д. Для меня, например, таким «обрядом» была привычка особым образом бинтовать голеностопы перед игрой, надевать кроссовки всегда с одной ноги — левой. Впрочем, это никогда не принимало самодовлеющего характера, главным в психологической подготовке к игре было другое.

Должен окончательно разочаровать читателя — даже с соседом по комнате Паулаускасом мы не обсуждали предстоящий финал. Это, впрочем, едва ли удивительно: больших молчунов, чем мы с Модей, не было, наверное, ни в сборной, ни во всем отечественном баскетболе. Модестасу молчаливость была свойственна как прибалту, я, как уже говорил, до 30 лет вообще рта не раскрывал. Однако на площадке и в жизни мы понимали друг друга не то что с полуслова — с полувзгляда. И даже самую главную игру в жизни нам не было нужды обсуждать.

Не хотел бы, чтобы сложилось впечатление, будто в сборной СССР были собраны роботы, лишенные всяких человеческих проявлений, как это представляла американская пропаганда. Конечно, у нас были и нервы, и эмоции, и переживания. Наверное, мы просто были другими людьми — иначе воспитанными, иначе мыслящими, иначе мотивированными. Нас всегда учили быть сдержанными, контролировать себя, ставить во главу угла интересы команды, страны и спортивный результат. Именно так мы и делали, и наша молчаливая сосредоточенность была свидетельством не отсутствия эмоций, а сверхконцентрации,

готовности намотать собственные кишки на кулак и умереть для достижения победы.

Накануне игры я спал, как обычно. Должен сказать, что я вообще не умею крепко спать. Мне это не мешает, я могу высыпаться, даже если просыпаюсь по нескольку раз за ночь. Конечно, накануне ответственной игры нервное напряжение усугубляет и обостряет ощущения. В течение дня 9 сентября меня беспокоила небольшая головная боль, но все напряжение прошло, как только мы вышли на площадку для разминки.

В день игры нам дали как следует выспаться, поскольку финал должен был начаться беспрецедентно поздно — где-то после 23 часов. Организаторы Игр пошли навстречу американцам, которые стремились по возможности приблизить к прайм-тайм телевизионную трансляцию. Позавтракали всей командой в одно время, не спеша поехали на тренировку. Тренировались спокойно, с хорошим настроением, без подавленности.

Обед был назначен на более позднее, чем обычно, время. После него команда отправилась на отдых. Те, кто мог, спали (поспать после обеда любил, например, Паулаускас, не изменивший себе и на этот раз). Я слегка задремал минут на 30.

До главного испытания в жизни баскетболистов сборной СССР оставались считанные часы.

Глава 16
АД В «БАСКЕТБОЛХАЛЛЕ»

Перед игрой

Олимпийский игровой зал «Баскетболхалле», несмотря на поздний час, был переполнен. Мне показалось, что большей частью он был «нашим». Разумеется, на трибунах было много членов олимпийской сборной СССР — представителей других видов спорта, — пришедших поболеть за нас. Поддержать нас пришли и знаменитые советские тяжелоатлеты Ян Тальтс[36] и Василий Алексеев. Говорят, что охранника «Баскетболхалле», который попытался проверить у штангистов аккредитацию, человек-гора Вася Алексеев просто приподнял над землей и аккуратно переставил на другое место, освобождая себе проход. (Тот же Алексеев после окончания финала, как мне потом рассказывали, выражал восхищение моей игрой довольно своеобразно: «Ну этот хиляк и на...рачил штатникам!» Не знаю, изменился бы тон его комментария, если бы он узнал, что для таких бросков я приседаю сто девяносто?)

Однако и представители иных олимпийских команд, и местные болельщики, возможно, желали удачи нашей сборной. Ожидание сенсации — вот как можно охарактеризовать настроение зала, особенно заметно захватившее всех после того, как в дебюте встречи сборная СССР уверенно повела в счете. И все же окончательно, думаю, никто не мог поверить, что обыграть США кому-то по силам, даже «Красной Машине».

Ощущалось, что предстоящая игра станет чем-то из ряда вон выходящим. Действительно, чудовищное напряжение немедленно после стартового розыгрыша мяча воцарилось в «Баскетболхалле» и захватило всех без исключения. Сама игра, от первой до последней минуты «звеневшая» на невероятном накале, только наращивала его. Телевизионная картинка, не говоря о любом текстовом репортаже, не способна передать тысячной доли этого накала, ощущавшегося даже на трибунах, а что уж говорить об игровой площадке! Ошибки судейского столика в концовке матча — неправильный хронометраж, утрата контроля, — не от чего

иного, как от этого напряжения.

Своим главным жизненным достижением я считаю то, что не сломался под этим адским давлением. Любые сомнения — в своих силах, в партнерах по команде, в окончательном успехе — делают спортсмена слабее, заставляют его ошибаться. У меня этих сомнений не было. Я готов был показать свою лучшую игру, приняв удар на себя, если потребуется.

Состав

Необычность ситуации проявила себя сразу — как только Кондрашин объявил стартовый состав сборной СССР. Кроме ожидаемого присутствия в нем Сергея и Александра Беловых и Алжана Жармухамедова, в старте вышли два грузина — Саканделидзе и Коркия! Это означало, что Кондрашин решил, во-первых, удивить американцев (такой вариант старта в Мюнхене еще не выходил), а главное — сделать ставку на быструю агрессивную игру «легким» составом. Игра показала, что это было оправданно — против сверхжесткой обороны США нужно было действовать неординарно.

У этого замысла, при всех его плюсах, был как минимум один минус. В старт не попал Модестас Паулаускас. Что это означало для литовца, бессменного лидера сборной на протяжении многих лет, можно было только догадываться. То, что он не привык выходить на замену и оказался абсолютно потерян, это факт. К сожалению, второй тайм показал, что от неожиданного удара Модя так и не оправился. Той поддержки от него, которую я привык получать во вторых таймах, на этот раз не было.

Равноценна ли была эта потеря тем преимуществам, которые мы получили в первые минуты игры за счет быстрых грузинских перехватов, прорывов и розыгрышей? Трудно сказать. Но в целом с «легким» составом Петрович, безусловно, угадал. Бороться с США только великолепно освоенным ими оружием — габаритами и мощью игроков, агрессивной силовой игрой — было утопией.

У Штатов в старте на площадку выходят разыгрывающий Эд Ратлеф, атакующий защитник Том Хендерсон, форварды Бобби Джонс и Джим Бревер, центровой Дуайт Джонс. Кроме Бобби Джонса вся стартовая пятерка соперника — черные. Это исключительно мощные, атлетичные игроки. Мы располагаемся на площадке, и судейская бригада — бразилец Ригетто и

болгарин Арабаджян — дают старт. Началось!

1- й тайм

Александр Белов выигрывает стартовый спорный мяч у Дуайта Джонса, и мы начинаем первую атаку. Довольно динамично и неплохо комбинируем, но вывести кого-либо на бросок не получается из-за исключительно жесткой защиты американцев. В результате мы вынуждены делать много поперечных передач, а итоговая атака получается скомканной и невразумительной — Жару не удалось отдать пас в трехсекундную зону, и Сашка вынужден бросать не со своей позиции, через руки обороняющихся. Это не его игра, и он нарывается на «горшок» от Бревера. Теперь очень важно отбиться.

Соперники не очень быстро переводят мяч через среднюю линию, и вот — первый звонок! — Зураб Саканделидзе чуть не перехватывает пас соперника. Тем не менее атака США развивается, они пытаются выйти на бросок, но вновь великолепную реакцию демонстрирует Сако. Взрывное движение, перехват мяча, быстрый прорыв и. только мастерство американского защитника, «подставившегося» под Мишу Коркия, спасает США. Фол в нападении.

Американцы разыгрывают мяч. Несколько передач, активные перемещения игроков, и наша первая позиционная ошибка в защите: Коркия пропустил Бобби Джонса за спину, следует мгновенная великолепная передача Ратлефа. Джонс один под кольцом, но умудряется промахнуться. Похоже, и у американцев присутствует стартовый мандраж.

Наша атака. Быстро переходим на половину соперника. После нескольких передач я выхожу на кольцо слева, выпрыгиваю на бросок, но, увидев, что мой опекун не даст атаковать, сбрасываю мяч Жару. Опять ряд передач, и вот уже Миша Коркия делает хороший проход. Рядом с ним в лучшей позиции для атаки — Жар, но Миша сам пытается бросить в прыжке с одной ноги и вновь попадает под блок-шот. В этом — вечная опасность игры против американцев: кажется, что они дают спокойно бросать, но на самом деле за счет своей мощи и прыгучести успевают блокировать бросок.

Тем не менее после блок-шота мяч оказывается у нас. Ошибка Д. Джонса: он не отблокировал А. Белова, и Сашка великолепно в борьбе забирает мяч под чужим щитом. Это —

необычная ситуация; игра американцев построена на преобладании под щитами, в особенности под своим; на умении переиграть оппонента один в один. Сашка бросает, и Бревер вынужден фолить. Пробивается.

Наш центрфорвард уверенно забивает первый штрафной. Второй мажет, но начало положено!

Быстрый ответ американцев. Такое ощущение, что они уязвлены развитием событий на первых минутах игры. Похоже, что у них что-то не клеится, и подтверждение этому следует немедленно: центровой

Д. Джонс почему-то уходит на позицию третьего номера, мне удается прервать его не слишком удачную передачу, мяч подхватывает Саканделидзе и совершает стремительный прорыв. Хендерсон вынужден останавливать его фолами. Сако безупречен — два из двух. 3:0.

Вновь неспешное начало американцев, и вновь их невынужденная, необязательная ошибка. Д. Джонс делает передачу «в перехват», принимающий мяч игрок не ставит корпус, и — немедленная взрывная реакция Сако. Перехват, быстрый проход под кольцо, и 5:0. Соперники сами себе на ровном месте «привезли» два очка.

Саканделидзе всегда обладал феноменальной взрывной скоростью. 100-метровку он выбегал из 11 секунд, прекрасно выполнял перехваты и прорывы. Если в молодости его скоростные забеги под щит соперника не всегда были оправданными, за что он даже получил прозвище «всадник без головы», то со временем скорость и молниеносная реакция дополнились игровой мудростью. Сейчас он — просто молодец. Первые минуты финала — его бенефис.

Прошедшие минуты показывают, что нам неплохо удается переход от защиты к атаке и наоборот. В защите у нас пока прекрасно действует А. Белов, американцы нервничают. В атаке нам неплохо удается быстро перемещать мяч по периметру, растягивая оборону соперника. Но при этом выйти на чистый бросок никто не может из-за исключительно жесткой обороны американцев. Один в один обыгрывать их никто из европейцев не в состоянии. Пока мы набираем очки только за счет быстрых неожиданных игровых решений.

Миша Коркия фолит на Бревере. Американцы вводят мяч из-за боковой, расставляются на периметре. Мы очень активно действуем в защите. Я работаю в закрытой стойке, спиной к мячу, не давая американцам принимать пас. Главное в баскетболе — это игра без мяча, умение отсечь соперника от передачи, от выгодной позиции для броска. Пот заливает глаза, сердце бешено

колотится, но я в порядке. Это моя игра. Мы гораздо активнее в защите, очень хорошо коллективно взаимодействуем. Соперник явно не был готов к такому отпору.

Американцы вынуждены атаковать наше кольцо издали. Сако немного проигрывает позицию, тактическая ошибка — и немедленный бросок Хендерсона. Просто поразительно, как высоко и с какой легкостью он отрывается от паркета в прыжке! Тем не менее промах. Теперь уже Сашка демонстрирует великолепный прыжок — значительно выше кольца. К сожалению, в прыжке он задевает сетку, что не дает ему чисто взять подбор. Американцы активно идут на щит, завязывается жесткая борьба за мяч, в которой наш центровой не уступает, даже лежа на полу. Спорный мяч.

Спорными выглядят и два следующих решения арбитров. Похоже, им надоели нули на табло напротив строчки «США». Сначала — непонятное нарушение правил А. Беловым при розыгрыше мяча, затем — неочевидный фол Жара на Д. Джонсе в момент броска. Центровой американцев, запоровший до этого несколько передач, мажет и со штрафной. Лишь вторая его попытка успешна, и американцы наконец-то распечатывают наше кольцо. Лишь одно очко за первые пять минут игры! Да, такого начала, похоже, никто не ожидал.

Мы продолжаем играть в выбранном ключе. Недолгий розыгрыш мяча в центре площадки между мной и Саканделидзе, я сбрасываю мяч Сако в угол площадки. Первый раз за игру защита соперника позволяет нам свободный бросок — 7:1. Шесть очков Сако на старте матча.

Американцы начинают играть заметно быстрее и жестче. Видимо, решают, что пора внести перелом в игру. Фол Саканделидзе, несколько наших не слишком удачных действий в обороне. Тем не менее — важный момент! — у американцев издалека бросают «большие», которых мы пока успешно выдавливаем из-под щита. Сейчас по указанию Кондрашина мы играем «зону». Цель таких тренерских вводных — «передернуть» оборону, дать отдохнуть игрокам, посмотреть на реакцию соперника.

Под нашим щитом идет жестокая борьба. Мы применяем тактику защиты, которую отрабатывали два последних года. Она заключается в том, что в момент броска соперника «большие» — пятый номер и форварды — отсекают своих подопечных от щита, не давая им подобрать мяч и закрывая так называемый «треугольник отскока». Подбор совершает кто-то из «маленьких», что одновременно экономит время на начало ответной атаки. Такая игра требует, во-первых, прекрасной сыгранности и

синхронности действий (практически как при создании искусственного офсайда в футболе), а во-вторых — исключительного мужества «больших», настроя на жесткую борьбу. Пока наши парни достойно держатся против сверхмощных соперников.

В развитии следующей атаки американцев происходит примечательный эпизод. Коркия чуть не перехватывает мяч, который летит в аут. Падая за лицевую линию, мяч ловит Сашка и. делает безадресную передачу, которая, к счастью, не достается соперникам, мяч просто покидает поле. Репетиция концовки? Знать бы заранее, что аналогичная ошибка на последних секундах этого матча едва не перечеркнет все, что мы сейчас с таким колоссальным трудом созидаем.

После ввода мяча американцами следует еще одна наша ошибка в обороне: после паса «большому» Сашка пошел на него, «открыв задницу», мяч под кольцом получает Ратлеф и спокойно забивает — 7:3.

В ответной атаке я наконец-то приношу команде свои первые очки. Получив дальний пас, я ушел вправо, поднялся немного вверх и попытался бросить, но поняв, что шанса на хороший бросок нет, «вторым темпом» подставился под фол Хендерсона. Это из разряда небольших баскетбольных хитростей: поднять защищающегося игрока в воздух и подлезть под него, когда он в безопорном положении не может избежать контакта. В таких случаях всегда дают фол в защите. Да, баскетбол — это не просто беготня с прыжками за мячом. Некоторые нюансы игры — похлеще, чем в шахматах. Два из двух.

Агрессивная атака американцев заставляет нас совершить позиционную ошибку. Мощный форвард Джим Бревер оттесняет А. Белова практически за лицевую и вынуждает фолить. Несмотря на необычную технику исполнения штрафных, забивает оба.

Счет становится 9:5. Похоже, агрессивная игра соперников, к которой они перешли пару минут назад, начинает приносить плоды. Сейчас — ответственный момент в игре. Сумеем ли мы сохранить взятые темп и интенсивность действий? Найдем ли, чем дальше удивлять противника? Не попадем ли под каток мощной игры американцев?

Неспециалист обычно замечает, как определяющие итог игры очки набираются в конце игры. Именно в последние секунды матча события на площадке разворачиваются наиболее динамично и ярко. Но немногие понимают, что судьба противостояния может определяться и в середине, и в начале игрового времени. Особое умение — чувствовать эти ответственные моменты, когда от двух-трех подряд удачно

выполненных действий соперник может «поплыть» или хотя бы недобрать тех очков, которых ему потом не хватит в концовке.

Без ложной скромности, я умел чувствовать такие моменты. Готов был показать свою лучшую игру и теперь. И пять последовавших безжалостно точных бросков десятого номера «Красной Машины» заставили набравших ход американцев сбавить обороты, а нашей команде — перевести дух, снова поверить в свои силы и сохранить комфортное преимущество.

После удачного прорыва по боковой линии Миши Коркия, остановленного фолом, у США выходит на площадку «злой гений» нашей команды — 5-й номер Даг Коллинз. Это исключительно умный, резкий, скоростной игрок, пожалуй, единственный из белых американцев, сопоставимый по уровню мастерства с черными, а в чем-то и превосходящий их. Он принимает опеку надо мной от ушедшего с поля Хендерсона. Однако первый опыт оказывается неудачным для опекуна: я фактически использую его в качестве заслона от Ратлефа (я нередко сам для себя организовывал заслон, используя расположение на площадке и своих, и чужих игроков), резким движением выхожу на ударную позицию и точно бросаю. 11:5.

Атакует соперник. Дальний бросок Коллинза неточен, но в борьбе за подбор мне вместо ушедшего на подстраховку Миши приходится бороться с Бревером и фолить. К счастью, до его точного броска. Быстрый ввод мяча сбоку, снова на позиции третьего номера Д. Джонс, дальний бросок через щит и. мяч засчитан, несмотря на то, что Сашка в высоком прыжке снял его с кольца. 11:7.

После своевременного паса Сако в удобной для броска позиции оказывается Жар. Увы, вместо попадания — «сквозняк». Подтверждение того, что в такой игре нужно быть готовым делать все и быстрее, и четче, находясь в непрерывном драйве и движении. Американцы отвечают любезностью на любезность — после паса Коллинза «в перехват» упускают мяч за боковую линию.

Организуя атаку команды, жестом «отгоняю» своих игроков от центра. Дальше происходит то, что я осваивал годами тренировок и менее значимых игр: смещаясь в центр, показываю своему опекуну, что пойду дальше в лицевую. Коллинз верит этому, но я демонстрирую свой противный характер и делаю все наоборот. Резкое движение вверх, прыжок и точный бросок. 13:7.

Видно, что это два болезненных удара для соперника. В их ответной атаке следуют бездарный пас «в задницу» убегающему вниз игроку (прием такого мяча, разумеется, затруднен) и потеря. Наши, наоборот, приободрились — первая в игре силовая атака;

Сашка «попер» на щит и забил, но после фола Бревера. Мяч не засчитан, сбоку. Жаль, что в нашей команде только один игрок, способный на такие действия. У Жара для силовой борьбы со штатниками маловато здоровья.

Быстрый розыгрыш мяча, я удачно открываюсь в углу площадки и еще раз убийственно точно бросаю мяч в кольцо. По сути, это нынешний трехочковый бросок. Кстати, итоговый счет — по полсотни очков на брата — не должен вводить в заблуждение. Без трехочковых, без правила 2+1, при сверхжесткой обороне с обеих сторон — это вполне приличная результативность. Ну, а пока — 15:7. Нокдаун американцев.

Впрочем, этот соперник — не из тех, что сдаются в середине первого тайма. Затяжная атака США, мы удачно обороняемся, но все же даем бросить Дуайту Джонсу. Страхуя Жара, Сашка пытается смахнуть со щита не попавший в кольцо мяч, при этом освобождая Бреве- ра, — 15:9.

Наш ответ. Делаю быстрый проход по правой боковой линии в лицевую, выпрыгиваю для броска, но защитник успевает среагировать, и мне приходится сбрасывать мяч партнеру. Я искал Сашку Белова на даун-пойнте, но он сместился вверх, и Ратлеф прерывает передачу. Аут, наше владение.

На площадку выходит мой очередной опекун, 14-й номер Кевин Джойс, мощный белый защитник. Это хорошо, против белых играть все-таки легче. Штаты берут первый в игре тайм-аут.

Вводим мяч в игру после перерыва. В районе штрафной линии снова сам себе организую заслоны, освобождаюсь от опеки Джойса, высоко выпрыгиваю с зависанием и бросаю по кольцу. Мяч, покатавшись по дужкам, сваливается с кольца. Хотя, если говорить строго, кто-то из американцев в это время касается сетки, так что формально нужно было засчитывать. Подбор у США, их атака и неточный бросок. Боремся за отскок, Саканделидзе довольно рискованно возвращает в поле уходящий в аут мяч. Слава Богу, все заканчивается благополучно, владение у нас.

В ответной атаке разыгрываем достаточно примитивную «двойку» с Жаром. Главное здесь — перемещения вокруг «большого». В результате того, что я «наводился», меняя направление движения, «мой» защитник оказался за Жармухамедовым, введенным в заслон. Я бросаю практически без помех, как на тренировке. Четвертое попадание из пяти, и я победно вскидываю сжатый кулак. 17:9.

Американцы снова «плывут». Плохая передача, бестолковый прием Джойса, и мяч у нас. Быстрая контратака, очередной

прорыв Саканделидзе под щит в гущу соперников и великолепный умный пас на Мишу Коркия. Тот точен, грузинская диаспора делает счет близким к разгромному — 19:9.

Защищаемся. Неточный бросок Джойса, наш подбор, но перед этим арбитр фиксирует нарушение правил — я снова подталкиваю Бревера. Фол не пробивается, я готов продолжить борьбу, но неожиданно получаю команду Кондрашина уйти с площадки. Вместо меня выходит Иван Едешко.

До этого момента сборная СССР играла без замен. Хотя Кондрашин и был любителем часто «передергивать» играющий состав, выпускать игроков на короткие отрезки, на этот раз он вполне прагматично ждал, пока стартовая пятерка сохраняет лидерство — от добра добра не ищут. Почему первым замененным оказался я? Трудно сказать. Скорее всего, Петрович захотел поберечь меня для решающих моментов матча, заметив, что меня после четырех попаданий подряд начали понемногу «поддушивать».

Честно скажу, что я был готов к такому развитию событий. Я был готов играть 40 минут и столько овертаймов, сколько потребуется, при любых вариантах игры. Если бы соперники и арбитры продолжили душить меня, я просто стал бы поменьше лезть в борьбу за выход на бросковую позицию, стал бы больше играть в пас. В любом случае, сажать меня на скамейку надолго точно не стоило — на минуту, не больше. А так — игра в нападении по возвращении на площадку у меня несколько ухудшилась.

Ваня Едешко не сразу входит в игру — дает своему подопечному спокойно принять мяч, но Коркия хорошо подстраховал его, мешая броску американца. Тут же работает «треугольник отскока», и мяч подбирает «маленький» — Саканделидзе. Быстрый переход в атаку, однако наше комбинирование разбивается о жесткую оборону. Итог — перехват и контратака соперников. Ее останавливает только актерское падение Вани Едешко (раньше такие приемы тоже использовались, хотя и значительно реже), подставившегося под Ратлефа. Фол в нападении, владение у нас. У США на площадку возвращается Хендерсон.

Американцы очень активно защищаются. Это уже фактически прессинг. Принимать мяч нашим игрокам они не дают практически уже у центральной линии. Именно туда — к центральному кругу — вынужден выйти наш центровой, чтобы открыться. В итоге Коркия решается на дальний заброс под щит на Жармухамедова, но пас неточен. Вторая подряд потеря.

На нашей половине поля — все с точностью наоборот. Теперь

уже мы активно защищаемся, прессингуя соперника. Явно заметно, насколько подолгу обе команды играют без броска. Миша Коркия перехватывает пас соперника, но на этот раз двое защитников отсекают его от мяча и не дают убежать в прорыв. Атака США продолжается. На бросок выходит Джойс, но хорошо играет Ваня Едешко, выпрыгивая вместе с подопечным и вынуждая его делать неточную передачу. Есть наш перехват, и быстрая контратака, но возврат соперника в оборону — еще быстрее. Все американцы уже на своей половине.

Инициативу снова берет на себя Коркия, быстро проходя по левому краю, но. как говорят, «техника замучила» — попадает мячом себе в ногу. Темп атаки утрачен, хотя она и продолжается. Едешко удачно забрасывает мяч в лицевую на А. Белова, но в этом эпизоде наш центр не решается идти на щит, бросает с дистанции и мажет. Третья подряд нерезультативная атака.

Хорошо хоть, что Штаты тоже грешат потерями. У нас по-прежнему «+10». Но бесконечно это продолжаться не может. В атаке США на ударную позицию выходит Бревер. Он уже несколько раз мазал с этой точки, возможно, поэтому А. Белов встречает его исключительно пассивно, не пытаясь даже хотя бы отодвинуть на пару метров линию обстрела. В результате — дает сопернику комфортно, как на тренировке, бросить. 19:11. Сашка устал?

Коркия снова пытается быстро пройти по краю, на этот раз по правому, и на нем фолят. Я возвращаюсь на площадку, меняя Мишу. В мое отсутствие игра шла вязко и нерезультативно, отрезок закончился со счетом 2:0 в пользу Штатов. Нет, зря Петрович убирал меня с площадки. Нужно было поменять Коркия на Паулаускаса, а Саканделидзе — на Едешко, я нашел бы возможность сбросить на них пару передач, и мы могли в этом отрезке доломать американцев. Не было бы тогда никаких «трех секунд».

Накопленная энергия, клокочущий адреналин ведут меня вперед. Используя свой частый прием — проход справа в лицевую, я «забурился» в самый низ, и оттуда неожиданно для всех бросил — снова точно! Снова сжатый кулак после результативного броска — фирменный жест Сергея Белова.

В атаке США. Неудачная попытка Джойса забить из-под кольца, продолжение атаки, быстрые комбинации соперника. И моя первая ошибка в игре — я запускаю за спину Ратлефа, который немедленно получает пас и забивает. 21:13.

Американцы продолжают фактически прессинговать на своей половине поля. А. Белов, чтобы получить пас от Саканделидзе, вынужден опять выйти почти к центральной линии! Я удачно

открываюсь в левом углу площадки, позиция для атаки вполне приличная, но — промах. Под щитом за подбор яростно бьется Жар, овладевает мячом, но борьба отобрала силы — бросок не получается.

Спустя секунды «туркестанский змей» отличается уже в защите — удачно затрудняет бросок Дуайта Джонса, в результате чего мяч выскакивает из нашего кольца. Подбор не без труда, но забирает Сашка. В этот момент, что примечательно, в нашей трехсекундной зоне буквально куча из наших игроков — мы по-прежнему успешно выдавливаем американцев из-под своего щита.

Ряд скидок перед трехсекундной зоной соперника — и я оказываюсь на убойной позиции. Бросаю без сопротивления и. мажу. Второй подряд промах, плюс ошибка в обороне — нет, «не зря» я посидел на банке. Я очевидно выпал из игры. Быстрая атака США, позиционная ошибка Вани Едешко, и Хендерсон, пройдя в лицевую, уверенно набирает два очка. 21:15.

Начинаем уставать. Сашка Белов заметно «потяжелел». Напряжение в матче не только не спадает, но растет с каждой минутой. Проход под щит Сако и фолы в защите у американцев дают хорошую возможность передохнуть. Видит наше состояние и Кондрашин — следует двойная замена: Болошев меняет Сашку, а вместо меня вновь появляется Коркия. Начинается знаменитое кондрашинское тасование состава — уже через несколько игровых эпизодов я вернусь на площадку.

Чуть больше 2 минут до перерыва. 24:17. У американцев появляется белый «большой» Макмиллен — один из «звезд» NCAA прошедшего сезона, впоследствии долго игравший в NBA, а потом ставший сенатором от штата Коннектикут. Сейчас он создает дополнительное напряжение у нашего кольца, вынуждая игроков в красных майках ошибаться. Коркия не встречает Хендерсона и дает ему спокойно забить — 24:19.

Наша атака несколько сникла. Встреченная жестким отпором противника, моя попытка бросить или найти открывшихся партнеров не увенчалась успехом. В итоге я даю некачественный пас Сашке, перехваченный соперниками. К счастью, и дальний заброс под наш щит Коллинза качеством не отличается — третий в игре перехват Сакандели дзе, и мы снова в атаке. На этот раз пас в трехсекундную зону Сашке у меня получается идеально, таков же и его бросок — 26:19.

В составе соперника появляется 7-й номер — мощный форвард Майк Бэнтам. По-прежнему костьми ложимся в защите, не давая сопернику комфортно принимать мяч и бросать. Однако навыки американцев в борьбе под щитом постепенно начинают проявляться — после неточного дальнего броска первый на

подборе — Макмиллен, он спокойно отправляет мяч в кольцо. 26:21 за 1 минуту и 1 секунду до перерыва.

Продолжаю «загружать» нашего центрового в нижней позиции. Пас проходит, но Сашку сзади по рукам бьет Бэнтам. Игра приобрела несколько «стоячий» характер, но в целом идет правильно. Это обычная тактика расшатывания обороны: сужение фронта защиты за счет передач в нижнюю позицию четвертому-пятому номерам, а затем — передачи на фланги и свободные броски. На площадку возвращается Едешко, меняя Коркия.

Разыгрываем мяч. До окончания тайма — меньше 40 секунд. По указанию тренеров не торопимся, уверенно контролируя игру. Дважды «загружаю» даун-пойнт, на второй раз пас проходит, но Сашкин «полукрюк» оказывается абсолютно беспомощным. Все прямолинейные действия против США в этой игре пока нерезультативны.

Подбор и атака соперника. Издалека бросает Макмиллен, в борьбе под щитом Жар позиционно уступает, получает фол, и у американцев остается 1 секунда на атаку. К счастью, этого времени на хороший бросок недостаточно. Д. Джонс одновременно с сиреной об окончании тайма запускает «сквозняк». Уф-ф-ф.

Перерыв

«+5» после первого тайма — это очень серьезное преимущество, даже против американцев. Вопрос в том, какой ценой оно нам досталось, и способны ли мы удержать его после перерыва? Лидеры команды (за исключением меня) отыграли 20 минут против сверхмощного соперника практически без замен. Особенно тяжело было Сашке — он к концу тайма еле волочил ноги. Меня американцы уже «просчитали» и прихватили достаточно плотно. К тому же у меня — небывалый случай! — после первой половины встречи уже 3 фола. Ладно, время покажет. Тем более, что в отношении себя я был уверен — и в том, что

5 фолов я не получу ни в коем случае, и в том, что сумею распределить силы до конца игры.

В перерыве в раздевалке была абсолютно спокойная, рабочая обстановка. «Накачек» нет, матч складывается по нашему сценарию. Кондрашин лишь еще раз повторяет установку на игру, которая пока срабатывала, и акцентирует необходимость

удерживать созданное преимущество. То, что 5 очков — большой отрыв и что нашей команде должно хватить класса, чтобы удерживать это преимущество до последних минут матча, когда начнут пробиваться все фолы (и ликвидировать отрыв будет практически нереально), мы знали и сами.

2- й тайм

На второй тайм сборная Союза вышла в составе Едешко — Сакандeлидзе — Паулаускас — Болошев — А. Белов. Это по-прежнему легкий состав, с двумя разыгрывающими. Игра сохранила свой характер, и мы выдерживали тренерскую установку, поддерживая равенство в счете и тем самым сохраняя завоеванное преимущество. Первые минуты тайма завершились со счетом 5:4 в пользу СССР.

В то же время в нашей игре наметились проблемы. Явно выпадает Паулаускас. Думаю, нас было нужно обязательно выпускать вместе, я помог бы Моде войти в игру. Мое отсутствие в играющем составе после перерыва вновь не идет мне на пользу, я выбиваюсь из игрового ритма. Балаш смотрится неплохо, не исключено, что даже полезнее, чем Жар. Но им с Сашкой по-прежнему непросто против «больших» соперника. Очередной эпизод, подтверждающий это, — неточный бросок Болошева и неудачная попытка подобрать мяч Белова.

Следует достаточно неорганизованная атака США, закончившаяся авантюрным броском. Подбор забирает Едешко. Наши переходят в атаку, хорошо крутят «восьмерку» на периметре, в итоге следует хороший точный бросок Паулаускаса из угла, но мгновением раньше судьи фиксируют фол в нападении у Белова. Опять Моде не повезло.

Атака США опять довольно беззуба, на подборе снова Едешко. Удачно взаимодействуют два Александра — Белов и Болошев. Первый, воспользовавшись тем, что американцы держат его вдвоем, дает прекрасный пас, а второй удачно прорезает зону и забивает — 33:25. Я возвращаюсь в игру, меняя Сакандeлидзе.

Едешко фолит на Коллинзе. Дальнейший розыгрыш мяча, Ваня ногами проигрывает 5-му номеру американцев, и Коллинз забивает со средней дистанции. Затяжная атака СССР, в ходе которой мы пару раз едва не теряем мяч и которая заканчивается, как и пару минут назад, неудачей — неточный бросок Болошева издалека и достаточно вялая борьба Моди за отскок.

Серия взаимных ошибок продолжается. Бездарный бросок Ратлефа, попытка А. Белова организовать быстрый прорыв пресекается тем же Ратлефом. Аут. Все это очень хорошо объяснимо — напряжение в игре колоссальное. Оно напоминает мне невероятно высокую ноту, которую заведомо сверх своих сил взял музыкант, или натянутую сверх всякой меры струну, которая в любое мгновение может порваться. С таким напряжением сил и нервов, с такой эффективностью мы никогда еще не играли. Насколько нас еще хватит? Вот ключевой вопрос.

Наша атака после ввода сбоку. Сашка выводит меня на бросок, я высоко выпрыгиваю и. умышленно нахожу руку Коллинза, который, хотя и проиграл мне в скорости, продолжал активно препятствовать броску. Судья свистит фолы. Американец протестует, показывая, что сначала я отталкивал его. Это не так, вернее, не совсем так. Я нашел контакт с опекуном рукой, в которой у меня был мяч.

В баскетболе многое зависит от внутреннего кодекса чести игрока. В атаке можно сыграть так, чтобы повыбивать сопернику зубы, сломать нос, а потом еще и бить штрафные за фолы в защите. Ничего даже отдаленно похожего в моих действиях нет — только чуть больше хитрости и опыта, чем у молодого оппонента. Пройдет время — он сам будет так играть в своих восьми сезонах в NBA. А пока — извините, ребята, я должен действовать наверняка. Бросок с сопротивлением — вещь ненадежная, а в своих штрафных я уверен на 100%.

Увы, это оказывается не так. Неожиданно для всех, и для себя в первую очередь, я мажу первый бросок. Это для меня — чрезвычайное происшествие, при моих более чем 90% попаданий с линии штрафных за карьеру. С другой стороны, откуда могли появиться недостающие 10%, если не из таких матчей? В общем, никакого мандража не было, просто рабочий момент. Сразу же после забитого второго броска звучит сирена — меня меняет Коркия.

Под нашим щитом происходит отчаянная борьба. Бревер оступается и падает с мячом в нашей трехсекундной зоне — это вообще-то пробежка, но судья пропускает эпизод. Балаш проигрывает позицию Д. Джонсу и, выбивая у него мяч, вынужден фолить. Мяч свечкой улетает вверх, а Джонс идет пробивать штрафные. Первый — точно. Я возвращаюсь на площадку, меняя Едешко. Второй — мимо, и подбор наш. 34:28. 12 минут 30 секунд до конца. Нормально. Мы по-прежнему уверенно «тащим» свои «+6». Еще немного, и игра перейдет в благоприятный для нас эндшпиль. Но тут начинаются катаклизмы.

Конечно, иначе и быть не могло. Не могло такое

противостояние закончиться спокойно и размеренно. 63 победы в 63 играх — это что-нибудь, да значит. Но Боже, как хотелось дожать американцев только на классе, без кровопролития! Увы, этому не суждено было случиться.

Началось все с двух подряд прерванных передач — Хендерсон послал мяч в аут после моего паса Коркия, а Ратлеф — после модиного паса Болошеву. Ежесекундные остановки игры внесли в нее какую-то сумятицу, дополнительное напряжение. После ввода мяча я вышел на атакующую позицию и в высочайшем прыжке, зависнув в воздухе, отправил мяч в кольцо увы, неточно. Но напряжение не спало, и под щитом за отскок развернулась жесточайшая борьба Дуайта Джонса и Миши Коркия.

Коркия, как я его уже характеризовал, был игроком «безбашенным», отчасти в хорошем, отчасти в плохом смысле. Для него на площадке не было авторитетов, тормозов, ограничений. Он готов был порвать любого, кто попадался ему на пути. При этом, несмотря на не ахти какую мышечную фактуру (ее, пожалуй, не было ни у кого из советской сборной), Миша был очень крепким, жилистым, а главное, взрывным. Это — о «хорошем смысле». С другой стороны, отсутствие у него тормозов часто вредило командам, за которые он выступал.

Как оценить то, что случилось на этот раз? Да, напряжение в игре готово было в любой момент выплеснуться через край. В борьбе за этот мяч никто не хотел уступать, ни темнокожий парень, ни наш кавказец. В итоге через доли секунды борьба за мяч перешла в драку. Границу перешел, я в этом уверен, Джонс — это он в борьбе за мяч несколько раз заехал Мише локтем в голову. Вина Миши была в том, что он вышел за рамки собственно баскетбольной, пускай и с нарушениями правил, борьбы и приступил к выяснению отношений — агрессивно налетел на соперника. Дальше, собственно, ничего криминального не произошло: игроков немедленно разняли, американец при этом картинно стоял в боксерской стойке. Но решение арбитра было обоюдно жестким — удаление обоих до конца матча.

Вероятно, бразилец решил пресечь на корню начинающие бить фонтаном страсти. Думаю, обоюдное удаление было правильным — любое несимметричное решение испортило бы игру. Правильным ли было решение об удалении в принципе? Вот тут не знаю, скорее всего — 50 на 50.

Наконец, как оценить действия Коркия в этом эпизоде? С одной стороны — подвел команду, ограничив возможности Кондрашина по варьированию состава. Миша до этого получил

много игрового времени и, несмотря на эпизодические глупости, действовал очень удачно. С другой стороны — он вывел из игры Джонса, который, хотя и забил немного, позиционно играл еще более полезно. Известно высказывание Петровича после игры: «Ты сыграл полезнее всех в защите, выбив у них лучшего игрока... »

Дисбаланса в психологическое состояние команды удаление Коркия не внесло. Мы даже особо не отреагировали на случившееся — только добряк Ваня подбодрил уходящего с поля товарища. Напряжение в игре также не прибавилось — оно и так шкалило. Возможно даже, что выпустить пар было и неплохо.

Думаю, польза от этого эпизода, а тем более от того, что последовало непосредственно за ним, была как минимум в одном. На протяжении многих лет сборные СССР сформировали о себе представление как о подчеркнуто корректных командах, игроки которых никогда не отвечают даже на откровенные провокации. Американцы хорошо об этом знали и не упускали случаев этим пользоваться, вели себя на площадке подчас просто безобразно. То, что они получили немедленный и жесткий отпор в ответ на свою грубость, дало им сигнал — сегодня это у вас не пройдет. Ставки в игре слишком высоки, и нам плевать на наш слепленный коммунистической пропагандой имидж.

Итак, после замен арбитры назначают спорный. Прыгают А. Белов и Д. Бревер. О том, что произошло дальше, я уже рассказывал — локоть нашего центрового нашел голову американца. Тот, потеряв равновесие, упал и при падении хорошо приложился головой о паркет. Еще раз повторю — достоверно никто уже не скажет, случайным или нарочитым было движение Белова. И я не могу сказать наверняка, что это было умышленно. Могу точно сказать лишь, что это была борьба за золотые медали.

Бревер лежит пару минут на паркете, но уже в скором времени возвращается на площадку. Американцы по-прежнему исключительно сильны. И злы — особенно теперь — тоже исключительно. Арбитры после двух произошедших эксцессов «дуют на воду» и дают фол Болошеву просто за легкое касание американского игрока. Соперник неудачно развивает атаку, Сашка по-прежнему настроен не по-доброму, с мясом вырывая мяч на подборе у того же Бревера.

Наша атака тоже нерезультативна. Неплохо, в своем стиле, бросал Паулаускас, но мимо. Дважды пытался подправить мяч в кольцо Сашка, но безуспешно. До конца — 11.19. На площадку, меняя Болошева, возвращается Жармухамедов. Балаш очень полезно отыграл отведенное ему тренером время, здорово помог команде. Впрочем, и Жар немедленно по возвращении забивает. Модя влез в середину, стянул на себя нескольких соперников и

хорошо откинул «змею» — тот бросает со своей любимой точки практически свободно — 36:28.

США снова без очков — неточный бросок Коллинза. Быстрая атака у нас не получается, переходим в затяжной позиционный розыгрыш, который оканчивается неточным броском Паулаускаса. Модю подвели жесткие кольца, о которых я уже говорил. Но в этой ситуации жесткое кольцо сыграло за нас — отскок от него настолько силен, что мяч отлетает за трехсекундную зону прямо ко мне в руки — халявщику Белову опять «проперло». Мой бросок издевательски точен, и — во второй раз в этом матче — «+10».

Баскетбольная фортуна демонстрирует беспристрастность — теперь у нас начинается черная полоса. Эд Ратлеф «перевисел» в воздухе Паулаускаса и забил сложнейший мяч. Сразу за этим «два ведения» у Едешко, мяч снова у соперника, и — мягкий точный бросок Бревера. Жесткая борьба под щитом американцев, А. Белов сбрасывает Жару, его бросок с нарушением прерывает Ратлеф, но наш игрок мажет оба штрафных. Возвращаем подобранный мяч на половину соперника, дважды бросает Паулаускас — и оба раза мимо.

Да, жертва Паулаускасом оказалась с тяжелыми последствиями — его точных бросков нам очень не хватило. Американцы отбились, организуют мощную атаку и после промаха издалека Коллинза и отчаянной борьбы за отскок заталкивают мяч в наше кольцо. На площадке на позиции пятого номера у нас в этот момент Болошев. Сашка отдыхает, и сразу бросается в глаза, как мы теряем в мощи без него. 38:34, от нашего запаса прочности не осталось и следа.

Невезение продолжается — мой дальний выстрел неточен. Мяч ударяется о переднюю дужку — верный признак того, что бросок плохо подготовлен. Жар пытается поймать отскок, но ему мешает Ратлеф. На площадку выходят А. Белов и Едешко, меняя Паулаускаса и Саканделидзе. Пожалуй, впервые в игре у нас «тяжелый» состав — на поле одновременно трое «больших» — Белов, Болошев и Жармухамедов. Что задумал Кондрашин? Он берет свой первый тайм-аут.

Смена состава принесла свои плоды — мы снова увеличиваем отрыв, 44:36. Только что после моего броска Жар взял подбор, на нем сфолил Бревер, и наш 7-й номер на этот раз пробил штрафные идеально. Кондрашин начинает экономить силы лидеров перед последним марш-броском — на площадку впервые выходит Геннадий Вольнов. Он неплохо защищается, организует атаку, но она оказывается слишком затяжной. Впервые в игре у нас отбирают мяч за превышение 30-секундного лимита.

Пять минут до окончания игры. У американцев появляются

Форбс и Джойс. Мы удачно взаимодействуем с Вольновым, и я убегаю в проход через всю площадку. Увы, из-под щита мне забить не удается, в том числе из-за толчков в спину, оставшихся без реакции арбитров. Симметричный ответ американцев, и Джойс более удачлив — 44:40. Странно, но этот игрок, прекрасно проявивший себя в решающие минуты финала, впоследствии в NBA не играл.

Американцы начинают прессинговать по всей площадке. Одновременно их игра стала более свободной. Если раньше они явно были зажаты волнением и жесткими тренерскими схемами, то теперь они, похоже, плюнули на все, раскрепостились и пошли ва-банк. Вот оно, самое страшное, что должно было случиться в этом матче. Давление США становится просто чудовищным. Тут-то я и совершаю еще одну неприятную ошибку — преодолевая прессинг, при ведении попадаю мячом себе в ногу — аут. Немедленный розыгрыш мяча, и Джойс в раннем нападении впервые сокращает до минимального — 44:42.

К сожалению, наша установка на второй тайм не сработала. Американцы слишком мощны, а в нашей команде оказалось слишком мало игроков, способных на равных соперничать с ними в силовой игре. После того, как устал Сашка (рано или поздно это должно было случиться), мы здорово просели. Нам не удалось войти в концовку с комфортным преимуществом. Становится ясно, что худшее — впереди.

Зал ревет, он бешено поддерживает соперников. Наших болельщиков, до этого заглушавших всех дружным «Мо-лод-цы!», теперь совсем не слышно. У нас на площадку возвращаются А. Белов и Сакандeлидзе. Страсти начинают закипать, это усугубляется тактикой американцев — они по-прежнему прессингуют по всей площадке. Очередной стремительный проход Сако под щит остановлен лишь нарушением правил. Увы, нервы сдают даже у ветерана — оба броска мимо.

Неточный бросок Джойса, наша быстрая контратака, и вот уже Джойс фолит на Паулаускасе. Все, пошли три последние минуты — все фолы пробиваются. Настала очередь железного литовца проверить свои нервы. Первый мимо. Второй точно.

Американцы устали — это очевидно. В атаке они уже не слишком изобретательны, только мощь и агрессия. Дальний бросок Хендерсона неточен, начинается наша атака, и Ратлеф зачем-то пытается вырвать мяч из рук Паулаускаса. Это довольно тяжелая задача даже для мощного негра ростом под 210 см. Модя вновь встает на линию штрафных, и на этот раз он абсолютно хладнокровен — 47:42. До конца этой невероятной игры 2.32. Мы восстанавливаем комфортное преимущество. Неужели это еще не

все?..

Атака США. Мажет Форбс, но подбор забирают его товарищи. Короткий розыгрыш, и снова Джойс великолепно бросает с прямых рук через Едешко. Этот матч явно не лучший в карьере нашего разыгрывающего. Сразу же после этого он совершает еще одну ошибку — решив пойти в проход, слишком активно наваливается на Коллинза и дает повод свистнуть фол в нападении. Явного нарушения нет, но Коллинз не шит лыком, показывая, насколько же крепко ему досталось.

Он оба раза точен с линии штрафных, и разрыв сокращается до одного очка. 47:46 за 1.50 до конца. Уже глубокая ночь. Наши силы иссякли. Зал ревет еще громче, поддерживая противника. Это просто настоящий ад, но нам нужно выйти из него победителями. И вот после первого броска Коллинза я, мысленно перекрестившись, выхожу со скамейки в его пекло. Я готов умереть, но вырвать зубами нашу победу.

Снова преодоление прессинга. Продемонстрировать навыки ведения приходится даже нашему центровому. Мяч в конце концов оказывается у Сакандeлидзе, и Джойс довольно примитивно фолит. Возможно, надеется, что Сако опять оба раза смажет? Нет, на этот раз наш разыгрывающий точен и бурно радуется набранному очку — своему последнему в этом матче. Второй бросок он все-таки мажет. До конца 1.25. Из последних сил сборная СССР карабкается к своей победе, буквально выгрызая у соперника каждое очко.

Затяжная атака соперника. Неточный бросок Джойса. Кажется, что владение наше, но сразу три соперника бросаются на мяч, как стервятники, и отсекают и меня, и Сако, по-моему, с явным нарушением правил. Насколько же они мощны! И как же мы вымотаны этим адским противостоянием. Атака продолжается, вновь неточный бросок. На этот раз я уверенно забираю мяч, но тут Майк Бэнтам фолит на мне под нашим щитом, и судья назначает в кольцо американцев два штрафных броска.

На табло горят надписи: СССР — США. 48:46.

До конца игрового времени — 55 секунд.

Глава 17
СЕКУНДЫ СЛАВЫ

Мистика

Много раз на протяжении всей своей последующей жизни я пытался осмыслить, что же произошло тогда со мной и моими товарищами в те последние 55 секунд последнего матча мюнхенской Олимпиады. И ничего логически обоснованного в мою голову не приходило. Кроме одного: концовка матча и его исход были абсолютно иррациональными, нелогичными, но. абсолютно справедливыми.

Невероятные ошибки советских игроков, до этого на протяжении всего этого сложнейшего матча действовавших как автоматы — жестко, рационально, практически безошибочно. Невероятное везение американцев, впервые вышедших вперед в этом матче за 3 секунды (!) до его окончания. Фактический провал сборной СССР — звучащая сирена об окончании игрового времени, зафиксировавшая этот чудовищный для нас итог — «-1», и ликующая заокеанская толпа, вывалившаяся на поле. Внезапное появление шанса на спасение — настолько слабого и призрачного, что его и в расчет не стоило принимать.

И наконец — само это фантастическое спасение! Выросший из этого крохотного, слабого лучика надежды мощный столб света, раскидавший наших хваленых соперников по углам площадки, неумолимо и безоговорочно поставивший все на свои места. Победа! Воистину Богу было угодно сначала низвести нас до самой крайней глубины отчаяния и ничтожества, а потом снова возвысить до сияющих высот. Впрочем, обо всем по порядку.

Борьба

Тайм-аут американцев тянется бесконечно долго. Наконец, команды снова на поле — в своих боевых составах, которым тренеры доверили решать судьбу этого тяжелейшего матча. У США это Коллинз, Хендерсон, Джойс, Форбс и Макмиллен. У нас

— стартовый состав с заменой Коркия на Паулаускаса. Наконец-то мы рядом на площадке с моим старым напарником и другом. Эх, старина, сколько передряг мы прошли с тобой вместе перед тем, как оказаться в этом пекле! Ну что, дадим им прос...ся, как в былые времена? Только вот не поздно ли?..

Все вокруг меня сливается в какой-то невообразимый фон и словно исчезает. Передо мной — только кольцо, которое я должен поразить.

Если это произойдет, у нас будет «+4» и неплохие шансы в концовке. Я абсолютно уверен в том, что забью два из двух.

Трудно сказать, что со мной происходит, но я мажу первый бросок. Это не было неуверенностью в своих силах, небрежностью, слабостью. Просто так случилось. Просто это была последняя минута матча за золотые медали Олимпиады.

Модестас Паулаускас, подойдя сзади, дает мне дружеский подбадривающий подзатыльник. Его лицо абсолютно спокойно, как будто ничего страшного не произошло. Это при том, что он-то знает, что значит не забить решающие штрафные в концовке, когда ты — лидер и снайпер, когда все ждут от тебя только одного. Уверен, что Любляна до сих пор сидит у него в печенках.

Я забиваю второй бросок, и наше преимущество теперь выражается тремя очками. В этом матче, по логике баскетбола, времени остается на две атаки — соперника и нашу. Простая арифметика предоставляет лучшие шансы нам. Эх, если бы баскетбол поддавался правилам арифметики!..

Атака США исключительно мощна. Они заряжены на победу, они почувствовали вкус крови. Отставая на протяжении всей игры на 5-6, а порой и на 10 очков, ценой неимоверных усилий, используя наши ошибки и свои преимущества, эти парни совершили невозможное — затащили в концовку, казалось, безнадежно проигранный матч. Это невероятно сильная команда, равной которой я еще не видел. Противостоять ей чрезвычайно трудно, особенно сейчас, в эти последние секунды. Чем они обернутся для нас? Станут секундами славы или секундами трагедии и разочарования?

Пока все развивается наихудшим для нас образом — быстрый розыгрыш, и дальний бросок Форбса убийственно точен. Наша защита в этот момент действовала не лучшим образом. Жар должен был играть ближе к атакующему игроку, но пошел вниз брать Макмиллена, Сашка в последний момент решил выйти наверх, но было слишком поздно. Такое ощущение, что наши просто не разобрались, кто кого закрывает. Но все равно — у нас осталось одно очко преимущества. Самое дорогое, выстраданное. Способное стать решающим в этой нечеловеческой борьбе.

Для этого нужно просто убить как можно больше времени в нашей атаке, по возможности результативно атаковать чужое кольцо, но даже если это не получится — намертво встать в защите, не давая сопернику бросить или подставиться под фолы. Задача — решаемая абсолютно гарантированно против любого другого соперника. Против США — непростая, но осуществимая. Если не допустить грубых ошибок.

Мы вводим мяч в игру. Сборная СССР прекрасно сыграна, нас не зря называют «Красной Машиной». Мы умеем сохранять владение мячом, умеем убивать время. Именно за это мы и принимаемся сейчас. Сергей Белов — Паулаускас — Сакандeлидзе. Несколько передач, перемежаемых ведением мяча, в районе центрального круга, сожгли порядка 10 секунд. Советские игроки уверенно контролируют мяч, при этом готовые в любой момент воспользоваться оплошностью соперника и вывести партнера на бросок. Сашка Белов бросает в бой последние силы — он, как лев, бьется возле трехсекундной зоны, не давая оттеснить себя с угрожающей кольцу соперника позиции. Модестас Паулаускас уводит мяч в правый угол площадки. Короткая передача А. Белову, возврат мяча Паулаускасу.

Можете мне не поверить, но до того как приступить к этой главе, я на протяжении 38 лет никогда не смотрел полностью видеозапись этого матча. Может быть, пережитое тогда потрясение не позволяло мне это делать, может быть, я боялся разочароваться видеокартинкой, которая, как я уже говорил, не способна передать и малой доли колоссальной энергетики того противостояния. Так или иначе, я никогда всерьез не анализировал возможных игровых вариантов сборной СССР в те последние секунды игры и только сейчас готов это сделать. Сразу же оговорюсь: прекрасно знаю, что история не терпит сослагательного наклонения, и более всего я далек от мысли упрекать кого-то в неправильности принятых решений. Это была такая игра, в которой любое решение, сохранявшее шанс на победу, было подвигом.

Итак: Модестас Паулаускас увел мяч в правый угол площадки. В этот момент перед ним открылись сразу несколько вариантов развития событий. Первый: отдать пас Сашке Белову под прорезание с последующим броском из-под щита, поскольку Форбс, опекающий Сашку, стал выдвигаться навстречу Моде, и трехсекундная зона практически свободна. Второй: сделать пас Сашке, пройдя немного вниз, дополнительно убив пару секунд. Третий: бросить с прыжка самому, потому что Сашка держит Форбса насмерть, в то же время занимает выгодную позицию для борьбы за подбор. Четвертый: пройти под щит, убивая время.

Именно так и поступил Модестас — видимо, решил не рисковать.

Катастрофа

Игра перемещается на левый край. Модя отдает Саканделидзе, тот мне, я возвращаю Паулаускасу. Еще несколько секунд сгорели. Мы можем пытаться и дальше тянуть время, но в этот момент Модестас видит, как прекрасно открывается под щитом Сашка, и немедленно дает ему точный пас.

Наш центровой находится в выгодной позиции для атаки кольца, но ему мешает американец. Бросок из-под щита неточен, мы уже готовы вернуться в оборону, но Сашка каким-то невероятным образом подбирает этот отскок! Мяч снова наш! Это — победа!

Я успеваю взглянуть на табло. До окончания матча — шесть секунд. Нет никаких шансов, что мы выпустим мяч из рук и дадим американцам хотя бы пересечь центральную линию. В непосредственной близости от Сашки находятся по меньшей мере три наших игрока — матерые, опытные волки, с вновь загоревшимися глазами, знающие, что сделать с мячом в эти шесть секунд. Наконец, Сашка может сам обхватить мяч и стоять, не отдавая его сопернику, пока арбитр не свистнет, — на розыгрыш спорного уйдет еще пара секунд, и победа наша!

Идеальным вариантом в этой игровой ситуации было отдать в пол пас Жару, который совершенно один стоит под кольцом американцев. Вариантом похуже — дать пас в борьбу Паулаускасу: это, как минимум, еще несколько секунд и, скорее всего, фолы на Моде. Наконец, самый «рабочий» вариант. Буквально в двух метрах вверх от А. Белова у боковой линии, совершенно свободный, стоит его однофамилец, способный сделать с мячом все, что угодно, но убить эти злосчастные шесть секунд.

Сколько же раз я потом мысленно проигрывал эту ситуацию! Всего несколько секунд отделяют нас от великой победы. Американцы проиграли, они уже ничего не успеют, как бы мощны они ни были. Получив мяч, я готов его хоть под майку засунуть, но не дать соперникам к нему прикоснуться. Я прекрасно умею подставляться под фолы и с линии уже точно больше не промахнусь.

Наш успех зашатался несколько минут назад, когда мы не смогли вытерпеть жесточайший прессинг соперника, да и нервное

напряжение сказалось. Но теперь справедливость восторжествовала. Мы были достойны победы в этом матче, и было бы нечестно, если бы мы проиграли. Все!

Такие мысли пронеслись у меня в голове, пока я стоял, полностью собранный на борьбу, ожидая паса однофамильца. Уже сейчас, задним умом, я понимаю, что и утрата лучших игровых вариантов, и чудовищная ошибка Сашки, и все предыдущее развитие событий совершенно закономерны. Это следствие нечеловеческого напряжения, которое мы выдерживали на протяжении 49 минут 54 секунд этого матча. Сейчас понимаю. Но тогда.

Падая за лицевую линию, глядя мне прямо в глаза, Александр Белов отдает дикий по неточности и нелогичности пас куда-то по диагонали в сторону Сакандeлидзе.

Это была катастрофа. Сако абсолютно не был готов к приему того мяча, у него, думаю, и в мыслях не было, что такое игровое решение может прийти Сашке в голову. Его окружают американские игроки, немедленно рванувшие на перехват. Один отсекает нашего защитника от мяча, другой — Даг Коллинз — прерывает передачу, завладевает мячом и стремительно несется к нашему кольцу.

Глубина отчаяния

В этой ситуации сборная СССР висела на волоске от абсолютной и уже непоправимой гибели. Если бы Сако невероятным усилием не догнал Коллинза и не столкнул его с траектории движения под самым нашим щитом, шансов у нас уже не было бы. Время после забитого мяча тогда не останавливали, и 3 оставшиеся секунды матча ушли бы как раз на то, чтобы подобрать мяч и ввести его в игру. Временем на атаку мы бы уже точно не располагали.

Сакандeлидзе спас ситуацию, сохранив для нас пусть эфемерный, но шанс. Приложил он Коллинза от души, тот улетает под стойку и долго лежит на паркете, получая медицинскую помощь, а на деле, конечно, приводя в порядок дыхание перед штрафными бросками. Бросками, которые с величайшей вероятностью принесут его команде новую олимпийскую победу.

Когда Коллинз встает, глаза у него злые и решительные. Крайне мало шансов, что он промахнется. Тем не менее

Кондрашин не потерял присутствия духа в этот момент, когда в одно мгновение рухнуло дело всей его жизни. Рухнуло как никогда близко к своему счастливому и заслуженному осуществлению, по вине человека, которому он доверял больше всех. Но Петрович — профессионал, он будет биться до конца. И в паузе между бросками Коллинза звучит сирена, извещающая судей в поле о том, что советский тренер попросил тайм-аут.

Коллинз забивает оба. США впервые в этой игре выходят вперед — 50:49. В зале происходит что-то невообразимое. Ликование американцев и их болельщиков не поддается описанию. В этой суматохе никто, включая игроков сборной СССР, не обращает внимание на то, что время после второго броска Коллинза запущено. Тайм-аут нам не дали.

За много лет игры в баскетбол я хорошо изучил свои возможности и знал, что могу довести мяч до средней линии за 1 секунду. Еще одна — на приближение к трехсекундной зоне и выход на ударную позицию. Наконец, последняя секунда — на бросок. Я знал, что успею. В баскетболе мяч считается забитым, даже если он влетел в сетку после сирены. Главное, чтобы бросок был выполнен до нее.

Я бросаюсь вперед и, к своему изумлению, едва приблизившись к центру площадки, слышу сирену. Она не может быть сиреной об окончании игры, три секунды явно не прошли. А, вот в чем дело. Петрович заставил судейский столик остановить игру, вырвал-таки зубами свой тайм-аут. Если бы не он, неизвестно, чем бы все завершилось.

Американцы протестуют, но пока еще не слишком яростно. Таймаут — святое право команды, и они знают это. Кроме того, они верят в свою победу. Теперь это их игра. Мы, будучи профессионалами, это тоже понимаем. Потрясенные и опустошенные, мы подходим к своей скамейке.

Наверное, это был самый необычный тайм-аут за всю мою спортивную карьеру. Я очень плохо помню, что происходило в течение этого минутного перерыва. Думаю, большинство советских игроков — тоже. Даже на видеозаписи видно, что команда разбрелась вокруг скамейки, Кондрашин яростно втолковывает что-то только А.Белову и Едешко. Я тоже стою чуть поодаль, поэтому не слышу знаменитые кондрашинские: «У нас вагон времени. Успеем выиграть и еще раз проиграть». Я понимаю, что если как-то и можно спасти игру, то только удачным розыгрышем через «больших». У меня в данной ситуации может быть только одна роль — оттягивать на себя игроков соперника, которые еще помнят о моей способности бросать по кольцу. Еще, может быть, страховать подбор.

Все наши игроки находятся в состоянии шока. Победа, к которой мы шли уверенно и логично, ускользнула от нас на наших глазах. Как это могло произойти? За что нам это? Это были крушение надежд и глубина отчаяния, не выразимые словами.

Спасти нас способен только очень быстрый и длинный пас от своего щита к щиту соперника. Даже самый быстрый и удачный розыгрыш мяча здесь не поможет — не хватит времени. Именно так и пытаемся мы действовать при возобновлении игры. Впрочем, запись не дает полного представления о том, что происходило на площадке. А случилось следующее: Ваня Едешко не делал длинного заброса, как это может показаться. Он коротко сунул мяч Модестасу, и уже тот выполнял этот заброс, который Сашка Белов не сумел принять под кольцом.

Это решение ущербно сразу по двум основаниям. Во-первых, Модя все-таки снайпер, а не разыгрывающий. Пас в его исполнении явно не так хорош, как должен быть. Во-вторых, — и это главное: отсчет времени начинается в тот момент, когда после ввода мяча в игру он оказывается у кого-то из находящихся на площадке. В данном случае он пошел сразу, как мяча коснулся Модя. А это означает, что даже отыграй мы полностью положенные три секунды, времени на бросок Сашке, скорее всего, не хватило бы.

Звучит финальная сирена, тонущая в реве трибун. Вся американская команда и десятки болельщиков высыпают на площадку. Их ликование и торжество неудержимы. На площадке и в зале творится какая-то вакханалия. Это конец.

Надежда

Человеком, руками которого Бог спас сборную СССР, был англичанин доктор Уильям Джонс, генеральный комиссар ФИБА. Умнейший и интеллигентнейший человек, бесконечно преданный баскетболу, прекрасно знавший правила игры и ревностно следивший за их неукоснительным и справедливым применением. Это он заметил, что, возобновляя игру после тайм-аута, судьи не «отмотали» назад ту секунду (или секунду с небольшим), что прошла после первого ввода нами мяча в игру. Это он не побоялся прервать ликование американцев, пробился к судейскому столику и потребовал переиграть последние три секунды. Это он, не будучи апологетом или агентом влияния

Советов, просто показал, как должен вести себя честный и порядочный человек. Если бы не он, никакие последующие протесты, уверен, не изменили бы результата матча.

Американцы бурно протестуют. Тренер Айба подходит к столику выяснять отношения. Но судьи под давлением Джонса уже приняли решение: три последние секунды будут переиграны. У нас снова появляется шанс.

Страсти понемногу успокоились. Команды возвращаются на площадку. Американцы, похоже, все равно не верят, что за оставшееся время можно что-то сделать. Они по-прежнему относятся к нам свысока, считая весь ход финального матча недоразумением, а свою победу — естественным и закономерным развитием событий. Иначе и быть не могло. Они — лучшие. Вся эта свистопляска с двукратным возобновлением игры — не более чем европейские штучки, которые не способны повлиять на результат. Нужно просто перетерпеть это и — уже по полной — отпраздновать успех.

Это была их явная ошибка. Все дело в том, что сборная СССР не сдалась. Несмотря на неудачные предыдущие розыгрыши мяча, несмотря на отсутствие стройной организации в эти последние мгновения, мы по-прежнему хотим победить. Видимо, эта мощная энергетика и оправдывает нас. Нелогичная, сумасшедшая, непонятная нормальному человеку с Запада. Она сродни той, что была у наших отцов под Сталинградом.

Сенсация

Мы снова расставляемся по площадке. На лицевой — Ваня Едешко, он будет вводить мяч. Перед ним Том Макмиллен, пытающийся помешать нашему разыгрывающему. Впереди, под щитом американцев, в окружении двух опекунов — Джойса и Форбса — Сашка Белов, на него пойдет передача. Я, Жар и Модя — посередине, оттягивая на себя игроков команды соперника.

Не исключаю, что идея прямого паса через всю площадку возникла у Ивана спонтанно. Возможно, он не верил до конца, что А. Белов может настолько удачно открыться под чужим щитом, чтобы принять такую сложную передачу. Но Сашка делает это, выполняя нехитрый финт — рванув вверх, к центральной линии, а затем — назад, вниз. Все это время скамейка сборной Союза орала Ване: «Сашку! Сашку смотри!»

И он увидел. И отдал тот уникальный по точности и силе

пас, который позволил Сашке в окружении двух повалившихся навзничь американцев принять мяч под кольцом соперника и сохранить все оставшиеся три секунды лишь на то, чтобы спокойно, как на тренировке, положить мяч в кольцо. И Сашка сделал это — именно как на тренировке, причем не в сборной СССР, а в детско-юношеской спортивной школе. Осторожно, даже робко, двумя руками от щита. Одновременно с падением мяча в корзину зазвучала — теперь уже точно в последний раз — сирена об окончании матча. 51:50. Мы победили!

В момент «золотого» броска я, страхуя Сашку, выпрыгивал на щит, чтобы при необходимости подправить мяч в кольцо. Это было моим последним действием на площадке в том матче — подбор не потребовался. Все было кончено.

Опустившись на паркет после прыжка, я развернулся и кратчайшим путем пошел через площадку к нашей скамейке. В зале и на поле творилось что-то невообразимое. Рев трибун, объявления диктора, ликование сборной СССР, яростная полемика с судьями американцев — все слилось воедино. Я не побежал ликовать вместе с ребятами, устроившими кучу-малу, у меня просто не хватило бы на это сил. Я только обнял попавшегося мне по дороге Башкина. Запомнил, что его спортивная куртка была насквозь мокрой, как будто это он отыграл этот страшный олимпийский финал.

Я сел на трибуну за скамейкой сборной СССР и просто сидел, ничего не замечая вокруг себя и ничего не ощущая. Все опять исчезло, вокруг меня была полная пустота. Меня сотрясали сухие рыдания. Все, к чему я стремился, к чему я шел всю жизнь годами тренировок, игр, турниров, скандалов с тренерами и партнерами, — осуществилось. Осуществилось совершенно невероятным образом, после того как мы сначала сделали все сверхпрофессионально, потом надломились и совершили несколько чудовищных ошибок, которыми перечеркнули все свои усилия. И уже когда по всей логике игры в баскетбол у нас не было ни малейшего шанса на успех, — необъяснимо, мистически, но мы выиграли. Это была иррациональная победа, дарованная нам Богом. за что? У каждого — свой ответ на этот вопрос.

Не знаю, сколько времени я провел в этой прострации. Лишь начав выходить из нее, я заметил, что рядом со мной на трибуне стоит Генка Вольнов и отгоняет от меня болельщиков. Старый баскетбольный волк, наживший на площадке железные зубы и седую бороду, сумевший помочь команде и на своей последней Олимпиаде, — он знал, что для меня значила эта игра, и какова цена такой победы.

Успех сборной СССР был выдающимся, невероятным. Скажу еще раз — при всей мощи «Красной Машины», при всей ее нацеленности на золото практически никто не верил, что американцы действительно могут быть побеждены. Думаю, большинство наших игроков, хотя и отдали все для победы, тоже до конца не верили в успех. Впечатления от победы оказались особенно сильными после начисто проигранных последних минут игры и сумасшедшей развязки противостояния. Не удивительно, что мои товарищи, впервые в истории своей страны ставшие олимпийскими чемпионами, на этот раз забыли о сдержанности и ликовали без удержу.

Все это время у судейского столика шло бурное выяснение отношений. К нам американцы не подходили — мы по-прежнему как будто не существовали для них. Но судей они буквально взяли в осаду.

Понять наших соперников было можно — несколько минут назад они таким же ликованием встретили ошибочно прозвучавшую финальную сирену, но их радость оказалась преждевременной. Но нужно было знать американцев — они не намеревались ограничиваться скандалом с судьями. Свои интересы они привыкли отстаивать очень квалифицированно, жестко и зло. Особенную ярость они испытывали от того, что поражение от нас в финале Олимпиады было не просто первым поражением в их олимпийской истории. Оно нанесло тяжелейший удар по их самолюбию, амбициям, национальной идеологии.

Одним словом, когда отшумела первая волна восторгов от нашей победы и баскетболисты СССР, все еще пребывая в эйфории, потянулись в подтрибунные помещения, было уже известно, что Штаты подали официальный протест. Теперь судьбу олимпийского золота предстояло решать спортивным администраторам и юристам.

В раздевалке советской сборной царила необычная атмосфера. С одной стороны, продолжалось ликование по поводу одержанной победы. С другой — оно уже было омрачено возникшей опасностью отмены результата матча и переигровки. Хотя мы и были полностью уверены в своей правоте, каких-то нюансов до их подробного разбора мы могли не знать. Наконец, уже не только у меня, но и у всех участников этого невероятного матча, похоже, начался «отходняк» от него. По мере развития событий две последние составляющие этого коктейля

становились все более преобладающими. Эйфория постепенно заменялась подавленностью.

Есть знаменитая подборка фотографий Ю. Роста, сделанных им в раздевалке сборной после мюнхенского финала. В ней запечатлены игроки сборной Союза в ожидании решения по поводу результата матча. По этим фотографиям, зафиксировавшим целую палитру чувств спортсменов, можно составить отдаленное представление о том, что мы переживали в тот момент. Кстати, как Рост оказался в раздевалке, никому не ведомо, но камерой он щелкал довольно бойко, подходя по очереди к каждому из игроков. Должен признаться, что когда фотокорреспондент добрался до меня, я его довольно грубо послал.

До 5 утра мы оставались в раздевалке под трибунами «Баскетбол-халле». Все это время сохранялась полная неопределенность с нашим будущим. Башкин постоянно убегал куда-то выяснять отношения, ничего толком нам не объясняя. Вряд ли он и сам что-либо знал наверняка. Наконец, стало известно, что комиссия ФИБА по разбору протеста США назначена на 10 утра, и мы отправились в олимпийскую деревню. Делать в «Баскетболхалле» было больше нечего. Пока?..

Ночь была разбита, да и желания спать после таких потрясений не было. Игроки сборной без особой охоты сходили на завтрак, а потом разбрелись по комнатам. Неясность относительно судьбы медалей уже практически полностью угробила первоначальную радость. Было непонятно — что будет дальше? Уже можно выпивать или надо готовиться к переигровке? Что будет с программой Олимпиады, которая и так была скомкана и перенесена из-за перерыва в связи с терактом?

Общего собрания, клятв верности, стиснутых во взаимной поддержке рук — всего этого не было. Все было прозаичнее. Была лишь выполненная мужская работа, все, что зависело от нас — хорошо ли, плохо ли — мы сделали. Теперь все просто ждали ответа, достаточно ли этого для победы. Каждый коротал время, как мог.

Мы с Модей, при нашей исключительной общительности, и подавно носу не показывали из комнаты. Поэтому, скорее всего, самыми последними узнали исключительную новость, которую принес Башкин где-то вскоре после полудня: протест США отклонен, в три часа дня — награждение! Из многократно повторенных рассказов и репортажей известно, что Башкин подал эту новость не без театрального таланта: «Переигровка» — «Как переигровка?.. » — «Через четыре года, в Монреале». Мы этого не видели, узнали радостную весть уже от кого-то из ребят. Однако

радость, как оказалось, была преждевременной.

Наше награждение должно было состояться сразу после соревнований легкоатлетов. Приехав на место и порадовавшись успеху Юрия Тармака, только что выигравшего «высоту», мы встретили в зоне награждения кубинских баскетболистов, приехавших за своей завоеванной в столь же тяжелой борьбе бронзой. Американцев нигде поблизости не было, что навевало новые опасения. Так и оказалось — награждение отменено. США подали второй протест — в МОК. Опять воцарилась неопределенность.

Только около полуночи, после многочасового ожидания, от которого и победа-то уже была не в радость, нам все-таки вручили наши многострадальные золотые медали. Награждение было проведено после финала гандболистов, что, конечно, несколько смазывало впечатление. Тем не менее теперь-то все действительно закончилось. Золото Олимпиады впервые в истории было нашим!

На награждение вновь явились только мы и Куба. Американцы его демонстративно проигнорировали и отказались получать серебряные медали. Обида и разочарование королей баскетбола оказались настолько сильными, что они пошли на такой беспрецедентный скандал. Известно, что этот комплект остался неврученным и хранится в Лозанне — американские игроки так и не приняли их. Более того, некоторые, насколько мне известно, сделали соответствующие распоряжения в завещаниях, запрещающие получать эти медали и их наследникам.

Справедливость

Сверхболезненное отношение к результату мюнхенского финала оставалось у американцев вплоть до 1992-го. Как известно, до этого полноценный реванш им взять не удавалось — в Монреале мы «счастливо» избежали очной встречи с разобиженным соперником, неожиданно проиграв югославам в полуфинале, затем были два олимпийских бойкота, а в Сеуле сборная СССР во главе с Гомельским и Сабонисом вновь обыграла США 82:76 и завоевала свое второе золото. Лишь в Барселоне самолюбие американцев оказалось полностью удовлетворено безоговорочной победой Dream-team[37].

Что же касается мюнхенского финала, то суть возражений

американцев сводилась к нескольким основным позициям. Во-первых, они сомневались в правильном отсчете последних трех секунд игры. Это было главным основанием для протеста, к которому впоследствии добавились еще несколько. США стали оспаривать правильность действий арбитра, отодвинувшего американца Макмиллена от Вани Едешко, что якобы и позволило сделать такой дальний и точный заброс мяча. Одновременно появилась версия о том, что Едешко, вводя мяч в игру, заступил за лицевую линию. Наконец, Сашка Белов, по их версии, нарушил правила в борьбе с американцами под их щитом в момент приема мяча.

Комментируя эти претензии по порядку — ошибка арбитров состояла как раз в первоначальном неправильном отсчете времени. Началось все с тайм-аута, который совершенно законно запросил Кондрашин и который ему совершенно незаконно не дали. Это была первая ошибка судейского столика, которая, если бы ее не исправили, была способна существенно повлиять на исход матча — другой возможности взять тайм-аут (а каково его значение в концовке, объяснять не надо) у тренера больше не было.

Исправив первую ошибку, судьи немедленно допустили другую — не восстановили время, потраченное на ввод мяча в игру сборной

СССР (около двух секунд). В итоге игра после второго ввода мяча (осуществленного, как я уже говорил, совершенно бездарно), опять- таки справедливо была прервана судьями. Суждение соперника о том, что нам не следовало вводить мяч в игру, если мы были не согласны с отсчетом оставшегося времени, я считаю несостоятельным. Игрок на площадке должен подчиняться указаниям арбитра в поле; все контакты с судейским столиком — исключительная прерогатива тренеров.

Получив команду вводить мяч в игру, мы так и поступили. Так что мы действовали абсолютно правильно даже юридически — я уже не говорю о простой человеческой оценке. Попробуй, разберись в том, правильно или неправильно отсчитано время, в концовке такой игры! Что касается язвительных заявлений американских игроков: «После третьей остановки игры мы поняли, что русским будут давать вводить мяч, пока они не забьют», — то я оставляю их на совести проигравших и огорченных этим людей.

Что касается указания болгарского арбитра Макмиллену отступить от лицевой линии, то оно было абсолютно правильным. На видеозаписи матча хорошо видно, что американец, пытаясь прессинговать, сам почти запрыгнул за лицевую, отгоняя Едешко

только что не в подтрибунное помещение, и получил обоснованное замечание. То, что после этого он отбежал практически на линию штрафных, — малообъяснимый факт, но в любом случае — его собственная проблема. Этого арбитр от него не требовал.

Заступ за лицевую линию Едешко — очень спорный момент. На моей памяти даже при наличии такого нарушения оно никогда не оценивалось как принципиальное и из-за него никогда не останавливали игру. В данном же случае оно совершенно точно не могло иметь решающей роли.

Наконец, прием мяча Беловым был совершенно чистым. Просто он стал возможен благодаря уникальным действиям наших игроков. То, как Сашка блистательно отыграл себе позицию, а здоровенные американцы, вдвоем схватившие его в тиски, повалились с ног, как клоуны, — для меня лишь свидетельство замечательного мастерства нашего центрового, абсолютной усталости и неготовности к борьбе соперников и Божьего промысла. Уверен, что американцы не ждали такого феноменального заброса Едешко, такого мощного прыжка за мячом Белова, и лучшее, что им оставалось в этой ситуации, — это провоцировать судью свистнуть фол в нападении. К счастью, этого не произошло.

Я всегда был уверен, что сборная СССР победила американцев абсолютно честно. Другое дело, что после наших катастрофических ошибок в концовке американцы на последних секундах матча гарантированно должны были побеждать, их шансы были исключительно высокими. Золото они упустили не только из-за феноменального розыгрыша русских, но и по собственной вине. Завоевать победу на последней минуте матча, в котором ты уступал на всем его протяжении, и снова упустить ее на последних секундах — это могло показаться американцам несправедливым. Ну а мне в этом, наоборот, видится высшая справедливость. В любом случае, это спорт.

На протяжении многих лет после мюнхенского финала, даже до сих пор, без малого через 40 лет после него, американские журналисты пытаются выудить из меня какие-то признания в нечестности нашей победы. Я все эти инсинуации всегда отвергал безоговорочно, но они настолько надоели мне, что я стал отвечать просто и коротко: «Недовольны результатом? Давайте прямо сейчас соберем команды и проведем переигровку». Желающих никогда не находилось.

Я считаю, что проигрывать нужно достойно. Тем более это относится к американцам — великой баскетбольной нации, в фантастическом потенциале и силе которой никто никогда не

сомневался. То, что в Штатах устроили истерику по поводу событий 10 сентября 1972-го, понаснимали фильмов о несправедливой победе злобных русских над молодыми американскими героями, меня, в принципе, не удивляет. Как говорят за океаном, «don'ttakeitpersonal.»[38] Но впечатление о великой стране, великой спортивной державе, это, конечно, портит. Так или иначе, болезненная реакция американцев нисколько не умаляет великой победы, одержанной сборной СССР. Скорее, наоборот, подчеркивает ее значение.

Победа

Не знаю, осознавали ли мы эту значимость тогда, через сутки после той адской ночи в мюнхенском «Баскетболхалле». Наверное, нет. Было просто ощущение огромной ответственности, наконец-то свалившейся с плеч. Не знаю, почему, — возможно, из-за столь долго копившегося напряжения, — но на...рачились мы тогда все поврозь. Мы с Паулаускасом официально отпросились до утра у тренеров, уехали из олимпийской деревни и вместе с прыгуном Кястутисом Шапкой керосинили всю ночь с какими-то местными литовцами.

Вечером 11 сентября вся команда вылетела в Москву. Таким образом мы избежали участия в церемонии закрытия Игр, которая, порассказам, проходила в жуткой атмосфере нагнетания напряженности, беспрецедентных (чуть ли не со штурмовой авиацией) мер безопасности и прочих неизбежных последствий теракта.

Несмотря на уникальность и масштаб нашей победы, столпотворения болельщиков в аэропорту не наблюдалось. Наверное, из-за того, что в те времена слишком явно выражать ликование было не особенно и принято. Нас встретили прямо на летном поле «дежурные» пионеры с цветами, какие-то чиновники из Госкомспорта. на этом торжественный прием героев Мюнхена и закончился. Впоследствии была организована встреча у министра обороны маршала Гречко, да и то не всех баскетболистов сборной, а только армейцев. Никаких приемов в Кремле, чествований с вручением квартир, автомобилей и т. д. и быть не могло. Все было намного сдержаннее и проще.

В течение последующего месяца меня неоднократно приглашали выступать в трудовых коллективах, перед детьми и т. д. В этом выражалось внимание страны к твоей победе. Все

остальное — государственные награды, материальные поощрения — прилагалось уже в рабочем порядке и более чем скромно.

При том, что я всегда был сдержан по части празднования успехов и по возвращении из Мюнхена не «продолжил», этот месяц я все-таки провел достаточно вольготно. Впервые за много лет достигнутый спортивный результат был столь важным и высоким, что подсознательно хотелось перевести дух и дать себе поблажку. Так или иначе, но каждый день я пропускал то бокал пива, то фужер шампанского, и к окончанию отпуска произошло невиданное: у меня. наметился живот! При моем тогдашнем телосложении это было невероятным явлением.

Несмотря на величие мюнхенской победы, эйфории от нее у меня не было, и я немедленно сказал себе: «Стоп! Пора заканчивать вольготную жизнь. Да, была великая победа, но то, что происходит сейчас, — это не мое, это не та жизнь, к которой я привык, суровая и аскетичная. Нужно двигаться дальше».

Мюнхенский финал и последовавшие за ним мгновения славы заняли исключительно важное место в моей жизни, но были восприняты мной как событие на марше. Останавливаться надолго, тем более оставаться навсегда в этих секундах славы я не собирался. Я хотел играть и выигрывать дальше.

Глава 18
КРИЗИС

Время собирать камни

Вероятно, памятный финал в Мюнхене, особенно его последние три секунды, с лихвой израсходовали многолетний запас везения сборной СССР и персонально целого ряда ее баскетболистов, включая баскетболиста Сергея Белова. Во всяком случае, непосредственно с начала 1973-го нас стали преследовать неудачи одна серьезнее другой.

Все началось с катастрофического залета на таможне, о котором я уже рассказывал. Его результатом «в сухом остатке» стала потеря сборной четырех игроков олимпийского состава, трое из которых —

Белов, А. Жармухамедов и М. Коркия — были лидерами команды. Их дисквалификация дорого обошлась нам в сезоне 73-го, особенно если учесть, что в советском баскетболе продолжалась смена поколений, кульминация которой всегда приходится на первый после- олимпийский год. Из сборной ушел только один заслуженный ветеран — Г. Вольнов, но одновременно с ним «завязали» многие другие опытные игроки, которые могли бы пополнить команду в отсутствие ее лидеров.

В итоге на чемпионат Европы в Барселону отправились лишь шесть игроков «основы» — С. Белов, М. Паулаускас, З. Саканделидзе, И. Едешко, А. Болошев и С. Коваленко. Остальные места в составе заняли новички: Евгений Коваленко, однофамилец нашего центрового, и Николай Дьяченко из ЦСКА, спартаковец Юрий Павлов, Яак Салуметс из «Калева» и еще два молодых армейца — А. Мышкин и

Милосердов. Стать равноценной заменой отсутствующим лидерам они не смогли.

Впрочем, этого трудно было и ожидать, но разница в классе могла бы не быть столь разительной, если бы не гнетущая обстановка, царившая в команде. Именно она и стала главным отрицательным результатом мартовской истории на таможне. Эпицентром уныния был, как это ни прискорбно, главный человек в команде — Кондрашин. Было ощущение, что он находится в состоянии глубокой депрессии.

Возможно, главным ударом для Петровича была

дисквалификация его любимца и главной надежды — Сашки Белова. Наверное, у них и вправду была какая-то мистическая связь, и они не могли обходиться один без другого. Так или иначе, основной негатив исходил именно от тренера, хотя в той тяжелой ситуации он по определению должен был бы, наоборот, сплотить и воодушевить команду. Что ж, наверное, Богу было угодно, чтобы мы прошли и через это.

Европейское первенство в Барселоне было 13-м по счету, в котором принимала участие сборная СССР. Это число оказалось для нас несчастливым. В полуфинале мы проиграли хозяевам турнира — испанцам — 76:80. Это был первый случай за много лет, когда нашим обидчиком оказалась команда второго эшелона европейского и мирового баскетбола. До эпохи доминирования испанцев на уровне национальных сборных было еще довольно далеко. Несмотря на то что у испанцев на домашнем чемпионате впервые была по-настоящему мощная команда, это поражение было для нас исключительно болезненным.

«Красная Машина» уступила титул чемпионов Европы впервые с 1955 года, когда она также довольствовалась лишь бронзой. В остальных 11 чемпионатах Старого Света русские неизменно побеждали! Это усугубляло разочарование от нашего поражения, тем более унизительного, что потерпели мы его в ранге олимпийских чемпионов.

Наверное, у любой другой команды, кроме югославов, мы на том чемпионате должны были выигрывать в полуфинале даже в ослабленном составе. Впрочем, если бы это и произошло, серебряные медали все равно стали бы нашим потолком. Обыграть «югов» в том году было абсолютной утопией. Они заслуженно стали чемпионами.

В матче за бронзу мы легко победили Чехословакию, но медали этого достоинства расценивались тогда в СССР как несмываемый позор, что-то вроде ефрейторских лычек на армейских погонах.

В августе того года сборная СССР не смогла выиграть даже на домашней Универсиаде в Москве, довольствовавшись серебром. Меня в той команде не было, я был уже возрастным игроком.

Роковой рубеж

Проблемы команды не могли не отражаться на мне, но и в

личной судьбе я вступил в самую черную полосу. Становление и рост в «Лес- техе» и «Уралмаше», мытарства первых трех лет в сборной Гомельского, трения в ЦСКА казались детским лепетом в сравнении с тем, что началось сразу после олимпийского триумфа. Все это было очень похоже на кризис 30-летнего возраста.

Как я уже говорил, в Советском Союзе господствовало представление о том, что спорт — это дело молодых. Наверное, это было логически взаимосвязано с аксиомой о «любительском статусе» советских спортсменов-олимпийцев. Убеждать общественное мнение, а тем более иностранцев в том, что 35-летний дядя совмещает членство в сборной СССР с учебой в институте или службой на младших командных должностях, а еще умудряется при этом содержать детей и семью, было, видимо, непросто.

Так лицемерная идеология породила жестокую практику отправления на «заслуженный отдых» — тренерскую или административную работу — десятков молодых здоровых мужиков, которые только-только набрали опыт, подлинную психологическую устойчивость и, при минимальной корректировке программ функциональной подготовки, восстановления и питания могли бы еще минимум лет по 5-6 приносить пользу национальным сборным. Пожалуй, главная «сложность», которую при этом нужно было бы преодолеть, — это отойти от типового подхода к тренировкам, не стричь опытных и матерых профессионалов под одну гребенку с молодыми атлетами, да еще разрешить им побольше времени проводить не в затворе на спортивных базах, а дома, с семьями.

Ситуация осложнялась тем, что 30-летние «ветераны» ничего другого в своей жизни больше не умели, как тренироваться, есть, спать, а когда придет время — костьми ложиться в решающих стартах, добывая спортивную славу для себя и своей страны. Они привыкли быть в центре внимания, расходовать колоссальные порции адреналина, ощущать на себе ответственность за результат. Они привыкли считать себя нужными своей стране и своему народу.

И вот все это в одночасье должно закончиться, причем даже без выяснения твоего мнения! Сначала с тобой пару раз доброжелательно поговорят о том, что «пора заканчивать», спортивные функционеры, предложат — если ты на неплохом счету — хорошее место. Если откажешься — тренер отцепит от сборной, потом от стартового состава клуба. В лучшем случае тебя будет ждать растянутая на несколько сезонов деградация до уровня второразрядных команд мастеров, а потом и до

коллективов физкультуры.

Остановка

Тогда, в 1973-м, 30-летний рубеж стал надвигаться и на меня. Продолжение карьеры действующего спортсмена за этой чертой было для советского спорта редчайшим случаем. Нужно было очень сильно постараться, чтобы обеспечить себе это право. В первую очередь — нужно было морально решиться пойти наперекор существующей системе, которая безжалостно давила на человека.

Должен признаться, что такой решимости у меня не было. После феерического выигрыша главного соревнования в жизни любого спортсмена — Олимпийских игр — я не избежал судьбы всех моих товарищей по мюнхенскому триумфу. Я вошел в полосу, с одной стороны, удовлетворения достигнутым (хотя, возможно, у меня лучше, чем у других, получалось сдерживать его в силу возраста и угрюмого характера), с другой — потери мотивации и стимулов для дальнейшего роста.

Конечно, выиграть еще одну Олимпиаду ты был бы не против, но при этом ты понимаешь, насколько это будет трудно, каких колоссальных затрат это потребует. Такие мысли удручают, особенно когда на площадке и в жизни у твоей команды и у тебя самого все начинает идти наперекосяк.

Но самое главное — в сезоне 1973-го меня стали преследовать травмы коленей. Безусловно, это было результатом постоянных перегрузок при той манере игры, которую я для себя выбрал, платой за те самые движение вверх и знаменитый бросок в прыжке. Впрочем, опять-таки, если бы мне предоставили выбор — сохранить здоровье и играть «как все», не выпендриваясь, или потерять его, но быть лучшим из лучших, — я, не раздумывая, выбрал бы второе. В то же время я с удовольствием выбрал бы третье — быть лучшим, но при этом сохранять свое здоровье в приемлемом состоянии за счет нормально организованной системы спортивной медицины.

Спортивная медицина в СССР

То, как эта система была организована в СССР, заслуживает особого разговора. Безусловно, у нас встречались уникальные специалисты, которые собирали по кусочкам кости и суставы после тяжелейших переломов, восстанавливали связки, ставили травмированных спортсменов на ноги. Однако, во-первых, при наличии мощной хирургической школы в СССР ничтожное внимание они уделяли послеоперационной реабилитации, которая, как все узнали лишь недавно, по значению сопоставима с самой операцией. Во-вторых, одному Богу известно, сколько спортивных судеб искалечили при этом «специалисты» вроде З. С. Мироновой — неправильными диагнозами, неоправданными оперативными вмешательствами, бездарно проведенным лечением, жестоким обращением со спортсменами!

Мой старый товарищ Игорь Завьялов собственными глазами видел, как к Мироновой за советом обратилась молодая волейболистка, недавно ею же (!) прооперированная на мениске, — что делать, если после операции нога сгибается в колене не больше, чем до 90 градусов? Свирепо посмотрев на спортсменку и ее тренера, медицинская легенда бросила: «Вы что, меня за дуру принимаете? Думаете, я не знаю, что вы в волейболе только в полуприседе работаете? Так чего же вам еще надо?.. »

Ответственность врачей за ошибочные действия была на нуле. В полуфинале олимпийского турнира в Мехико кто-то из югославов сильно ударил Вольнова по бедру. Чтобы минимизировать последствия травмы, врач команды что-то быстро вколол Генке, и. тому стало еще хуже. Во втором тайме он отдал ошибочный пас, который, возможно, с учетом минимального разрыва в итоговом счете, стоил нам победы и финала Олимпиады. После игры так получилось, что я первым зашел в раздевалку, чтобы. застать там доктора, судорожно спускающего в унитаз использованные ампулы и шприцы, лишь бы на него не повесили ответственность за поражение.

Наконец, в-третьих, и это, к сожалению, самое главное, — в повседневном спортивном обиходе культура заботы о своем организме, профилактики травм была крайне низка. Хотя врачи по должности входили в состав команд мастеров и, разумеется, сборных, их роль в коллективе, авторитет были, за редкими исключениями, невелики. Спортивный врач в советском варианте — это не тот, кто, наряду с тренером, ставит задачу на тренировку и игру, ведет досье на каждого вверенного ему спортсмена, тщательно контролируя его физическое состояние. Это человек, применяющий свои специальные навыки уже по факту произошедших травм или перетренированности, а в ординарной ситуации — бегающий куда-то за водой или, в

особых случаях, за водкой.

К сожалению, культура внимательного отношения к организму спортсмена при постоянном квалифицированном медицинском сопровождении в должной мере отсутствует и сейчас. А тогда, в 1973-м, передо мной также замаячила перспектива оказаться в чутких руках Зои Сергеевны. Мне настоятельно рекомендовали делать операцию на связках.

Для меня это было категорически неприемлемо — мало того, что я насмотрелся на поломанные Мироновой спортивные судьбы (одного примера Вовки Андреева мне было вполне достаточно), я интуитивно чувствовал, что лезть в суставы не надо, что далеко не все возможности консервативного лечения коленей были мной не то что использованы, а даже обнаружены. Картизон, гидрокартизон — вот все, чем потчевали меня отечественные медики. Эти препараты прочно вошли в мою жизнь, но положение дел не улучшали.

Черная полоса

Тем временем боли становились все ощутимее. 1974 год стал для меня настоящим испытанием. Боль — ноющая, порой плохо переносимая, напоминающая зубную, — преследовала меня повсюду и постоянно. Подготовка к играм в составе ЦСКА и в особенности в сборной — к чемпионату мира в Сан-Хуане была исключительно мучительной. Но даже это было не самым худшим. Я как-нибудь вытерпел бы, стиснув зубы и намотав кишки на кулак, эту боль, если бы мог, преодолевая ее, играть как прежде. Но неготовые, постоянно больные колени нанесли самый страшный для меня удар — по моему стилю игры. Я объективно был не тот, что всегда, играл совсем иначе. И это было для меня неприемлемо.

Я был душевно и физически измотан. Годы не прекращающихся тренировок и выступлений взяли свое. Отсутствие адекватной релаксации, нормального восстановления после нагрузок усугубило ситуацию, и она проявила себя, как только самомобилизация чуть-чуть ослабла после покоренной главной вершины.

За пределами баскетбольной площадки дела и вовсе шли насмарку. В 74-м мы рано начали подготовку к чемпионату мира, и, пока я был на сборах, обокрали мою московскую квартиру. Однако это было полной ерундой по сравнению с другим — в том

же году окончательно развалилась моя семья. К сожалению, мы с Натальей не смогли избежать удела многих спортивных браков, отягощенных постоянным отсутствием дома одного из супругов.

Вероятно, доля ответственности лежала и на мне, но в целом я не считал себя виноватым в том, что избрал единственно приемлемый для меня образ жизни. Только он давал мне возможность реализовать свою мечту — покорить олимпийскую вершину. Кроме того, я брал на себя ответственность за содержание семьи, нашей маленькой дочери, и обеспечивал семью, прямо скажем, неплохо. Время показало мою правоту, я добился своего в спорте, но цена оказалась слишком высокой.

Проблемы в общении у нас с женой возникали и раньше, но в 74-м мое пребывание дома стало настоящим адом. Стало абсолютно ясно, что ничего не вернуть, что наше семейное счастье безвозвратно утрачено. Однако от окончательного разрыва меня удерживала ответственность за маленького человека, которого мы произвели на свет.

И возненавидел я жизнь…

Что я пережил в это время — врагу не пожелаешь. Депрессия всерьез прошлась по моей психике — я практически потерял сон. Каждую ночь я просыпался около 3 часов и уже не мог заснуть. Выходил на балкон и сидел, глядя на ночной город, часами. В голове при этом проносились вихри мрачнейших мыслей. Никакого будущего — ни в спорте, ни в частной жизни я для себя больше не видел. То, что я морально был готов закончить карьеру игрока, было еще не самым плохим. Не хочу сгущать краски, но неоднократно во время этих ночных бдений у меня появлялась и мысль пострашнее: «А не прыгнуть ли мне на … р с этого балкончика?.. »

Конечно, эти — самые радикальные — мысли я отвергал, интуитивно понимая, что это явно бесовские подсказки. Но по поводу моего профессионального будущего у меня сформировался общий устойчивый настрой — завязка. У меня пропала вера в свои силы, пропала мотивация двигаться вперед.

Наилучшим образом мое душевное состояние того периода передавали горькие слова пророка из библейской книги Екклезиаста, которую я тогда часто перечитывал. «И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо все — суета и томление духа!

И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем. Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем? Потому что все дни его — скорби, и его труды — беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя».

Время искать…

Выйти из этого тяжелейшего психологического кризиса мне помог, как и во многих других случаях, сам баскетбол, моя игра. И, пожалуй, человек, которому я должен быть особо благодарен в той ситуации, — это Владимир Петрович Кондрашин. Выйдя из своего собственного душевного кризиса, он сумел помочь мне пережить мой. В процессе подготовки к чемпионату мира, видя явное ухудшение моих игровых кондиций, он не отчислил меня из сборной, а предложил щадящий вариант тренировок и включил в заветный состав 12, хотя это был первый за мою спортивную карьеру случай, когда места в составе я был, по большому счету, действительно недостоин.

Кондрашин сумел преодолеть коллапс 73-го и сбалансировать состав команды, заполучив в свое распоряжение реабилитированного Александра Белова. Возвращение не могло не воодушевить как тренера, так и самого Александра, признанного по итогам чемпионата его лучшим игроком. Кондрашин сохранил в команде лучших из ее прошлогодних новобранцев (Ю. Павлова и В. Милосердова) и добавил нескольких новичков (А. Харченкова, А. Большакова, А. Сальникова, В. Жигилия). Основу сборной составляли ее ветераны — Паулаускас, Едешко, Болошев, Томсон.

В квалификации СССР сожрал Центрально-Африканскую Республику 140:48, с несколько большим трудом прошел Бразилию и Мексику. В финальном турнире мы обыграли испанцев, кубинцев, пуэрториканцев и канадцев. В нашу пользу, опять-таки как в 67-м, сложилась «закрутка» в финальной стадии: мы проиграли югославам 79:82, но обыграли США 105:94, которые, в свою очередь, победили наших обидчиков 91:88.

В итоге судьба мирового первенства решилась разницей набранных очков в играх трех лидеров между собой, и эта разница позволила нам стать первыми. Видимо, Бог опять был на стороне русских и в особенности Кондрашина. В следующем году феноменальной победой его «Спартака» в чемпионате СССР было

суждено завершить определенный для него судьбой замечательный комплект — по одной победе в стране, Европе, мире и на Олимпиаде.

В том чемпионате, снова триумфальном для СССР, я, как и в 1967- м, играл мало и не на должном уровне. Если я чем-то и помог команде, то только своим присутствием в составе. Противники не были осведомлены о моих проблемах, по-прежнему знали меня как многолетнего лидера сборной, знали, чего от меня можно ожидать, и по- прежнему боялись. Если бы меня не было в команде, это дало бы игрокам других команд-участниц дополнительную мотивацию. Во всяком случае, в решающей игре против США, в которой нам нужно было побеждать с разницей «+4», я вышел в стартовом составе, и мы перевыполнили план, выиграв «+11».

Вновь, как и на моем первом из двух победных чемпионатов мира, я был в известной степени «не причастен» к результату команды. Однако лично для меня и для моей последующей карьеры поездка в Сан- Хуан сыграла ключевую роль. Находясь в расположении сборной и общаясь с игроками, тренерами и врачами иностранных команд, я сумел найти выход из измучившей меня ситуации с моими коленями. Мне подсказали лекарственные препараты, которые я начал принимать прямо в ходе мирового чемпионата и которые сразу и радикально улучшили мое самочувствие!

Пройдя курс рекомендованного лечения, я без всякой операции практически снял проблему с болью в коленях. Кроме того, после возвращения из Пуэрто-Рико я впервые за время своей профессиональной карьеры провел полноценный отпуск, неплохо отдохнул и восстановился. Главное — я привел в порядок голову, избавился от упаднических настроений и мыслей, постарался детально и «холодно» проанализировать ситуацию.

Новое начало

В итоге я решил продолжить карьеру игрока. Мне претило навязывание мне чьего-то решения о ее завершении. Я чувствовал, что готов играть дальше, хотя для этого мне придется радикально перестроить весь свой образ жизни, собственными силами (надежды на отечественных специалистов было мало) выстроить новую систему, новую культуру тренировок, восстановления, питания. Еще больший, чем раньше, акцент

предстояло сделать на индивидуальной подготовке. В какой-то степени мне предстояло переоценить и пересмотреть свою жизненную философию.

Мало кто в мое время продолжал профессиональную карьеру на прежнем высоком уровне после 30 лет. В мои же планы входило не просто продолжить играть и сохранять за собой место в составе ЦСКА и сборной, а оставаться в них лидером и играть лучше, чем прежде. Сама по себе эта задача стала для меня новым вызовом и новой мотивацией.

К ее реализации я решительно приступил, и уже в скором времени результаты не заставили себя ждать. Поправив здоровье, я восстановил вкус к игре, при этом существенно улучшив культуру подготовки своего организма к нагрузкам и восстановления после них. Я не ослабил, а усилил интенсивность занятий с весами, окончательно поставил во главу угла индивидуальную подготовку к играм. Я постарался убрать из своей жизни то немногое лишнее, что в ней до этого случалось. Я полностью успокоился и перестал психовать по какому-либо поводу.

Нельзя сказать, что полоса неудач закончилась незамедлительно. Весной 1975-го ЦСКА впервые за много лет уступил первенство в национальном чемпионате ленинградскому «Спартаку». По ходу чемпионата мы проигрывали не только ленинградцам (дважды), но и в дерби с «Динамо» — три раза (!), а также «Жальгирису» и динамовцам Тбилиси. Победа сборной Москвы в турнире VI Спартакиады народов СССР лишь подсластила пилюлю.

Особенно обидным был сбой на международном уровне. На чемпионате континента в Белграде сборную СССР в финальном матче с хозяевами чудовищным образом убили судьи, и мы опять, как и два года назад, не покорили европейскую вершину.

Наконец, то, что неминуемо должно было произойти, в 1975-м все-таки произошло — мне пришлось уйти из семьи. На это были веские причины. Наши противоречия с женой зашли слишком далеко, а ее поведение и взгляды на жизнь стали на данном этапе для меня неприемлемыми.

Это было тяжелое решение, особенно в отношении шестилетней дочери, но избежать его, к сожалению, было нельзя. Я ушел, оставив все «нажитое непосильным трудом» семье. Новый этап жизненного пути я начинал с нуля.

Тем не менее первые проблески восстановления прежних позиций в спорте уже появились. Я блестяще отыграл в Межконтинентальном кубке против США, получив за океаном суперпрессу. Кстати, за американцев тогда выступал молодой

Роберт Пэриш, которому суждено было впоследствии стать одним из самых великих центровых и отыграть в NBA 21 сезон, став рекордсменом по целому ряду показателей! В состав советской команды, отправившейся на первенство Европы, я попал уже не просто «по делу». На континентальном первенстве я снова был объективно сильнейшим — провел на площадке больше всех времени (164 минуты) и набрал больше всех очков (136).

Сборная СССР наконец-то собралась на тот турнир в своем оптимальном составе и состоянии. В ней играли шестеро из числа лучших в чемпионском составе 1972-го: С. Белов, А. Белов, А. Жармухамедов, М. Коркия — побитые жизнью и возродившиеся из пепла, а также И. Едешко и А. Болошев. Их дополняли игроки, прошедшие горнило успешных и провальных игр 1973-1974 годов, — Ю. Павлов, А. Большаков, А. Сальников, В. Милосердов, В. Жигилий, А. Сидякин.

Это была сильная команда, изголодавшаяся по хорошей игре и по хорошим победам. Со всеми соперниками на своем пути мы разбирались без проблем. Впервые за несколько лет мы были готовы дать как следует прос...ся нашим постоянным обидчикам последнего времени — югославам. Сделать это на их домашнем чемпионате Европы было вдвойне престижно.

Новые тенденции

К сожалению, нам предстояло выяснить, что «юги», желавшие победить у себя дома как минимум не меньше нашего, помимо приобретения собственно игровых кондиций неплохо освоили «науку побеждать» в особо специфическом аспекте. Финал первенства между нашими командами, проходивший в только что отстроенном дворце спорта «Пионер», был отмечен настолько скандальным судейством, что даже те западники, которые никогда не отличались симпатиями к Советам, были искренне возмущены.

Несмотря на чудовищно необъективное судейство канадского арбитра, с первой до последней минуты финала свистевшего исключительно в нашу сторону, счет в концовке встречи был почти равным. Точнее говоря, мы проигрывали «-1» на последней минуте матча и имели владение мячом — ситуация вполне небезнадежная. Мяч из-за боковой линии вводил я, и я отправил его Ивану Едешко, будучи уверенным, что сейчас будет разыграна результативная комбинация — команда чувствовала

свою мощь и была вполне уверена, что нам это по силам.

То, что произошло дальше, не поддается какому-либо здравому осмыслению: едва Ваня принял мяч в руки, не начиная движения (!), канадский арбитр. свистнул ему пробежку. Возмущаться было бесполезно, хотя возмущению и не было предела. В немедленно последовавшей атаке «юги» забили еще два, решив исход встречи, и в итоге победили, второй раз подряд став чемпионами Европы и оставив нас только с серебром.

Это было обидное и незаслуженное поражение, в основе которого было не честное мужское противостояние (его мы бы, скрепя сердце, приняли), а закулисные игры. Пожалуй, впервые на таком уровне в чисто спортивное выяснение отношений стали вмешиваться грязные договоренности.

К сожалению, в дальнейшем это стало претендовать на тенденцию, и тот белградский чемпионат стал в известной степени символичным. Именно «юги», а впоследствии сербы и хорваты, при всем уважении к их великолепной школе подготовки игроков, стали законодателями мод в этой стороне мирового баскетбола. В 1975-м мы проиграли, будучи готовы явно лучше наших соперников, но уступив им в «виде спорта», в котором себя никогда не позиционировали. По сути, это было начало новой эры в баскетболе.

В те времена продажное судейство еще не было в порядке вещей, как сейчас, и того канадского арбитра на долгие года надежно спрятали — ни на одном более или менее крупном турнире он больше не появлялся. Удивительно, но встреча с ним у меня состоялась при совершенно неожиданных обстоятельствах.

В 2007-м я принимал участие в церемонии в связи с включением меня в Зал славы ФИБА. По ее окончании и объявился этот дуст, естественно, постаревший, но узнанный мной, тем не менее, мгновенно. Подошел он ко мне в самом великолепном расположении духа, с поздравлениями и приветствиями. Я в ответ был, мягко говоря, сдержан. Тогда он спросил, помню ли я его. «Как же я тебя забуду? — ответил я. — Ты тогда, в 75-м, что за пробежку нам свистнул, гад?»

Канадец стушевался и убежал. Не знаю, на что он рассчитывал. На то, что время стерло в моей памяти горечь несправедливого поражения? Впрочем, дело и вправду давнее. Одним титулом больше, одним меньше. Самое скверное ведь, в действительности, то, что в спорт с тех пор активно и бесцеремонно влезли большая политика, большие деньги и, как следствие, большая грязь. Этот канадец — лишь заржавевший винтик в большой системе, именно существование, а правильнее сказать — процветание которой меня всегда возмущало и никогда

не перестанет возмущать.

В 1975-м это шокировало не только меня и игроков советской сборной, но и большинство иностранных атлетов и специалистов в нашем виде спорта. Все подходили и выражали нам сочувствие. Все были уверены, что это поражение разъярит нас, как красная тряпка быка, и что в следующем году на Олимпиаде в Монреале мы просто порвем югославов на части. Ни у кого не вызывало сомнения и то, что судейство на олимпийском турнире будет к нам благосклонным, поскольку ФИБА, допустившая этот «праздник югославского баскетбола» в Белграде, чувствует свою вину перед нами и постарается ее искупить. Все эти ожидания создавали дополнительную интригу к ожидавшемуся с нетерпением противостоянию — реваншу с американцами.

Очищение через кризис

Несмотря на горечь поражения в Белграде, к концу 1975-го я выкарабкался из ямы. Время показало, что я выбрал верное направление. Преодолев кризис, я по сути встал на новые рельсы, оптимизировал свой ход и сумел не просто сохранить движение, а существенно в нем прибавить. Вплоть до самого завершения карьеры игрока я сохранял потом оптимальное физическое и психологическое состояние. Несмотря на то что гладким ее течение не было, страшных срывов подобно произошедшему в 74-м у меня больше не случалось.

Самое главное, что я окончательно понял, как нужно вести себя не только на баскетбольной площадке, но и вообще в жизни. Спокойно и достойно делать свое дело, при этом не сжигая себя дотла, а рассчитывая силы на много лет вперед. Испытывать чувство ответственности за дело, за которое ты взялся. Быть благодарным тем, кто встретился на твоем жизненном пути, и ни от кого не ждать благодарности.

Из кризиса я вышел очищенным и мобилизованным. Если исходить из того, что один из переводов слова «кризис» с греческого — это «суд», я надеюсь, что я вышел из судебного зала оправданным. Для меня не осталось секретов в баскетболе, я проверил в тяжелой жизненной ситуации свою верность любимому делу и нашел новые цели, в чем-то более масштабные и амбициозные, чем прежние. Опыт, приобретенный мной в течение трех лет после олимпийского триумфа, был бесценным,

как бы тяжело он ни дался.

Еще одним приобретением 1975-го стали знаменитые беловские усы, ставшие для окружающих моим неотъемлемым атрибутом на все оставшееся мне время (сейчас не все даже и знают, что большую часть своей карьеры я отыграл без них), а для меня — памятью о пережитых потрясениях.

Глава 19
МОЯ ИГРА

Прощальная пятилетка

Не стану прибедняться — в последние пять лет выступлений на площадке секретов в большом баскетболе для меня не было. После того как я преодолел кризисный 30-летний рубеж, нашел методом проб и ошибок свой собственный, индивидуальный и уникальный для меня путь поддержания физической и психологической формы, все усвоенное мной прежде как бы поднялось на новый уровень.

Подобно герою фильма «Матрица», постигшему и преодолевшему законы природы, я познал баскетбол на молекулярном уровне. Я мог за доли секунды достоверно знать, куда полетит или отскочит мяч, какие перемещения совершат на площадке партнеры и соперники, и, соответственно, какие действия должен совершить я сам в зависимости от своей цели. Досконально изучил я и «серые» стороны игры — знал, чего можно ждать от судей, от соперников, от спортивных функционеров.

Это не означает, что в моей жизни отныне все было безоблачно. Парадоксально, но этот этап моей долгой жизни в спорте, на котором я добился кульминации своего мастерства в оптимальном сочетании физической подготовки, технического арсенала, опыта, психологической устойчивости и игровой интуиции, стал в итоге самым слабым и неудачным в моей карьере с точки зрения собственно спортивных результатов. Если, конечно, считать неудачей бронзовые медали, завоеванные на двух олимпиадах, серебро чемпионата мира и чемпионата Европы и победу на первенстве континента. Однако по-настоящему больших побед мне больше одержать было не суждено.

Главной победой этого этапа моей профессиональной биографии можно считать сам факт моего пребывания на пике спортивной формы в элите мирового баскетбола до 36 лет, что в те времена было неслыханным явлением. А также то, что, несмотря на все передряги, особенно активно вернувшиеся в мою жизнь с возвращением в сборную СССР Александра Яковлевича Гомельского, несмотря на тяжелые поражения, я до самого конца был предан принципам своей игровой и жизненной философии. Я

продолжал играть и сохранял верность Моей Игре.

Юбилейный год

1976-й был годом семидесятилетия отечественного баскетбола. Много воды утекло с тех пор, как в декабре 1906-го в скромном гимнастическом зале на Надеждинской улице в Петербурге команды «лиловых», «зеленых», «красных» и «белых», составленные из иностранцев, знакомых с новой игрой в мяч, и местных спортсменов-энтузиастов, впервые в нашей стране разыграли по официальным международным правилам однокруговой баскетбольный турнир.

За прошедшие десятилетия наш вид спорта развивался в России, а затем в СССР семимильными шагами. Особенно бурное его развитие пришлось на 30-50-е годы. Именно тогда в самых разных регионах огромной страны от Украины до Сибири и от Ленинграда до Узбекистана нашлись десятки и сотни людей, по-настоящему увлекшихся игрой, которые стали формировать самобытные и интересные школы баскетбола.

Достойным удивления был сам процесс формирования этих школ. Они имели в своем распоряжении лишь официальные правила, не располагая какой-либо учебно-методической базой, руководствами по технике и тактике игры — разве что короткими и скупыми кадрами кинохроники. Правильность своего движения они могли проверять лишь в эпизодических встречах с прибалтийскими командами и специалистами, которым заокеанская игра была хорошо знакома еще с довоенных времен. И тем не менее эти энтузиасты в рекордные сроки пришли к впечатляющим и вполне конкурентоспособным результатам.

В замкнутости региональных школ и отсутствии информации была и позитивная сторона — каждый вкладывал в общую канву правил свое собственное видение и понимание игры, приспосабливал ее к собственным сильным и слабым сторонам. Итогом этого творчества стали яркие новеллы и разнообразие игровых стилей. В огромной стране сформировался гигантский баскетбольный «кластер», отличающийся массовостью, разнородностью региональных школ, жесточайшей внутринациональной конкуренцией, жадностью до международных побед.

Довольно быстро «мэтры» отечественного баскетбола — прибалты — лишились своей монополии на успех. Конечно, еще

долгое время прибалтийские игроки составляли базу для сборных команд СССР, которые, едва выйдя на европейскую арену, начали направо и налево громить всех соперников подряд. Это было не удивительно. В Прибалтике баскетбол прижился и стал частью общественной культуры гораздо раньше в силу давней ориентированности этих территорий на

Запад. В Литве и Латвии он вообще успел стать национальным видом спорта.

Латвия еще в далеком 1935-м стала первым чемпионом Европы. Вслед за ней дважды — в 1937-м и 1939-м чемпионами континента становилась Литва. Особенно ярким триумфом литовского баскетбола стал чемпионат 39-го в Каунасе. Кстати, именно для того первенства был построен легендарный каунасский «Спортхалле». Пусть во многом этот результат был обеспечен приглашенными специально для этих целей литовцами-репатриантами из США, победа дала колоссальный импульс к развитию игры. До сих пор великолепная школа литовского баскетбола, основываясь на всеобщем увлечении игрой и прекрасно поставленной работе со спортсменами, вполне конкурентоспособна на мировой арене.

Однако уже в самом скором времени — еще в 40-е годы — сильные игроки и команды появились в Москве, Ленинграде, Украине, Грузии. Сплав национальных школ, национальных темпераментов, на общей основе мощнейшей функциональной подготовки, не виданной тогда в Европе, дал уникальные результаты.

За 70 лет культивирования баскетбола в стране, а точнее сказать — за 30 лет его активного развития — баскетболисты СССР добились впечатляющих результатов. 11 раз они становились чемпионами Европы, дважды — чемпионами мира, наконец, четыре года назад покорили самую главную вершину — олимпийскую. Для меня было большой честью осознавать, что к 6 из 14 этих великих побед я успел «приложить руку».

Женская сборная вообще длительное время не знала себе равных. Наши девушки стали 5-кратными чемпионками мира и 12-кратными чемпионками Европы. Очередной победой обещало обернуться их участие в первом женском олимпийском турнире в Монреале.

Но главным подарком к юбилею должно было стать успешное выступление на Играх XXI Олимпиады мужской сборной СССР. Для этого в наличии были все предпосылки. В команде прошла смена поколений, появившиеся в сборной после прошлой Олимпиады игроки успели «понюхать пороху». Лидеры, в основном сосредоточенные в двух клубах — ЦСКА и

ленинградском «Спартаке», уверенно завоевавших соответственно золото и серебро национального чемпионата, были в хорошей форме.

После фурора, произведенного нами в Мюнхене, подтверждения нашей силы на чемпионате мира и мощной игры на предолимпийском континентальном первенстве русские рассматривались как очевидные фавориты Игр. Единственным соперником для нас опять должны были остаться только Штаты. Так считали все, но сбыться этим ожиданиям было не суждено.

Цена победы

Олимпиада-1976 стала творческой неудачей Кондрашина. Он проиграл ее еще задолго до начала турнира, когда, раздобыв где-то программу предсезонной подготовки команды NBA, стал буквально копировать ее для тренировок сборной. Это и стало началом нашего провала.

Я хорошо отношусь к Кондрашину. По-человечески я могу понять Петровича и оправдываю его, хотя его личная вина в провале для меня очевидна. Сделанный им выбор определялся рядом уважительных обстоятельств.

Не вызывает сомнений то, что он, будучи в целом скромным и погруженным в себя человеком, при этом оставался перфекционистом. Во всех важных соревнованиях, к которым он готовил свои команды, он желал только победы. Иначе и быть не могло, без такого максималистского настроя невозможны вообще какие-либо серьезные успехи в большом спорте. Пускай Петрович и не выжигал все вокруг себя дикой, патологической жаждой успеха, как это делал Гомельский, но он тоже всегда хотел побеждать. Это факт.

1976-й был особым случаем. Здесь к обычному стремлению победить в крупном соревновании, к значимости Олимпиады добавлялся еще один фактор. Какие бы восторг и эйфорию ни вызвала наша победа в Мюнхене, в баскетбольном мире многие продолжали считать ее случайностью. Такое отношение усугублялось хамской позицией американцев, не желавших мириться со своим первым поражением и на всех углах кричавших, что их «засудили».

Еще одна олимпийская победа была способна снять все вопросы и окончательно поставить Штаты на место. Выигрыш сборной СССР второго подряд золота Олимпиады позволил бы

говорить о наших успехах как о сложившейся системе и обессмертил бы имя главного тренера в анналах мировой спортивной истории. Игры в Монреале превращались в момент истины для Кондрашина. Цена этой победы была слишком высока.

Тренер прекрасно понимал принципиально важное: с «программой» с прошлой Олимпиады второй раз не выиграть. Для того чтобы бороться с США хотя бы на равных (а в том, что это будет бойня, каких еще не видел мировой баскетбол, понимали даже далекие от спорта люди), нужно было что-то принципиально новое. И Петрович нашел в общем-то вполне логичное решение — побить американцев их же оружием. Сказалась и его откровенная приверженность стилю и методам заокеанского студенческого баскетбола, который он хорошо знал.

100 дней кошмара

Все бы хорошо, но программа, которую взял за основу Кондрашин, была рассчитана по формуле «100 дней подготовки к 100 матчам в сезоне». Она была основана на бешеных тренировочных объемах, в основном беговых. Время на освоение этих объемов у нас было — как и всегда, к важнейшему соревнованию сезона сборная готовилась как раз 3-3,5 месяца. Но я не понимаю, почему такие высококлассные специалисты, как Кондрашин и Башкин, не учли, что эффект от этой подготовки у игроков NBA проявляется в течение всего сезона с кульминацией возможностей организма в завершающей стадии, когда начинаются игры плей-офф? Что по ходу этого сезона команды имеют возможность существенно добавлять в собственно баскетбольных компонентах выступлений — в технике, тактике и т. д., а в течение 100 дней предсезонки сосредоточиваться исключительно на общефизической подготовке?..

Нельзя при таком варианте не ожидать, что по окончании предсезонной подготовки, на старте регулярного чемпионата, у игроков наступит спад, возможно даже, физиологическая «яма», из которой они постепенно выберутся и достигнут апогея своей готовности к самым важным матчам. Но в нашем-то случае эти самые важные матчи приходились как раз на период «ямы»!

Действительно, впоследствии весь тот сезон я буквально порхал по площадке, даже без легкой одышки. Однако к турниру в Монреале мы подошли абсолютно опустошенными.

Бесконечные кроссы, выматывающая подготовка не столько преобразили, сколько — на данный момент времени — ослабили команду. Но даже не сама по себе программа подготовки была страшна. Худшее, что случилось, — это гнетущая атмосфера, вновь воцарившаяся в команде. К сожалению, нужно признать, что той обстановки творчества, свободы и доверия, которая была перед Мюнхеном, Кондрашин на этот раз создать не смог. Перебор был не столько в объемах нагрузок, сколько в организации процесса. Все было заурегулировано, все делалось под присмотром, как будто из-под палки, постоянно шли тестирования и рейтингование игроков.

Для меня все кончилось тем, что за месяц до отъезда на Олимпиаду я подошел к Кондрашину и заявил: «Уберите от меня подальше своего ассистента, иначе я его просто убью». Результатом этого демарша стало то, что я «пробил» для себя право на 30-40 минут индивидуальной общефизической подготовки в день!..

Приехав в Монреаль, мы, возможно, были готовы выступать в целом ряде видов олимпийской программы — в основном, конечно, в циклических видах спорта. Но точно не в соревнованиях по баскетболу. К самому важному турниру сезона — олимпийскому — мы оказались катастрофически не готовы. Сил у нас не было не то что на игру, даже на отрицательные эмоции.

Монреаль

В состав олимпийской сборной вошли пятеро игроков из мюнхенской золотой дружины: С. Белов, А. Белов, А. Жармухамедов, И. Едешко и М. Коркия. К ним присоединились А. Сальников, В. Жигилий иВ. Милосердов, в последние годы стабильно выступавшие за национальную команду. Четверо баскетболистов — ленинградцы А. Макеев и В. Арзамасков, московские армейцы А. Мышкин и В. Ткаченко были молодым пополнением. Специалистами высказывалось мнение, что состав сборной потенциально был одним из самых сильных и сбалансированных за все историю отечественного баскетбола.

В групповом турнире мы без особых проблем обыграли Канаду, Кубу, Австралию, Мексику и Японию и вышли в полуфинале на занявших второе место в другой подгруппе югославов. Чемпионы Европы в предварительном турнире

вынуждены были потратить гораздо больше сил. Например, в матче против итальянцев они проигрывали по ходу встречи 16 очков, и лишь на последней секунде игрового времени Славнич принес победу своей команде.

У главных вероятных противников — США — команда на той Олимпиаде была неплохая, в том числе с учетом последующей карьеры ее игроков в МБА. Однако, как и четыре года назад, непобедимой Dream-team ее назвать было сложно, и в начале предварительного турнира американцы «зажигали» по полной программе. Например, лишь на последних секундах матча, с перевесом в 1 очко, да еще и не без помощи судей, они отскочили от Пуэрто-Рико.

С точки зрения обстановки, в которой проходили соревнования, это была, по-моему, самая ужасная Олимпиада из тех, где мне довелось побывать, если не считать нескольких дней непосредственно после теракта в Мюнхене в 1972-м. После сентябрьского кошмара канадскими властями были предприняты беспрецедентные меры безопасности. Все делегации сопровождались вооруженной охраной, все спортивные объекты и их окрестности также были напичканы армией и спецслужбами. Хотя обеспокоенность организаторов Игр была вполне понятной, настроение такая всеобщая милитаризация не улучшала.

Непосредственно в организации быта команды в Монреале, считаю, тоже не все было идеально. Отрицательную роль сыграло беспрецедентно обильное питание с практически круглосуточного шведского стола. Еда была постоянно на виду и доступна. В итоге те, кто не привык внимательно следить за процессами восстановления калорий и регидрации, принимали пищу по 6 раз в день, не считая мимолетных «перекусов» по дороге на тренировку, в телевизионный зал и т. д. Это не шло на пользу — постоянная жратва отягощала организмы игроков.

Еще один посторонний фактор состоял в том, что это была последняя Олимпиада, на которой оставался бесконтрольным процесс заключения игроками рекламных контрактов. Возможность заработать, сыграв в кроссовках того или иного производителя, заполоняла сознание спортсменов, не говоря уже о том, что новые и тем более неправильно подобранные кроссовки способны стать существенной помехой в важной игре.

Обе эти претензии, разумеется, нужно было адресовать не столько организаторам Игр, сколько тренерскому штабу и функционерам нашей команды.

Провал

После того как мы вышли в полуфинале на югославов, интрига монреальского турнира, с учетом предыстории Мюнхена-1972 и Белграда-1975, стала приближаться к триллеру. Она должна была приводить в восторг болельщиков, специалистов, а главное, обладателей прав на телевизионные трансляции. Все ожидали, что в полуфинале состоится страшная месть русских югославам за прошлогоднее «гостеприимство», а в финале настанет пора для страшной мести США за мюнхенские 3 секунды. Исход этого ожидаемого финала предсказать никто не брался, но все были уверены в одном — это будет кровопролитие.

Все закончилось гораздо раньше. В предварительном турнире мы успешно играли против значительно уступавших нам в классе соперников, но первое же серьезное противостояние немедленно выявило все проблемы в подготовке и состоянии команды. Самое главное, что играли-то мы с Югославией в целом неплохо. Я принес команде 18 очков, мой однофамилец с Арзамасковым — по 16. И билась команда не на жизнь, а на смерть. Видимо, потенциал у нее и вправду был большой. Но югославы в тот день были просто сильнее.

Как это уже бывало и раньше, наши соперники по-настоящему настроились только на один решающий для них матч — на этот полуфинал против сборной СССР. Как и мы в ожидании реванша против американцев, они понимали дополнительный подтекст этой игры и, сделав правильную ставку, подготовились как следует. Они сыграли исключительно мощно и слаженно.

На той Олимпиаде «юги» были сильны мощными «большими» игроками. Чосич, Жижич, Кнего, Ерков, Еловац — каждый под 210 см — буквально затоптали наших центровых В. Жигилия и 18-летнего дебютанта В. Ткаченко. В какой-то момент наша команда, обескровленная «100 днями», просто «встала». В защите посыпались персональные замечания, и с площадки досрочно ушли Сашка Белов, Жигилий и Едешко. На этом, собственно, все закончилось. 84:89. Олимпийская мечта растворилась.

Расставание

Проиграв в полуфинале югославам, мы подкинули всему спортивному сообществу порядочную свинью. Состоявшийся в итоге финал США — Югославия был, конечно, не тем, чего все

ожидали. Югославы, похоже, как и в Мексике, не собирались прыгать выше головы, спокойно проиграли «-21» и были довольны до безумия своим серебром.

Начисто была лишена интриги и встреча за бронзовые медали. Канаду в те времена мы могли драть на следующий день после возвращения из отпуска. 100:72. Несколько скрасили горечь поражения наши девушки, победившие в женском олимпийском турнире.

Разочарование было большим. Три месяца чудовищных нагрузок улетели в трубу. Бронзу мы запросто взяли бы и без них, а в единственном по-настоящему сложном и принципиальном матче они нам только помешали.

Что касается противостояния СССР — США, то его отложили до московской Олимпиады. Заклятые соперники расставались, как все полагали, еще на четыре года. Как выяснилось позднее, на 12.

Олимпийский турнир оказался последним на уровне национальной сборной для гениального тренера — Владимира Петровича Кондрашина. Вскоре после нашего возвращения из Монреаля он был отстранен от руководства. Впрочем, работая в Ленинграде — Санкт- Петербурге еще на протяжении многих лет, Петрович смог принести колоссальную пользу отечественному баскетболу.

Не знал тогда никто и еще об одном расставании в Монреале. Олимпийский турнир стал последним крупным соревнованием, на котором играл Александр Белов. Но это расставание было уже навсегда.

Новые времена

После отставки Кондрашина в сборную вернулся Гомельский. Не хочу сказать, что с его возвращением все стало плохо. Хотя готов еще раз подтвердить свое мнение: при Кондрашине баскетбол, в который играла сборная СССР, был более творческим и, главное, более современным. Поэтому с точки зрения содержания, качества игры восстановление Александра Яковлевича в качестве главного тренера сборной стало шагом назад и предпосылкой к еще более обидному провалу — на домашней Олимпиаде.

Как и четыре года назад, в первом послеолимпийском сезоне главная команда страны оказалась в разобранном состоянии.

«Политических репрессий» на этот раз было меньше, хотя в том случае всего одна потеря могла стоить пятерых: за нарушение таможенных правил при попытке вывоза из СССР антиквариата был дисквалифицирован и исключен из сборной Александр Белов.

Кроме него, сборная недосчиталась еще двоих ветеранов — А. Жармухамедова и И. Едешко. В команде началась новая смена поколений. Впрочем, в остальном состав команды, отправившейся в Льеж на первенство континента 1977-го, не отличался радикально от собиравшегося в предыдущем олимпийском цикле: в его основе были С. Белов, М. Коркия, А. Сальников, В. Жигилий, В. Милосердов, В. Арзамасков. Закрепились в команде А. Мышкин и В. Ткаченко. Добавились привлекавшиеся раньше в команду А. Харченков и В. Петраков, дебютировали в сборной два ее будущих лидера — С. Еремин и А. Белостенный.

Несмотря на сохраненный в целом состав, в команде все шло наперекосяк. Времени на подготовку игровых моделей не хватило. Ощущалась какая-то неопределенность, переходность ситуации. В игре царило уныние, и главный тренер, как мне кажется, не особо старался его исправлять. Похоже, в его сознании уже конструировалась новая сборная Союза, которой предстояло реализовать его заветную мечту — выиграть Олимпиаду. Домашние стены в Москве давали для этого неплохие шансы.

Гомельский явно стал давать больше возможностей молодежи, а ветеранов, включая меня, постепенно отодвигать на второй план. Впрочем, особенно явно эта тенденция проявилась лишь в следующем году, на чемпионате мира в Маниле. Тем более, что в первенстве страны Александру Яковлевичу было явно тяжело без меня обходиться. В том году ЦСКА, избавившись от необходимости конкурировать с обескровленным «Спартаком» (без А. Белова ленинградцы заняли только пятое место), победил в национальном чемпионате с преимуществом в пять очков над киевским «Строителем».

Новые хлопоты

Признаюсь, сам я тоже не старался возрождать из пепла действующий состав команды. В гораздо большей степени я сосредоточился на частной жизни. В том году вскоре после моей повторной женитьбы произошло, пожалуй, главное событие в

моей жизни — у меня родился сын Сашка. Роды прошли у жены очень тяжело, после них она перенесла две операции, и все заботы о крохотном существе в основном легли на нас с тещей. Несмотря на радость от появления на свет нового человека, время выдалось и хлопотное, и нервное. Хлопоты о новом жилье, хлопоты о заработках для новой семьи.

«Дебютом» Александра Яковлевича после возвращения стали игры сборной во втором розыгрыше Межконтинентального кубка. Несмотря на одержанную нами общую победу, два поражения могли вызвать беспокойство: от Бразилии, которую мы всегда били на протяжении последних полутора десятилетий, и от команды США, выступавшей не в самом сильном составе (американцы в том розыгрыше проиграли «-15» «югам» и «двадцатку» итальянцам).

В Льеж я отправился в несколько издерганном состоянии. Тем не менее физическая и психологическая форма позволяла мне сыграть на своем уровне и внести свой вклад в игру команды.

Опять Югославия

Чемпионат Европы в Льеже запомнился мне не столько очередным поражением от югославов и очередным — в третий раз подряд — упущенным золотом, сколько унылой и скучной игрой нашей команды. Пожалуй, впервые на моем веку от наших действий на площадке несло такой зеленой тоской.

В полуфинал из предварительного турнира мы впервые вышли только со второго места, проиграв итальянцам 87:95. Выручили нас югославы, которые в своей подгруппе зачем-то проиграли чехам в матче под лозунгом «без защиты» — 103:111 и тоже заняли второе место. Если бы мы вышли на «югов» уже на стадии полуфинала, достоинство полученных нами медалей было бы похуже.

На полуфинальный матч с Чехословакией мы собрались, выиграв без особых проблем 91:76. Но в финале югославы, ведомые «боснийским магом» Ацо Николичем, не дали нам вообще никаких шансов. Результат они сделали еще до перерыва (42:27), во второй половине встречи сохранили преимущество, одержав итоговую победу «на классе» 74:61. Впервые поражение от наших извечных соперников десятилетия было столь безоговорочным.

Конец великой империи

В конце 70-х в национальном чемпионате СССР практически оформился процесс, который я могу оценить исключительно как негативный. В союзном первенстве окончательно наметились общее доминирование ЦСКА на фоне существенного ослабления национальных и региональных баскетбольных школ, еще недавно год за годом бросавших советскому суперклубу дерзкий и подкрепленный хорошей игрой вызов.

Постепенно сползали в небытие тбилисское «Динамо» и минский РТИ. В заурядную команду-аутсайдера превратился некогда сильный и самобытный «Калев». Здорово сдал «Строитель». На этом фоне в 1978-м чемпионство ЦСКА, оформленное после первого же круга финальной пульки, и серебряные медали «Спартака», которые ленинградцам можно было вручать уже после второго, выглядели скукой смертной.

Впрочем, новый взлет ленинградцев еще раз подчеркнул масштаб тренерского гения Кондрашина, опять возродившегося вместе со своей командой после кризисного 1977-го. К сожалению, этому взлету суждено было стать последним. Легендарное соперничество Москвы и Ленинграда за баскетбольный трон было окончено.

Правда, в том же году началось восхождение каунасского «Жальгириса», в ожесточенной борьбе лишь на самом финише турнира отобравшего бронзу у тбилисцев. В составе у литовцев заблистали будущие звезды — Сергеюс Йовайша, Вольдемарас Хомичюс, Раймундас Чивилис. В следующем сезоне литовцы пережили спад и вынуждены были играть в переходном турнире, однако уже в 1980-м они уверенно завоевали серебро!

Этому восхождению суждено было закончиться через 10 лет легендарной битвой литовцев с ЦСКА и золотом Сеула. Львиная доля в успехе 1988-го была у прибалтийских игроков, в последний раз выступавших в красных майках СССР и выигравших напоследок золото для ненавистной им страны, на полвека приютившей их без их воли.

Пора уходить.

К чемпионату мира 1978 года в Маниле сборная готовилась в Прибалтике. Именно там мы в последний раз повидали

Александра Белова, и его вид вызвал ужасные впечатления. Хорошего настроения это не прибавило.

Неважным настроение у меня было и по другим основаниям. В конце 70-х у меня вновь, уже всерьез, стало вызревать решение об окончании карьеры игрока. Правда, на этот раз к таким размышлениям меня подталкивали не травмы и не семейные неурядицы — и со здоровьем, и в семейной жизни все было близко к идеальному состоянию. Проблема была в отношении ко мне главного тренера.

В это время в ЦСКА и сборную влилась плеяда молодых талантливых игроков — Ткаченко, Мышкин, Еремин, Лопатов, — на которых Гомельский явно намеревался в дальнейшем делать ставку. Именно на них главный тренер опирался при формировании состава на чемпионат мира в Маниле. Думаю, уже тогда Александр Яковлевич принял для себя решение начать от меня понемногу избавляться.

В состав команды, отправившейся на чемпионат мира в Манилу, я попал вместе с другими ветеранами сборной — Жармухамедовым, Едешко, Болошевым, и с уже «понюхавшими пороху», в том числе на монреальской Олимпиаде, А. Сальниковым, В. Жигилием, А. Мышкиным, В. Ткаченко. Серебряными призерами первенства Европы годом раньше успели стать А. Белостенный и надежда Гомельского — С. Еремин. Впервые на крупном турнире предстояло выступатьА. Лопатову и С. Йовайше.

Жармухамедова и Едешко главный тренер вернул в состав, вероятно, для подстраховки. Участвовать во втором по значимости турнире четырехлетия полностью экспериментальным составом ему бы не позволили.

Чемпионат мира в Маниле впервые проводился по новой формуле. После кругового полуфинального турнира восьми сильнейших команд (от квалификационных игр сборная СССР как действующий чемпион мира наряду с хозяевами чемпионата была освобождена) проводились стыковые финальные матчи за 1-е, 3-е, 5-е и 7-е места. Видимо, ФИБА решила избавиться от «закруток», две из которых ранее — в 1967-м и 1974-м оказались на руку русским.

В групповом турнире мы не имели проблем с кем-либо из соперников, победив Италию, Бразилию, Австралию, Канаду, США и Филиппины. Лишь от югославов мы потерпели чувствительное поражение 92:105. «Юги» провели турнир исключительно мощно, не оставив шансов никому из соперников, в том числе разобравшись помимо нас с другими основными конкурентами — американцами «+7» и итальянцами «+32». Сборная СССР заняла

вслед за ними второе место и сохраняла шанс завоевать первенство в очном противостоянии, однако как победить югославов, пока было не очень понятно.

За всеми этими событиями я наблюдал в основном с банки. Игрового времени на турнире Гомельский мне практически не давал. Со всей очевидностью, этот чемпионат мира должен был стать моим последним соревнованием в составе сборной.

Смену поколений в команде я всегда рассматривал как закономерный и объективный жизненный процесс. Никогда я не претендовал на то, чтобы исключительно за счет своих былых заслуг висеть на шее у команды, не принося ей пользы и занимая место других, более достойных спортсменов. С одной оговоркой: я всегда был сторонником объективной, опять-таки без отсылок к возрасту, оценки игровых кондиций атлетов, конкурирующих за место в составе, и их вклада в игру команды.

Если команда силами молодых игроков способна решить свои турнирные задачи, а я уже не могу приносить ей ощутимую пользу, правота тренера, не дающего мне игрового времени, не вызывает сомнений. Но решающий матч чемпионата мира заставил несколько иначе интерпретировать эту ситуацию.

13 минут

В финальном матче с югославами игра шла очко в очко. Первый тайм окончился со счетом 41:41. Во второй половине «юги» стали постепенно уходить от нас. Гомельский выпустил меня на площадку только в последней четверти матча. Вероятно, с учетом предыстории, это следовало расценивать как жест отчаяния. Дело и вправду пахло для нас керосином.

Проведя на площадке 8 минут, я набрал 6 очков и помог перевести игру в овертайм — 73:73. Дальше на площадке стало происходить что-то невообразимое.

К счастью, главный тренер позволил мне остаться в игре. Дополнительное время стало для меня моей личной дуэлью — с ненавистным соперником, с ненавистным тренером, со всеми злоключениями в моей спортивной карьере. Не играя на протяжении всего чемпионата и теряя кондиции, войдя в игру за несколько минут до окончания в ее кризисной фазе, когда казалось, что ничего уже нельзя изменить, мне необходимо было мобилизовать весь мой потенциал, чтобы сыграть достойно.

У меня не было в эти решающие пять минут озлобления в

отношении Гомельского, не было ревности в отношении находящихся на площадке партнеров по команде, которым на этом чемпионате доверяли больше. Меня мгновенно захватила игра. Та игра, которой я посвятил всю жизнь, в которой оставался суперпрофессионалом (хотя кто-то в этом уже засомневался). Нужно было забыть обо всем и просто по-мужски, на зубах вытащить этот матч.

Что я почти и сделал. За 39 секунд до сирены об окончании овер-тайма соперники вели 5 очков — 82:77. За эти 39 секунд я дважды бросил по кольцу соперника и дважды попал, сократив разрыв до минимума. У югославов началась паника. Я видел в их глазах, что они сломлены. Их хваленые звезды — Чосич, Далипагич, Делибашич и другие — были по-настоящему перепуганы, что сейчас они потеряют все. Они боялись меня и не понимали, что происходит. Еще полминуты — и они «наши».

К сожалению, нам не хватило времени. В третий раз бросить я не успел.

Югославы выиграли дополнительную пятиминутку 9:8 и матч в целом 82:81. Все восемь очков советской сборной в овертайме набрал я. С 14 очками, набранными за 13 минут, проведенные на площадке, я оказался в числе наиболее результативных игроков нашей сборной. Только вот утешением это было слабым.

С боевым настроем…

Все 39 аккредитованных на чемпионате югославских журналистов единодушно написали о том, что их страна навеки обязана Александру Яковлевичу Гомельскому и должна установить ему памятник за то, что он не выпускал Белова на площадку на протяжении большей части игры.

Советская пресса цитировала комментарии Гомельского. «Наша команда — вторая в мире, а могла быть и первой. Я удовлетворен мужеством ребят, с каким они провели решающие матчи. В сборной сложилась дружеская обстановка. Это позволило играть с боевым настроем, с полной отдачей физических и моральных сил. Порадовали молодые Ткаченко и Белостенный, нападающие Лопатов и Мышкин, доволен я и Ереминым… У них есть перспективы. Они могут составить костяк сборной и в будущем. И надо продолжать готовиться к этому, олимпийскому, будущему. А главное у них есть: наш советский

спортивный характер».

Через четыре года новое поколение советских игроков, уже без

С. Белова, под руководством Александра Гомельского все-таки сумеет победить на чемпионате мира в Колумбии, обыграв по ходу турнира и югославов, и американцев, и добудет свой третий (и пока последний) чемпионский титул.

Что касается моего игрового будущего, то оно по возвращении с Филиппин по-прежнему было туманным, несмотря на прекрасные физические и игровые кондиции. Я не верил Гомельскому, не верил, что он сохранит меня в команде до московской Олимпиады, не верил, что, даже если я попаду в 12, он будет давать мне игровое время. Вся эта возня начинала мне надоедать. Все чаще — уже без истерик и депрессий — я стал приходить к осознанному решению: пора уходить.

Глава 20
ОГОНЬ ОЛИМПИАДЫ

Соблазн Москвы слишком силен

И все-таки я принял иное решение. По возвращении из Манилы вместо того, чтобы объявить о своем уходе, я совершил невероятный поступок. Я понимал, что бороться с Гомельским или рассчитывать на перемену его отношения ко мне бесполезно, и для прояснения ситуации записался на прием к председателю Спорткомитета (фактически министру спорта) С. П. Павлову.

Сделать это, т. е. фактически продолжить бороться за место под баскетбольным солнцем, меня стимулировали два обстоятельства. Во-первых, концовка финального матча чемпионата мира убедила меня в том, что по игровым кондициям я не только не отстаю от более молодых игроков, на которых теперь делалась ставка главным тренером, но и превосхожу их. В такой ситуации «отцепление» меня от стартового состава и от сборной являлось не объективной реакцией на реальную ситуацию, а обыкновенным произволом тренера, к тому же идущим во вред интересам команды.

Чтобы гарантировать эти игровые кондиции в моем возрасте, я преодолел слишком трудный период перестройки своего организма, своего жизненного распорядка, и хоронить все эти усилия исключительно в угоду субъективизму одного человека, пусть даже и выдающегося, мне не хотелось. Уникальный игровой и жизненный опыт, которым я обладал, был способен принести очевидную пользу команде. В конце концов, ни у кого из кандидатов в олимпийскую сборную за плечами не было 306 очков в 25 играх трех олимпийских турниров.

Во-вторых, мне очень хотелось выступить на домашней Олимпиаде. Она обещала стать настоящим праздником спорта, и я был бы очень рад возможности сделать его ярче. Моя страна заслужила этот праздник, и я, как я считал, заслужил его вместе с ней. Глупо и обидно было бы исколесить весь мир, защищая честь страны на соревнованиях в самых разных его уголках, а от участия в самом главном старте у себя дома благополучно отказаться.

Разумеется, я был бы рад выиграть еще одно золото Олимпиады. Особенно великолепно было сделать это дома, перед

своими болельщиками, которые будут нас яростно поддерживать и для которых наша победа в самом зрелищном виде летней олимпийской программы будет замечательным подарком и абсолютным счастьем.

Наконец, у нас накопился приличный счет неоплаченных долгов нашим братьям по социалистическому блоку и злейшим соперникам на баскетбольной площадке — югославам. Обиднейшие поражения в очных противостояниях в полуфиналах олимпийских турниров

1968- го и 1976-го, в финалах первенств Европы в 1975-м и 1977-м, первенства мира в 1978-м не давали мне покоя. Опережая нас по количеству важнейших турниров, в которых они за последние 11 лет выступили лучше нас, со счетом 7:4, югославы всерьез стали претендовать на неофициальное звание сильнейшей сборной Европы и второй после США баскетбольной супердержавы.

Соблазн московского олимпийского праздника был слишком силен. Победа на домашней Олимпиаде, расправа над двумя извечными соперниками — США и Югославией, демонстрация самой яркой игры на пике собственных возможностей — вот что казалось мне достойным аккордом в сыгранной мной в большом баскетболе симфонии. После такого аккорда не стыдно будет и уйти, дав дорогу молодым.

Так думал я, но мое мнение могло не разделяться другими. Мне предстояло убедить в своей правоте людей, ответственных за комплектование команды к московской Олимпиаде, или, по крайней мере, быть ими выслушанным. Именно поэтому я и решился на такой беспрецедентный шаг.

Золотая эра

Сергей Павлович Павлов уже тогда был легендарной личностью. Выдвиженец Н. Хрущева, с 1959-го по 1968-й он возглавлял Центральный комитет ВЛКСМ. При нем был проведен Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, открылись многие молодежные журналы. В 1968-м накануне Олимпиады в Мехико он занял пост председателя Государственного комитета по физической культуре и спорту.

Этому предшествовало расцененное как провал выступление советской сборной на зимней Олимпиаде в Гренобле, где мы впервые за время участия в белых олимпиадах, т. е. с 1956 года,

уступили первое место в командном зачете норвежцам, завоевав лишь пять золотых медалей (четырьмя годами ранее в Инсбруке было 11). Предыдущая летняя Олимпиада в Токио также сложилась для СССР неудачно (30 золотых наград и второе место в командном зачете после США).

Ситуацию в Мехико новый спортивный руководитель исправить, конечно, не успел, и результат был практически аналогичным предыдущему (29 золотых медалей и вновь второе место), однако уже в следующем олимпийском цикле произошел прорыв. На четырех последующих олимпиадах (летних и зимних) 1972-го и 1976-го СССР уверенно побеждал. Причем в медальном зачете результаты были феноменальными — в Мюнхене и Монреале 50 и 49 золотых наград, в Инсбруке в 1976-м — 13!

Это была золотая эра советского спорта, и результаты, показанные нашими спортсменами на тех олимпиадах, вряд ли уже будут превзойдены. Главное, что эти успехи основывались на великолепной базе массового, детского, любительского спорта, а также на существенно улучшенном — насколько это было возможным в условиях совка, — менеджменте в спорте на всех уровнях его организации.

В значительной степени этими достижениями страна была обязана именно Павлову. Не приукрашивая Сергея Павловича, который был плотью от плоти советской партийной номенклатуры, нельзя не признать и его исключительных деловых и незаурядных человеческих качеств. Достаточно сказать, что Павлов был, наверное, единственным руководителем в отечественном спорте, который знал всех спортсменов из сборных страны по имени. Более того, он действительно ценил и уважал спортсменов, берег и по-своему любил их. Не раз и не два он брал на себя чужие грехи, сохраняя для большого спорта «залетевших» или понизивших результаты атлетов, рискуя подчас своей номенклатурной репутацией.

Московская Олимпиада была детищем Павлова. Именно ему принадлежала инициатива олимпийской заявки, именно благодаря его активности и связям в МОК эта заявка со второй попытки была удовлетворена, причем отодвинула американский Лос-Анджелес. Не приходилось сомневаться в том, что Павлов в высшей степени заинтересован в оптимальном состоянии советских сборных по всем видам спорта, а в таком престижном виде олимпийской программы, как баскетбол, — и подавно.

Забегая вперед, скажу, что, несмотря на бойкот Москвы и провал в отдельных видах спорта, Олимпиада-80 стала кульминацией карьеры С. П. Павлова в качестве спортивного функционера. Хозяева Игр установили абсолютный рекорд — 80

золотых наград!

Москва-80 стала одновременно и его лебединой песней. Страна отблагодарила своего героя так, как она умеет это делать: после смерти Брежнева, в 1983-м, Павлов был снят с работы и доживал свой чиновничий век на посольских должностях в Монголии и Бирме.

Административный ресурс

Впрочем, до этого было еще далеко, а на момент описываемых событий Павлов был фактически всемогущ. При этом у него была репутация справедливого и в целом профессионального руководителя.

Поблагодарив за предоставленную возможность встретиться, я объявил министру о своем решении закончить выступать за ЦСКА и сборную и попросил его дать мне, по возможности, уехать за границу поиграть по контракту. Для ответственного руководителя, как мне показалось, эта новость оказалась полной неожиданностью. Он сказал, что был уверен, что я доиграю до московской Олимпиады.

«Я могу доиграть до Олимпиады, — ответил я. — Но я не могу играть, сидя на скамейке». Моя позиция представлялась мне вполне логичной — если я соответствую уровню сборной страны и представляю для нее интерес, я должен иметь достаточно игрового времени. Если не соответствую и не представляю — отпустите меня, я найду, чем заняться. Использовать меня в роли дядьки, подбадривающего на банке игроков: «Давайте, сынки, потерпите, вот я когда-то в 69-м.», — мне казалось глупым и контрпродуктивным. Мое место в сборной мог занять молодой талантливый игрок.

Узнав о ситуации в команде, Павлов сказал: «Я подумаю».

Вероятно, плодом его размышлений стала беседа с Александром Яковлевичем, от которого вскоре последовало предложение стать его помощником в сборной в качестве играющего тренера. Затем ситуация постепенно стабилизировалась в докризисном состоянии. Я снова стал получать игровое время, остался лидером как в сборной СССР, так и в ЦСКА, в составе которого я в 1979-м в десятый раз стал чемпионом Союза.

Ситуация и впрямь была беспрецедентная. В те времена партийная и советская номенклатура, при всех ее недостатках,

старалась не вмешиваться в конкретные решения специалистов, которым они доверили работу. В отличие от нынешних благотворителей, содержащих профессиональные команды (хотя сам этот оборот звучит по-идиотски: профессиональная команда призвана не только сама себя содержать, но и приносить прибыль), которые не стесняются порой чуть ли не утверждать состав на игру. Но ставка на московскую Олимпиаду действительно была высока. Ради этого успеха спортивный министр был способен решиться на такое вмешательство.

Что касается Александра Яковлевича, то он был тонким политиком и едва ли стал бы спорить с руководством. К тому же я не думаю, что решение о возвращении меня в «основу» далось тренеру так уж тяжело. Смена поколений сменой поколений, но результат Яковлевич должен был давать, и ветераны команды, как показывала жизнь, могли быть гарантией этого результата.

Последний триумф

Так или иначе, в составе сборной для участия в чемпионате Европы в Турине квота ветеранов Мюнхена осталась прежней. Помимо меня, на Европу отправились А. Жармухамедов и И. Едешко, для которых первенство вообще стало последним выступлением на высшем уровне. По сравнению с прошлогодним составом в Маниле только Хомичюс и Тараканов заменили Йовайшу и Болошева.

Первенство в Турине стало в какой-то степени моим бенефисом. В любимой мною и любящей меня Италии я в последний раз в своей карьере выиграл вместе с командой крупнейший международный турнир, был признан его лучшим игроком.

Сам чемпионат сложился достаточно забавно. Свою лепту в это внесла и наша сборная: так, в последнем матче предварительного турнира мы неожиданно для всех проиграли испанцам, причем с неприличным счетом 90:101. Впрочем, обе команды к тому времени обеспечили себе выход в полуфинальный турнир, обыграв голландцев и болгар.

Этот неожиданный результат впоследствии растворился в череде других сенсаций. Итальянцы проиграли чехам и остались в полуфинале только пятыми. Но наибольший фурор произвели победители трех последних европейских чемпионатов югославы, которые проиграли Израилю «-1» и вообще оказались за чертой

финалистов!

Нам югославы проиграли «-19». В итоге в финале первенства континента мы бились против Израиля. Поправка Джексона—Вэника не помешала нам порвать соперника в клочья — 98:76.

Ошибка резидента

Нельзя исключать, что хитрые «юги» специально «затихарились» перед главным стартом четырехлетия, удовлетворившись скромной бронзой, в споре за которую они уверенно обыграли Чехословакию, и тем самым усыпив бдительность соперников. Можно было — а наверное и нужно было! — вспомнить, как они заняли девятое место на Европе в 1967-м, спокойно готовясь к «домашнему» чемпионату мира.

В большом спорте случается, что из тактических соображений соперник предлагает тебе выиграть. Отказываться в этих случаях не принято, победа всегда остается победой. Однако качеством профессионала, безусловно, всегда должен оставаться трезвый и холодный анализ ситуации, абсолютно свободный от эйфории и шапкозакидательства. Увы, победа в Турине (кстати, предпоследняя аж до 2007-го, когда сборная России сенсационно — вот до чего мы докатились — и, боюсь, случайно обыграла испанцев на их «домашнем» чемпионате) сослужила нам очень плохую службу.

Игроки не учли, что многие команды, скорее всего, «химичили» накануне Олимпиады, а в чем-то нам просто «проперло». Но даже если наша победа и была абсолютно заслуженной, она ни в коей мере не должна была послужить поводом к эйфории, успокоенности, расслабленности. И уж подавно нельзя было считать слабое выступление югославов соответствующим их подлинному уровню.

К сожалению, неправильно отреагировал на эту победу и главный тренер. От кого-то из знакомых Гомельского я слышал о верной примете: «Если Яковлевич, вернувшись с турнира из-за границы, в аэропорту ни с кем не здоровается, значит — выиграли». В данном случае долгожданная победа в континентальном чемпионате вызвала у нашего заслуженного мэтра буквально восторг. Вот как он комментировал чемпионат.

«Главный матч первенства — матч с югославами, советская сборная провела великолепно. Мы предполагали, что защита югославов будет максимально сконцентрирована и нацелена

прежде всего на

В. Ткаченко и С. Белова. Поэтому мы готовили нашего центрового к игре вдали от щита, оттянув его на линию штрафного броска. Белову же было поручено прежде всего снабжать мячами наших молодых, которых соперник еще толком не знал и не боялся, — Лопатова, Мышкина, Тараканова. В том, что Белов и сам не упустит возможности для, так сказать, личных атак, мы были уверены.

В обороне вместо ожидаемого югославами прессинга мы предложили вязкую смешанную защиту, в которой снайперам соперника — Кичановичу, Делибашичу и Далипагичу, было уделено повышенное внимание. Наши ребята превзошли чемпионов мира не только предельной отмобилизованностью, жаждой победы. Они были сильнее и в атлетизме, и в тактических командных действиях».

Если бы подобные панегирики выполняли исключительно роль PR-сопровождения, в этом было бы полбеды. Но, как показала жизнь, в сознании Александра Яковлевича и впрямь уже могло начать формироваться учебное пособие по тактике разгрома югославской сборной. Увы, и это было еще не самым страшным для подготовки и психологического настроя команды. Начало олимпийского года нанесло нам, как предстояло выяснить, самый тяжелый удар — известие об отказе американцев от участия в московских Играх.

Большая политика

Еще с 50-х годов спорт стал постепенно становиться заложником большой политики. Различного рода демарши политических руководителей, осуществляемые посредством недоумевающих спортсменов, время от времени потрясали спортивную общественность. Уже тогда они начали затрагивать главные соревнования планеты — Олимпийские игры (например, в 1956-м несколько стран отказались от участия в Играх в знак протеста против ввода советских войск в Венгрию). Однако до поры до времени эти потрясения были не особо масштабными.

В 1976-м прозвучал первый звонок — Олимпиаду в Монреале бойкотировали 26 африканских стран. Они протестовали против участия в Играх Новой Зеландии, нарушившей спортивную блокаду режима апартеида в Южной Африке, сыграв там матч по регби. Отсутствие атлетов с Черного континента не повлияло

всерьез на распределение медалей в большинстве видов олимпийской программы. Впрочем, эскалация напряженности в противостоянии западного и восточного блоков заставляла ожидать худшего. Что и не замедлило произойти в самом скором времени.

24 декабря 1979 года советские войска по решению Политбюро ЦК КПСС вошли в Афганистан. Началась десятилетняя жестокая война, унесшая жизни 14,5 тысяч наших соотечественников. Война, которая была безоговорочно осуждена подавляющей частью мирового сообщества и стоила СССР колоссальных имиджевых потерь, включая обескровленный олимпийский праздник в 1980-м.

Не мое дело анализировать решения политиков, тем более в такой ситуации. Любая война — страшное и кровавое дело, и я уверен, что облеченные властью люди должны делать все возможное, чтобы исключать ее малейшую перспективу. Однако то, что внутренняя ситуация в Афганистане способна влиять на благополучие моей страны, у меня теперь не вызывает сомнений — достаточно посмотреть на мощнейший наркотраффик, который при полном попустительстве американских оккупационных сил идет сегодня в Россию.

О бойкоте московской Олимпиады западные политики заговорили практически сразу же. Уже в начале января нового 1980 года президент США Джимми Картер предложил, пока не очень настоятельно, перенести Игры в Грецию. Американцы не стали форсировать события до окончания собственных домашних Игр зимней Олимпиады в Лейк-Плэсиде. Сразу после них последовали ультиматум и 20 февраля заявление об отказе участвовать в Играх в Москве с призывом других стран к аналогичным действиям.

В итоге от поездки в Москву отказались 64 страны, в том числе ряд исключительно сильных спортивных держав. Некоторые западные страны, включая Великобританию, Францию, Италию и Испанию, предоставили возможность решить этот вопрос для себя своим спортивным федерациям. Впрочем, условия, в которых делался выбор, были довольно жесткими. В Великобритании против участия в Играх проголосовал парламент, а премьер-министр Тэтчер просто скрежетала зубами при одном упоминании о Москве.

Такая политическая позиция подорвала финансовую основу многих западных олимпийских сборных, бывших, как это ни парадоксально, гораздо «более любительскими», чем советская. Спонсоры побоялись поддержать спортивные федерации. В итоге команды этих стран приехали в сильно усеченных составах, и

участие их носило как бы частный характер — на церемониях открытия и закрытия Игр, при награждении призеров спортсмены 15 стран выступали под символикой МОК, а не своих государств.

Признаюсь, что ситуация в других видах спорта волновала нас поскольку-постольку. Главной новостью для нас, разумеется, было отсутствие в Москве нашего главного соперника — США.

Старт дает Москва

Я считаю, что Москва очень хорошо подготовилась и провела, несмотря на бойкот, великолепные Игры. Для СССР их проведение на высочайшем уровне было вопросом международного престижа, демонстрацией преимуществ системы победившего социализма. Но каким бы ни был политический подтекст этого события, народ заслужил свою Олимпиаду, заслужил прекрасный и замечательно организованный праздник, заслужил свои 80 золотых медалей. Тысячи людей ударно потрудились непосредственно при подготовке Игр, вся страна работала не одно десятилетие, создавая национальное благосостояние, в том числе для того, чтобы эти Игры смогли пройти успешно. И внимание к Играм, позитивный резонанс от них были в Союзе на высшем уровне.

В Москве было построено и реконструировано множество спортивных объектов. Были существенно перестроены «Лужники» — и Большая, и Малая спортивные арены, построен заново универсальный спортивный зал «Дружба». В Крылатском довели до оптимальных параметров гребной канал, возвели велотрек и стадион для стрельбы из лука. В лесопарке в Битце появился конно-спортивный комплекс, в Мытищах — современное стрельбище. «Венцом творения» стали олимпийская деревня на Мичуринском проспекте и гигантский спортивный комплекс «Олимпийский». Большинство этих объектов после Игр исправно послужили людям, оставаясь в строю и сейчас, через 30 лет после Олимпиады-80.

Олимпийская деревня и вправду была очень хорошей — пожалуй, лучшей из всех, где мне довелось жить. Особенно в сравнении с Монреалем, где мы с Мышкиным ютились в крохотной комнатушке, совершенно не рассчитанной на габариты баскетболистов. Питание делегаций, уровень которого мог вызывать какие-то опасения, особенно после праздника живота в Монреале, тоже оказалось организованным очень достойно. О

культурной программе Олимпиады и говорить не приходится.

Монреаль в сравнении с Москвой вообще здорово проигрывал, особенно в части организации олимпийского праздника. Конечно, нужно учитывать особенности ситуации, то, что после расстрела спортсменов в Мюнхене канадцы должны были «дуть на воду» и не смогли придумать ничего лучше, как напичкать свои Игры автоматчиками. Но в Москве ощущение безопасности и добротности в организации всего происходящего было, по крайней мере, не меньшим, а ощущение праздника при этом сохранялось.

Много разговоров в последнее время было о том, что из Москвы на время Игр выгнали половину населения, что всех диссидентов упрятали в психушки и тюрьмы, что на каждый квадратный метр приходилось по милиционеру и по два комитетчика и т. д. ... Мне как наблюдателю со стороны все это в глаза не бросалось. Действительно, на каком-то этапе попытались убрать из столицы весь частный автотранспорт. Однако в городе сразу создалась обстановка, как после взрыва нейтронной бомбы — опустевшие улицы, гробовая тишина, и власти отменили свое решение.

Ничего не знаю о репрессиях в отношении инакомыслящих, может быть, так оно и было. Что касается «чистки» мегаполиса накануне важного общественного мероприятия от опустившихся люмпен-пролетариев, хулиганов и потенциальных преступников, находящихся на учете, то это общая практика нормально работающих спецслужб всего мира. Не будучи специалистом в этом вопросе, думаю все же, что наши спецслужбы, обеспечивая безопасность Игр, в целом сработали очень профессионально и незаметно.

Одним словом, Игры в Москве стали, по-моему, настоящим праздником спорта, захватившим всю огромную страну.

Бойкот, конечно, повлиял на качество спортивных состязаний, но не загубил его. Тем более, что в отдельных видах спорта законодателями мод стабильно являлись страны восточного блока. Например, в гребле почти все золото в Москве взяли спортсмены ГДР (возможно, оптимально попали в допинг). Через четыре года уже отсутствие СССР и его сателлитов на Играх в Лос-Анджелесе будет рассматриваться как невосполнимый урон для уровня соперничества.

Впрочем, в некоторых аспектах организация домашней Олимпиады оставляла желать лучшего. Одна из таких недоработок напрямую затронула нас, баскетболистов. Мужской турнир почему-то проходил в спортивном комплексе «Олимпийский» — гигантском сооружении, умещающем в себе

футбольное поле, легкоатлетический комплекс и трибуны на 14 тысяч зрителей. Чудовищных размеров зал был пополам разделен занавесом, и в одной части соревновались гимнасты, в другой — баскетболисты.

Паркет и стойки были размещены на помосте метровой высоты, а трибуны со зрителями можно было рассмотреть только в бинокль. Не пойму, места для нас, что ли, больше не нашлось?.. В результате наши болельщики растворились в этом пространстве, сидя не пойми где, и их поддержки мы фактически не заметили. Это было серьезным упущением организаторов, лишившим нас одного из главных преимуществ домашнего поля.

Огонь Олимпиады

Помимо собственно баскетбольного турнира мне Игры московской Олимпиады запомнились, разумеется, еще одним событием, ставшим важной оценкой и в какой-то степени итогом моей карьеры спортсмена-олимпийца. Незадолго до начала Игр я узнал, что мне доверена честь завершить торжественную церемонию их открытия зажжением в огромной чаше «Лужников» — главной спортивной арены московской Олимпиады — олимпийского огня.

Традиция зажжения олимпийского огня на период главных соревнований спортивного четырехлетия возводит современное олимпийское движение к его прообразу — античным Играм. Тогда спортивные состязания имели культовое значение и были призваны прославлять сонм греческих богов, восседавших, по всеобщему убеждению, на вершине горы Олимп. Такая же история была с менее известными античными соревнованиями — Великими Панафинеями, во время которых атлеты своими состязаниями приносили жертву богине Афине Палладе. Всеобщее примирение, прекращение войн на период таких соревнований были обусловлены не собственно любовью древних ахейцев к спорту, а религиозным подтекстом.

Тем не менее в наши дни идея всеобщего объединения в празднике спорта, символом которого стал служить олимпийский огонь, приносимый через полмира в столицу очередных Игр, выглядит очень красиво и благородно. Спорт и вправду остался одним из очень немногих явлений, по-настоящему объединяющих людей самых разных национальностей и убеждений.

Несение факела с олимпийским огнем, особенно на

завершающих этапах его пути к главному олимпийскому стадиону, является высокой честью, предоставляемой лучшим представителям нации, отличившимся в различных областях. Что же касается права зажечь этим факелом сам огонь очередной Олимпиады, который будет гореть день и ночь до момента закрытия Игр, то эта честь для спортсмена не сравнима ни с чем. Ее оказывают лучшим из лучших, в каком-то смысле людям, символизирующим национальный спорт, национальную культуру, имеющим бесспорный авторитет и безупречную репутацию. Это что-то сопоставимое с почетным поручением нести национальный флаг во главе делегации твоей страны на открытии Игр, но на порядок значимее.

Обо всем этом я не мог не думать, когда буквально за неделю до 19 июля — дня торжественного открытия Игр я от Гомельского узнал, что зажигать огонь московской Олимпиады поручено мне. Разумеется, я воспринял это как огромную честь и огромное доверие, оказанные мне моей страной, — именно так, а не в качестве доверия партии и правительства. Они мне, конечно, тоже были дороги, но не в такой степени.

Спрашивать, согласен я или нет, никому, естественно, и в голову не приходило, — согласие презюмировалось. Мне размышлять на тему «достоин ли я?» было просто некогда. До церемонии открытия оставалось совсем мало времени, а мне еще предстояло подготовиться к почетной миссии.

Почему объявление этого решения состоялось столь поздно, мне неизвестно. Единственная версия, которая у меня есть, — это сохранявшаяся до последнего неопределенность руководства в выборе, кому доверить почетное право. Насколько я понимаю, у меня был как минимум один серьезный конкурент — прославленный легкоатлет Виктор Санеев, трехкратный Олимпийский чемпион в тройном прыжке. Ему, в конечном счете, доверили второе по значимости действие в церемонии открытия — он пронес олимпийский факел по Большой спортивной арене и передал его в руки мне.

Почему выбор пал в конце концов на меня, а не на Санеева, у меня также есть только одно объяснение. Скорее всего, по замыслу организаторов, зажигать огонь московской Олимпиады было логично доверить спортсмену-москвичу. Уроженец Сухуми Санеев жил в Тбилиси. Так мечта моего детства о ЦСКА, превратившая меня из сибиряка в москвича, привела меня и к главной чаше олимпийского огня московского форума.

Так или иначе, нужно было срочно репетировать процедуру зажжения. Те, кто видел церемонию открытия, представляют себе, как это было красиво задумано. Получив факел от Виктора

Санеева, мне предстояло взбежать к чаше, возвышающейся над Большой спортивной ареной «Лужников», по «живой лестнице» из щитов, поднимаемых руками статистов и как бы вырастающих передо мной по мере движения.

Задумано было, действительно, красиво, да и получилось тоже неплохо, но. не сразу. На первых репетициях статисты действовали несогласованно, между щитами возникали приличные зазоры, в один из которых я и угодил ногой. «Эге, — подумал я впервые, — не хватало еще ахилл порвать на этой церемонии».

Хорошо запомнилась мне генеральная репетиция торжества. Лил проливной дождь, который терпеливо переносили 100 тысяч (!) зрителей, собранных для полного воссоздания обстановки 19 июля. Что касается моей миссии, то она в этих условиях становилась практически невыполнимой — свежевыкрашенные белой масляной краской мокрые от дождя щиты не просто превратились в гарантированный источник травмы. Я реально не мог бы подняться бегом по скользкой поверхности до верха — начиная с середины подъем становился достаточно крутым.

С большим трудом и исключительно осторожно, разумеется, не бегом, а пешком я поднялся к чаше, но на саму церемонию открытия предусмотрительно облачился в легкоатлетические шиповки — привычную с детства и безопасную обувь.

Впрочем, в день праздника они оказались излишними. Над «Лужниками» во всем своем великолепии сияло солнце (думаю, это был один из первых случаев применения технологии разгона туч в день особо значимого торжества). Все было очень красиво и трогательно — тысячи спортсменов и статистов, участвующих в церемонии, десятки тысяч зрителей на трибунах, миллионы у экранов телевизоров. Клятва спортсменов, прочитанная гимнастом Николаем Андриановым[39], привет с космической орбиты астронавтов Леонида Попова и Валерия Рюмина, обращение генсека Леонида Брежнева. Огромная стая белых голубей, взлетающих над «Лужниками».

Конечно, как это всегда бывает у нас в России, не обошлось-таки без накладок. Главная была, конечно, в том, что в ходе «настоящей» церемонии Санееву и мне пришлось держать в руках не муляж, как на репетициях, и даже не настоящий факел с газовым баллоном, который спортсмены несли на подступах к «Лужникам», а суперразработку советской науки — факел со специальной шашкой. Ее не способен был загасить даже тропический ливень, и она гарантировала безупречное воспламенение в главной олимпийской чаше, но температура внутри нее была. 2,5 тысячи градусов! Страшно подумать, что

могло бы случиться, если бы мы, практически никак не проинструктированные, обошлись с этим чудом науки как-то неправильно.

Некоторые трения имели место уже после церемонии. Среди представителей некоторых видов спорта начались разговоры — «почему доверие оказано не нам?» и т. д. Возможно, позднее объявление моей кандидатуры оказалось тем добром, без которого не бывает худа: по крайней мере, накануне стартов в олимпийской сборной не было склок.

Кроме того, выяснилось, что на церемонии открытия все советские спортсмены, а мы с Санеевым как оказавшиеся у всех на виду — и подавно, должны были быть в одежде от фирмы «Мицуно», с которой наше руководство, оказывается, заключило контракт. Нам об этом ничего не сказали, и мы по привычке облачились в «Адидас». В результате японцы устроили скандал и требовали выплаты неустойки. О том, что даже носового платка от этой фирмы, предоставившей полный комплект спортивной формы для сборной СССР, мы не увидели, говорить, я думаю, излишне.

То, что я сохраню за собой исторический факел, я заранее договорился с организаторами. В подтрибунном помещении, куда я попал сразу после зажжения олимпийского огня, какие-то официальные хмыри попытались его по-тихому у меня отобрать, но я не дался. Так этот факел и хранится у меня.

В числе 100 тысяч зрителей в «Лужниках» были и моя жена с трехлетним Сашкой. После окончания церемонии они отправились домой на такси. Услышав по радио репортаж о только что состоявшемся открытии московской Олимпиады, сынок с гордостью поведал таксисту, что это его папа сейчас «зажег олимпийскую чашку».

Не скрою, это были незабываемые впечатления. Даже сейчас, через 30 лет, я с комком в горле вспоминаю тот огромный, уникальный всемирный праздник спорта, мира и дружбы, к которому я оказался причастным. Тогда, в 80-м, оказанное доверие стало для меня приятной неожиданностью. Оказалось, что кто-то заметил мой вклад в успехи советского баскетбола, мои без малого 15 лет в сборной СССР, десятки тяжелейших матчей, в которых я помогал команде набрать решающие очки и одержать важные победы.

Впрочем, и эйфории по этому поводу я не испытывал. Я знал, что не за горами мое расставание с баскетбольной площадкой. Почетная роль в торжественной церемонии была своеобразной кульминацией моей спортивной карьеры. Подъем к чаше «Лужников» — символическим финалом моего движения вверх в

большом спорте. Но главную, яркую и смачную точку на этом пути мне только предстояло поставить. В отсутствие наиболее опасных конкурентов — американцев в соперничестве с югославами, которых мы уверенно побили годом раньше, мы обязаны были выигрывать домашнюю Олимпиаду.

Дорога в никуда

К сожалению, мой рассказ об участии советской сборной в домашних Играх, которые вполне могли стать нашим вторым олимпийским триумфом, будет очень коротким. Я не мазохист и не могу с упоением обсасывать детали одного из самых бесславных поражений в моей спортивной карьере, да, думаю, и во всей отечественной олимпийской истории. Наша бронза — третья по счету для меня — наряду с аналогичного достоинства медалями футболистов, столь же неожиданно проигравших в полуфинале ГДР, стала, пожалуй, одним из главных разочарований Олимпиады.

Увы, такой итог не был неожиданностью для тех, кто хоть что-то смыслил в баскетболе и кто мог наблюдать, как готовится к домашней Олимпиаде ее главный фаворит. Во всяком случае, для меня все стало ясно вскоре после того, как появилась достоверная информация, что американцы в Москву не приедут. Такой обстановки эйфории, беспечности, разгильдяйства, как та, что немедленно воцарилась в нашей команде, я не видел никогда и не мог представить себе, что такое возможно. Постоянное пьянство, халатное отношение к тренировкам, заблаговременный дележ государственных наград, квартир и автомобилей за будто уже одержанную победу сопровождали нас на протяжении всех оставшихся до старта месяцев.

Неоднократно я по-разному пытался поговорить с товарищами по команде. Общий лейтмотив моих увещеваний был простым: «Вы чего творите-то?..» Мой многолетний опыт подсказывал мне, что конкуренция на московском турнире будет очень жесткой, и готовиться к ней надо тщательно и всерьез. Все в песок.

Чудовищной ошибкой была недооценка югославов. Поколение великих игроков 70-х, добывших для Югославии немало славных побед, — Дражен Далипагич, Мирца Делибашич, Драган Кичанович, Зоран Славнич и другие — уходило. Московская Олимпиада была их последним шансом выиграть по-

крупному. И они, узнав о бойкоте американцев, собирались этот шанс использовать по максимуму. Не понимать этого было безумием.

Думаю, ошибки были допущены и при комплектовании сборной. Вновь возобладал принцип «базовой команды»: в олимпийском составе только Жигилий, Дерюгин и Йовайша не представляли ЦСКА. В олимпийском сезоне в составе армейцев заставили выступить даже киевлянина Белостенного и ленинградца Тараканова.

Да, ЦСКА вновь уверенно выиграл национальный чемпионат (я в 11-й и в последний раз стал чемпионом), опять опередив ближайшего преследователя — «Жальгирис» на 5 побед. Но в течение всего сезона игроки варились в собственном соку, самоуспокаивались, утрачивали чувство опасности и конкуренции. Не исключаю, что введение в состав команды нескольких игроков из того же «Жальгириса» — хотя бы на ранней стадии подготовки — помогло бы создать в сборной более рабочую атмосферу.

Возможно, и присутствие 1-2 ветеранов, тех же Жара с Едешко, могло улучшить ситуацию. Они, по крайней мере, не стали бы гужбанить вместо подготовки к Играм.

В состав команды вошли центровые Дерюгин, Белостенный, Ткаченко и Жигилий, мощные форварды Мышкин и Лопатов, легкие форварды Тараканов и Сальников, защитники Белов и Йовайша, разыгрывающие Еремин и Милосердов.

Пополнение сборной «со стороны» имело место, но довольно специфическое. Как я уже говорил, в советском спорте было гораздо больше порядка, справедливости и честности, чем в современном профессиональном, но некрасивые истории случались и тогда. Так, в конце 70-х по некоторым признакам уже можно было заметить периодически открывавшуюся торговлю 11-12 местами в сборных командах, отправляющихся на какой-либо турнир.

Откровенно странная история произошла с заменой Николая Фесенко на Николая Дерюгина в олимпийском составе 1980 года. Она произошла за одну ночь, уже после официального объявления состава команды и направления его списка в Спорткомитет, как говорят, после визита, нанесенного руководству сборной делегацией из солнечной Грузии (Дерюгин выступал за тбилисское «Динамо»).

В итоге мы не смогли показать на Играх даже вполне освоенного нами уровня мастерства, не говоря уже о тактических новинках. Осваивавшийся в период подготовки зонный прессинг применять не стали — команда была к этому не готова ни

морально, ни функционально. Не сработали и прочие тактические построения, включая связку Белостенный — Тараканов, на которую Гомельский возлагал надежды.

Фиаско

Олимпийский турнир проходил по новой формуле, ставшей, видимо, компромиссом между «восточной» точкой зрения, не приемлющей принцип «плей-офф», и «западной», критикующей круговые турниры. Подобная дискуссия во второй половине 80-х закончилась потерей лидирующих позиций в мире нашими хоккеистами. Мощным и сыгранным сборным СССР всегда были более выгодны круговые соревнования, а западникам — игры «плей-офф», в которых повышается значимость волевой мобилизации, концентрации усилий на одной игре, неожиданных для соперника тактических заготовок и которые давали дополнительные шансы остановить «Красную Машину». Впрочем, вскоре мы сами себя привели в такое состояние, что нас стало возможно обыгрывать по любой формуле.

Что касается 1980-го, то тогда соискателям наград предстояло отыграть круговые предварительные турниры в трех группах, после чего по две лучшие команды от группы составляли полуфинальную пульку с зачетом игр на предварительном этапе. Две лучшие в полуфинале команды определяли чемпиона в стыковом матче, 3-я и 4-я играли за бронзу.

В группе нам достались Бразилия, Чехословакия и Индия, которых мы сделали соответственно «+13», «+17» и «+56». Легкие победы над не самыми сильными соперниками не добавили команде волевого настроя и решительности.

Ничего страшного не предвещали и первые полуфинальные игры. Мы обыграли с двузначным счетом Испанию 119:102 и Кубу 109:90. Оставались игры с основными конкурентами в борьбе за призы — итальянцами и югославами.

Матч против принципиальных соперников выявил все, чем мы занимались несколько месяцев перед Олимпиадой. Играть с «югами», вновь великолепно настроившимися именно на этом матч, было невероятно тяжело. С неимоверным трудом мы свели основное время вничью 81:81.

Овертайм стал настоящим кошмаром для советской сборной. Югославы сделали нас исключительно на тактике, одномоментно убрав с площадки всех своих «больших». Измотанные тяжелые

игроки нашей сборной не справились с взвинченной соперником скоростью. Я пытался что-то сделать, но один в поле не воин. Мы потерпели сокрушительное поражение 10:20 в дополнительной пятиминутке и 91:101 в матче.

Чтобы быть справедливым, нельзя не упомянуть о роли ставшего для югославов традиционным «дополнительного фактора». Одиозная личность Борислава Станковича во главе ФИБА уже стала привносить непередаваемый колорит в крупнейшие баскетбольные турниры. То, что в родных стенах на Олимпиаде в матче против злейшего соперника нас просто «убили» судьи, — исключительно его заслуга. Снимаю шляпу.

Еще ничего не было потеряно. Второе место в полуфинальном турнире позволяло вновь сразиться с югославами и обыграть их, сделав выводы из произошедшего накануне. Но то, что случилось дальше, не лезло вообще ни в какие ворота. Поражение от итальянцев 85:87 было уже катастрофой.

Как выяснилось, окончательной. «Компромиссная» формула турнира некоторое время все еще сохраняла для нас еще две возможности выйти на второе место — в случае победы либо испанцев над итальянцами, либо бразильцев над югославами. Обе перспективы были в значительной степени фантастическими. Первая из них рухнула без вариантов — 95:86 в пользу Италии. Вторая тем не менее едва не реализовалась.

Бразилия, ведомая гениальным Оскаром Шмидтом, не имея никаких турнирных перспектив, до этого сумев обыграть с перевесом в очко только Кубу, задала будущим чемпионам чудовищную трепку.

Не знаю, имела ли место материальная или политическая мотивация бразильцев со стороны советского спортивного руководства (не исключаю, что и была), но играли южноамериканцы великолепно.

До последних секунд в этом валидольном поединке не было ясно ничего. И до последних секунд сборная СССР, наблюдавшая за игрой, то оживала, то умирала, умоляя Бога сжалиться над бестолковыми хозяевами Олимпиады, отдавшими свою судьбу в посторонние руки. Но Бог противится гордым. В частности, тем, кто за несколько месяцев до начала сложнейшего турнира вписывает себя в первую строчку незаполненной итоговой таблицы и перестает тренироваться, как положено.

Югославы не хотели повторной встречи с нами в финале Игр. Как бы плохо мы ни были готовы, мы для них оставались самыми опасными соперниками. И мы действительно могли преобразиться в финальной игре, лечь костьми и обыграть их. Поэтому сами «юги» бились против бразильцев насмерть. И

выиграли с перевесом в одно очко. Вот теперь все точно было кончено.

Наше фиаско было громом среди ясного неба. Было ощущение, что вся Москва, вся страна были потрясены таким невероятным, нелепым исходом нашего выступления.

В финале югославы сделали свое дело — обыграв сильную, как никогда, итальянскую сборную, возглавляемую легендарным Дино Менегином, 86:77, они впервые в своей истории стали олимпийскими чемпионами. Итальянцы также добились феноменального результата, лучшего за всю их олимпийскую историю.

Наша победа в матче за бронзу над Испанией 117:94 никого уже не интересовала. Ни включение меня в символическую пятерку лучших игроков вместе с Далипагичем, Кичановичем, Менегином и Шмидтом, ни безоговорочное превосходство над всеми соперницами нашей женской сборной, ни итоговые 80 золотых наград СССР не могли улучшить мое похоронное настроение ни на йоту. Мы свою Олимпиаду с треском проиграли. Прости нас, страна.

Глава 21
В НОВОМ КАЧЕСТВЕ

Прощай, оружие

Основной причиной моего ухода из спорта после московской Олимпиады была потеря мотивации. Пропал или существенно ослабился тот драйв, который всегда был двигателем моей спортивной карьеры. Я достиг всего в советском баскетболе, нужна была новизна. Если вплоть до сезона 80-го у меня была цель сыграть на домашней Олимпиаде, то на сезон 81-го я такой цели для себя не видел.

В 30 лет дополнительной мотивацией было стремление доказать самому себе и окружающим, что я способен выйти за рамки существовавшей системы советского спорта, выбрасывавшей атлета из спорта высоких достижений, как правило, не позднее 28-30-летнего рубежа. «Почему я должен заканчивать, если этого хочу не я, а кто-то посторонний?» — этот вопрос на несколько лет стал моим главным раздражителем, с тех пор, как вокруг меня начались предсказуемые разговоры о скором переходе на заслуженный отдых, и пока все вокруг не свыклись с мыслью, что я, несмотря на пройденную 30-летнюю отметку, по-прежнему один из лидеров ЦСКА и сборной. Теперь этой мотивации не было.

Конечно, стимулом могла быть еще одна победа на Олимпиаде. Если бы я еще до Игр не настроился всерьез уходить сразу после Москвы, где после объявления американского бойкота с высокой долей вероятности прогнозировалась наша победа, и если бы действительно не сделал это немедленно, а затянул принятие решения на месяц-другой. Не исключаю, что неутоленная страсть к олимпийскому золоту, обидно упущенному на домашних Играх, сыграла бы, возможно, свою роль, и я бы остался. Может, перешел бы из ЦСКА в другую команду.

Впрочем, вполне вероятно, что играть до 40 в сборной мне просто бы не дали, слишком радикально это выпадало из общей государственной политики в спорте. К тому же я оказался провидцем — как предстояло понять в 1984-м, при любом, самом благоприятном раскладе, олимпийский Лос-Анджелес был для меня недосягаем.

Несостоявшееся путешествие

Не скрою, я с удовольствием уехал бы поиграть за границу. Разумеется, свободные перемещения по миру и выступления за любые клубы по профессиональным контрактам были тогда для советских спортсменов невозможны. Однако отдельные примеры отъезда ветеранов за границу, в основном в социалистические и нейтральные страны, бывали. Например, в начале 80-х первым из советских футболистов отыграл несколько лет за венский «Рапид» зенитовец Зинченко.

Наиболее вероятной возможностью поработать за границей была командировка в рамках «сотрудничества дружественных армий», допустим, в белградский «Партизан», так же, как и ЦСКА, «армейскую» команду. Я мог выступать в качестве играющего тренера, выходящего на площадку, допустим, только в еврокубках. Мне это было бы интересно. К сожалению, руководство ЦСКА эту идею немедленно и наглухо «зарубило». На некоторое время возник и недолго просуществовал откровенно фантастический вариант с контрактом в Бразилии, однако, узнав о нем, функционеры и вовсе замахали руками: «Профессиональный контракт? В стране с фашистским правительством?!? Ты что, совсем рехнулся?.. »

Увольняться из армии, рвать контакты со своей страной, убегать из гостиницы в заграничной поездке или искать убежища в американском посольстве я не был готов и не собирался. Так закончилась, не начавшись, моя заграничная карьера.

В 36, как в 20

При этом заканчивать, признаюсь, было чрезвычайно жалко. Я понимал, что мое тогдашнее состояние было по-настоящему уникальным, и знал, каких трудов это стоило. В 36 лет мои физические и психологические кондиции были в чем-то лучшими, чем в 20, и уж точно гораздо лучшими, чем в 30. Тогда я переживал настоящий кризис, в первую очередь, конечно, психологический. Я не знал, должен ли продолжать спортивную карьеру, все мне надоело, все валилось из рук. Конечно, при этом имела место и физиологическая перестройка организма.

К счастью, я достаточно быстро понял, что после тридцатилетнего рубежа нужно организовывать свою жизнь,

включая воздействие нагрузками на организм, принципиально иначе. Я стал собственными методиками, путем проб и ошибок выстраивать эту новую концепцию. Не скажу, что это было просто, однако вскоре я научился слушать свой организм, выстроил новую культуру потребления сверхнагрузок, без которых невозможны выступления в большом спорте, восстановления и питания. Стабилизировалось мое психологическое состояние. Хорошая функциональная подготовка, отработанная техника движений позволили мне избежать серьезных травм. Благодаря этому, я мог — уверен на 100 процентов — выступать на высоком уровне еще, по меньшей мере, несколько лет.

Тем не менее решение было принято и пересмотру не подлежало. Проводов, прощальных матчей не было. Тогда это почти не практиковалось, да и инициировать такие мероприятия никто в ЦСКА не стал.

Уход из большого спорта

Закончив играть, я, как и все атлеты олимпийского уровня в подобной ситуации, оказался в своего рода безвоздушном пространстве. На протяжении двадцати с лишним лет ты тренируешься до изнеможения, костьми ложишься на площадке, совершаешь утомительные перелеты по всему земному шару, залечиваешь травмы, готовишься к новым и новым стартам. И вдруг все обрывается, тебе никуда не надо больше спешить, не к чему готовиться, незачем изнурять себя на тренировках.

Выход из большого спорта — вообще большая проблема, которой всерьез очень мало занимались. На Западе, кстати, окончание карьеры в спорте высших достижений — это целая культура. Эта тема всегда была интересна для меня. Я уверен, что подавляющее большинство проблем со здоровьем у бывших спортсменов связано не столько с перенесенными сверхнагрузками, сколько с неграмотным, вопиюще непрофессиональным уходом из спорта. Люди, десятилетиями ежедневно изнурявшие свой организм, с гипертрофированной сердечной мышцей, вдруг прекращают заниматься спортом вообще. По-человечески их можно понять: после сумасшедшего драйва олимпийских сражений пропадают серьезные стимулы, стремиться больше не к чему. Другой уровень стимулов, важнейшие из которых — стремление сохранить спортивную форму, найти себя в послеспортивной профессии, — многим

кажутся неинтересными.

Возможно, имеет значение то, что русский человек может существовать либо на высшем, запредельном уровне, либо на низшем, безалаберном. Такое ощущение, что русские не могут жить по закону, по методике. Нам обязательно нужно свернуть в сторону от общих проверенных правил — в этом, по-моему, знаменитая «загадка русской души». Когда я на определенном этапе своей жизни пришел к ее религиозному осмыслению, я стал замечать, что среди глубоко и искренне верующих нет распущенных людей. Тогда же я окончательно осознал, что мое тело — это храм для моей души, и я обязан содержать его в порядке. Эта задача, этот стимул стали для меня важными после всех выигранных мной титулов, хотя, повторюсь, и я пришел к этому не без метаний.

В случае резкого прекращения спортивных нагрузок происходит следующее: представьте мощный грузовик, набравший обороты, который вдруг резко тормозят посреди дороги. Последствия от такого «вождения» не самые лучшие. У меня всегда была мощная сердечная мышца, силу сердечного сокращения было видно на шкаливших зубцах кардиограммы. После окончания карьеры игрока в 80-м я, как и большинство закончивших, бросил какие-либо нагрузки и первые два месяца чувствовал себя прекрасно. В одно утро я ужаснулся — я не смог найти у себя пульс, настолько упал тонус сердца. А ведь я не пил, не гулял, просто перестал тренироваться.

Слава Богу, мне хватило этого опыта, чтобы понять, чем все это может закончиться, и. я побежал. Пробежки, упражнения с собственным весом, с отягощениями я с тех пор не прекращал — до сих пор. Систему поддержания спортивной формы я разрабатывал для себя сам, но ее результаты меня устраивают — в 55 на тренировках с командой я забивал сверху, а в 65 выжимал лежа 130 кг. И это не потому, что я такой великий и уникальный.

Главное, в чем я приобрел уверенность, — в этом деле, так же, как и во всем, важна система. Крайне важно понять, что лучше тратить на занятия спортом пять минут в день, но ежедневно, чем давать себе большую нагрузку эпизодически, браться «с понедельника» за снижение веса, «накачку» мускулатуры и т. п. Например, проснувшись утром, не откладывая (как сложится день, не всегда точно известно) сделай упражнения на пресс, поотжимайся. Если будет возможность, позднее проведешь более серьезную тренировку, а если не будет — организм получит хоть какую-то нагрузку.

Долгие годы я использовал любую минуту, чтобы закачивать голеностоп и икроножные мышцы: просто поднимался с пятки на

носок — в ванной во время бритья, на прогулке с ребенком, в паузе между другими упражнениями на тренировке. За день набегало до нескольких тысяч подъемов. Вроде бы, пустяк, а результат — отсутствие травм.

Разумеется, к занятиям спортом следует подходить с рассуждением, с учетом возраста, здоровья, образа жизни и иных факторов. Но заниматься спортом всю жизнь при правильной организации не только возможно, но и необходимо практически для любого. А для бывшего большого спортсмена — тем более.

Рожденный тренером

По окончании карьеры игрока я был морально готов к тому, что моя жизнь станет совершенно, принципиально иной. Самое главное — я был готов к тренерской работе. В каком-то интервью последних лет я даже сказал, что, возможно, родился тренером, но был вынужден пройти «затянувшийся» период карьеры игрока. На самом деле, конечно, пока я играл, я не видел никаких альтернатив своему занятию и получал от него безмерное удовольствие. А имел в виду я то, что всегда — начиная с 12-13-летнего возраста — имел творческий, изыскательский интерес во всех аспектах спортивной жизни, и особенно в тренировочном и игровом процессе.

Мальчишкой я, раскрыв рот, наблюдал за игрой старших по возрасту ребят, впитывал все, чему мог у них научиться. Увлекшись баскетболом по-настоящему, я использовал любую возможность узнать о нем больше и научиться чему-то новому. Потому мне и стало неинтересно в Томске столь быстро, что всю «томскую программу» начальной баскетбольной школы я впитал мгновенно, «экстернатом».

Позднее, уже на уровне спорта высших достижений, аналитический склад ума, серьезнейшее отношение к подготовке к соревнованиям у меня с запасом превосходили обычный для спортсменов уровень и, возможно, больше соответствовали тренерскому подходу. Я всегда жаждал чего-то нового и, освоив какой-то уровень, стремился дальше. Даже суперигрок Травин был мне интересен как ориентир в сборной и ЦСКА лишь до определенного этапа. Стиль моей игры — резкий старт, резкая остановка, прыжок и бросок с 3, 4, 5, 6 метров — был плодом этого новаторского подхода, ведь я мог бы играть «как все».

У многих больших игроков есть подспудный страх перед

тренерской деятельностью. Их смущает зависимость от игроков, только посредством которых они отныне смогут себя реализовать, а также необходимость выстраивать с ними отношения и т. д. Для меня таких страхов не существовало, и мой переход к тренерской деятельности произошел органично.

Конечно, сыграло свою роль и то, что еще в начале 70-х я приобрел опыт играющего тренера, подменяя «невыездного» Гомельского в заграничных матчах. В том сезоне мы выиграли Кубок европейских чемпионов и вообще не проиграли ни одного матча за границей. Кроме того, будучи игроком, я любил общаться с молодежью, приходившей в команду, знал, что могу им дать и как это нужно сделать. Молодые ребята ко мне тянулись (кстати, тренеры по-разному относились к этому явлению, то поощряя, то пресекая это стремление).

В отличие от современной ситуации, когда спортсмен с десяток раз за свою карьеру меняет клуб, в мое время не было особых вариантов для продолжения работы после «завязки». Разумеется, я не собирался уходить из ЦСКА, теряя офицерскую должность и в перспективе военную пенсию в 250 рублей (для сравнения, моему отцу, всю жизнь проработавшему в лесном хозяйстве, наскребли персональную пенсию в 160). Поэтому особых раздумий по поводу дальнейшей карьеры не было — только ЦСКА и только тренерская работа. Единственный вопрос состоял в том, когда я смогу получить место главного тренера.

Пост № 1

Как я уже говорил, А. Я. Гомельский был яркой и масштабной, но противоречивой личностью. Как следствие, у него было много недоброжелателей, к числу которых относился и министр спорта Павлов. По окончании баскетбольного турнира московской Олимпиады произошел следующий знаменательный эпизод.

Приехав в олимпийскую деревню забирать вещи, я столкнулся с разъяренным Павловым, окруженным побледневшими клерками из Госкомспорта. Увидев меня, он буквально заорал на всю деревню: «Завтра же ты — главный тренер сборной!.. Опять этот ... меня подвел! Опять прос... Олимпиаду!..» Дождавшись окончания начальственного гнева, я чуть ли не в ноги упал министру: «Ради Бога, не делайте этого! Я не готов, не буду я тренером сборной!..» Я действительно не был

готов к закулисной войне за высокий тренерский пост.

Тем более, что «главный» вновь продемонстрировал свою абсолютную остойчивость и непотопляемость. Выступая в декабре 80-го на послеолимпийской конференции, заместитель Павлова В. Л. Сыч устроил Гомельскому полный, катастрофический разнос, после которого можно было ожидать лишения партбилета, проклятия до седьмого колена, остракизма и многократного расстрела. Речь заместителя министра окончилась однако фразой: «Ну да ладно, дадим последний шанс»

В том же декабре я вновь, как двумя годами ранее, оказался в высоком кабинете, на этот раз в паре с Александром Яковлевичем и по его инициативе. К моему изумлению, «главный» выступил перед Павловым с вдохновенной речью, из которой следовало, что я выразил готовность работать под его, Гомельского, руководством, со сборной и ЦСКА, что у нас есть общая масштабная программа действий, которая выведет советский баскетбол на новые вершины. Разумеется, накануне Гомельский ни словом не обмолвился со мной об этих блестящих планах, они стали для меня полной неожиданностью.

Не желая очернить человека, которому многим обязан, тем не менее выскажу сомнение в правдивости этих заявлений, даже если бы я согласился на такое сотрудничество. Скорее всего, для Гомельского это выглядело временным компромиссом для привлечения в формальные союзники человека с большим именем и по-прежнему большим будущим в баскетболе, который был на хорошем счету у спортивного руководства. Выслушав тренера, я спокойно сказал Павлову: «Простите, у нас с Александром Яковлевичем слишком разные взгляды на баскетбол. Работать с ним я не смогу». Павлов сказал: «Ясно», и разговор на этом закончился. В глазах Гомельского в этот момент я прочитал очень многое.

В ту пору действовало негласное правило, согласно которому прекративший выступления на высоком уровне спортсмен ЦСКА мог в течение года определяться с дальнейшими действиями, подыскивая себе место в системе армейского спорта и продолжая получать прежнее денежное содержание. Этим правом я и воспользовался, начав при этом тренировать детей в детской спортивной школе ЦСКА.

Однако так вышло, что вскоре я все-таки оказался на должности главного тренера армейского клуба. Думаю, свою роль могло сыграть негативное отношение Главного политического управления Министерства обороны по отношению к Гомельскому. Александр Яковлевич тогда занимал пост главного тренера Вооруженных Сил по баскетболу и возглавлял сборную страны.

Видимо, армейские функционеры решили создать какой-то противовес его влиянию. Я мог казаться подходящей кандидатурой, поскольку прошел образцово-показательный путь советского спортсмена, много лет был комсоргом сборной, зажигал огонь Олимпиады, никогда не «залетал» на таможне и на пьянке и при этом еще что-то понимал в баскетболе.

Одним словом, мне доверили руководить ЦСКА практически сразу же после ухода с площадки, осенью 1981-го, что, в принципе, было редкостью и большим авансом даже с учетом моей «кредитной истории». И получилось, надо сказать, неплохо — в сезоне 1981/82 года ЦСКА стал чемпионом СССР и выиграл Кубок страны. Будущее казалось многообещающим. Однако все рухнуло в одночасье.

Крах

После возвращения команды в Москву с розыгрыша Кубка СССР в 1982-м было объявлено о моем увольнении с должности главного тренера в связи с внезапным объявлением органами запрета на мой выезд за границу. Для офицера Советской Армии, главного тренера ЦСКА такое решение было приговором. Формальным поводом для него, как я выяснил позднее, оказались «контакты с подозрительными элементами».

В 1968-м в ходе турне по Южной Америке я познакомился с Николаем, русским по происхождению, живущим в Бразилии. Он оказался человеком интереснейшей судьбы. Его родители были эмигрантами, родился он в Харбине, где прожил до 1953-го, когда китайцы в течение 48 часов вычистили всех русских из города. Так он оказался в Новом Свете. Там получил высшее образование, обустроил быт, но навсегда сохранил верность Родине, на которой никогда не бывал, и любовь к русской культуре. Он был самым преданным болельщиком сборной СССР, которая ежегодно приезжала на коммерческие турне в Южную Америку.

Несмотря на то что за границей отношение к эмигрантам, ищущим контактов с нами, у нас было очень настороженное, да и сотрудники КГБ, выезжавшие с нами в загранпоездки под видом «заместителей руководителя делегации» или «запасных спортсменов», не дремали, практически в каждый из таких приездов я встречался с Николаем. Меня привлекали в нем именно эта любовь к Родине, а также удивительные рассказы о неизвестной мне России, которые он собрал из своего

харбинского прошлого и со слов родителей. Для меня он был истинным русским, его патриотизм был намного выше, чем у многих из тех, кто был вокруг меня.

В 1982-м Николай впервые в жизни приехал в СССР. Разумеется, мы встретились, он побывал на игре ЦСКА, потом у меня дома. В этом, собственно, и состояло мое преступление, о котором кто-то стукнул в органы, разрешив таким путем ситуацию с конкуренцией в клубе. Версия, которая озвучивалась по поводу меня во время развития всей этой мерзкой истории, была откровенно иезуитская: Белов, по имеющимся сведениям, при первом удобном случае собирается стать невозвращенцем, т. е. он подозрителен и враг СССР, но при этом Белов — наша гордость и наше достояние, он зажигал огонь московской Олимпиады, и мы не можем его терять.

Мало того, что меня бесил сам по себе этот бред (сколько раз за свою карьеру я мог бы не возвратиться в Союз, если бы действительно этого хотел), принятое органами решение на корню гробило мою спортивную карьеру и вообще ставило под угрозу мое существование. Не удивительно, что я пытался бороться за свое будущее, стал метаться по властным коридорам, дошел было до Чебрикова — председателя КГБ СССР... пока умные люди мне не подсказали: не дергайся, на пять лет забудь о карьере, лучшее, что ты можешь сделать, — это затихнуть, не высовываться и этим доказать, что возникшие в отношении тебя подозрения были ошибкой и случайностью. Так мне в итоге и пришлось поступить.

Встань и иди

Состояние мое в ту пору было ужасным, особенно первые два года после краха. Пожалуй, главным стимулом не сломаться в этот момент был пятилетний сын Сашка, за которого я чувствовал ответственность. Благодаря этому я не опустился, не запил, вел себя достойно и рассудительно. Я стал работать начальником комплексной детской школы ЦСКА по игровым видам спорта (в частности, школа культивировала баскетбол, волейбол, гандбол и большой теннис).

Мне нравилось работать с детишками, и то время, считаю, не прошло для меня даром: я много экспериментировал, многому научился, заложил своего рода дополнительную основу для будущей работы с профессиональными коллективами. Честно

говоря, если бы за работу с детьми и юношами платили поприличнее, я с большим удовольствием занимался бы с ними — заинтересовать, зажечь ребенка гораздо легче, чем так называемого «профессионала».

Все в жизни проходит, прошли и эти пять лет. Конечно, я предпринимал осторожные усилия, для того чтобы убедить власти в своей благонадежности, при этом, естественно, не изменяя своим жизненным принципам, никого не «сливая» и не сдавая. Я просто честно работал и пытался задействовать какие-то связи, чтобы к моему вопросу подошли объективно и справедливо. В конце концов, ценой больших нервов, в результате многих факторов, на первый взгляд случайных (например, увольнения с должности кого-то из моих высокопоставленных недоброжелателей в связи с легендарной посадкой на Красной площади Маттиаса Руста), статус «невыездного» был с меня снят.

Не надо оваций…

Вскоре после этого я был восстановлен в должности главного тренера баскетбольного ЦСКА. Произошло это в середине сезона 1988/89 года, команда мне досталась в разобранном состоянии, и спасти ситуацию не удалось — в национальном чемпионате мы заняли только третье место. Уже на следующий год, в сезоне 1989/90 года, ЦСКА вернул себе позиции лидера и без проблем стал чемпионом.

Однако прежнего ЦСКА уже не было и быть не могло — мы жили в другой стране. К моменту моего возвращения в большой баскетбол уже распалась его многонациональная советская школа, закончилось и великое противостояние двух титанов — ЦСКА и каунасского «Жальгириса» (искренне жалею, что я не смог принять в нем участие). Начался активный отток игроков за границу. Наступала новая эра отечественного спорта.

К тому времени я как раз «выслужил» стаж, необходимый для начисления 30-процентной военной пенсии, и это показалось мне достаточным основанием для расставания с отечественным армейским спортом, которому я посвятил 22 года своей жизни. Это расставание прошло быстро и прозаично.

В обычном порядке увольнение из Вооруженных Сил могло растянуться на несколько месяцев. В моем случае взятка какому-то армейскому клерку в виде кроссовок «Adidas» отечественного образца позволила гордости армейского баскетбола

подполковнику Сергею Белову быть уволенным без бюрократических проволочек, за неделю.

Излишне говорить, что в этой ситуации торжественных проводов из ЦСКА не было и подавно.

Италия

Возможность отправиться поискать счастья на чужбине появилась, наконец, и у меня. В Италию я отправился в основном из меркантильных соображений, в стремлении поправить семейное благосостояние. Однако была и иная мотивация. Мне хотелось развеяться, сменить обстановку после многих лет давления системы, благо такая возможность появилась. Возможно, интуитивно я предчувствовал, что в самом скором времени на Родине начнется такой бардак, что быть ей полезным я какое-то время вряд ли смогу (до стрельбы из танков по хасбулатовскому Верховному Совету оставалось не так уж долго).

В то же время в моем отъезде присутствовал и сугубо профессиональный интерес. Отчасти по наблюдениям, отчасти интуитивно я понимал, что в самом скором времени в России будет формироваться новая система организации спорта, со всеми ее атрибутами — кланами спортивных агентов, владельцев клубов, спонсоров и т. д., и я хотел рассмотреть эту систему изнутри, понять, как она работает.

Так в конце 90-го я оказался в Италии, где стал тренировать команду второго дивизиона из города Кассино. Система отъезда спортсменов и тренеров из России за рубеж еще не была отлажена, поэтому уезжал я по туристической визе и с официальной легендой цели моей поездки — «для съемок документального фильма об итальянском баскетболе».

Италию я всегда любил, и она, надо признать, отвечала мне взаимностью (статус всеобщего кумира с прозвищем «Divino»[40] сопровождал меня в этой стране на протяжении практически всей карьеры игрока). Три года, проведенные в этой стране, прошли с пользой. Я выучил язык, получил профессиональную тренерскую лицензию. В этот период у меня была возможность узнать западную жизнь изнутри, и я понял, что в ней, при всем ее комфорте, очень много самой откровенной прозы, начиная от экономии на всем и заканчивая подчас весьма своеобразными отношениями между людьми.

Что действительно оправдалось из моих намерений, так это

состоявшееся изучение кухни профессионального баскетбола. Кстати, я оказался совершенно прав в своих интуитивных соображениях: всего через несколько лет эта кухня в полном, да еще многократно ухудшенном варианте была скопирована в России. Так что три года в Италии оказались своего рода прививкой иммунитета если не ко всем — ко всему, что творится сегодня в отечественном профессиональном спорте, привыкнуть невозможно, — то, по крайней мере, к некоторым проявлениям «большого баскетбола» в России. Еще одним приобретением итальянского периода стала сохраняемая поныне приверженность к хорошему красному вину. Вот, пожалуй, и все, что я вынес из своего итальянского вояжа.

Серебряный дубль

Я вернулся в Россию «на побывку» в августе 1993-го. Посетил несколько баскетбольных матчей в Москве, пообщался со старыми знакомыми. На вопросы о планах отвечал неопределенно. Я и вправду не знал, чем заниматься дальше. Работа в Италии приносила материальный достаток, но не давала драйва и удовлетворения. Любопытство по отношению к внутренней организации европейского профессионального баскетбола я удовлетворил. Конечно, имея профессиональную итальянскую лицензию, я мог рассчитывать в будущем на приглашения более серьезных европейских команд, но сколько нужно было ждать своего шанса, было непонятно.

К тому же, и это главное, приносить пользу я хотел именно на Родине. Одним словом, в случае появления перспективных предложений дома я готов был немедленно свернуть свой заграничный «проект» и остаться в России.

По счастливому совпадению, в это же время после двухлетней работы в Штатах в Москву вернулся мой старый знакомый Игорь Завьялов, замечательный спортивный врач и тренер по функциональной подготовке. Созвонившись, мы выяснили обоюдную склонность к продолжению работы на Родине. Поэтому, когда мне поступило предложение возглавить сборную России, размышления были недолгими. Обсудив с Завьяловым примерную программу подготовки (изначально я предполагал работать в тандеме с Игорем), я дал согласие.

Я с удовольствием вспоминаю те времена, это была удачная полоса жизни. Работа ладилась, и работали мы от души. Главной

удачей на первом этапе было подыскание титульного спонсора для сборной. В качестве такового выступила компания «Ямбурггаздобыча», которая закрыла практически все финансовые вопросы подготовки команды. Помимо финансирования учебно-тренировочных сборов, поездок, прочих текущих нужд, мы — впервые в истории отечественного спорта, — нашли возможность выплачивать игрокам суточные в размере $100 в день за весь период их занятости в сборной. Для ребят это было революцией, и они ехали в сборную с удовольствием не только из-за спортивной мотивации, но и с уверенностью в «закрытых тылах».

Забавно, что всепобеждающий «совок» сохранял свое присутствие и в новых условиях якобы профессионального, российского баскетбола. Узнав о практикуемых нами финансовых условиях привлечения в сборную игроков, тренеры российских команд на конференции федерации баскетбола немедленно выступили со смелым и свежим предложением: передавайте выделяемые игрокам средства в клубы, а там уж мы разберемся, как поощрить и простимулировать ребят. «Шиш вам», — таким примерно было содержание моего честного и прямого ответа коллегам.

В сборной тогда собрался хороший коллектив, достаточно молодой (самым старшим был 29-летний Сергей Базаревич), но вполне профессиональный и готовый к большим победам. Игорь Куделин, Женя Кисурин, Василий Карасев, Захар Пашутин, Сергей Бабков, «большие» — Миша Михайлов, Виталий Носов, Игорь Курашов, Сергей Панов, — у всех этих ребят были мастерство, основы которого закладывались еще советской школой баскетбола, и нереализованное желание побеждать. Думаю, что и правильно составленная программа подготовки была не последним фактором нашего успеха. Времени на подготовку было столько, сколько нужно: к чемпионату мира в Торонто мы готовились три с половиной месяца. Все удачно сошлось в одной точке, все было «в цвет».

1994-й был годом выступлений американской Dream-team-2, по составу и силе не уступавшей первой версии заокеанской профессиональной сборной. Реджи Миллер, Алонзо Моурнинг, Шакил О'Нил, Шон Кемп, Доминик Уилкинс, Дэн Марли, Марк Прайс. С таким созвездием игроков американцы были вне конкуренции. Знаменитый хорват Раджа перед полуфинальной игрой с Россией говорил, что в случае победы на финал против США он не выйдет, настолько очевидной была бессмысленность противостояния звездам NBA.

Тем не менее игра против Dream-team на предварительном этапе турнира для сборной России провальной не оказалась.

Первая половина встречи вообще завершилась на равных, в итоге мы уступили с вполне пристойной разницей «-17». Понятно, что американцы не выкладывались, но результат матча все равно воодушевил молодых российских игроков, внушил им уверенность в своих силах. Первый выход на один паркет с такими инопланетянами, как О'Нил или Моурнинг, вообще мог повергнуть любого в шок, но. глаза боятся, а руки делают, и вот ты уже играешь против суперзвезд, и держишься вполне прилично.

На предварительной стадии того чемпионата мы обыграли очень сильные команды Аргентины, Канады, Австралии, в которых также были игроки из NBA, причем обыграли не случайно, а по делу, на классе.

Кульминацией нашего выступления стал полуфинал против Хорватии. Соперник в том году был чрезвычайно силен. Звезды NBA — Дино Раджа, Тони Кукоч, Стоян Вранкович, сплоченный и сыгранный состав, — это была суперсборная, равной которой по силе я в Югославии не припоминаю. Тем не менее эта чудо-команда была повержена Россией 66:64.

Финал был назначен на следующий день на 15 часов, из-за чего ребята, только к утру едва-едва успокоившие свой адреналин после блестящей и сенсационной победы, конечно, не были готовы к игре ни физически, ни морально. Психологически мы вообще были выжжены и опустошены, такие победы бесследно не проходят. Впрочем, бороться за победу со Штатами для нас, конечно, было утопией, речь шла только о возможности сыграть и уступить более достойно. Впрочем, даже получив в финале «-46», мы покидали Торонто с высоко поднятой головой. Результат, показанный сборной, был высоким, и он соответствовал качеству игры.

К сожалению, в следующем году последовал провал на чемпионате Европы, где российская сборная заняла только седьмое место, что стоило нам путевки в олимпийскую Атланту. Справедливости ради нужно сказать, что система отбора на Олимпиаду через европейское первенство была применена впервые, причем не без влияния югославов в ФИБА. Раньше «призы» на чемпионате мира в олимпийском цикле всегда гарантировали участие в главном старте четырехлетия. Впрочем, после драки кулаками не машут. Серб Борислав Станкович, генеральный секретарь ФИБА, откровенно тянул за уши свою команду, пролетевшую мимо Олимпиады на чемпионате мира. Финальный матч того континентального первенства между Югославией и Литвой запомнился скандальным судейством.

В 1995-1997 годах я совмещал тренерский пост в сборной с

руководством Российской федерацией баскетбола. Это позволило главному тренеру сборной Белову миновать предолимпийский провал безболезненно — сам к себе репрессии я применять не стал. Говоря серьезно, я понимал, что поражение на Европе было случайностью и ни в коей мере не соответствует силе и возможностям команды, а в своей тренерской работе я по-прежнему видел полезный потенциал. Последующие события показали мою правоту. На чемпионате Европы 1997-го сборная России завоевала бронзовые медали чемпионата Европы и добыла путевку на чемпионат мира, где годом позже повторила свой «серебряный» успех — результат, пока не превзойденный в новейшей истории отечественного баскетбола.

Условия для подготовки команды по сравнению с предыдущим четырехлетием были поскромнее — газовый концерн после смерти прежнего руководителя Александра Маргулова утратил интерес к баскетболу. Похуже оказалась и мотивация игроков, хотя серебряный состав четырехлетней давности сохранился практически полностью. Тем не менее опробованный формат тренировочного цикла нам с Завьяловым удалось повторить.

Игры на турнире давались тяжело, однако в муках мы одерживали «на зубах» волевые победы. Обыграли итальянцев, греков, канадцев, в четвертьфинале — литовцев.

Полуфинальная игра опять оказалась кульминацией нашего выступления и произвела фурор. Мы победили сборную США, пусть не Dream-team, но также очень сильную команду. По ходу матча нам пришлось несладко, соперник действовал исключительно напористо и агрессивно, особенно в защите. За 2 минуты до конца игрового времени мы проигрывали «-10». Эти 2 минуты закончились со счетом 10:0 в пользу сборной России. Великолепно сыграл Сергей Бабков, набравший в той игре 30 очков.

На последних секундах при равном счете я убрал с площадки всех «больших», и против американского пятого номера оказался наш третий Сергей Панов. Наверное, это был звездный момент Пана и самый быстрый проход в его жизни (позднее он признает: «Не зря бегали “челноки” в Новогорске»). Так или иначе, пока американцы разбирались, с кем играть «большим», Пан совершил героический проход через всю площадку под щит соперника и аккуратно уложил мяч в корзину — 66:64.

Время после результативного броска тогда не останавливали, и еще чуть-чуть этого времени убил Захар Пашутин, поймав мяч и поставив его на пол под кольцом. Тем не менее американцы успели ввести мяч в игру и даже бросить

результативный трехочковый. на доли секунды после финальной сирены. После нескольких минут валидольной паузы, пока судьи удостоверялись в том, что бросок был произведен после окончания игрового времени, греческий комиссар матча показал жест «не считать». Телекамеры зафиксировали у меня в этот момент настолько глупое выражение лица, что я сам этому удивляюсь — психологическое напряжение было невероятным, и разрядка после него соответствующей.

В финале нам, к сожалению, не удалось переиграть югославов. Озарение, возможно, приближалось ко мне, когда в ночь накануне финала меня раз за разом стала посещать парадоксальная мысль — поменять в финале всю стартовую пятерку. Не исключено, что только такое сверхнеординарное решение и могло разрушить планы соперника, очень хорошо «поработавшего» по нашим основным игрокам. Результат — обидное поражение — 62:64.

Объективно говоря, два серебра чемпионатов мира с интервалом в четыре года были для сборной России прыжком выше головы, пределом ее возможностей с учетом вновь сложившейся конъюнктуры в мировом баскетболе. В какой-то степени, с учетом еще «советского» воспитания наших игроков, эти успехи стали своеобразной лебединой песней советского баскетбола, завершением его славной истории. Дальше, как показало время, все стало значительно сложнее.

Непросто все было дальше и в моей собственной судьбе. Уход с поста руководителя федерации, из национальной сборной. Увлекательная и яркая идея Сергея Кущенко о создании первого по-настоящему профессионального баскетбольного клуба в Перми. Сенсационные победы, уход Кущенко в ЦСКА, постепенное сползание пермской команды в болото. Дрязги вокруг клуба, нечестность и некомпетентность людей, от которых зависели судьба команды и моя собственная, окончательный разрыв. И. почти полная изоляция. Как сказал напоследок Гамлет: «Дальнейшее — молчание».

АСБ и КЭС-баскет

Пермский «Урал-Грейт» был моим подлинным увлечением, делом, которым я искренне рад был заниматься. Потом, когда «профессиональные» отношения вокруг клуба заменили человеческие, он на какое-то время был для меня местом работы,

а затем и вовсе ушел из моей жизни. Как я говорил уже много раз, профессиональный игровой спорт в современной России — это уродец, вампир. В нем нашли, нет, придумали себе место многие люди, которые ничего не отдают, а только высасывают ресурсы. К сожалению, команда «Урал-Грейт», к успехам которой в начале 2000-х я, могу надеяться, был в известной степени причастен, не оказалась исключением.

На каком-то этапе вся эта возня в «профессиональном» российском баскетболе стала мне неинтересной. Свой опыт, свое имя я сейчас отдаю школьному и студенческому баскетболу, являясь почетным президентом школьной баскетбольной лиги «КЭС-баскет» и спортивным директором Ассоциации студенческого баскетбола. Оба проекта существуют не так давно, но уже успели охватить российские регионы от Калининграда до Владивостока и вовлечь тысячи молодых ребят и девушек в наш яркий, динамичный, великолепный во всех отношениях вид спорта. Я уверен, что именно баскетбол способен, как локомотив, потянуть за собой всю молодежную аудиторию, заинтересовывая ее и другими видами спорта.

Я искренне хочу приносить пользу своей стране, честь которой я когда-то защищал, как умел, на спортивных аренах мира, и уверен, что мой опыт еще может ей пригодиться. Надеюсь, что и моя давняя мечта — создание «Академии баскетбола Сергея Белова», давно уже предлагаемое мною, — когда-нибудь осуществится.

Мой путь

Спорт — концентрированная модель жизни, выявляющая за считанные минуты сверхнапряжения сил всю твою подноготную, — всегда будет мощным источником интереса и сплочения людей. Я рад, что смог реализовать себя в спорте полностью, воплотил в жизнь свои детские мечты. За каждым высоким результатом — что-то свое, свои комедии и трагедии. При этом для меня особенно важно то, что я всегда разделял собственно спортивные результаты и творчество, благодаря которому я их добивался.

Конечно, любой путь не бывает идеально гладким. Возможно, сейчас я многое в своей жизни сделал бы по-другому, иначе расставил акценты в подготовке, в творчестве. Впрочем, всему свое время, и в молодости скучно жить умом 60-летнего

человека. Нельзя прожить рафинированную жизнь. Допущенные ошибки — соль жизни, в том числе жизни в спорте.

Я мог бы пожалеть о том, что время не позволило мне сыграть и проявить себя в сильнейшем соревновании мира — чемпионате NBA. Но, узнав структуру «фантастической лиги», ее гласные и негласные правила поближе, я сейчас уже не уверен, что непременно поехал бы играть в NBA, даже имей я такую возможность (чем, конечно, вновь удивил бы всех: «опять выделывается.»). Рамки для индивидуального творчества, развития существуют и там, давление системы на личность в Америке, возможно, еще сильнее, чем было в «совке».

Можно было бы задуматься о том, почему Господь не дал мне добиться по-настоящему великой победы как тренеру.. Однако такие размышления я считаю преждевременными — считаю, что у меня все еще впереди. Я не привык ни о чем жалеть и останавливаться на достигнутом. Я дорожу своим прошлым, но жить хочу настоящим и будущим.

Глава 22
ЗА ПЛОЩАДКОЙ

В мире прекрасного

Спортивные мемуары принято завершать рассказом о хобби, увлечениях, разнообразии интересов, об участии в различного рода политических и благотворительных проектах. Все это призвано дополнительно подчеркнуть многогранность и масштабность личности героя («талантливый человек талантлив во всем»), его беззаветную преданность людям и своей стране. По закону жанра, я сейчас должен поведать вам о том, как я люблю классическую музыку и живопись, как в коротких паузах между тренировками и играми немедленно хватался за любимый томик Бунина, как с интересом общаюсь с видными деятелями политики, культуры и искусства, перечислить телевизионные шоу, в которых принял участие.

Как вы уже поняли, ничего этого не будет. Не хочу никого обидеть, но порой подобные признания моих коллег — именитых спортсменов кажутся мне несколько вымученными и не совсем правдивыми. С первых строк этой книги я старался быть с вами исключительно честным и никоим образом не приукрашивать себя. И сейчас я честно признаю: спорт высших достижений, игра в баскетбол были для меня и основным занятием, и хобби, и вообще всем в жизни с тех пор, как я, распрощавшись с футболом и легкой атлетикой, сосредоточился на оранжевом мяче и каждые свободные полчаса стал проводить в зале у Георгия Реша.

Не знаю, удалось ли мне это объяснить, но то отношение к игре, которое я сохранял на протяжении всей своей долгой карьеры, то горение в полный накал, тот адский труд, которым я готовил себя к нескольким неземным озарениям, которые мне довелось пережить на спортивной площадке, не совмещались с чем бы то ни было еще по определению. Поэтому я не считаю, что спортсмен олимпийского уровня, принесший своей стране славу на мировых аренах, должен оправдываться и доказывать, что он «такой же, как все». Он не такой, если бы он был «таким же», он не стал бы Олимпийским чемпионом.

Те задачи, которые я с детства ставил перед собой и которые я — пусть не в полном объеме, — сумел выполнить, требовали от меня полнейшего сосредоточения на тренировке и игре. Не

думаю, что у многих получилось бы реализовать себя еще в каком-либо занятии и одновременно добиться хотя бы таких спортивных результатов, каких добился я.

Конечно, каким-то свободным от игр, тренировок и переездов временем мы располагали, и меня можно упрекнуть в том, что, находясь за границей, я тратил его на продажу икры, а не писал маслом этюды с натуры. По поводу приработка спортсменов я уже «давал объяснения», предложу лишь еще раз любому встать на наше место и отказаться от возможности повысить уровень жизни свой и своих детей, когда такая возможность появляется.

Кроме того, напомню о том, что переносимые спортсменами нашего уровня физические и психологические нагрузки были запредельными и, безусловно, требовали определенной реабилитации. То, что эта реабилитация не была организована должным образом, не наша вина. Что касается вкусов, в соответствии с которыми каждый организует свой досуг, то о них, как известно, не спорят. Сейчас на меня отовсюду льется информация о ставших популярными и общепринятыми в нашей стране формах досуга, от которых волосы дыбом встают. Любой самый деревянный Буратино из наших баскетбольных коллективов по сравнению с сегодняшними «клубными» — просто Леонардо да Винчи.

Тем не менее, не стану притворяться, чтение меня никогда не захватывало. Болезненно-запойного интереса к литературе у меня не наблюдалось, хотя по-настоящему интересные мне книги я, разумеется, прочел. В многочисленных заграничных поездках я пытался использовать очень ограниченные возможности для того, чтобы что-то узнать о стране, в которой нахожусь, прочувствовать ее энергетику.

О чем я, наверное, склонен пожалеть, так это о том, что остался неразвитым мой интерес к рисованию, пропорциям, гармонии, которые я в себе замечал с детства. К несчастью, достояние мировой классической культуры, которое я, наверное, с интересом бы воспринял, в целом прошло мимо меня. Что ж, это цена, которую пришлось заплатить за покорение вершин мирового спорта.

Несмотря на это, бездарем и дураком я себя не считаю. Чувство прекрасного, позволяющее мне наслаждаться созданным Богом миром, чувство стиля и ответственности за свое поведение в нем развиты во мне в достаточной степени, и мне этого хватает. Как минимум, это всегда позволяло воздерживаться от недостойного или просто пустого времяпровождения.

Исторически в отношении спортсменов в СССР сложился общественный стереотип как о безмозглых, ограниченных, интеллектуально неразвитых людях. Наилучшим образом это отношение выражалось популярным анекдотом: «Было у отца три сына, двое умных, а третий — спортсмен».

Не спорю, высоких интеллектуалов — опять-таки в их стереотипном понимании — среди моих товарищей не было. Никто всерьез не занимался самообразованием, в институтах мы учились сугубо формально. Однако позволю себе задать несколько вопросов апологетам такой теории.

Первый: пробовали ли они заниматься спортом профессионально (всем уже понятно, что спорт в СССР был профессиональным во всех отношениях, кроме зарплат спортсменов и тренеров), т. е. изнурять себя на тренировках минимум по 4-5 часов ежедневно, совмещая это с интеллектуальным развитием и самообразованием? Когда времени не хватает на общение с семьей, на решение элементарных бытовых вопросов, на восстановление после травм, каждая из которых для «интеллектуала» способна была стать трагедией на несколько лет?

Второй вопрос: кому-нибудь было интересно, какие условия для интеллектуального развития спортсменов, круглый год находящихся на сборах, создавались спортивным руководством? В соответствии с генеральной линии партии в области спорта высоких достижений нас гноили на спортивных базах месяцами напролет, нас тошнило от одного вида друг друга и тренеров, но все понимали, что так надо во имя великой цели — тотального превосходства советских атлетов над всеми остальными, особенно с Запада. Однако почему при этом нельзя было устанавливать на базах телевизор, держать хорошие библиотеки? Бильярд и сауна — вот что в лучшем случае нам предоставлялось для интеллектуального досуга.

Я уже не говорю об элементарно организуемых выездах на сборы и игры закрепленных за спортсменами преподавателей вузов (как это делается в NCAA) или курсов по приобретению квалификации. В 70-е годы подобный опыт практиковался только тренером сборной по плаванию Войцеховским, который привозил на сборы преподавателя, учившего ребят английскому языку, но это было исключение. В то же время опыт западной системы показывает, что спортсмены самого высокого уровня путь не блестяще, но справляются с общими курсами колледжей и

университетов.

У меня перед глазами есть как минимум два ярких примера. Первый — Димы Домани, который, попав в США в 16-летнем возрасте и интеллектом на Родине, мягко говоря, не блистая, мобилизовался и сумел окончить колледж. Второй — моего собственного сына, который за год пребывания в Италии догнал программу филологического лицея и стал в нем одним из лучших. Если бы спортивное руководство в мое время задавалось целью развивать творческий и образовательный потенциал спортсменов, уверен, у многих проявились бы недюжинные способности.

Отсюда вытекает, наконец, самый главный вопрос: существуют ли вообще критерии для оценки интеллектуального развития? Разнообразные тесты наподобие современного IQ, в которых никогда не было недостатка, вряд ли способны выявить весь духовный потенциал человека. Интеллигентность, как мне кажется, не приобретается, а дается человеку Богом.

Что касается больших спортсменов, то здесь я категоричен в своем убеждении: добиться высоких результатов в спорте невозможно, не будучи духовно одаренной личностью. Основа спорта высших достижений — психологическая мотивация, воодушевление, психологическая устойчивость. Это важно в циклических видах, в единоборствах, но особенно в спортивных играх. В них особое значение имеет еще и существование индивида в коллективе.

Особой мотивации и высочайшей культуры нервной деятельности требует статус лидера в команде. Передачу, как правило, тебе не дают, когда на табло «+20», а когда — «+1» и последние минуты игры, — мяч почему-то все время летит к тебе. Способность взять ответственность на себя, умение всегда быть на высшем уровне готовности, постоянно переживать тяжелейший стресс дорогого стоят.

Рискну предположить, что отсутствие программ интеллектуального развития спортсменов в СССР было не случайным, а лежало в общем контексте политики по оболваниванию нации. Обеспечивать общие стандарты, управляемость и сплоченность коллектива, его благонадежность (в том числе во время выездов за рубеж), конечно, гораздо легче, когда спортсмен неразвит и необразован, полностью зависим от тренера и спортивных функционеров, лишен жизненных альтернатив как в настоящем, так и в будущем. Из такого спортсмена можно веревки вить, не то что быть уверенным в безупречном исполнении им тренерской установки на игру.

«Дебилизм» спортсменов — очень скверный штамп. В

большом спорте обязательно нужно быть личностью. Все мои партнеры по командам, в которых я играл на высоком уровне, были такими. Пускай по сравнению с кем-то твоя одаренность — деформированная и проявляется только на площадке. Я, допустим, в молодости мог стесняться своей худобы, бояться раздеться на пляже, но на площадке я преображался. Мне было плевать на мои худые плечи, главное, что я был способен раз за разом укладывать мяч в корзину соперника и самовыражаться. Спорт — это великое состояние души, устремленность к победе, ради которой ты сначала должен победить самого себя.

Именно наличие ярких личностей в спорте делает команды узнаваемыми, разноплановыми. Величие спорта в том, что он дает шанс самым разным людям проявить себя за счет разных качеств. Это вечное противостояние Давида и Голиафа, соперничество физической и духовной силы. Главное — сколько бы ты ни падал, ты должен подняться и идти дальше. И выходя на старт, отчетливо представлять себе, что произойдет, если ты дашь себе слабину и твоя команда из-за этого проиграет.

Публичная жизнь

Я никогда не стремился конвертировать приобретенный мной в спорте авторитет в политическую карьеру или просто в «интеллектуальный капитал» дружеских, а точнее, якобы дружеских, контактов с сильными мира сего. Пожалуй, единственным опытом моего «хождения во власть» (руководство спортивной федерацией я таковым не считаю, поскольку это в основном все-таки была профессиональная, а не политическая деятельность) было участие в Общественной палате Российской Федерации в 2007-2009 годах. Должен признаться, что, хотя в этом учреждении и есть достойные и толковые люди, в целом этот опыт оставил у меня удручающие впечатления. Бестолковая болтовня — вот как я вынужден охарактеризовать большинство из заседаний, в которых мне довелось принять участие.

Я с удовольствием принимал бы гораздо более активное участие в благотворительной деятельности, особенно если бы обладал уверенностью, что она организована правильно, а главное, что собранные в ходе нее средства попадут по назначению действительно нуждающимся в них людям. Пока мой вклад в гуманитарную политику страны сводится к участию в товарищеских баскетбольных играх, которые в последние годы

организуют АСБ и КЭС-Баскет, но это не благотворительные акции в полном смысле этого слова. Это просто популяризация на массовом уровне спорта и здорового образа жизни, что, впрочем, в наших сегодняшних условиях тоже очень немало.

В нашей стране пока слабо развита культура благотворительной деятельности и вовлечения в нее известных людей. Если когда-нибудь эта культура разовьется, и к тому времени еще кто-то будет помнить о спортсмене Сергее Белове и его знаменитых бросках, я с удовольствием буду помогать людям.

Судьба лидера

Мне часто доводилось слышать о себе мнение: «Тяжелый, неудобный, высокомерный человек» Я не считаю, что эта точка зрения соответствует действительности. Действительно, я не любил много разговаривать, предпочитая делать дело. Мне вообще не обязательно разговаривать с человеком, чтобы общаться с ним. Лучшей иллюстрацией моего подхода к общению с людьми является моя многолетняя дружба с Модестасом Паулаускасом. Находясь рядом, нам не нужно было разговаривать, чтобы чувствовать и поддерживать друг друга как в жизни, так и на игровой площадке, где мы, чередуя инициативу, тащили на себе игру за игрой. Известно воспоминание Вани Едешко о том, как он увязался с нами на прогулку и был потрясен тем, что мы «за два часа не сказали друг другу ни слова, но при этом, похоже, чувствовали себя прекрасно».

Да, у меня всегда было свое собственное мнение по важным для меня вопросам, в особенности по поводу важнейшего для меня — игры в баскетбол. Это мнение часто не принималось окружавшими меня людьми, и я его не навязывал. Но и себя не считал обязанным отказываться от своего ego и быть «как все».

О, этот извечный конфликт личности и системы! Сколько времени и жизненных сил я убил на доказывание того, что имею право не быть в стаде, не жить по общему стандарту! В основе всех моих конфликтов с тренерами всегда лежало одно — их стремление обустроить все одинаково и мое нежелание этой «одинаковости», не нужной и даже вредной для развития того, что действительно делало меня большим игроком.

Не хочу хвастаться, но — это было, в конце концов, замечено и другими, — играя, я всегда опережал свое время. Я шел впереди, а судьба лидера всегда нелегка. Слава Богу, что я не

разделил, по крайней мере, участи сотен и тысяч известных и не очень известных сынов нашего Отечества, которых Отечество на протяжении всей их жизни затаптывало в грязь и лишь через десятилетия после смерти признавало их правоту и объявляло гениями.

Наука духа

Меня в жизни всегда выручало то, что я старался быть самодостаточным, не разменивался на мелочи, черпал ресурсы для своего движения вверх не в лестных отзывах окружающих и не в общепринятых стандартах поведения, а в силе собственного духа. На каком-то этапе эта «автономность» существования получила дополнительное развитие и подкрепление. В тяжелый период моего вынужденного затворничества в 1982-1986 годах я по-настоящему обратился к вере в Бога.

Не секрет, что в советское время религиозное воспитание практически повсеместно отсутствовало. Не была исключением и наша семья — думаю, не потому, что родители были неверующими, а потому, что не хотели нарываться на неприятности, в том числе и для нас, детей. В течение карьеры игрока времени задумываться о вечном особенно не было, да и особых поводов тоже. Жизнь моя развивалась вполне благополучно, в спорте я добивался высоких результатов, материально не бедствовал. Распад первой семьи был, конечно, неприятным эпизодом, однако отношение в обществе к разводам уже сформировалось как к не самому страшному бедствию.

И вдруг все стало оборачиваться против меня, вся жизнь, выстроенная моим многолетним трудом, стала рушиться у меня на глазах, как карточный домик. В тот момент я понял, что никто, кроме Бога, мне не в состоянии помочь. Эта вера дала мне возможность пройти ту страшную для меня ситуацию, а позднее укрепилась во время тяжелой болезни сына. В те трудные дни я пытался анализировать происходящее, искать собственную вину, духовно обусловившую беды. Я искренне верил, что обращение за помощью к Богу — единственное, что может меня спасти.

В начале 80-х свободно исповедовать религиозные убеждения все еще было несовместимым со статусом строителя коммунизма, и крещение я принял (одновременно с 5-летним сыном) втайне, пригласив священника домой. Вовсе фантасмагоричным было мое посещение церкви для первого

причастия — для этого мне пришлось приклеить принесенную женой с «Мосфильма» бороду! Тем не менее, с бородой или без, но я это сделал, реализовав свой выбор, которому с тех пор не изменял.

Сейчас Библия является для меня единственным источником, в котором я могу почерпнуть что-то важное и новое для себя, — учиться мне поздно, да и к чужим убеждениям и наставлениям я всегда относился сдержанно. Первая Библия, на славянском языке, с иллюстрациями Доре, купленная тогда, в начале 80-х, в комиссионном магазине, осталась где-то в прошлом, но русский текст Священного Писания теперь является моим главным учителем и спутником.

Не стану врать и притворяться лучше, чем я есть, — многое в современной Церкви мне непонятно. Мне непонятны разделения внутри нее, ее уклад часто кажется мне непродуктивным и непосильным, читать Библию мне проще, чем общаться со священником, в котором я все равно в первую очередь вижу мирского человека с мирскими же проблемами. В то же время интуиция позволяет мне без дополнительных доказательств и убеждений увидеть по-настоящему духовного человека — такого, как, например, отец Кирилл Павлов или отец Илий, бывший духовник Оптиной Пустыни, с которыми меня сводила судьба.

Мне кажется неправильным формализм в отношении к Богу. Библия и вера для меня — это наука духа, и я должен постигать ее добросовестно и осмысленно, как ничто другое. Но, как бы то ни было, по прошествии значительной части жизненного пути я во всех его перипетиях вижу теперь Божий промысел, и я благодарен Богу за все. Он вел меня по всей моей жизни, устраивая в ней все лучшим и полезнейшим для меня образом, давая силы для преодоления выпадавших мне испытаний и время от времени подбадривая меня большими победами.

Кроссом не исправишь…

Доля этих испытаний пришлась на семейную жизнь. В первый раз я женился в 1966-м. Наталья была моей юношеской любовью, я познакомился с ней в Баку на Спартакиаде школьников, где она также выступала. Далее были трогательная романтическая переписка, отчасти обусловленный этой романтикой переезд в Москву по окончании школы, неожиданное прекращение отношений, новое начало.

После женитьбы Наталья жила у меня в Свердловске, вместе мы вернулись в Москву. В 1969-м родилась дочь Наташа, появились квартира в Москве, достаток. К сожалению, ранние браки не всегда отличаются прочностью. В нашем случае основную роль сыграла жуткая судьба советского спортсмена, проводящего вне дома 11 месяцев в году. Именно мое постоянное отсутствие дома, да, пожалуй, лишние деньги, появившиеся в распоряжении жены, все испортили.

Я ушел из семьи в 1975-м, оставив жене и дочери все, что было мной накоплено за предыдущий отрезок жизни. С дочерью долго не общался, возобновил отношения по своей инициативе, когда ей исполнилось 16 лет, сейчас эти отношения вполне дружеские и комфортные. У дочери двое детей, она благополучна. Наталья умерла в декабре 2008-го.

Со второй женой я познакомился в период разрыва с первой семьей. Заключили брак в 1977-м. Она — из мира кино, много лет проработала на «Мосфильме». Во время моих испытаний Лидия поддержала меня, не отвернулась, во всем была со мной. В то же время наши отношения всегда отягощали ее сильный характер, стремление давить на меня, навязывать мне свое мнение, пренебрежительное отношение к моей профессии («все спортсмены — быдло.»). У меня, напротив, всегда вызывала недопонимание, допустим, столь почитаемая ею актерская профессия, в основе которой — попытки сыграть чужую жизнь, а за ними часто — собственная душевная пустота.

По-настоящему важным для меня результатом этого брака стало рождение в 1977-м сына Сашки. При всей любви к старшей дочери, сын для меня — что-то особое. Я его только что не родил, во всем остальном я возился и нянчился с ним от начала до конца. С трехлетнего возраста он всегда был рядом со мной, пока я играл, тренировался, потом сам тренировал. Постепенно я стал осознавать, что это не он был около меня, а я — около него, что его влияние на меня гораздо важнее для меня самого.

Сын очень тяжело и агрессивно перенес мой уход из семьи в 1997-м. Но я не мог поступить иначе. Давление со стороны жены стало плохо переносимым. Главное же — для меня в личных отношениях важны полнота, доверие, безусловная преданность и приверженность друг другу, по принципу «или все — или ничего». Именно этого «всего» между нами не стало, а в чем-то другом — взаимном обмане, компромиссах — я смысла не видел. Наши различия перешли определенную грань, за которой брак не мог сохраняться. То, что устраивает многих, не устраивает меня.

Ушел, естественно, опять оставив все. Снова оказаться на полном нуле — не могу сказать, чтобы я в этом находил

удовольствие, однако должен признать — мобилизует. Во всяком случае, так честнее. Тем более, что деньги никогда не были для меня самоцелью, только средством обеспечения существования собственного и моих близких. Человек приходит в мир голым, голым должен и уйти.

С сыном отношения впоследствии нормализовались. Я помог ему получить образование в Штатах, где он параллельно играл в баскетбол. Нет нужды говорить, что мяч и спортзал существовали в его жизни с трехлетнего возраста. Вернувшись из-за границы в 2000-м, сын перенес испытание болезнью. Мобилизовать силы ему помог в какой-то степени тот же баскетбол — с 2003-го по 2008-й он выступал по профессиональному контракту в пермском «Урал-Грейте».

Будучи одаренным от природы, он неплохо играл на позиции защитника, но. себя не реализовал. Возможно, виной этому — отблеск отцовской славы, сформировавший в нем комплекс, который его всегда сопровождал. Хотя я с детства всегда учил его: «Ты — Александр Белов, кроме фамилии, в баскетболе нас с тобой ничего не объединяет».

Но такие уроки усваивать непросто, особенно когда экзаменовать тебя начинает жизнь.

Я доволен тем, что Александр сумел достаточно легко отойти от жизни профессионального игрока. Сейчас он получает второе образование — юридическое и руководит студенческой командой как играющий тренер. Я очень рад тому, что отношения между нами становятся все более доверительными и близкими.

Конечно, я сам не был идеален в семейной жизни. Особенно много интересного узнаешь о себе в период разрыва. Я никогда не снимал с себя ответственности, старался быть честным перед самим собой и, если сам напортачил, старался сам и исправить. Во время карьеры баскетболиста, выпив накануне, с утра не продолжал, как многие, а надевал 10 спортивных костюмов и скорее бежал кроссом выгонять из себя дурь. К сожалению, некоторые вещи не исправишь даже самым длинным кроссом.

Мой дом

С 1997-го я женат на Светлане Антиповой, Олимпийской чемпионке Барселоны по баскетболу. Наши отношения стали завязываться в период Игр 1996 года, куда мужская сборная, которую я тренировал, к моему колоссальному разочарованию, не

попала, зато (нет худа без добра) у меня появился повод в качестве президента федерации больше внимания уделять женской сборной. Так вышло, что особое внимание я при этом уделил Свете. В Атланте девчонки были только четвертыми, но те Игры я вспоминаю добрым словом.

Для меня очень важно, что я наконец-то обрел свой собственный очаг, где все устроено так, как мне всю жизнь хотелось. Долгие годы я провел «на чемоданах», болтаясь между спортивными базами, гостиницами, аэропортами, меняя комнаты и квартиры. Даже в том месте, которое с известной условностью можно было назвать собственным домом, я, пока играл, проводил 1 месяц в году.

Уехав из родного города в 17 лет, я так и не прикипел к какому- либо месту, куда меня направляла судьба. Москва стала для меня на многие годы местом моей постоянной дислокации. Безусловно, я люблю Москву, это прекрасный город. В то же время в значительной степени Москва оставалась для меня — как, думаю, и очень для многих — местом работы. Москва — это особый город; она принимает всех, но не всех одинаково с любовью. Как я уже говорил ранее, описывая мои первые годы жизни «в людях», Москва любит победителей.

К сожалению, сейчас от старой Москвы, даже той, которую застал я в начале 60-х, осталось немного. Понятие городской культуры, в первую очередь культуры взаимоотношений между людьми, стремительно девальвируется, отношения становятся сугубо деловыми, бездушными.

Петербург — второй центр России — всегда был мне близок как душа моих родителей и любовь всей их жизни. В то же время перебраться туда жить я никогда не стремился, хотя подобный поворот моей судьбы был возможен, когда из московского «Лестеха» меня пытались перетянуть в Ленинградскую лесотехническую академию, где была и до сих пор остается хорошая баскетбольная школа. Не знаю, почему, но мне всегда казалось, что жить и работать с подлинно высоким качеством в этом городе может только тот, кто в нем родился.

Спортсменом, а позже тренером мне довелось много поездить по всему миру. Пока ты участвуешь в соревнованиях, заграничные впечатления в основном носят функциональный характер — игры, а в советское время — еще закупки. Над нами всегда довлела наша зацикленность на результате, а в этом случае достопримечательности чужих стран проходят мимо тебя, а в остальном — два кольца что в Бразилии, что в России — одно и то же. Я никогда не отличался «низкопоклонством перед Западом». За границей я так же, как и везде, обустраивал «свой

угол», т. е. жил, как привык и как считал правильным; не смешивался с окружающей меня средой.

Видимо, недаром говорят: «Где родился, там сгодился». В конечном счете, сам того не планируя, я обосновался в российской глубинке, из которой когда-то в начале 60-х отправился покорять мир. Работа в Перми с первым в новой России по-новому же организованным профессиональным баскетбольным клубом «Урал-Грейт» стала важной и интересной частью моей спортивной карьеры, а заодно помогла мне обрести пристанище.

Провинциальная жизнь в СССР, а затем и в России всегда была отягощена комплексом неполноценности по отношению к столицам. Действительно, нужно признать, что материальное качество жизни на периферии всегда было на порядок хуже. Долгое время жители провинциальной России питались в основном хлебом, картошкой и тушенкой (которую сейчас никто и в рот не хочет брать). Однако духовно люди из провинции (себя в данном случае имею в виду в наименьшей степени) часто оказывались гораздо крепче. Особенно это касается поколения наших родителей, которые перенесли тяжелейшие испытания и сейчас, в свои 80-90, духовно, а подчас и физически более здоровы, чем младшие.

Когда я в конце 90-х переехал на постоянное жительство в Пермь, я впервые после 30 лет жизни в Москве смог соприкоснуться с живой природой, к которой всегда в глубине души сохранял подлинную любовь. Совмещать профессиональные занятия спортом с чем-либо, в том числе с увлечением природой, в принципе невозможно, но тут я понял, что время пришло. Кроме того, в Перми удобная логистика; в течение рабочего дня я успеваю сделать в несколько раз больше, чем в Москве. Мне комфортно в этом городе, хотя и в нем в последнее время начинает преобладать столь ненавистное мне «деловое отношение» людей друг к другу.

Я всегда имел свой внутренний мир, в который не пускал никого, и всегда мечтал иметь «свою крепость», в которой я смогу устроить для себя и своих близких все по собственному разумению и комфорту. Мечта иметь собственный дом, в котором я смогу все организовать по-своему, где я смогу быть сам собой, когда только захочу, усиливалась постоянными стрессами в играх. Вот почему, когда мне представилась возможность как военному пенсионеру получить участок земли под Пермью для индивидуального жилищного строительства, я, не задумываясь, использовал все небогатые сбережения на обустройство дома.

Все в этом доме — от его проекта до планировки участка и

разнообразных хозяйственных мелочей — придумано мной, а многое и сделано собственноручно. Когда профессиональные архитекторы помогали мне составлять проект, они пытались мне советовать: «Лучше сделать вот так-то, а так, как вы хотите, нецелесообразно», что вызывало во мне бурный протест: «Я строю этот дом для себя, мне виднее, как целесообразно, а как нет; какое ваше дело?..»

Этот дом — мое семейное гнездо. Для меня всегда были приоритетом человеческие, в первую очередь, семейные отношения; это главное, чем я дорожу сегодня в своем положении. К дому, к земле у меня совершенно особое отношение. Каждый камень, каждое дерево на своем участке я знаю по имени-отчеству, они живут своей собственной жизнью, к которой я отношусь бережно и уважительно.

.С какого-то момента моей жизни своеобразным микродомом для меня стал автомобиль. Реализовать представлявшееся спортсменам высокого уровня право приобрести машину вне очереди было для меня не только вопросом материального благосостояния и уж совершенно точно не вопросом престижа. Мне действительно всегда было дорого это компактное, комфортное для меня и полностью управляемое мною пространство, моя персональная территория.

Благо, что сейчас в России многим доступно приобретение вполне приличных автомобилей самых разных потребительских характеристик и ценовых категорий. Я тоже «эволюционировал» от «копейки» в далеком 1971-м до «Мицубиси Паджеро», на котором с нескрываемым удовольствием езжу уже несколько лет. Автомобиль — это твой надежный друг, который не изменит, не предаст и не подведет, если сам будешь относиться к нему подобающим образом. С учетом моего «высокомерного» характера, который правильнее назвать погруженностью в себя и в свое дело, мне эта возможность всегда была особенно дорога.

Моя жизнь

«Почему я должен жить так, как все?» — вот вопрос, которым я задавался всякий раз, когда меня пытались «подровнять» под общий стандарт, общие представления о жизни. У меня своя философия баскетбола, она сформировалась за счет тонн пролитого на тренировках пота и миллиардов нервных клеток, сожженных в тяжелейших матчах. У меня своя философия жизни,

которой я следую с большим или меньшим успехом долгие годы, и менять я ничего уже не собираюсь.

Моя жизнь в Перми организована согласно этой философии. Я благодарен судьбе за все, что есть в ней сегодня. Отношения, существующие в моей семье, очень комфортны для меня. Я иногда спрашиваю себя: что заставляет жить рядом со мной, терпеть мой непростой характер женщину, которая младше меня на 22 года?.. Мне не важно, что Светлана — Олимпийская чемпионка, главное, что это человек, с которым мне легко и интересно, который когда-то доверил мне свою жизнь и жизнь своей шестилетней дочери. Нас троих — меня, Свету и Настю — связывают любовь, дружба и какое-то особое, спокойное и доброе доверие друг к другу. Я хочу, чтобы это продолжалось как можно дольше.

Глава 23
БЫЛОЕ И ДУМЫ

Письма из Перми

Несмотря на мое признание в нелюбви к литературе, подытожить все сказанное я решил в жанре своеобразного эссе. На лавры Герцена я при этом, разумеется, не претендую, тем более, что они довольно неоднозначного свойства. Если говорить серьезно, то я решил изложить напоследок некоторые свои соображения о массовом спорте, о профессиональном спорте, о политике государства в области спорта. все это в связи с оценкой моего собственного пути. Не уверен, что все это окажется востребованным. Те читатели, которые принципиально против советов ветеранов, могут смело перелистать эту главу — я на них нисколько не обижусь. Те, кто продолжат читать, могут быть уверены: я написал ее столь же честно и нелицеприятно, как и все предыдущие.

Детский спорт в СССР

Начало моих спортивных успехов — в детском спорте. Во всяком важном и масштабном деле важен системный подход — наличие системы, которая приносит результат. Нужно признать, что в СССР была эффективная система вовлечения детей в занятия спортом. Главным в ней была доступность спортивных объектов — в каждом дворе, в каждой школе были простые, но легкодоступные спортсооружения.

Существовали хорошо продуманная система детских соревнований, вершиной которых была Спартакиада школьников, и аттестации спортсменов. Ступени ГТО — от третьей до первой и система юношеских спортивных разрядов являлись прекрасным стимулом к самореализации. Их выполнение было доступным для всякого здорового ребенка. Сам я в школе, не обладая феноменальными физическими данными, выполнил нормативы второго взрослого разряда по легкой атлетике и третьего взрослого — по лыжным гонкам.

Азы спортивной подготовки давались в каждой школе, уровнем выше шли спортивные клубы вузов, где занятия также были доступными и массовыми. Летние каникулы большинство моих сверстников проводили в пионерских лагерях (подчеркиваю, не в спортивных, а именно в пионерских), где спортивная и физическая подготовка, соревнования с массовым участием составляли добрую половину программы.

Правда и то, что в советское время массовый спорт был не просто хорошо организован — он являлся одной из идеологических доминант, важнейшим элементом общества, тем, что американцы называют «part of culture»[41]. Альтернатив в досуге было очень мало, особенно для детей и подростков, которых не снабжали, как сейчас, компьютерными играми и «Интернетом» с трехлетнего возраста (телевидение и пресса — и те были в весьма дозированном доступе). Двигательная активность — вот что было основным развлечением большинства ребят моего поколения.

Официальная пропаганда постоянно говорила о культе здорового тела, необходимого для здорового духа строителя коммунизма, на всех праздничных парадах марширующие спортсмены и физкультурники были важными участниками шоу. Не думаю, что мы сильно верили в будущий коммунизм, но увлечение спортом было искренним! Пожалуй, это тот случай, когда народ и партия были действительно едины в отношении к спорту как к части общественной культуры.

Не удивительно, что массовое вовлечение детей и подростков в занятия физкультурой создавало прекрасные возможности для спортивной селекции.

Дети и профессиональный спорт

Впрочем, дворовый спорт, спорт ради удовольствия — это одно. Совсем другое дело — когда ребенка или подростка с семилетнего возраста помещают в жесточайшие рамки профессиональной подготовки к спорту высоких достижений. Вот в этой части, я уверен, отношение к ребенку в спорте должно быть максимально гуманным и бережным. Что касается детского спорта (активно поддерживая проект школьных баскетбольных лиг «КЭС-баскет», я к нему небезразличен), то он, как я уверен, должен в первую очередь приносить детям радость.

Здесь показателен пример американцев. Однажды я видел,

как ведут себя на площадке наши и американские семи-восьмилетние малыши. Наш тужился добросить тяжелый мяч до кольца, а американец с удовольствием и не без успеха демонстрировал дриблинг. В чем разница? Это показывает, что американские тренеры учат детей тому, что им доступно в их возрасте, что им доставляет интерес и удовольствие. Мышечную массу, прыжок и бросок они добавят потом, зато в детстве впитают в себя навыки владения мячом, а главное — получают удовольствие от игры.

Итак, массовость и гуманизм по отношению к маленькому спортсмену — вот что нужно для восстановления позиций в нашем детском, а через него и взрослом спорте. Роль детского тренера просто безгранична. Ошибка современных тренеров в игровых видах в том, что отбор в стартовый состав игроков, способных выполнить тренерскую установку, становится для них самоцелью. Эта ошибка начинается уже в детском спорте. На самом деле главная задача — подготовить игрока, во-первых, органично существующего в команде, в коллективе, а во- вторых, способного к творчеству.

Место детей в большом спорте — это вообще большая дилемма. Маленькие девочки, лишенные детства в художественной или спортивной гимнастике, как и женщины в современных силовых и контактных видах спорта, 7-8-летние ребята, играющие в детских лигах по несколько десятков матчей за сезон, причем «на результат», — все это кажется мне очень спорным. В то же время я понимаю, что для многих эти «небесспорные» занятия — их жизненный путь, ради которого они готовы жертвовать многим.

Сейчас увлечение детей спортом тем более ценно, что от физической активности ребят отвлекают десятки альтернатив, среди которых главенствующее положение занимают компьютерные игры и интернет. В годы моего детства такая роскошь детям была недоступна, и спорт оставался по сути единственным вариантом интересного досуга.

Блеск и нищета советской спортивной индустрии

Органичным продолжением дворового и детского спорта была система взрослых любительских клубов и обществ. Массовый спорт в СССР был организован прекрасно. Сеть заводских, муниципальных спортивных клубов, спортивных

секций, «групп здоровья» покрывала всю страну. Фактически каждый желающий любого возраста и уровня подготовки имел возможность заниматься спортом и доступ к нехитрым спортивным сооружениям.

В то же время советскую систему спортивной подготовки не надо идеализировать. В ней было много неэффективности и показухи, особенно в студенческом спорте, когда один и тот же одаренный и увлеченный спортом парень выступал за институтские команды по всем видам спорта, а благодарный завкафедрой физвоспитания писал вдохновенные отчеты о количестве вовлеченных им в занятия спортом студентах. А самое главное — за прекрасно организованной и идеологически обеспеченной массовой спортивной работой с детьми начиналась система профессиональной подготовки спортсменов для спорта высоких достижений — отдельная, большая и волнующая тема.

Визитной карточкой советского спорта высоких достижений были его профессионализм (за исключением игровых видов, на Западе спорт стал по-настоящему профессиональным гораздо позднее) и индустриальная система подготовки спортсменов. Позже эта система была воспринята в ГДР, а сейчас — в полном объеме в Китае и в несколько измененном варианте во всех ведущих олимпийских державах.

Важнейшим элементом такой спортивной индустрии стала мощная (отчасти сохранившаяся до сих пор) система специализированных школ — ШВСМ, ДЮСШОР, спортивные интернаты и т. д., — явление неоднозначное. С одной стороны, это самый прямой путь к наивысшим спортивным результатам: молодой спортсмен с подросткового (а в некоторых видах — с детского) возраста концентрируется исключительно на тренировках и выступлениях; для него создаются близкие к идеальным условия проживания, питания, логистики, совмещения тренировок с обучением и прочее.

Однако у этой системы есть и оборотная сторона. Она состоит в полной изоляции спортсмена от «обычной» жизни. Спортсмен привыкает к своему исключительному положению, не получает полноценного образования и навыков жизни в обществе. Да и откуда эти навыки, если он с детских лет круглый год на сборах и соревнованиях, где за него все решают тренер и администратор?

Завершение спортивной карьеры становится для него сильнейшим стрессом, а если он за время активных выступлений не скопил сбережений (а в мое время именно так и было даже в самых популярных и высокооплачиваемых видах), — подчас настоящим шоком и реальной угрозой элементарно нормальному

существованию. Отсюда — такое количество искалеченных судеб, разрушенных семей, печальных финалов. Сколько великих спортсменов, прославивших Родину на спортивных аренах своими подвигами, закончили жизнь в нищете, спились, деградировали, всеми забытые и никому не нужные? Бывает, заканчивается дело и настоящими трагедиями — вспомните Женю Белошейкина, талантливейшего хоккейного вратаря, Олимпийского чемпиона, окончившего свою короткую яркую жизнь самоубийством.

Но, как это ни странно звучит, эти беды — еще не худшее следствие «индустриального» пути в спорте (хотя, казалось бы, что может быть хуже многих сотен загубленных судеб талантливейших людей нашего Отечества). Худшее, на мой взгляд, — это отрыв от талантливых спортсменов остальной части «коллектива» — обычных, не одаренных физически и не попавших в спорт высоких достижений юношей и девушек. Для них сверстник, зачисленный в специализированную спортшколу олимпийского резерва и изредка появляющийся в классе или на дворовой спортплощадке в паузе между сборами и соревнованиями, — либо «звезда», либо Иванушка-дурачок, который за своими тренировками света белого не видит и ни к чему больше не пригоден.

В результате у «обычных» ребят нет ориентира, стимула к собственным занятиям спортом. Они думают: спорт для нас недоступен, чтобы добиться в нем чего-нибудь, нужно тренироваться двадцать часов в сутки, не вылезая со сборов, поставив крест на образовании и вообще всем интересном в жизни, давайте-ка лучше наберем «Клинского» и посмотрим по телевизору, как наш Петя за сборную мяч гоняет. Разумеется, чтобы попасть в сборную, нужно действительно обо всем остальном забыть, но почему для остальных-то — или все, или ничего?..

В большом спорте тормозов нет

При нацеленности государства на результаты в большом спорте, в олимпийском движении важен результат, причем цена его такова, что часто цель оправдывает средства. К этому можно по-разному относиться, большой спорт во многих своих аспектах — жестокая вещь, в нем часто происходят настоящие человеческие трагедии.

Зрители, болельщики редко задумываются о том, каких

усилий, каких чудовищных нагрузок — и даже не столько физических, сколько эмоциональных, стоят спортсменам их победы, а ведь за каждой олимпийской медалью стоит человеческая судьба — не приведи Господь. Великие спортсмены часто не хотят, чтобы их дети пришли в большой спорт, ведь не зря же? Лучше, чем кто бы то ни было, на собственной шкуре они знают, чего требуют от человека большие спортивные победы. Скажу без политкорректности — в большом спорте тормозов нет, это правда.

Справедливости ради отмечу и то, что, почувствовав вкус больших побед, испытав этот драйв, мало кто способен от этого отказаться, даже понимая, что платой за эти победы могут стать загубленное здоровье, разрушенные семьи, упущенные возможности в других областях и пр. Спортсмены вообще в хорошем смысле «идиоты» — в понимании окружающих. На пути к великой цели их ничто не может остановить, ради победы они готовы жертвовать очень многим. И я здесь не исключение — никогда, с самого начала моего пути у меня не было сомнений в его правильности, в том, что я хочу добиться больших побед. Я и сейчас повторил бы этот путь без сомнений.

Порядок бьет класс?

Игровики в СССР больше, чем представители других видов спорта, путешествовали по миру. Довольно рано я получил возможность оценивать достижения западной цивилизации, сравнивая их с нашими. Главный вывод, который я сделал, таков: Запад всегда отличался следованием определенному порядку, закону, подчиненностью разработанной системе. В этом смысле его отличие от России было разительным. У нас, несмотря на тотальное давление идеологии, порядка было значительно меньше.

Это наблюдение выглядит парадоксом только на первый взгляд. Дело в том, что идеология сама по себе не создавала и не могла создать что-либо позитивное. Она только устанавливала запреты и коридоры, объясняя, что делать нельзя, и задавая генеральные направления для развития, но не предлагала, как добиться того или иного результата.

В итоге внутри этих выстроенных коридоров ошалевшие от административного давления люди делали свое дело с большей или меньшей добросовестностью, кому как Бог на душу положит.

Кто-то — крайне редко — по собственной выработанной и выстраданной стратегии. Остальные — в большинстве случаев — в постоянном аврале и неразберихе, по меткому выражению сатирика, «при помощи кувалды и какой-то матери». В любом случае всякий позитивный результат за редким исключением производился на свет не в рамках хорошо отстроенной системы, а за счет подвига, не «благодаря», а «вопреки».

Конечно, и у нас были случаи преуспевания гениальных специалистов, выстроивших собственные эффективные системы достижения результатов в самых разных областях, в том числе и в спорте. Недаром советский опыт организации спорта высших достижений некоторые тренерские школы в отдельных видах спорта со временем стал перенимать весь мир. Но, во-первых, преобладали у нас все-таки хаос и раздолбайство, а сами эти системы действовали со множеством издержек, не последние из которых — сотни сломанных человеческих судеб; во-вторых, даже их мы не сумели своевременно сохранить, развить, адаптировать к новым временам и обстоятельствам.

Новые времена

Прекращение конкуренции «двух мирно сосуществующих систем с различными политическими принципами» пошло нам во вред. Казалось бы, можно перевести дух, сосредоточиться на собственных приоритетах развития, а не на решении навязанных конкурентом задач. Однако вместо этого мы впали в полную стагнацию. Бурно развились и усовершенствовались перепродажа кем-то произведенного продукта, промоушн, PR — это правда. Только продавать скоро будет совсем нечего.

Система подготовки спортсменов международного уровня, унаследованная нами от СССР, сегодня агонизирует. Набор в специализированные спортивные школы постоянно сокращается, результативность их работы снижается, сеть спортивных секций высокого уровня в общеобразовательных школах и вузах не сформировалась. Таким образом, секвестируется «социальная база» для спорта — как массового, так и высоких достижений. В организации и того, и другого существуют серьезные изъяны.

Главная беда в массовом спорте сегодня — во-первых, отсутствие достаточного количества тренеров хотя бы минимальной квалификации, во-вторых — очень слабая адаптация существующих моделей пропаганды занятий спортом и

здорового образа жизни к современным условиям. А условия эти сегодня исключительно агрессивны и по отношению к спорту, и по отношению к здоровому образу жизни.

Я уже говорил о том, что спорт как часть культуры сегодня испытывает сверхмощную конкуренцию со стороны других увлечений и субкультур. Вывод только один: для успеха его популяризации нужны новые, «продвинутые» подходы, вызывающие интерес у сегодняшнего общества, в первую очередь, молодежи. Думаю, стоит параллельно развивать два формата такой популяризации. Первый — проведение увлекательных, зрелищных соревнований, возможно, по неолимпийским программам, которые способны привлечь внимание людей.

Второй — развитие сети любительских клубов, в которых каждый заинтересовавшийся немедленно нашел бы возможности попробовать себя в каком-то простом общедоступном варианте спортивной или просто двигательной активности. Нужно идти от простого к сложному: увлекшись сначала «модными» и яркими форматами, многие впоследствии приобретут интерес и к «классическим» олимпийским дисциплинам. Кто-то из них в этих дисциплинах преуспеет. Во всяком случае, количество этих «кого-то» может существенно возрасти.

Что касается спорта высших достижений, то здесь ситуация столь же плачевная, но сильнее бросающаяся в глаза, поскольку у нас все еще сохранились «фантомные боли» некогда могучей спортивной державы. Да, действительно, конкуренция в мировом спорте сегодня колоссально возросла. Но ведь у нас были гораздо более мощные стартовые позиции в этой конкурентной борьбе. Куда они исчезли?

Придется в любом случае признать, что на каком-то этапе конкуренты развивались значительно быстрее нас.

Во всех конкурентоспособных олимпийских странах — США, Китае, Великобритании, Германии, Австралии и др., спорт высших достижений сегодня — особая отрасль индустрии, на которую работает все лучшее, что есть в национальных экономике и науке. Никто уже не рассказывает сказок о любительстве, идеях де Кубертэна и т. д. Современный спортсмен, претендующий на олимпийские медали, — это биоробот, который нуждается в идеальных условиях для подготовки.

Выигрыш олимпийской медали дает исключительный престиж стране, способствует подъему национального духа и в целом вызывает к жизни позитивные общественные процессы. Поэтому государства прямо заинтересованы в спортивных успехах. Спорт высших достижений и спорт массовый — две стороны одной медали, нельзя преуспеть в одном, не развивая

другое.

Думаю, нам в России тоже пора переходить на разделение компетенций в области массового спорта и спорта высших достижений. Первым должно заниматься министерство спорта и молодежной политики, вторым — специализированная федеральная служба, нацеленная исключительно на достижение результатов. Но в обеих сферах необходимо существенно упорядочить расходование финансов, выделяемых на спорт.

О вреде больших контрактов

В преломлении к баскетболу ситуация выглядит сегодня следующим образом. Единственный употребляемый сегодня индикатор уровня спортивного мастерства, мотивации, возможностей — это цена игрока. Кто-то скажет, что это нормально, что спорт высших достижений — это большой бизнес, который определяется законами рынка. Пусть так, хотя назвать наш профессиональный спорт бизнесом у меня язык не поворачивается по одной очень простой причине — он не приносит прибыли. В том числе потому, что ему свойственны все отвратительные явления, сохраняющиеся в стране: коррупция, обман, прямое воровство, неорганизованность, непрозрачность, неэффективность менеджмента.

Не в последней степени — из-за отсутствия в стране культуры потребления спортивных зрелищ. В США не нужно никого заманивать на игры не только NBA, но и студенческих, деревенских, едва ли не дворовых команд. Наверное, имеет значение то, что Америка — это сытое общество, охочее до зрелищ. В убитой многовековыми неурядицами российской глубинке такую культуру воспитать сложнее.

Сегодня в России игрок развивается до определенного момента, а именно — до его котировки на трансферном рынке. Дальше словно звенит какой-то виртуальный сигнал, и атлета с его агентом начинают интересовать только цифры — индивидуальных показателей, баллов в рейтинге, а в конечном счете — образующие сумму в контракте. Не спорю, все это очень важно. Но гораздо важнее — мастерство и возможности спортсмена, постоянный рост которых и должны определять его трансферную стоимость. И самое главное его качество — способность принести команде результат. Ведь умение хорошо играть и умение выигрывать — это разные вещи.

Большие деньги определенно вредят спорту. Не нужно расценивать эти слова как завистливое брюзжание старика, которому в свое время не дали заработать и сотой доли того, что сегодня зарабатывают мастера средней руки. Разумеется, я не против того, чтобы труд спортсмена, его риски хорошо оплачивались. Но я уверен, во-первых, в том, что заработки игроков и тренеров должны находиться в жесткой зависимости от уровня их профессионализма, их результатов и — как следствие — от реальных доходов, которые приносят организаторам соревнований их выступления. Во-вторых, и это не менее важно, должна сформироваться определенная культура отношения спортсменов к заработкам. Судя по тому, что я вижу сегодня, очень богатый человек не способен выкладываться на 100 процентов. Он неизбежно начинает держать в голове свой контракт, его будущее продление, свои собственные индивидуальные показатели. Начинает жалеть и беречь себя, что в принципе объяснимо и даже правильно, но не во всех ситуациях. В некоторых надо просто забыть обо всем и лечь костьми для достижения результата — только тогда ты можешь считаться по-настоящему большим спортсменом.

Я не верю в то, что сверхвысокие гонорары способны сами по себе существенно повысить спортивные результаты. Если я бегу стометровку за 10,0, то я не пробегу ее немедленно за 9,8, если мне заплатить $ 1 000 000. Потребуется упорнейший труд, существенный рост мастерства, потребуется и дополнительная мотивация.

Тормозит, на мой взгляд, рост мастерства спортсменов и долгосрочный контракт. Он опять-таки несет в себе внутреннее противоречие, конфликт тактики и стратегии. Вроде бы, игрок застрахован от неожиданностей, обеспечен на долгие годы гарантированным высоким заработком, может посвятить свое свободное время не беготне по клубам, а шлифовке и развитию своих возможностей. На практике. игрок останавливается в росте, удовлетворяется «синицей в руках».

Это большая опасность. Пусть эта синица очень хорошо упитана, она не только не приведет вас к по-настоящему высоким вершинам — она постарается преградить вам этот путь. «Не парься, забей, — будет она нашептывать игроку. — Зачем тебе эти чемпионат мира, Универсиада, Олимпиада? Ты и так — лучший. У тебя контракт. Лучше поберегись, не ломайся». Пример многих игроков подтверждает это. Боюсь, что талантливейший Андрей Кириленко — не исключение.

Слишком комфортные условия — вообще потенциальная гибель для спортсмена. При этом я не призываю считать нормой

тренировки на полуразрушенных стадионах, без элементарных удобств, — качество спортивной инфраструктуры должно быть как раз на высоте. Но и увлекаться комфортом не стоит. Спорт по своей природе — преодоление, испытание, вызов, стресс. Боязнь испытания и стресса, привычка жить на всем готовом губят характер и волю спортсмена, он начинает существовать в режиме некоего реалити-шоу с явным преобладанием гламура и бабла над спортом, утрачивает способность и готовность к сражению.

Я уже говорил о соотношении функциональных возможностей черных и белых игроков. Так вот, очень многие игроки из NBA, приезжая в европейские клубы, очень быстро замечают, что они функционально наголову сильнее всех. И. перестают тренироваться, по крайней мере так, как делали это у себя дома, в условиях жесточайшей конкуренции. Если вы проведете специальное исследование, то заметите, что большинство приезжающих в Европу американцев в первые же 2-3 года добавляют по 5-10 кг.

Из крайности в крайность

Очень важно правильное соотношение соревновательного и тренировочного процессов, особенно на этапе становления профессионального спорта в его подлинном, рыночном варианте. В СССР спорт высших достижений был, как я уже неоднократно говорил, абсолютно профессиональным, т. е. с полной ежедневной занятостью атлетов тренировками и выступлениями. Но он не подчинялся законам рынка, как на Западе (да и рынка-то никакого в Союзе в полном смысле этого слова не было). Поэтому у функционеров и тренеров была возможность обеспечить полноценный тренировочный процесс, любой формат подготовки любых коллективов — как сборных команд всех уровней, так и клубов.

Сейчас профессиональные лиги должны учитывать интересы бизнеса (хотя, как я опять-таки уже неоднократно говорил, полноценным бизнесом наш профессиональный спорт по-прежнему не является). И вот тут начинается свистопляска. В хоккее с шайбой, где успешно развивается проект КХЛ, почти полностью скопированный с NHL, количество игр за сезон, включая плей-офф, «шкалит» под сотню. При этом мало кто задумывается, что, во-первых, в заокеанскую лигу атлет приходит уже полностью сформировавшимся как мастер и мужчина, а во-

вторых, сам длиннющий сезон, в ходе которого клубы чередуют победы и поражения, является тренировкой.

У нас молодые игроки, едва выпустившиеся из спортшколы, получают бешеный контракт и начинают играть по четыре игры в неделю с многочасовыми переездами и перелетами. Не успев развить свое мастерство, закрепиться на определенном уровне, они сразу попадают в пекло профессиональных игр и очень часто останавливаются в развитии. В худшем случае — вообще ломаются или сгорают, как это имело место в трагической истории Алексея Черепанова.

Если слишком много игр — это плохо, то слишком мало — другая крайность. И она сегодня присутствует в нашем профессиональном баскетболе. Девять клубов суперлиги, три десятка игр за сезон — это несерьезно. По моему убеждению, чтобы находиться в оптимальном тонусе, баскетболист должен проводить за сезон 120-150 игр. Разумеется, игр разного уровня, включая тренировочные, товарищеские, выставочные. Обязательно нужны товарищеские игры с сильными соперниками — с сербами, хорватами, литовцами, испанцами, американцами. Это огромный опыт и огромный резерв для роста мастерства.

При этом игры должны оптимально совмещаться с тренировкой. Вопрос о пребывании команды на базе — далеко не такой однозначный, каким его привыкли считать в постперестроечное время. Конечно, морить людей на сборах месяцами, чтобы они света белого не видели, неправильно. Но и пренебрегать возможностями полноценной подготовки, от которой не отвлекают внешние факторы, на мой взгляд, не стоит.

К сожалению, в нашей стране по-прежнему отсутствует увязка таланта спортсменов (чего у нас по-прежнему в изобилии) с талантливой системой подготовки, что позволяло бы лидерам вовремя выходить на высокий уровень и оставаться на нем подолгу без провалов. В нашем спорте продолжают преобладать выгодное для функционеров замалчивание реальных проблем, обсуждение которых постоянно отодвигается фрагментарными победами и сохраняющимся приоритетом в отдельных видах, где мы пока еще сильны, увеличение финансирования (часть которого, скорее всего, отпиливается, а другая часть расходуется нерационально), надежды на неловленый допинг. Сколько это еще может продолжаться?

Личность и система

Конфликт личности и общественных стандартов поведения — вообще центральная тема сегодняшнего дня. В чем-то этот конфликт в современной России стал более жестким и жестоким, чем во времена моей спортивной молодости. Сегодня подлинный профессионализм, интерес к своему делу, и, как следствие, результативность, все больше уступают главной доминанте — обогащению. Когда речь идет о баскетболе, это проявляется в распространенной практике скупки талантливых игроков «про запас», а в основном — чтобы не достались соперникам.

Я уже не говорю о рыцарском духе в спорте, интересе к равному, красивому и содержательному бою, в котором ты проявляешь себя и даешь проявить себя сопернику. Цена побед в профессиональных лигах сегодня слишком высока, и ждать от спортивных функционеров и менеджеров fairplay — утопия. Но сами-то баскетболисты о чем думают? Век спортсмена короток, большинству российских игроков нужно еще расти и расти, чтобы выйти на по-настоящему приличный уровень мастерства. Лучшим же местом для этого роста является баскетбольная площадка.

Вместо того чтобы иметь по 40 минут игрового времени в каждом матче, но за более скромную команду и за более скромные деньги, спортсмен предпочитает годами сидеть на банке в суперклубе, пополняя банковский счет. Вместо того чтобы совершенствоваться в каждой игре и вырасти в настоящего мастера, способного позднее добиться суперрезультата и суперконтракта, талантливый парень гробит свою спортивную карьеру, останавливается на скромном достигнутом уровне.

А дальше — в суперклуб придут новые «дарования», а ветеран скамейки отправится на 5-6 лет в увлекательное прощальное путешествие по низшим лигам. Да, мир профессионального спорта жесток, селекционеры и агенты, зарабатывающие на спортсмене немалые деньги, не скупятся на обещания. Но ведь крепостного права-то нет, и силой идти по этому тупиковому пути никого не заставляют!

Тонкая настройка

Баскетбол — коллективная игра. Особое значение в ней имеет формирование коллектива. Оно сродни подготовке космического экипажа. «Беда» командных видов спорта в том, что в команде при любом уровне сплоченности и сыгранности играют

разные люди — разные по возрасту, по классу, по физическим и психологическим кондициям, и подходят они к старту в разном состоянии. Далеко не все способны уничтожать себя на тренировках и в играх.

Впрочем, для победы совсем не обязательно иметь в составе 12 суперзвезд, находящихся на пике формы. Действительно, для достижения большой победы нужно «ядро» в виде 3-4 игроков экстра-класса. Если вы хотите, чтобы успехи были стабильными на протяжении ряда лет, эта обойма должна включать в себя 5-6 игроков. Именно таким подбором мастеров обладала Югославия в 70-е, и это позволило ей вписать в историю мирового баскетбола великолепное десятилетие.

Но гораздо важнее другое — взаимодействие и взаимопонимание игроков, тонкие, подчас виртуальные связи внутри команды. Когда вы берете игрока в команду, вы должны знать о нем все, а не только «забивает — не забивает». Коллектив нельзя склеить абы как, это очень тонкая работа, и важнейшей ее составляющей является психология.

К сожалению, психологический фактор при формировании команд у нас, как правило, вообще не учитывается. Для 99% тренеров команда — это пять игроков, которых тренер вывел на определенный уровень и снабдил своей установкой. Очень немногие понимают, что это только половина дела. По-настоящему цель достигнута лишь тогда, когда в команде установилась взаимосвязь между игроками.

Очень важно, чтобы в команде были лидеры, способные повести ее за собой. Не менее важно, чтобы в коллективе была комфортная психологическая атмосфера, чтобы каждый чувствовал свою роль и свою ответственность, был способен на самомобилизацию. Создание атмосферы психологического единения в команде куда важнее разучивания игровых схем.

Когда я только начинал свой путь в большом баскетболе, я подчас недоумевал, глядя на команды соперников (тех же американцев): ну что делает этот невзрачный, ничем не примечательный человек в стартовой пятерке такой могучей сборной? И только позднее стал понимать, что такие вот «невзрачные» нередко вносят непередаваемый, но и незаменимый дух в командный коллектив, создают его особую энергетику, служат проводниками десятков невидимых связующих команду линий.

В большом спорте, где уровень функциональной и технической подготовленности спортсменов существенно выравнивается, на первое место выходят именно вопросы психологии. Бывает так, что спортсмен высокого уровня все

делает правильно, тренируется интенсивно, хорошо готов, но — на важнейших соревнованиях постоянно лишь второй-третий. В чем здесь дело? Исключительно в психологии. Здесь тренер имеет дело с загадкой человеческой личности в ее взаимосвязи с человеческим организмом, и если ему дано разгадать эту загадку, то будет результат.

Очень важная задача — научить игрока оставаться самим собой в критические и самые ответственные моменты. Ответственность спортсмена должна базироваться на осознании того, что его соперники тоже постоянно тренируются и жаждут выиграть, и на уверенности, что ты тренируешься больше и готов лучше. Страха перед соперником быть не должно, должны присутствовать чувство постоянно исходящей от него опасности и вера в то, что тебе по силам эту опасность преодолеть.

При всей важности психологического настроя на победу, основываться он должен исключительно на фундаменте интенсивного и осмысленного тренировочного процесса. Его подпитка — постоянное стремление спортсмена соответствовать наивысшим на сегодняшний момент стандартам в его виде спорта, дисциплине, игровом амплуа. Это стремление, а не понукания тренера должно влечь спортсмена в тренировочный зал после каждого поражения.

Возрождение массового спорта

Мы остро нуждаемся в восстановлении позиций в массовом спорте. Совещание «Россия — спортивная держава», проведенное Президентом Медведевым в Казани в 2009-м, было не просто своевременным, а во многом запоздавшим. Задачи, которые там озвучены, — правильные, но дело теперь за их выполнением. Моя мечта — чтобы за стол переговоров уселись наконец-то три министра — образования, здравоохранения и спорта и выработали общую политику в этой сфере. Нужно менять системный подход, менять законодательную базу.

Расходы на развитие массового спорта на всех уровнях бюджетов — от федерального до муниципального должны быть гарантированными; работа детских тренеров должна быть материально (включая доплаты за внеклассную работу) и морально стимулирована. Нужно обновлять спортивные сооружения, в особенности в привязке к школам и вузам, делать их более современными. Директор школы, ректор вуза должны

быть сами заинтересованы в развитии спорта, спортивная работа должна рассматриваться как элемент конкурентоспособности учебного заведения. Причем спортивная работа, в которую вовлекается молодежь, а не профанированная, как временами в советском «Буревестнике».

Понятно, что для возрождения в современном общественном сознании увлеченности спортом и двигательной активностью одними лозунгами уже не обойдешься — нужна серьезная работа маркетологов, нужна PR-поддержка, в том числе через спортивные праздники, фестивали с участием популярных политиков, звезд шоу-бизнеса и т. д. Но приоритет все равно прежний, о котором я уже говорил, — доступность занятий спортом.

Важно, какими будут приоритеты в развитии спорта. Сейчас для страны гораздо важнее, останется ли Гус Хиддинк тренером футбольной сборной, или сколько по сравнению с ним будет получать Адвокат, в то время как спортивные объекты в моей родной школе № 8 города Томска лежат в руинах, и до этого стране нет никакого дела. В Томском политехе игры на первенство вуза между факультетами пользовались когда-то бешеной популярностью, все болели за «своих», а сегодня на огромной территории Пермского госуниверситета нет ни одного приличного спортивного объекта.

При этом интерес к спорту у молодежи очевидно возрождается, локальный патриотизм — когда человеку интереснее то, что происходит у него в микрорайоне, а не то, что в Лондоне, тоже растет. Нам нельзя упускать этот шанс. Мудрый человек, бывший президент Татарстана Минтимер Шаймиев, сказал однажды важные слова. Когда журналисты спросили его, в чем секрет спортивных успехов казанских команд (в волейболе, хоккее, футболе, баскетболе), он ответил: «Знаете, мы долго думали и пришли к выводу, что спорт — одно из немногих явлений, которые сегодня объединяют людей». Потом сделал паузу и добавил: «А возможно, и единственное».

Профессиональный и любительский спорт

Я не романтик-мечтатель и понимаю, что законы и обычаи профессионального спорта увещеваниями не изменишь. Даже в России это пускай и корявый, но все-таки бизнес, который в основном чужд сантиментов. Скорректировать его развитие

способны только экономические законы. Что, кстати, уже и происходит в условиях экономического кризиса. Но, если уж мы говорим о рынке продуктов, то он должен быть вариативным.

Всегда найдутся те, кому интереснее смотреть, как бьются спортивные гладиаторы — объединенные только именем профессионального клуба негры против других негров, литовцы против других литовцев. Пусть для таких болельщиков существуют и процветают (только по прозрачным и справедливым правилам!) Евролига, Открытый чемпионат ВТБ и пр.

Но есть и всегда будет множество людей, которым интересно, как играют за команду родного города, вуза его земляки, знакомые, родственники. Локальный патриотизм все равно возьмет свое, и со временем на матчи студентов, отличающиеся, кстати, бешеным драйвом и борьбой до последнего, будут, уверен, ходить тысячи болельщиков. Для них нужно организовать хорошую любительскую лигу. Для них и развивается проект АСБ. Не исключено, что со временем соревнования лучших студенческих команд (по аналогии с top-40 NCAA) вообще будут способны заменить скучные и никому не нужные суперлиги «В», высшие лиги и т. д.

Студенческий баскетбол

Когда проект АСБ начинался, мы сразу поставили перед собой задачу совмещения в российских вузах занятий спортом на современном качественном уровне с полноценным обучением. Одновременно взялись искоренять квазипрофессионализм студентов, выступающих за университетскую и иные команды в двадцати соревнованиях и не то, что учиться, тренироваться-то не успевающих. В моем представлении, студент должен играть максимум два раза в неделю — в середине недели на первенство вуза и в уик-энд — в чемпионате АСБ. В противном случае физические нагрузки могут стать чрезмерными, а получение образования вообще будет фикцией.

Опыт существования проекта показал, что самое важное сегодня — стимулировать вузы к развитию массового студенческого спорта. При этом в студенческом спорте должна быть и элитная прослойка — лучшие команды, участвующие в универсиадах, Олимпийских играх, иных соревнованиях высокого уровня. Но не ради самих этих успехов как таковых, и уж тем более не для утешения самолюбия ректора или для изображения

видимости хорошо налаженной спортивной работы в вузе.

Сильнейшие команды должны быть локомотивами для вторых, третьих, десятых составов, их выступления должны ежегодно привлекать в вузы новых абитуриентов, а в университетские спортивные секции — новых желающих заниматься спортом, совмещая это с получением диплома. «Раскрученные» университетские виды спорта призваны тянуть за собой менее популярные, но зато более доступные всем без исключения молодым людям, а не только одаренным физически. Баскетбол абсолютно пригоден для роли такого локомотива.

Стимулы для вуза могут состоять не только в притоке абитуриентов и улучшении имиджа. Убежден, что наличие развитой спортивной инфраструктуры и гарантий предоставления всем студентам возможности бесплатно заниматься спортом в одной из университетских секций как минимум определенное количество часов в неделю должно стать обязательным условием аккредитации и лицензирования вузов. С другой стороны, хорошим стимулом стали бы гранты из федерального бюджета, выделяемые вузам, выполняющим определенный набор требований по развитию студенческого спорта.

Вместо заключения

Я с оптимизмом смотрю в будущее и очень хочу, чтобы наша страна восстановила свой имидж ведущей спортивной державы. Самое главное — должна быть налажена система поиска и подготовки спортивных талантов, погруженная в общую культуру всеобщей увлеченности спортом населения. В противном случае мы постепенно сползем от упорной борьбы с Великобританией за третье общекомандное место на летних олимпиадах до того, чем была когда-то в спорте имперская Россия. Будем один раз в тридцать лет выигрывать золото в фигурном катании и расценивать это как феерический успех.

...Можно еще очень долго рассуждать на эти темы, предлагая один вариант исправления ситуации за другим. Важно другое: любое полезное дело делается гораздо лучше и быстрее, если новичкам есть у кого перенять опыт и дух преуспевания, уверенности в успехе. В этом смысле у нашей страны уникальные традиции и возможности. Я счастлив тем, что своей спортивной карьерой тоже внес свой вклад в эту великую копилку опыта и

мастерства. А это значит — не за горами то время, когда в нашем спорте появятся новые легенды и новые громкие победы.

Глава 24
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Белград

2009 год. Белград, Сербия. 10 июля. Трибуны гигантской «Белград- арены» собрали порядочное число зрителей. На баскетбольном турнире XXV Всемирной универсиады наступила пора решающих матчей. Накануне прошли полуфиналы у девушек, выявившие претендентов на золото, — ими стали сборные России и США. В мужском финале эта история совершенно точно не повторится. Потому что смертельное — кость в кость — противостояние между заклятыми соперниками идет прямо сейчас, в матче 1/2 финала, и победитель, которому предстоит завтра продолжить борьбу за звание чемпиона Универсиады, может быть только один.

Игра подходит к концу. Лишь однажды сборная России вела в счете, когда Никита Шабалкин открыл его лишь через 1 минуту 50 секунд после нервного начала матча. Соперники справились с волнением и того позднее, набрав первые очки через 2.30 после старта. Однако дальше последовал их самый мощный за игру рывок — 7:0, и установленное комфортное преимущество в 6-7 очков американцы удерживали, не перенапрягаясь, на протяжении всей игры. Иногда они доводили разницу до 10, а однажды — до 12 очков.

Временами казалось, что сборная России трещит по всем швам, и вот-вот игра перейдет в фазу разгрома. Однако сейчас уже точно можно сказать, что этого не произошло. Ошибаясь, допуская брак в передачах и бросках, наши ребята гнулись, но не ломались; зло и жестко боролись за мяч в каждом игровом моменте, мертвой хваткой вцепились в свои «-6» и все-таки не отпустили американцев дальше.

А в конце игры произошло и вовсе нечто невероятное для соперников — в течение полутора минут рывок России 6:0 позволил ей сравнять счет! Причем все очки были добыты под щитом соперника, что особенно неприемлемо для американцев. Сначала Алексей Котишевский намертво взял мяч на подборе и

уложил его в сетку. Затем Никита Шабалкин вколотил великолепный слэм-данк. И, наконец, он же за 56 секунд до конца игрового времени снова забил после подбора в атаке.

Американцы не собираются упускать победу. Для них это всего лишь временная вспышка активности соперника, которую они сейчас без лишних проблем загасят. Наши бьются насмерть. Только что Котишевский был вынужден сфолить, и темнокожий форвард США Деон Томпсон, чемпион NCAA прошедшего сезона в составе знаменитой команды Университета Северной Каролины, готовится пробить два штрафных броска. И теперь я, Сергей Белов, главный тренер студенческой сборной России, беру свой последний, решающий тайм-аут. От того, что я скажу сейчас ребятам, какие действия предложу им предпринять после штрафных, которые американец наверняка забьет, зависит очень многое.

На табло горят надписи: Россия — США. 66:66.

До конца игрового времени — 44 секунды.

Спорт — это бесконечная история, в которой случаются повторения.

История

США всегда уделяли всемирным универсиадам внимания больше, чем чемпионатам мира среди взрослых игроков. Чемпионат мира у них свой — первенство NBA. Студенческому чемпионату NCAA они титул мирового почему-то присвоить постеснялись, однако возможностью продемонстрировать преимущества своего студенческого баскетбола — объективно лучшего в мире — не пренебрегали никогда.

Начиная с 1965-го, американские сборные 13 раз выигрывали на универсиадах золото, 3 раза — серебро и 2 раза — бронзу. У них феноменальное соотношение побед и поражений в этих турнирах — 131 к 7. Шесть последних побед американцы добавили к своему лицевому счету здесь, в Белграде. Лишь в матче с хозяевами турнира сербами на предварительном этапе они испытали определенные сложности, склонив чашу весов в свою пользу только в концовке, — 68:66. В остальных встречах преимущество заокеанской команды над соперниками было подавляющим.

Впрочем, на эту красивую картину два года назад вылилась ложка дегтя. Почему-то американцы изменили своему правилу и

не отправили на Универсиаду в Бангкок сборную, доверив защищать звездно-полосатый флаг команде Университета Северной Айовы, которая с треском провалилась, заняв только седьмое место. Американцы вышли из неприятной ситуации со свойственным им изяществом: заявили, что это выступление в статистику игр американской сборной не включается, поскольку в Бангкоке выступала не национальная сборная, а команда частного университета.

Это давно опробованная технология. В редких случаях поражений американских команд немедленно обнаруживаются системные проблемы, которые помешали американцам подготовиться и выступить должным образом. Как правило, это несправедливое судейство, неспортивные козни соперников, слабый состав и пр. Нет сомнений, что в случае победы или призов в Таиланде в Штатах приплюсовали бы этот результат к статистике сборной и на все лады рассуждали бы о том, что они способны бить весь мир одной левой.

Сборная России в своей новейшей истории студенческие форумы еще не выигрывала и даже никогда не выходила в финал плей-офф. Лучшим ее результатом были бронзовые награды. Команды, направлявшиеся на всемирные универсиады, никогда не были настолько сильны, чтобы реально претендовать на победу. Комплектовались они, как правило, в последний момент и по остаточному принципу — кто из игроков суперлиги согласится поехать выступать за сборную. В этом смысле команда, которая сейчас бьется на площадке, не исключение — она не обладает звездным составом и в круг фаворитов не входила. Если и были фавориты на этом турнире, так это сборные США и Сербии.

Впрочем, сборная России, выступающая на этом турнире, по-настоящему уникальна. Впервые в истории не только российского, но и вообще отечественного спорта в ее составе выступают непрофессиональные спортсмены. Да, нужно признать, что «настоящими» студентами на универсиадах всегда выступали только США.

Даже во времена СССР страну представляли на студенческих Играх в худшем случае вторые сборные, сборные профсоюзов, но по сути — профессиональные игроки не далее чем второго эшелона советского баскетбола. В 1970-м я сам выиграл Всемирную универсиаду в составе национальной сборной Союза, всего двумя годами позже совершившей феноменальный подвиг в Мюнхене.

В новейшее время универсиады превратились в фактически квази- олимпийские соревнования, где выступают сильнейшие

представители национальных сборных по видам спорта, подходящие под возрастной ценз (в баскетболе он установлен в 25 лет). Всем давно понятно, что выступающие на универсиадах спортсмены — студенты только по формальному статусу, фактически же они являются профессионалами высокого уровня. Многие из них уже сейчас выступают за свои олимпийские сборные либо пополнят их в самом скором времени.

Два года назад руководство недавно созданной Ассоциации студенческого баскетбола России, в которой я занимаю должность спортивного директора, решило стимулировать развитие массового любительского баскетбола в вузах и заключило контракт с Российской федерацией баскетбола, согласно которому отныне на всемирных универсиадах страну будут представлять сборные, не менее чем на треть состоящие из непрофессиональных игроков. Да, конечно, костяк команды, как и прежде, составляют профессионалы младше 25 лет, выступающие в российских суперлигах А и В. Но четверо — ребята, игравшие в прошедшем сезоне за свои университеты в чемпионате АСБ.

Уровень их мастерства существенно ниже, чем у профессионалов, они получают мало игрового времени, выходя на площадку только эпизодически. Но эффект от их присутствия в команде, участия в борьбе за победу для них просто колоссальный. Впереди у них теперь как максимум новый уровень спортивной карьеры, как минимум великолепные воспоминания на всю жизнь. А главное, их пример послужит уникальным стимулом для спортсменов-студентов, которые теперь имеют реальный, а не эфемерный шанс быть отобранными для представления своей страны на столь масштабных соревнованиях.

Политика

Интерес к матчам России и Штатов традиционно подогревается политическим подтекстом. Несмотря на то что «холодная война» между СССР и США давно в прошлом, отношения между двумя странами идеальными по-прежнему не назовешь. Провозглашенная с приходом в президентские офисы Д. Медведева и Б. Обамы «перезагрузка отношений» лишь обещает пока их потепление. К сожалению, период дружбы между Америкой и посткоммунистической Россией оказался недолгим, поскольку выявил достаточно специфическое понимание этой дружбы за океаном.

Да, сильная и самодостаточная Россия, как и прежде, никому не нужна. Нас по-прежнему либо не любят и боятся, либо не любят и вытирают о нас ноги. Перемена Владимиром Путиным курса в сторону консервативной защиты национальных интересов вызывает сильнейшее раздражение у недавних «друзей». Вновь, как когда-то в 70-е, все происходящее в России, подвергается в Штатах обструкции.

Недолгим оказалось и тотальное поклонение американской мечте в России. Конечно, приверженцев западных ценностей и американизмов все еще предостаточно, но в целом люди давно разобрались в том, что во многом это красивая обертка самого настоящего тоталитаризма и что привычные продукты все равно надежнее. Тональность оценок США в общественном мнении и в масс-медиа в основном негативноскептическая, в особенности по поводу внешней политики госдепа.

За прошедшее после краха СССР время мир серьезно изменился. Изменилось и положение США в мире. Одержав победу в холодной войне и оказавшись на вершине мирового лидерства в полном одиночестве, Штаты развернули беспрецедентное давление на не устраивающие их политические режимы по всему миру. Этим они настроили против себя значительную часть мирового сообщества.

Апофеозом давления стали варварские бомбардировки бывшей Югославии. Этой стране, в которой всегда жили гордые и самодостаточные люди, стремившиеся сами организовать свое будущее, досталось от Америки больше всего. Некогда могучую державу разделили на 6 частей. Сербию оставили без выхода к Адриатике, отчекрыжили Косово, в дальнейших планах, как можно судить, Воеводина. Страшно подумать, что сделали бы с Россией с ее многонациональными и во многом обособленными регионами, не будь у нас ядерного оружия.

Сербы в Белграде, во всей бывшей Югославии, во всем мире ненавидят США. Каждое появление американских баскетболистов на паркете «Белград-арены» сопровождается оглушительным свистом.

Для меня, хорошо узнавшего американцев за годы спортивной карьеры, в их поведении нет ничего удивительного. Это обычная за океаном бесцеремонная и не очень умная линия поведения победителей. Американцы по-прежнему смотрят «сквозь тебя», не замечая чьих-либо интересов, кроме собственных. Мне понятно, что США сегодня, с одной стороны, колоссальный бизнес-проект, распространившийся по всему миру и стремящийся продолжать экспансию. С другой стороны, Штаты — это бастион, крепость, нуждающаяся в обороне. При всем

видимом всемирном преклонении перед американскими идеалами, друзей и настоящих союзников у Штатов нет. Они в своем величии страшно одиноки. Наглое и беспардонное навязывание всему миру своих продуктов и своих военных баз не что иное, как выдвижение рубежей обороны крепости как можно дальше от ее границ.

Впрочем, от всего этого хуже играть в баскетбол американцы не стали. Их университетский спорт — по-прежнему абсолютно лучший в мире.

Америка

Как бы ни относиться к Штатам, ко многим перегибам в их практиках, система школьного и студенческого спорта организована у них практически идеально. Она решает обе глобальные задачи — подготовки олимпийцев и гладиаторов для профессиональных спортивных лиг, с одной стороны, и массового вовлечения в спорт молодежи — с другой.

Занятия спортом — часть общественной культуры поведения, часть социализации, если хотите, элемент распознавания «свой—чужой», выросший еще из протестантской культуры XVIII века. Тогда, чтобы получить путевку в жизнь, нужно было иметь рекомендацию прихода, в котором ты вырос и члены которого оценивают тебя как личность. Сегодня приход заменили школы и колледжи, и если ты не играл в футбол или баскетбол в школьной/университетской команде или не махала помпонами в чирлидинге, то ты не «свой», ты маргинал, ты подозрителен.

Заставлять заниматься спортом никого не надо, от желающих нет отбоя, родители готовы платить немалые средства на поддержку школьного спорта, выпускники колледжей считают честью для себя пополнить эндаунмент, часть которого будет направлена на содержание спортивных команд и развитие спортивной инфраструктуры. Рядовые матчи школьных команд вызывают бешеный ажиотаж, половина городского или деревенского населения в какой-нибудь Оклахоме ни за что на свете не пропустит такое событие.

Интерес к спорту обеспечен прекрасными и доступными для всех спортивными сооружениями и, что особенно важно, высокопрофессиональными тренерскими кадрами. Задумайтесь, тренеры по баскетболу ведущих американских университетов имеют пожизненные (!) контракты, не уступающие по престижу и

материальной выгоде контрактам в NBA! Спортивная карьера в школе дает шанс на получение scholarship — сильнейший стимул из-за дороговизны образования и великолепный социальный лифт.

Особенно это актуально для чернокожих ребят, выросших в бедных районах и имеющих в качестве социального бэкграунда только 15-20 братьев и сестер, из которых половина — в тюряге. Не удивительно, что за членство в основной команде университета, за победу в студенческом чемпионате, за попадание, в конечном счете, на драфт NBA идет такая битва, что «мартовское безумие» по рейтингам и ажиотажу обгоняет самые популярные профессиональные чемпионаты.

Впрочем, и без стипендии студенты охотно стремятся в университетские команды: в гребле, легкой атлетике, плавании стипендий предоставляют не так уж много, но студенческий спорт остается основной базой для национальных команд в этих олимпийских видах. Похожая ситуация и в других западных странах. Попадание в знаменитую «blueteam» — основной состав гребной восьмерки Кембриджского университета в Великобритании — великая цель и позитивное реноме на всю жизнь.

Очень важно, что в американском и вообще в западном спорте выработанные системные правила действуют по многу лет. Это формирует общую дисциплину, культуру, доверие к спортивным функционерам.

Таким образом, не в изолированных «лабораториях», а непосредственно в школах и вузах созданы великолепные условия для занятий спортом, в которых наиболее талантливые и целеустремленные могут себя реализовать как олимпийские атлеты. При этом, заметьте! — получая диплом без каких-либо серьезных поблажек. Академическая неуспеваемость является безусловным основанием для отчисления из университетской сборной.

Конечно (не будем простодушны), спортсменам помогают, выделяют индивидуальных преподавателей, которые занимаются с ними в поездках, думаю, более гуманно подходят к их учебной аттестации. Но речь, во всяком случае, не идет о фиктивных зачетах и экзаменах, как это сплошь и рядом практикуется у нас в России. В американские колледжи и университеты ежегодно зачисляются сотни талантливейших баскетболистов, затем пополняющих профессиональную лигу, добрая половина (!) выпускников школ, среди которых, возможно, есть еще более одаренные парни, не сдают выпускной экзамен и даже не претендуют на поступление в колледж. Если талантливый юноша

сразу после highschool не заключил профессиональный контракт и не обладает способностями для обучения в колледже, никто его за уши не тянет — поболтается несколько лет в низших лигах и исчезает.

Тренировочный и соревновательный график в американских университетах устроен так, чтобы ни в коем случае не вступать в конфликт с академической нагрузкой. Правило, в соответствии с которым команда может заниматься с тренером только в установленное время один раз в день (если хочешь заниматься больше индивидуально — твое право), соблюдается неукоснительно. В итоге, пускай со скрипом, с трудностями, с изъянами, но спортсмены, выступающие за сборные своих колледжей и университетов, получают качественное образование, которое пригодится им после запланированного или незапланированного завершения спортивной карьеры. Их переход из спортивной в послеспортивную жизнь будет как минимум смягчен. Опыт показывает, что ничего невозможного для спортсменов в этом нет.

Главное же, опять-таки, в другом: спортсмены-студенты постоянно находятся в среде своих сверстников, за них болеют, их толпами поддерживают на стадионе, но при этом их пример востребован, их болельщики — сами активные спортсмены. Университетский спорт высокого уровня выступает локомотивом, за «звездами» тянутся сотни других студентов. В «худшем» случае, не попав ни в одну университетскую команду, тысячи выпускников на всю жизнь сохранят культуру двигательной активности, здорового образа жизни, целеустремленности, собранности и дисциплины, корпоративного командного духа и патриотизма. Это достаточный результат инвестиций в школьный и студенческий спорт?

В организации АСБ, первые два года существования которой можно признать вполне успешными, мы активно используем опыт NCAA. Так что американцы сейчас в известной степени наши учителя. Но как же хочется и как важно именно сейчас, именно в этом матче обыграть этих учителей!

Сделать это было непросто. Как и обычно, американцы сформировали для участия в белградской Универсиаде сильную сборную. В ее состав вошли представители лучших университетских команд — Северной Каролины, Айовы, Вашингтона, Миссисипи, Огайо и др. Привез команду в Белград главный тренер университета штата Висконсин Бо Райан. В составе Деон Томпсон, чемпион NCAA, Джарвис Варнадо, участник нескольких символических сборных. Сыгранная, атлетичная команда, страстно настроенная на победу.

У нас возможностей для победы, нужно признать, было изначально не очень много. Хотя я знал заблаговременно, что возглавлю студенческую сборную в Белграде, игроков, на которых я рассчитывал, я получил в свое распоряжение лишь за полтора месяца до старта, и далеко не всех. Мои планы вступили в противоречие с графиком подготовки к осеннему чемпионату Европы нашей национальной команды, в обновленный и расширенный состав которой главный тренер Блатт включил много молодых игроков. Разумеется, интересы первой сборной возобладали, хотя я не понимаю, что плохого было бы в выступлении в Белграде тех же Мозгова и Соколова, набравших уверенность на Европе только к 3-4-й игре. По крайней мере, национальная сборная Сербии, в состав которой влилось пять (!) игроков студенческой команды, слабее от этого не стала.

Так или иначе, команда ко второй половине мая была сформирована и приступила к подготовке — сначала в спорткомплексе МГУ, затем на базе ЦСКА в подмосковных Ватутинках и, на последнем этапе подготовки, в Черногории. В состав сборной вошли несколько известных игроков: чемпион Европы 2007 года форвард Никита Шабалкин (22 года, 203 см, БК «Химки»), двукратный чемпион Евролиги в составе ЦСКА центровой Анатолий Каширов (22 года, 215 см), центровой казанского «Уникса» Алексей Жуканенко (23 года, 210 см).

Опыт выступлений на профессиональном уровне имелся у разыгрывающего Драмира Зибирова (23 года, 188 см) и атакующего защитника Евгения Воронова (23 года, 194 см) из ростовского «Локомотива», форварда «Триумфа» Валерия Лиходея (22 года, 203 см). Двое игроков были привлечены из низших лиг — разыгрывающий Евгений Колесников выступал на тот момент в какой-то латвийской команде, а форвард Алексей Котишевский (24 года, 196 см) — в саратовском «Автодоре».

Как показал турнир, именно эти спортсмены, имеющие много игрового времени в своих командах, да еще Шабалкин и Жуканенко, истосковавшиеся по большой игре, сидя на банке в своих суперклубах, выглядели на площадке в Белграде наиболее уверенно. Полное фиаско мы потерпели с Кашировым. Двукратный чемпион Евролиги на банке ЦСКА, талантливейший парень, он к моменту включения в состав оказался в полностью

разобранном состоянии и не смог принести пользу команде. В полуфинале против американцев он провел на площадке. 1 секунду.

Как я уже говорил, треть команды составили игроки из АСБ. Это были центровые Роман Шаповалов и Иван Нелюбов, защитник Дмитрий Головин, форвард Артем Горланов. Кстати, в мое распоряжение попали не все сильнейшие спортсмены даже в этой категории: несколько игроков чемпиона АСБ — череповецкого филиала ИНЖЭКОНа отправились биться за титул чемпиона Европы среди университетов, где заняли второе место.

Впрочем, рассуждать об этом было некогда. Состав команды был сформирован, программа подготовки определена, даты игр известны. Нужно было работать. И мы с Игорем Завьяловым вновь, как когда-то в национальной сборной, начали изводить спортсменов физическими нагрузками. Результаты контрольных игр с молодежной сборной России, которые мы проиграли с неприличным счетом, нас не особенно взволновали — игры проходили на пике этих нагрузок. Мы спокойно делали свое дело и рассчитывали на наш опыт подготовки команд и подведения их в оптимальной форме к решающим играм.

За полтора месяца мы выполнили огромный объем работы. В комплектовании команды и организации подготовки нам помогали вице-президент АСБ Сергей Кущенко и менеджер сборной Сергей Панов.

Мы приехали в Белград за неделю до старта Универсиады, чтобы сыграть товарищеские матчи со сборными Канады, Сербии и США. До их начала перед нами стояла дилемма — играть ли в полную силу, раскрывая карты перед возможными соперниками? В конце концов, решили играть и, как оказалось, не ошиблись. Победа над канадцами 72:64, равные игры с Сербией 82:84 и США 70:74, возможно, и могли дать какую-то информацию соперникам, но — и это главное! — вселили уверенность в наших игроков, заставили их поверить в то, что я долбил им на протяжении полутора месяцев. Мы будем готовы к нужному моменту и сможем на равных сражаться с фаворитами турнира.

Универсиада началась для нас с несостоявшейся игры со сборной Габона. Африканская команда в последний момент отказалась от поездки в Белград, в связи с чем ее не успели исключить из турнирной сетки и засчитали всем командам нашей группы победы над габонцами со счетом 2:0.

Первого не виртуального соперника — сборную Бразилии мы буквально разорвали на части — 99:62. Однако в следующей же игре нас ждал сюрприз, едва не заставивший нас с позором досрочно уехать из Белграда. Команда Израиля оказалась

мощной, хорошо подготовленной, по подбору игроков близкой к национальной сборной. Мы потерпели сокрушительное поражение 55:81, и наши перспективы на выход в плей-офф существенно осложнились.

Теперь, чтобы гарантировать себе как минимум второе место в группе, нам нужно было обыгрывать Канаду с разницей в 26 очков. К сожалению, целиком эту задачу нам решить не удалось. Выигрывая «+28» в первой половине, после перерыва мы не удержали преимущества и победили с перевесом лишь в 12 очков, 89:77. В последнем туре предварительного турнира нам предстояло не только обыгрывать итальянцев, но и надеяться на победу Израиля, досрочно обеспечившего себе первое место в группе, над бешено рвущейся в плей-офф Канадой.

Италию мы обыграли 92:76. К счастью, израильтяне повели себя по-мужски и не стали экспериментировать в последнем ничего не значащем для них матче, обыграв канадцев и позволив нам занять второе место в группе.

В четвертьфинале мы попали на Литву. Прибалтийская команда двумя годами ранее стала победителем Игр Универсиады в Бангкоке, обыграв в финале Сербию 85:66, а перед этим выбив из розыгрыша Россию как раз на стадии четвертьфинала. В этот раз команда у литовцев была послабее, но и с ней нам пришлось повозиться. После первой половины встречи, в которой доминировали соперники, мы проигрывали «-6», 38:44. Однако после перерыва сумели навязать литовцам, расклеившимся к концу матча, свою игру. Великолепно действовал Алексей Котишевский, набравший 21 очко. Мы победили, для многих неожиданно, 82:73.

В следующей стадии турнира нас ждала сборная США. История действительно повторяется, но только фрагментарно. В отличие от 1972-го, когда советская сборная была серьезной угрозой для американцев, битвы титанов не ожидалось. Накануне матча все вокруг были безоговорочно уверены в нашем поражении.

Игра

В старте, как и всегда, вышли Зибиров, Колесников, Котишевский, Шабалкин и Жуканенко. Неплохо начав игру, ребята затем промазали 7 бросков подряд. Соперник также ошибался, но хотя бы через раз, и повел в счете 7:2. Тем не менее

на первых минутах стало ясно, что впечатления от товарищеской встречи не были ошибочными: американцы — не волшебники, и играть против них можно.

Что еще стало ясно, может быть не всем, но мне — точно, так это то, что из первой игры с Россией американцы не извлекли никаких уроков. Ни тактические построения, ни наигранные комбинации, ни индивидуальные возможности и особенности наших игроков — ничто не заинтересовало тренеров американцев и не внесло корректив в их игру против России. Перед нами по-прежнему была мощная и. тупая машина по добыванию побед, неспособная перестраиваться по ходу меняющейся обстановки.

Я вздохнул с облегчением. «Такие» американцы мне хорошо и давно известны. Все, что нам теперь предстояло сделать, — это продемонстрировать то, что мы хорошо освоили, сохранить тактическую линию игры, не сбиваясь на хаос, а главное — сохранить психологический тонус, выдержать давление и агрессию соперника. И гнуть свою линию, настойчиво выполняя определенные тактические действия и используя слабости американцев.

У США активен седьмой номер, единственный белый в команде, Робби Хаммел. Он быстр, техничен, прекрасно бросает трехочковые.

Он напоминает мне Дага Коллинза из далекого Мюнхена-72. В конце четверти с ним, как и с Коллинзом в 72-м, происходит неприятность — приземляясь после прыжка, он наступает на ногу своему опекуну Шабалкину и получает травму. На площадке он появится во второй половине, чтобы еще несколько раз точно бросить издали.

Нам нередко удаются перехваты и быстрые контратаки, неплохо мы играем и под чужим щитом. Ведем игру жестко и агрессивно, не даем сопернику чувствовать себя комфортно. Но — очень много брака в бросках и передачах. Первая четверть — 11:14.

Американцы, действительно, не волшебники. Получается блок-шот у Лиходея, забивает сверху Жуканенко. Впрочем, тут же — трехочковый Фишера после издевательского финта против Зибирова, и уже 22:32. Медленно, но неуклонно американцы наращивают преимущество.

Слава Богу, каждый раз, когда уже кажется, что сейчас наша команда посыплется, ей удается несколько активных действий, которые приободряют ребят и дают им новые силы цепляться за разницу в счете. Так, в конце первой половины — время Жуканенко: дважды забивает, причем второй раз — снова слэм-данком, берет несколько подборов и эффектно накрывает бросок

Фишера.

На последней секунде второй четверти происходит забавный эпизод: Валера Лиходей под своим щитом ловит дальний «сквозняк» американцев и тут же через все поле бросает мяч в кольцо соперника, едва не набирая три очка! Кстати, если бы дал мячу уйти в аут, у нас была бы секунда на атаку. 27:34.

Погоня

Во второй половине встречи картина сохраняется. Самоотверженная борьба, много потерь, соперник снова медленно наращивает отрыв. Снова и снова заставляю наших верить в себя, выдерживать тактическую линию. Несколько игровых моментов подряд наши ребята удачно действуют на лицевой линии американцев. 2+1 Шабалкин, два очка и затем два из двух со штрафных Колесников. Самый долгий в игре рывок у России — 8:0, и счет уже 38:41.

Нет, еще ничего не ясно, ребята сражаются. На трехочковый Хаммела отвечает трехочковым Колесников, в ответ на супер-слэм из-за головы Тревора Буккера — скромный и некрасивый, но трудовой и такой же двухочковый бросок Жуканенко. На площадку выходит «студент» Головин, проводит в игре три минуты, заставляет Батлера фолить. Хоть небольшая, но передышка для лидеров. Ничего, в 72-м тоже играли всемером.

К концу четверти американцы добавляют, и на последний перерыв уходим с «-10», 49:59. Если добавят еще, дела могут быть плохи.

Во многих игровых эпизодах соперники ведут себя по-хамски — отмахиваются, толкаются, после свистка судьи по-голливудски закатывают глаза — всем своим видом показывают, насколько противно им принимать участие в этом недоразумении, игре великой американской сборной с какими-то лохами. Чемпион NCAA Томпсон умышленно бьет локтем в челюсть Жуканенко, выводя Алексея на несколько минут из игры. Тем не менее продолжаем держаться. Снова Шабалкин удачно действует в лицевой, снова 2+1 и снова шанс — 57:61. Батлер грубо фолит на Котишевском — Алексей забивает 2 из 2, 60:63.

Страсти накаляются. Сомнительный неспортивный дают Шабал- кину. Сербские и российские болельщики активно поддерживают нашу погоню. Вокруг площадки, заводя публику, носится «гулька» — талисман Универсиады, симпатичный серый

воробей на желтых лапках. За 3.30 до конца становится очевидностью важный промежуточный итог матча — хваленые американцы не сломили нас, мы входим в концовку, сохраняя шансы на победу. Моя тактика и мое знание американцев сработали.

Концовка

На протяжении спортивной, особенно тренерской, карьеры меня неоднократно спрашивали: «Раскрой секрет, что у тебя за оружие против штатников? Как у тебя получается их обыгрывать?..» Мой ответ всегда был традиционен: «Вам-то зачем это знать? Если хотите — доверьте мне ЦСКА или сборную, и я вам еще раз покажу, как это делается».

К концу полуфинального матча во мне все клокотало и кипело — верный признак того, что я делаю сейчас что-то стоящее. Ничто не предвещало нам успеха в этой игре, со стороны казалось, что американцы в любой момент могут добавить и растоптать нас. Но я видел игру иначе и вел ее соответственно. И вот сейчас, за три с половиной минуты до конца, я начинаю чувствовать что-то особенное. Это особенное — предчувствие победы.

За 2.27 до конца я беру тайм-аут. Наступает важный момент встречи. Я часто кричу на игроков во время матчей, но сейчас не та ситуация. Вообще, в любом случае крик крику рознь, он может уничтожить, раздавить человека, а может поднять его на амбразуру, заставить поверить в себя. Ни в коем случае нельзя унижать спортсмена, я никогда этого не делал.

Теперь, при счете 60:66, игрокам нужно дать самые точные, самые ключевые наставления и быть уверенным, что они дошли до сознания ребят. Цена неправильно понятой или невыполненной тренерской установки в концовке чрезвычайно высока. Особенно сейчас, когда у нас — я знаю — есть реальный шанс выиграть матч. У американцев сильная команда, но с нивелированной однообразной тактикой.

Это отличительная черта всех их сборных, они играют мощно, но однообразно, по шаблону. Такое ощущение, что каждый их тренер снабжен многолетней, а то и пожизненной инструкцией, от которой ему категорически запрещено отклоняться. Даже выигрывая «+3» на последних секундах, они не фолят, наверняка переводя матч в победное окончание, а часто

дают сопернику бросить трехочковый и забить! Американцы по определению не могут ошибаться и никогда не признают ошибок. Если мы выиграем, сомневаюсь, что они сделают какие- то выводы, скорее всего, скажут: «Засудили».

Я спокойно объясняю игрокам их ошибки, рисую схемы взаимодействия, велю агрессивнее играть в защите. Ну, с Богом. На площадку выходит вся стартовая пятерка.

Далее последовал тот блестящий рывок сборной России, который позволил ей сравнять счет. 66:66, 44 секунды до конца. Томпсон на линии штрафных бросков. И я беру последний тайм-аут.

« Сейчас забьем! — ору я собравшимся в кружок игрокам. — Сейчас забьем!» Времени мало, и этим криком я снимаю страшное напряжение баскетболистов, выплескиваю собственный адреналин, вселяю в игроков уверенность. Эти парни верят, доверяют мне. Я — Сергей Белов, человек-легенда, человек, знающий, как побеждать американцев. Я прошел в баскетболе все от и до. Эти ребята чувствуют, что я взял на себя ответственность за них, и способны выполнить свою работу. Полтора месяца, которые мы прожили бок о бок, изменили их. Они уже иначе видят баскетбол. Они верят в себя.

Напряжение снято. Я спокойно, почти по-отечески и очень доходчиво объясняю каждому из пятерых игроков, находящихся на площадке, их действия в оставшиеся секунды матча. Я говорю о подстраховке, о прорезании, о спокойствии. В завершение игроки видят практически невероятное — улыбку тренера Белова из-под его седых усов. Очень редко меня можно увидеть во время игры улыбающимся. Если ты улыбаешься в неподходящий момент, ты идиот. Но сейчас это возможно. Важно убедить этих ребят, обычных пацанов, стоящих в шаге от какого-то свершения, в том, что это им по силам. Кроме того, я чувствую какой-то невероятной интуицией, что будет дальше.

Дальше будут 2 из 2 Томпсона, как и следовало ожидать. Начало нашей атаки, быстрое и уверенное комбинирование. Шабалкин, парадоксальным образом оставленный на дуге без присмотра. Фантастический бросок Никиты из-за дуги в окружении аж двух бросившихся к нему, но уже не успевших американцев. Бросок, который за 23 секунды до сирены во второй раз и уже окончательно выводит сборную России вперед в этом матче.

Предстояло прожить еще и эти 23 секунды. Невероятные скорости, бешеный ажиотаж, три подряд безумных по своей бестолковости неподготовленных броска соперников и насмерть вставшая в защиту сборная России. Стремительно тающие цифры

на табло и — победа!

Ради таких мгновений стоит жить. Даже если они даются такой ценой, что ты вынужден по окончании игры долго гулять вокруг «Белград-арены», переваривая этот чудовищный стресс и этот невероятный драйв, которые сопровождали тебя последние два часа твоей жизни.

Обыграв американцев, мы реализовали программу-максимум на турнире. Победить сербов в финале на их площадке было невозможно. Когда днем позже эта мощная команда под звуки грозного партизанского гимна и рев 12 тысяч болельщиков на трибунах выбегала на паркет, это стало окончательно ясно. Тем не менее наши ребята сделали все, что смогли. До последнего они пытались, как в матче с американцами накануне, зацепиться за приемлемую разницу в счете, но сербы были слишком мощны и немедленно добавляли, как только обозначалась наша активность. Матч к всеобщему ликованию на трибунах закончился победой соперника 73:51.

За несколько минут до финальной сирены Леха Жуканенко рухнул на паркет, как подкошенный: от полного изнеможения у него свело мышцы ног. Так бились наши атлеты, и такова цена даже серебряной медали в современном спорте.

Думаю, в памяти 12 молодых ребят с разными судьбами навсегда останется тот сезон, когда они на полтора месяца получили возможность соприкоснуться с Большой Игрой. Тот день, когда они сплотились и дали бой грозному и извечному сопернику. Тот день, когда посреди ревущего «Србия! Русия!» 12-тысячника они взошли на пьедестал, чтобы получить свои заслуженные в честной спортивной борьбе награды. Дай Бог, чтобы таких наград у них и у всех, кто нацелен на честную победу, было еще много. Как знать — может быть, впереди у кого-то из этой команды и самая главная победа — олимпийская? [42] „Заканчивается игра. Разгоряченные концовкой баскетболисты уносят в раздевалку клокочущий в них адреналин. Расходятся зрители, в огромном зале гаснут софиты. Последним из дворца спорта, как всегда, уедет тренер, пересмотрев протоколы матча, отойдя от очередного предынфарктного состояния, просчитав, как заставить своих игроков выиграть в следующий раз...

Я счастлив тем, как я прожил свою спортивную жизнь. В ней было много передряг, испытаний, несбывшихся надежд. Но в ней были и большие яркие победы. А главное — я никогда не предал никого из окружавших меня людей, не предал свои убеждения, не отказался от своей мечты. Знаю, что в общении со мной часто было тяжело, но только в тяжелых буднях рождается победа.

Победа над соперником, победа над жизненными обстоятельствами и самая главная победа — победа над собой.

Отгремели мои спортивные баталии. Позади годы тренировок, сотни тяжелейших игр, рев трибун, валидольные концовки, восторг и проклятия болельщиков. Уже нет со мной рядом многих моих боевых товарищей. Как живые, они стоят у меня перед глазами: Кандель и Травин, Зураб и Мишако, Коваленко и Болошев, Гена Вольнов, Сашка. Нет рядом дорогих мне людей, которым я стольким в жизни обязан, — Реша, Густылева, Кондрашина, Гомельского. Я искренне благодарен всем, с кем играл и кого тренировал, кто помог мне совершить мое движение вверх, к большим победам.

Баскетбольная жизнь продолжается. На наше место приходят новые герои, новые спортивные гладиаторы — кумиры миллионов болельщиков. Showmustgoon.

Я верю, что и мой лучший выстрел еще не сделан. Моя игра, моя концовка, в которой я принесу своей команде самые важные, победные очки, — впереди. Я полон сил, имею огромный опыт, я по-прежнему заряжен только на победу и на самореализацию. И я один из немногих, кто знает, как обыграть американцев. А это значит, что, пока я жив, у них всегда будет перспектива получить свои «-1».

У меня есть любимая семья, свой очаг, любимое дело. Я с удовольствием написал эту книгу, поделившись с вами тем, что было и остается важным и дорогим в моей жизни. Может быть, напишу и другие. И все-таки.

Я никогда не забуду кипящих, как котел, стадионов, бьющих тебя насмерть соперников, взрывающего трибуны мяча, влетающего в сетку после твоего броска. Ликования от одержанной твоей командой победы. Мне по-прежнему слышится незабываемый голос Георгия Реша из далеких 60-х:

— Дайте мяч Серому, он знает, что с ним делать!..

notes

Примечания

1

NBA— Национальная баскетбольная ассоциация — одна из наиболее мощных профессиональных спортивных лиг. Созданная в 1946 г., в настоящее время объединяет 30 баскетбольных клубов США и Канады. В клубах NBAсобраны сильнейшие игроки планеты (здесь и далее — примеч. автора лит. записи)

2

Рассел Уильям (род. 1934) — легендарный американский баскетболист, 11-кратный чемпион NBA, Олимпийский чемпион (1956).

3

Белые прыгать не могут

4

NCAA— Национальная ассоциация студенческого спорта — спортивная организация, в ведении которой находится развитие наиболее популярных «университетских» видов спорта в США. Чемпионат NCAAпо баскетболу, в особенности его решающая стадия («мартовское безумие»), вызывают бешеный ажиотаж. Ежегодно по итогам сезона лучшие игроки чемпионата включаются в сборную Allstars.

С 1991 г. — Самара.

6

Профессиональная шоу-группа баскетболистов-акробатов, организованная в 1926 г. в Чикаго для показательных выступлений. Участники группы — в основном афроамериканцы — демонстрируют уникальные возможности обращения с мячом и прыжковой подготовки.

Сейчас — Московская государственная академия физической культуры и спорта, расположена в подмосковном поселке Малаховка.

8

Брумель Валерий Николаевич (1942-2003) — прославленный советский легкоатлет, Олимпийский чемпион по прыжкам в высоту (1964). Автор 6 мировых рекордов. Последний из них (2 м 28 см) установил 21 июля 1963 г. во время матча СССР — США.

9

В течение 1964 г. советские СМИ пестрели штампом «славное десятилетие» в связи с 10-й годовщиной пребывания у власти Н. С. Хрущева. В октябре того же года он был отстранен от руководства страной

10

Бимон Роберт (род. 1946) — знаменитый американский легкоатлет, Олимпийский чемпион (1968) по прыжкам в длину. Его легендарный мировой рекорд — 8 м 90 см, превосходивший предыдущий рекорд на 55 см и побитый лишь в 1991 г., был назван «прыжком в XXI век». По распространенному мнению, этот феноменальный результат был во многом обусловлен разряженным горным воздухом Мехико.

11

Санеев Виктор Данилович (род. 1945) - прославленный советский легкоатлет, 3-кратный Олимпийский чемпион (1968, 1972, 1976) в тройном прыжке. На Играх в Мехико установил два мировых рекорда - 17 м 23 см и 17 м 39 см

12

Группа советских войск в Германии - войсковая группировка Вооруженных Сил СССР, до 1990 г. постоянно дислоцированная на территории Германской Демократической Республики.

13

В 1977-1992 гг. хоккейный клуб ЦСКА являлся базовой командой для сборной СССР, ставшей в этот период 3-кратным Олимпийским чемпионом и 8-кратным чемпионом мира. Обе команды возглавлял В. В. Тихонов (род. 1930), заслуженный тренер СССР и РФ. Успехи сборной были сопряжены с особенно безжалостным разукомплектованием всех команд в интересах ЦСКА и полным уничтожением интриги в национальном чемпионате.

14

Босман Жан-Марк — бельгийский футболист, выигравший в 1995 г. судебную тяжбу у Союза европейских футбольных ассоциаций (УЕФА). Судебное решение распространило на спортсменов правила Евросоюза о свободном перемещении рабочей силы и практически взорвало всю систему трансферных отношений в спорте.

15

Лобановский Валерий Васильевич (1939-2002) — выдающийся советский футболист и тренер, заслуженный тренер СССР. Под его руководством сборная СССР добилась своего последнего значимого результата — серебра чемпионата Европы 1988 г. Славился приверженностью к жестким рациональным игровым схемам и игровой дисциплине.

16

Малофеев Эдуард Васильевич (род. 1942) — выдающийся советский футболист и тренер, заслуженный тренер СССР. В 1986 г. был в экстренном порядке заменен Лобановским на посту главного тренера национальной сборной, поскольку провозглашенная им концепция «искреннего футбола» не приносила сборной необходимого результата.

17

Роднина Ирина Константиновна (род. 1949) — прославленная советская фигуристка, 3-кратная Олимпийская чемпионка (1972, 1976, 1980) в парном спортивном катании. В 1980-м весь мир обошли кадры Родниной, плачущей на пьедестале Лейк-Плэсида во время исполнения национального гимна.

18

Корвалан Луис (1916-2010) — чилийский политик, генеральный секретарь коммунистической партии Чили. После военного переворота 1973 г. был заключен в тюрьму, что вызывало яростное негодование советских СМИ. В 1976 г. был обменян на советского диссидента В. Буковского.

19

Излюбленной темой антисоветской пропаганды в 70-е стали практикуемые властями СССР ограничения на выезд из страны евреев. Реакцией на эту ситуацию в 1974 г. стала знаменитая «поправка Джексона—Вэника», формально действующая до сих пор.

20

Третьяк Владислав Александрович (род. 1952) — легендарный советский хоккеист, вратарь, 3-кратный Олимпийский чемпион (1972, 1976, 1984).

21

Добрынин Анатолий Федорович (1919-2010) - выдающийся советский дипломат, беспрецедентно длительный срок (1962-1986) проработавший послом в США

22

Название известного документального фильма М. Ромма о нацистской Германии (1965).

23

«Красные бригады» — террористические группы, действовавшие в Западной Европе (в основном в Германии) под псевдокоммунистическими лозунгами.

24

Тарасов Анатолий Владимирович (1919-1995) — легендарный советский тренер. Под его руководством сборная СССР по хоккею с шайбой стала 3-кратным Олимпийским чемпионом и 9-кратным чемпионом мира.

25

Куликов Виктор Георгиевич (род. 1921) — советский военачальник, маршал, Герой Советского Союза. В 1971-1977 гг. — начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

26

Станкович Борислав (род. 1925) — Генеральный секретарь ФИБА в 1976-2002 гг

27

Дубчек Александр (1921-2002) — лидер Коммунистической партии ЧССР, активно осуществлявший курс либерализации и реформ в стране, результатом чего стало военное вмешательство СССР и стран Варшавского договора во внутренние дела Чехословакии и отстранение Дубчека от власти.

28

Центральный институт травматологии и ортопедии — основной центр спортивной медицины в СССР. Миронова Зоя Сергеевна (1913-2008) — доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат государственной премии СССР, заведующая отделением спортивной травмы ЦИТО. Считается основателем спортивной травматологии в СССР.

29

Ахтаев Увайс (1930-1978) — знаменитый советский центровой 50-х годов. Его рост составлял 236 см, вес — 200 кг.

30

Медведь Александр Васильевич (род. 1937) — прославленный советский борец вольного стиля, 3-кратный Олимпийский чемпион (1964, 1968, 1972).

31

Корбут Ольга Валентиновна (род. 1955) — прославленная советская спортсменка, 4-кратная Олимпийская чемпионка по спортивной гимнастике. На Играх 1972 г. выиграла три золота — в командном первенстве и в двух индивидуальных упражнениях.

32

Борзов Валерий Филиппович (род. 1949) — прославленный советский легкоатлет. На Олимпийских играх 1972 г. выиграл две золотые медали в беге на 100 и 200 м, а также серебряную медаль в эстафете 4х100 м. На Олимпиаде-1976 завоевал две бронзовые награды (бег на 100 м, спринтерская эстафета).

33

Алексеев Василий Иванович (род. 1942) — знаменитый советский тяжелоатлет-супертяжеловес, 2-кратный Олимпийский чемпион (1972, 1976), обладатель 80 мировых рекордов.

34

Стивенсон Теофило (род. 1952) — знаменитый кубинский боксер, 3-кратный Олимпийский чемпион в тяжелом весе (1972, 1976, 1980).

35

Спитц Марк (род. 1950) — легендарный американский пловец, 9-кратныйОлимпийский чемпион. На Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 г. выиграл 7 золотых наград, что оставалось абсолютным рекордом вплоть до 2008 г., когда на Играх в Пекине американец Майкл Фелпс победил в плавании в восьми дисциплинах.

36

Тальтс Ян (род. 1944) — советский тяжелоатлет, Олимпийский чемпион (1972).

37

В 1992 г. на Играх в Барселоне в баскетбольном турнире впервые разрешили сыграть представителям американского профессионального баскетбола. Сборная США, получившая название «Dream-team» (команда мечты), была составлена исключительно из суперзвезд и побеждала всех соперников с разгромным счетом.

38

«Ничего личного, только бизнес».

39

Андрианов Николай Ефимович (род. 1952) — знаменитый советский спортсмен, 7-кратный Олимпийский чемпион по спортивной гимнастике (1972, 1976, 1980).

«Божественный» (итал.).

41

Часть культуры.

Уже в следующем 2010 г. Евгений Воронов, Алексей Жуканенко и Евгений Колесников были включены в состав национальной сборной для участия в чемпионате мира в Турции.